Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Казанский государственный энергетический университет»

На правах рукописи

Януш Ольга Борисовна

ЯЗЫКОВОЕ УСТРОЙСТВО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Специальность 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора политических наук

Научный консультант:
доктор политических наук, профессор
Мухарямов Наиль Мидхатович

Казань 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ……3

ГЛАВА 1. ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ……36

1.1. Управление языковым устройством как направление публичной политики…….....36
1.2. Изучение языка и политики в кросс-дисциплинарных перспективах……59
1.3. Политико-лингвистические основания цифрового суверенитета…….....106

ГЛАВА 2. ПОЛИТИКО-ЯЗЫКОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК МНОГОУРОВНЕВЫЙ ПРОЦЕСС…….....133

2.1. Международно-политический уровень языкового регулирования…….133
2.2. Национальный уровень политико-управленческого воздействия на языковое устройство общества……..165
2.3. Субнациональные контуры языковой политики: республики и муниципальные образования……..188

ГЛАВА 3. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ОНЛАЙН КАК НОВЫЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ СОСТОЯНИЯМИ……..213

3.1. Акторы и инструменты языковой политики в обновляемой цифровой среде……....213
3.2. Социальные медиа как пространство политико-языковых отношений……..243

ГЛАВА 4. ЦИФРОВЫЕ РЕСУРСЫ ПРОДВИЖЕНИЯ И ЗАЩИТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В ГЕОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ……264

4.1. Цифровые инструменты консолидации Русского мира……...264
4.2. Политика продвижения русского языка за рубежом……293

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……...323
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ……...331
ПРИЛОЖЕНИЕ……...399

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Язык как одно из фундаментальных оснований всех сторон социальной реальности органично присутствует в системе властно-управленческих отношений в самых многообразных качествах – как инструмент коммуникации и артикуляции политики, средство символизации, но также и как объект регулирования.

«Традиционные» социолингвистические подходы связаны с пониманием предмета регулирования в категориях языковых ситуаций и состояний – в сложном сочетании факторов сознательного вмешательства и стихийности в языковом функционировании. Концепт же «языковое устройство» позволяет фокусировать внимание на целеполагании и на конструирующих установках, что в большей степени вовлекается в политологические контексты и обусловлено мотивами разноплановых акторов. В эти же предметные рамки включаются также последствия, значимые с точки зрения социально-волевых и властно-управленческих отношений. Активно публикующийся отечественный исследователь языковой политики К.Ю. Замятин специально акцентирует следующее обстоятельство: «…в академическом смысле языковая политика, несмотря на присутствие термина «языковая», не субдисциплина социолингвистики. В концепции «языковая политика» родовое понятие – «политика». Научное изучение политики осуществляет политическая наука (политология)»[1]. Сами лингвисты признают самостоятельную предметную значимость экстралингвистических аспектов в изучении социального функционирования языка. Академик В.М. Алпатов пишет: «Под общим названием «социолингвистика» на деле скрывается несколько дисциплин, весьма

[1] Замятин К.Ю. К постановке проблемы изучения языковой политики как публичной политики: размышления по поводу монографии Н. М. Мухарямова и О. Б. Януш «языковое устройство российского общества: факторы политической динамики» (Казань, 2022) // Вестник Пермского университета. Политология. – 2023. – Т. 17. № 3. – С. 82 (С. 75-84). DOI 10.17072/2218-1067-2023-3-75-84.

различных по своей методике. Например, исследование языковых конфликтов или языковой политики напрямую соприкасается с социологией, а от собственно лингвистических методов здесь остается немного»[2].

Двуединство коммуникативных и символических сторон в языковых процессах применительно к российским условиям предполагает сочетание стратегических установок – обеспечение коммуникативной связанности общества и общероссийской гражданской идентичности, с одной стороны, и сохранение культурно-языкового многообразия, с другой стороны. Нахождение баланса того и другого, поддержание их бесконфликтного сосуществования – одна из ключевых задач языковой политики как направления публичной политики - сознательного и целенаправленного воздействия на языковое устройство со стороны властвующих и общественных субъектов. Стремительное развитие и рост использования цифровых технологий структурно трансформируют политико-языковые отношения как особый тип социальных отношений, складывающихся по поводу сопряженности языка и политики. Значение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в сохранении и продвижении языкового многообразия оценивается неоднозначно: от положительных оценок их жизненно важной роли до угроз для менее используемых языков.

Обновляемая модель государственной языковой политики в российских условиях предполагает формирование ее институциональных оснований, отвечающих современным реалиям.

Этапными новациями в сознательном регулировании языкового устройства российского общества в контексте меняющихся внутри- и внешнеполитических процессов стало принятие ряда политико-правовых актов и документов стратегического планирования, свидетельствующих о том, что это направление государственной политики получает доктринальное

[2] Алпатов В. Языкознание: От Аристотеля до компьютерной лингвистики. - М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – С. 61 (253 с.).

оформление: Основы государственной языковой политики Российской Федерации 2025 г.[3] – документ, впервые стратегически оформляющий это направление публичной политики в системном качестве; Концепция внешней политики РФ 2023 г.[4]; Концепция гуманитарной политики РФ за рубежом 2022 г.[5]; Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей[6]; вступившая в силу с 1 января 2026 г. Стратегия государственной национальной политики до 2036 г.[7]. В 2024 году был преобразован и обновлен Совет при Президенте РФ по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов РФ[8].

Будущее языкового многообразия, место и роль языков в инфраструктуре социальных коммуникаций в средне- и долгосрочной перспективе будет определяться новыми медиа и динамично развивающимися информационно-коммуникационными технологиями в целом. Насущная необходимость в теоретических и прикладных разработках научно значимых проблем, обусловленных взаимодействием языка, политики и информационно-коммуникационных технологий, и, следовательно, актуальность определяются следующими существенными обстоятельствами.

---

[3] Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 года № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // https://docs.cntd.ru/document/1313384308 (дата обращения: 18.08.2025).

[4] Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 31 марта 2023 года N 229 // https://docs.cntd.ru/document/1301132723 (дата обращения: 09.10.2025).

[5] Указ Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 года N 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // https://docs.cntd.ru/document/351673959 (дата обращения: 09.10.2025).

[6] Указ Президента Российской Федерации 9 ноября 2022 года N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // https://docs.cntd.ru/document/352246667 (дата обращения: 09.10.2025).

[7] Указ Президента РФ от 25.11.2025 N 858 "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519680/af73af84e1898d831f333f3bc1728c640f31153e/ (дата обращения: 02.12.2025).

[8] Указ Президента Российской Федерации от 22 августа 2024 г. N 716 "О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации" // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409466475/ (дата обращения: 02.12.2025).

Во-первых, отсутствие сколь-либо системных исследований влияния информационно-коммуникационных технологий на политику в области языкового устройства сложных по составу обществ создает гносеологическую перспективу, связанную с необходимостью концептуализации языковой политики в новой среде и с учетом нового – виртуального инструментария, когда Интернет становится ареной взаимодействия различных интересов, средой для процессов публично-политического характера и разноплановых усилий в сфере национально-языковых отношений традиционных агентов макроуровня и социальных акторов, осуществляющих деятельность по изменению языковых практик онлайн.

Во-вторых, культурно-языковое многообразие и единство – одна из фундаментальных характеристик цивилизационного плана, и важнейшая смысловая грань концепта «государство-цивилизация», закрепленного в новейших официальных доктринальных документах Российской Федерации и выступлениях Президента России В.В. Путина. В условиях, во многом увязываемых с внешнеполитической повесткой, язык приобретает роль ключевого основания поиска цивилизационной идентичности. Цифровые и коммуникационные технологии при этом становятся важными инструментами для позиционирования и целостности ценностно-смыслового пространства российского государства-цивилизации.

В-третьих, цифровая повестка все более отчетливо проявляет себя на всех уровнях языкового регулирования. Наблюдается существенное расширение круга участников политико-языковых отношений, что предопределяет необходимость в осмыслении типологизации «действующих лиц».

В-четвертых, геополитическое противоборство, расширение способов применения информационно-коммуникационных технологий актуализируют запрос на цифровой суверенитет. Обеспечение последнего, включая всю

совокупность форм культурно-языкового функционирования, - один из серьезных вызовов по отношению к общероссийской идентичности.

В-пятых, значение цифровых технологий актуально для языков различного коммуникативного ранга, в том числе и для *больших* языков, выполняющих широкий ряд функций в международном общении. Русскоязычный сегмент – один из крупнейших в глобальной сети, что формирует потенциал для продвижения русского языка в цифровом пространстве и консолидации Русского мира. Но «русскоязычие» ресурсов ближнего зарубежья и тем более дальнего носит амбивалентный характер и автоматически не означает комплиментарного отношения к России и русской культуре. Напротив, русскоязычные сегменты цифровых платформ выступают онлайн-инструментами «культуры отмены» и русофобии, встраиваясь в гибридное противостояние России и «коллективного Запада».

В-шестых, как отмечается на официально-дискурсивном уровне, «широкие возможности для поддержки языков народов Российской Федерации создает развитие современных информационных и коммуникационных технологий. При этом сегодня потенциал информационной среды РФ …задействован недостаточно эффективно»[9]. Исследовательской значимостью в данном контексте обладает следующее обстоятельство: согласно данным Интернет-статистики (W3Techs, Обсерватория лингвистического и культурного многообразия в Интернете), в число обозреваемых языков (361) включены лишь три языка народов России с численностью говорящих более одного миллиона человек: татарский (93 позиция, 0,070 % веб-контента на данном языке), чеченский (164 позиция, 0,024 %) и башкирский (191 позиция, 0,017 %) языки. В Яндексе ежедневно наблюдаются десятки тысяч запросов, связанных с переводами на языки

[9] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 июня 2024 г. № 1481-р «Об утверждении Концепции государственной языковой политики РФ» // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409100008/ (дата обращения: 17.11.2025). Утратило силу на основании распоряжения Правительства РФ от 30 октября 2025 г. N 3058-р.

народов России. В то же время в России отсутствует система мониторинга и объективной диагностики значимых показателей цифрового благополучия языков народов Российской Федерации. Эффективность языковой политики в цифровой среде во многом будет определяться квалификацией лиц, принимающих решение, с опорой на научный анализ и соответствующее экспертно-аналитическое сопровождение.

Эти тенденции остро нуждаются в аналитическом осмыслении, концептуальном оснащении в предметном поле политической науки и – в перспективе – в выработке практических стратегий продвижения языков в цифровом пространстве.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика взаимодействия языка и политики носит комплексный и кросс- и интердисциплинарный характер, чем объясняется внимание к ней как со стороны ученых-политологов, так и представителей других отраслей социально-гуманитарного знания – социолингвистики и социологии языка, этнологии и этнополитики, лингвокультурологии, коммуникативистики.

Одна из важнейших исследовательских перспектив связана с потенциалом языка как ресурса политической деятельности и элемента властвования. В политико-философском ключе властный потенциал языка выявляет Р. Барт[10]. П. Бурдье рассматривает использование языка в политических целях в качестве неотъемлемого основания теории символического господства и определяет онтологическую взаимосвязь языка и политики/власти: «Во многих случаях власть слов и власть над словами – это политические власти; в пределе политическая власть в значительной части является властью над словами, поскольку слова – это инструменты построения реальности»[11].

[10] Рыклин М.К. Власть и политика (политическая семиология Р. Барта) // Власть: Очерки современной политической философии Запада. – М., 1989. – С. 296.
[11] Бурдье П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989 – 1992). – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – С. 602.

Г. Лассвелл прямо указывает на тождество языка политики и языка власти: «язык политики – это язык власти. Это язык решений. Он регистрирует решения и вносит в них поправки. Это боевой клич, вердикт и приговор, закон, постановление и норма, должностная присяга, спорные вопросы, комментарии и прения»[12].

Свидетельством тому, что проблематика языкового регулирования постепенно вовлекается в исследовательское поле политической науки, служит, в частности, то, что в этой предметной области И.Г. Илишевым[13], Л.М. Мухарямовой[14], Н.В. Борисовой[15], Л.В. Сагитовой[16] защищены докторские диссертации, специально посвященные языковой политике или широко затрагивающие тему в контексте этнокультурной идентичности.

В силу того, что язык выступает средством коммуникации, связывающим властвующие инстанции с обществом при посредничестве неправящих институтов, языковые составляющие политики становятся предметом внимания со стороны представителей политической коммуникативистики – Ю. Хабермаса[17], Н. Лумана[18], А.И. Соловьева[19], М.В. Ильина[20].

Конвергентными возможностями в освоении предметного пространства «язык и политика» обладает кросс-дисциплинарная область социально-гуманитарного знания – политическая лингвистика как дисциплина, получающая в последние десятилетия в российской

---

[12] Лассвелл Г. Язык власти // Политическая лингвистика. – 2006. - № 20. – С. 268.

[13] Илишев И.Г. Язык и политика в многонациональных обществах: проблемы теории и практики: дис. … д-ра полит. наук: 23.00.01 / Илишев Ильдус Губайдуллович. – Санкт-Петербург, 2000. – 334 с.

[14] Мухарямова Л.М. Язык и языковые отношения как предмет политической науки: дис. … д-ра полит. наук: 23.00.01 / Мухарямова Лайсан Музиповна. – М.: 2004. – 406 с.

[15] Борисова Н.В. Факторы вариативности языковой политики и языковых режимов в сложноустроенных политиях: дис. … д-ра полит. наук: 23.00.02 / Борисова Надежда Владимировна. – Пермь, 2021. – 320 с.

[16] Сагитова Л.В. Политика идентичности и ее акторы в условиях социальной трансформации в Республике Татарстан: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.05 / Сагитова Лилия Варисовна. - Казань, 2019. - 428 с.

[17] Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. С.В. Шачин, под ред. Д.В. Скляднева. – СПб.: Наука, 2001. – 380 с.

[18] Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. - М.: Праксис, 2001. - 256 с.

[19] Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. Политические исследования. - 2002. - № 3. - С. 5-18.

[20] Ильин М.В. Умножение идеологий, или проблема «переводимости» политического сознания // Полис. Политические исследования. – 1997. - № 4. – С. 78-87.

исследовательской практике достаточно четкие институциональные очертания в виде специализированных журналов («Политическая лингвистика», «Дискурс Пи»), вузовских дисциплин, программ и учебников. В этой области соединение эвристического потенциала лингвистики и политической науки выглядит как объективная потребность, что отражено в работах А.Н. Баранова[21], А.П. Чудинова[22], М.В. Ильина[23], П.Б. Паршина[24], Н.М. Мухарямова и Л.М. Мухарямовой[25].

Главенствующее положение в предметном поле политической лингвистики принадлежит подходам, связанным с анализом дискурса в работах М.В. Ильина[26], Е.И. Шейгал[27], П.Б. Паршина[28] и многочисленных других исследователей.

Зарубежные исследования включают чрезвычайно обширный массив разработок в области политической лингвистики и политической коммуникации, изучение языка в его политическом использовании, политический дискурс-анализ в работах М. Кастельса[29], Я. Блуммерта[30], Р. Водак[31], Э. Баракос[32].

---

[21] Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2000. – 368 с.
[22] Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта, 2006. – 256 с.
[23] Ильин М.В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. – 2002. - № 3. – С. 5-21.
[24] Паршин П.Б. Метанаучные размышления о политической лингвистике: три подхода к становлению исследовательской дисциплины // Современная политическая лингвистика: материалы Международной научной конференции, Екатеринбург, 01–31 октября 2003 года. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. – С. 128-130.
[25] Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. Политическая лингвистика как научная дисциплина // Политическая наука. – 2002. - № 3. – С. 45-67.
[26] Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 432 с.; Ильин М.В. Перспективы политического дискурс-анализа в России // Дискурс-Пи: научно-практический альманах. – 2006. – № 1(6). – С. 93-96.
[27] Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 328 с.
[28] Паршин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский центр «Азбуковник», 2002. – С. 181-208.
[29] Кастельс М. Власть коммуникации. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 591 с.
[30] Blommaert J. The sociolinguistics of globalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 213 p.
[31] Wodak R., Savski K. Critical Discours-Ethnographic Approaches to Language Policy // The Oxford Handbook of Language Policy and Language Planning / ed. by J.W. Tollefson and M. Perez-Milans. - New York: Oxford Univ. Pr., 2018. - P. 93-112.
[32] Barakos E. Language Policy and Critical Discourse Studies: Toward a Combined Approach // Discursive Approaches to Language Policy / Ed. by E. Barakos and J.W. Unger. – L.: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 23-50.

Научные публикации Э. Хаугена[33], Р. Каплана и Р. Балдауфа[34], Р. Филлипсона[35], Дж. Толлефсона[36] по проблематике языковой политики подготовлены в предметном поле «классической» социолингвистики.

Работы ряда зарубежных авторов специализированно выполнены на стыке лингвистического и политологического знания. С. Зонтаг и Л. Кардинал[37], Д. Джонсон[38], Т. Риченто[39], Ф. Грин[40], М. Газзола[41] выдвигают инициативы, целенаправленно рассчитанные на преодоление кросс-дисциплинарных барьеров и недостаточности конвергентных гносеологических моделей политико-лингвистического знания, в том числе – в области публичного регулирования языкового устройства и соответствующих властно-управленческих измерений.

Политологической релевантностью обладают исследования отечественных этнологов В.А. Тишкова[42], М.Н. Губогло[43], С.В. Соколовского[44], Е.И. Филипповой[45], М.Ю. Мартыновой[46],

---

[33] Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. – М.: Изд-во «Прогресс», 1975. – С. 441-472.

[34] Kaplan R., Baldauf R. Language Planning. From Practice to Theory. – Clevedon: Multilingual Matters LTD, 1997. – 403 p.

[35] Phillipson R. Political Theory // Handbook of Language & Ethnic Identity / Joshua A. Fishman, ed. – New York: Oxford Univ. Press, 1999. – P. 94-108.

[36] Tollefson J.W. Language planning and language policy // The Cambridge Handbook of Sociolinguistics / Ed. by Rajend Mithrie. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. - P. 357-380.

[37] Sonntag S.K., Cardinal L. Introduction: State Traditions and Language Regimes: Conceptualizing Language Policy Choices // State Traditions and Language Regimes / Ed. by Linda Cardinal and Selma K. Sonntag. – Montreal & Kingston: McGill Queen's Univ. Press, 2015; Sonntag S. Power and the politics of language // The Routledge Handbook of Language Policy and Planning. Edited by Michele Gazzola, François Grin, Linda Cardinal, and Kathleen Heugh. – London and New York: Routledge, 2024. – P. 189 – 200.

[38] Johnson D.C. Language Policy. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. – 291 p.

[39] Ricento Th. Language Policy: Theory and Practice – An Introduction // An Introduction to Language Policy. Theory and Method / Ed. by Thomas Ricento. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006. – P. 10-23.

[40] Grin F. Language policy design and programme theory // The Routledge Handbook of Language Policy and Planning. Edited by Michele Gazzola, François Grin, Linda Cardinal, and Kathleen Heugh. – London and New York: Routledge, 2024. – P. 229-243.

[41] Gazzola M. Language Policy as Public Policy // Language Policy as Public Policy. In: Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning. Palgrave Macmillan, Cham., 2023. – P. 41-71.

[42] Тишков В.А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 127-144; Тишков В.А. Языки нации // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т. 86. – № 4. – С. 291-303.

[43] Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М.: Школа Языки русской культуры, 1998. — 811 с.

[44] С.В. Соколовский С.В., Филиппова Е.И. Законы и идеологии: политика и управление языковыми ситуациями // Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2020. – С. 5-18.

В.В. Степанова[47], Ю.П. Шабаева[48], содержащие анализ законодательных, образовательных, массмедийных аспектов языковой политики, состав ее субъектов, экспертные оценки и политические рекомендации.

Активная разработка политико-регулятивных аспектов языковых процессов в отечественной науке связана с именами социолингвистов В.М. Алпатова[49], В.Ю. Михальченко[50], А.Н. Биткеевой[51], Э.В. Хилхановой[52], Т.Г. Боргояковой[53], Г.А. Дырхеевой[54], О.А. Казакевич и А.А. Кибрика[55], К.Ю. Замятина[56], Т.Б. Крючковой[57], Н.Б. Вахтина[58], В.И. Беликова[59], Л.П. Крысина[60], А.Д. Швейцера[61].

---

[45] Соколовский С., Филиппова Е. Языковое многообразие и социальное согласие: непростое равновесие // Языковая политика, конфликты и согласие / Отв. ред. С.В. Соколовский, Е.И. Филиппова. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. IV-XI.

[46] Мартынова М.Ю. Языковое богатство России в аспекте федеральной политики и региональных инициатив // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая статистика / ред. Мартынова М.Ю., Степанов В.В. – М.: ИЭА РАН, 2019. – С. 7-20.

[47] Степанов В.В. Измерение культурного многообразия России // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика, Казань, 02–06 июля 2019 года / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – Казань: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2019. – С. 140-154.

[48] Шабаев Ю.П., Бирин В.Н., Зеленеева Г.С. Государственная языковая политика и проблема формирования общероссийской идентичности: региональные практики. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2024. – 420 с.

[49] Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000. – 224 с.

[50] Михальченко В.Ю. Законы о языках и языковые конфликты // Языки народов России: перспективы развития. Материалы Международного семинара. – Элиста: АПП «Джангар», 2000. – С. 187-193; Михальченко В.Ю. Варьирование национально-языковой политики в современной Российской Федерации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М.: Тезаурус – Языки Народов Мира, 2014. – С. 24-29.

[51] Биткеева А.Н. Языковая политика // Социолингвистика. – 2021. – № 2(6). – С. 213-226. – DOI 10.37892/2713-2951-2021-2-6-213-226.

[52] Хилханова Э.В. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. – 2020. – Vol. 16.3. – P. 756-815.

[53] Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Этноязыковая политика и социолингвистическая вариативность языкового сдвига (на примере Республики Хакасия) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2025. – № 3(122). – С. 44-53. – DOI 10.22204/2587-8956-2025-122-03-44-53.

[54] Дырхеева Г.А. Бурятский язык: современное состояние, проблемы и перспективы // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2021. – № 1(34). – С. 44-56. – DOI 10.25693/SVGV.2021.34.1.005.

[55] Казакевич О.А., Кибрик А.А. Концепция языковой политики Российской Федерации: документ, формирующий будущее // Евразийский ежегодник. – 2023. – № 1. – С. 477-481. – DOI 10.22455/2949-5865-2023-1-475-479.

[56] Замятин К.Ю. Почему у нас не получается сохранять языковое многообразие? (I) сохранение языков России, языковая политика и языковая ревитализация // Вестник Пермского университета. Политология. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 137-149. – DOI 10.17072/2218-1067-2024-3-137-149.

[57] Крючкова Т.Б. Языковая политика и реальность // Вопросы филологии. – 2010. – № 1(34). – С. 30-39.

[58] Вахтин Н., Головко Е. Социолингвистика и социология языка. – СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб, 2004. – 336 с.

Работы академика В.М. Алпатова отличает объективный и критичный подход к официальной языковой политике России. Его методологическая установка о потребности идентичности и потребности взаимопонимания позволяет соотносить символические и субстантивные начала в языковой политике федерального и регионального уровней[62]. Собственно политологические аспекты темы взаимодействия языка и политики, изучение языковой политики как направления публичной политики разрабатывает отечественный социолингвист К.Ю. Замятин[63]. В целом, работы отечественных социолингвистов характеризует установка на всемерное сохранение культурно-языкового многообразия, включая работы Орехова Б.В. и А.А. Галлямова[64], А.В. Гусейновой[65], Д.М. Сахарных[66], Э.В. Хилхановой[67], Г.Ф. Лутфуллиной[68], М.В. Бавуу-Сюрюн[69], Ч.Г. Ондар[70], Е.В. Хазовой[71], в которых предпринимаются попытки описать положение отдельно взятого языка в Интернете.

---

[59] Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 439 с.
[60] Крысин Л.П. Очерки по социолингвистике. – М.: ФЛИНТА, 2021. – 360 с.
[61] Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. – М., 1977. - 208 с.
[62] Алпатов В.М. Указ. раб. – С. 11-28.
[63] Замятин К.Ю. Исследования языковой политики как публичной политики в Российской и мировой науке // Социолингвистика. – 2023. – № 3(15). – С. 29-52. – DOI 10.37892/2713-2951-3-15-29-52.
[64] Орехов Б.В., Галлямов А.А. Башкирский сегмент Интернета: семиотика и лингвистика // Русский язык и новые технологии / под ред. М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. - М.: Новое литературное обозрение, 2014. - С. 200-213.
[65] Гусейнова А.В. Хакасский язык в национальном Интернет-пространстве // Мир науки, культуры и образования. - 2017. - № 5 (66). - С. 349-351.
[66] Сахарных Д.М. Развитие удмуртского национального интернета: преодоление барьеров // Журналистика Удмуртии: история и современность. К 100-летию удмуртской национальной периодической печати. Ижевск: УдГУ, 2006. - С. 177-182.
[67] Хилханова Э.В. Интернет и миноритарные языки России: символическое присутствие или инструмент ревитализации? (На примере бурятского языка) // Монголоведение (Монгол судлал). - 2019. - № 4. - С. 967–988. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-967-988.
[68] Лутфуллина Г.Ф., Иванова Т.К. Тенденции развития интернет пространства татарского языка // Современный ученый. – 2024. – № 2. – С. 187-191.
[69] Бавуу-Сюрюн М. В. Вопросы создания электронных ресурсов тувинского языка: некоторые итоги, неотложные задачи и перспективы // Новые исследования Тувы. – 2016. - № 4. - С. 4–27.
[70] Ондар Ч.Г., Донгак В.С., Монгуш Д.Ш. Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. – 2023. - № 1. - С. 186-207.
[71] Хазова Е.В., Матвеева Л.Д., Исакова О.Л. Функционирование коми языка в официальных Интернет-источниках // Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы (16–17 марта 2017 г., Сыктывкар): сб. материалов Международной науч. конф. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2017. – С. 242-247.

Вместе с тем, отчетливо наблюдается некоторый «разрыв», вызванный отставанием научной разработки вопросов, связанных с цифровизацией языкового устройства общества, от общего состояния в деле изучения языковых отношений и языковой политики в офлайн режимах.

Современные информационно-коммуникационные технологии существенно трансформируют «как языковой контекст функционирования политики, так и политический контекст функционирования языка»[72], что предполагает формирование новой исследовательской повестки. Собственно политологические темы и, следовательно, концептуализация языковой политики и новых медиа, в сегодняшних условиях пребывает в самой начальной стадии разработки как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях.

Основные составляющие в процессах распространения цифровых коммуникаций расширения на политическую жизнь общества анализирует А.В. Шумилов[73]. Трансформируются и наполняются новыми смыслами термины, связанные с цифровой политикой: «электронное правительство», «цифровое правительство», «электронное государство», «электронная демократия», тем самым формируется своеобразный словарь цифровой политики как онтологически обособляющегося явления.

Интернет в виде относительно самостоятельного пространства языковой политики, новые коммуникационные возможности функционирования и возрождения умирающих языков составляют предмет исследования Н.Э. Гронской[74].

---

[72] Мухарямова Л.М. Языковые отношения: политологический анализ. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. – С. 4.

[73] Шумилов А.В. Digital Politics язык современной политики // PolitBook. – 2019. - № 4. – С. 89-95.

[74] Гронская Н.Э. Виртуальное пространство языковой политики: конфликтность лингвистического сосуществования // Полис. Политические исследования. - 2004. - № 6. - С. 62-69.

В контексте многоуровневого анализа языковой политики следует отметить исследование М.А. Осадчего[75], который на примере стран БРИКС указывает на тесную взаимосвязь цифровой инфраструктуры и реализации языковой политики в виртуальном пространстве, поднимая проблемы представленности языков в сети по мере расширения охвата Интернета и проникновения мобильной широкополосной связи.

Формы объединений межгосударственного и неправительственного уровней, в основе которых лежит языковая близость, их концептуализация, роль «материнских» государств, институциональные формы и эволюция деятельности стали предметом анализа С.П. Артеева[76], Н.В. Ковалевской[77], Я.Р. Стрельцовой[78], И.В. Чернова[79], О.А. Смирновой и Н.А. Кузнецовой[80], М.Н. Закамулиной[81]. Внимание цифровым инструментам интеграции трансграничных языковых образований на примере Франкофонии и Тюркского мира уделяют В.Д. Машина[82] и С.А. Спартак[83].

В отечественных исследованиях, посвященных анализу влияния цифровых трансформаций на область политического, заметное место

---

[75] Осадчий М.А. Языковая политика стран БРИКС в виртуальном лингвистическом пространстве // Виртуальная коммуникация и социальные сети. - 2025. - Т. 4. № 1. - С. 92–102. (In Eng.) https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-1-92-102

[76] Артеев С.П. Транснациональные политические пространства: вопросы политической субъектности. Финно-угорский мир // Вестник Пермского университета. Политология. – 2020. – Т. 14. № 1. – С. 5-17. – DOI 10.17072/2218-1067-2020-1-5-17.

[77] Ковалевская Н.В. Лингвистическое измерение мировой политики: Испанофония. – Берлин: Golden Mile GmbH, 2013. – 180 с.

[78] Стрельцова Я.Р. Франкофония: новые подходы Эммануэля Макрона // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. - № 5. Том 68. – С. 28-38.

[79] Чернов И.В. Международная организация франкофонии: лингвистическое измерение мировой политики. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – 222 с.

[80] Смирнова О.А., Кузнецова Н.А. Международная организация «Франкофония» как актор международных отношений: современное состояние, проблемы и перспективы // Власть. – 2023. - № 4. – С. 274-280.

[81] Закамулина М.Н. Франкофонное пространство: идеи, события, политические вызовы // Трансграничные языковые отношения: очерки политической лингвистики / Под ред. М.Н. Закамулиной, Н.М. Мухарямова. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2008. – С. 101-130.

[82] Машина В.Д. Социальные сети Международной организации Франкофонии: новый инструмент продвижения принципов организации // Франкофония в современном мире: Сборник статей по итогам X международной конференции «Международная организация Франкофонии: история и перспективы» (Санкт-Петербургский Государственный Университет, 20 марта 2021 г.). - СПб.: Скифия-принт, 2021. - С. 41-44.

[83] Спартак С.А. «Цифровой туран» на постсоветском пространстве: платформенные, технологические и языковые стратегии России // Мифологемы пантюркизма и безопасность России и Евразии в XXI веке. Коллективная монография. - М.: Философский клуб «Цивилизационное будущее России», 2025. - С. 118-156.

занимают работы С. Шитькова[84], Е.В. Виноградовой и Т.А. Поляковой[85], Е.С. Зиновьевой[86], В.В. Бухарина[87], посвященные цифровому суверенитету. С.В. Володенков и С.Н. Федорченко не исключают, что разработки в области искусственного интеллекта как части российской модели цифровой суверенизации «могут быть использованы для сохранения и развития языков и культур многонациональной России»[88].

Особое внимание роли государственной языковой политики в обеспечении киберлингвистической безопасности в глобальном цифровом пространстве уделяют А.В. Никитин, И.М. Кувакова и С.В. Устинкин[89].

О переплетении информатизации и геополитических катаклизмов пишет отечественный лингвист Б. Орехов, объясняя роль русскоязычного Интернета как компенсирующего фактора в условиях дезинтеграции, спровоцированной распадом СССР[90]. Он же предлагает понятие «миноритарного Интернета» и в качестве факторов, решающих проблему сетевого функционирования малых языков, определяет наличие или отсутствие государственного/официального статуса и организационную деятельность государства и негосударственных учреждений по созданию благоприятных внесетевых условий бытования языка[91].

---

[84] Шитьков С. Подходы к изучению цифрового суверенитета в современной политической науке // Международная жизнь. – 2025. - № 5. – С. 90-99.

[85] Виноградова Е.В., Полякова Т.А. О месте информационного суверенитета в конституционно-правовом пространстве современной России // Правовое государство: теория и практика. - 2021. - №1 (63). - С. 32-49.

[86] Зиновьева Е., Шитьков С. Цифровой суверенитет в практике МО // Международная жизнь. – 2023. - № 3. – С. 38-51.

[87] Бухарин В.В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. - 2016. - №6 (51). - С. 76-91.

[88] Володенков С.В., Федорченко С.Н. Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2025. – Т. 27. № 3. – С. 520-542.

[89] Никитин А.В., Кувакова И.М., Устинкин С.В. Социально-политические «вызовы», кибер-лингвистическая безопасность и современные акценты государственной языковой политики // Право и государство: теория и практика. – 2022. - № 1 (205). – С. 64–67.

[90] Орехов Б.В. Русский язык и новые технологии: современное состояние и перспективы исследований» // Русский язык и новые технологии / под ред. М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. - С. 16-18.

[91] Орехов Б., Решетников К. Государственные языки России в Википедии: к вопросу о сетевой активности миноритарных языковых сообществ // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Коллективная монография. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. - С. 263-281.

Е.И. Кузнецов[92] рассматривает ИКТ в качестве инструмента политики противодействия маргинализации языков.

Разнообразные онлайн проекты по возрождению миноритарных языков описываются В.В. Барановой[93] в контексте опыта низовых инициатив языковой политики - языкового активизма.

Начиная с 2020 года перспективы и вызовы цифровизации для языков России стали постоянным направлением в рамках форума «Языковая политика в Российской Федерации», проводимого Федеральным агентством по делам национальностей. В ходе его работы представляются новые технологические решения в виде цифровых образовательных ресурсов, мультимедийных порталов, онлайн-энциклопедий, мобильных приложений, обучения нейросетей для сохранения и поддержки многоязычия в Российской Федерации, разработанные языковыми активистами[94].

В новейшем зарубежном издании программной монографии по ключевым темам языковой политики и планирования глава Т. Макгонагла и Т. Моринга[95] посвящена взаимосвязи между политикой в области медиа, включая цифровые, и языковой политикой. Они высказывают мысль о необходимости модернизации последней для продвижения и защиты находящихся под угрозой исчезновения языков в контексте мультимедийных и многосторонних проблем.

Х. Келли-Холмс, подчеркивая, что всемирная паутина представляет собой нетрадиционную область исследований языковой политики и планирования, ставит вопрос о методах изучения языковой политики в новых

---

[92] Кузнецов Е.И. Политика противодействия маргинализации языков // Net.lang: на пути к многоязычному киберпространству: Пер. с англ. / Ред. перевода Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. - М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2014. – С. 299-325.

[93] Баранова В.В. Языковая политика без политиков: языковой активизм и миноритарные языки в России. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. - 238 с.

[94] Языковая политика в Российской Федерации. Сборник материалов форума (Москва, 16 декабря 2021 г.). – М.: ФАДН, 2022. – 180 с.; Языковая политика в Российской Федерации. Сборник материалов форума (Москва, 8-9 декабря 2022 г.). – М.: ФАДН, 2023. – 196 с.

[95] McGonagle T., Moring T. Language policy and regulation in the old and new media // The Routledge Handbook of Language Policy And Planning. Edited by Michele Gazzola, François Grin, Linda Cardinal, and Kathleen Heugh. – London and New York: Routledge, 2024. – P. 510 – 522.

медиа и выделяет возможные направления в «монологическом» и «диалогическом» Интернете[96].

Движущими силами языковой политики в условиях новых медиа будут выступать неофициальные акторы, отмечают Д. Канлифф[97], А. Ленихан[98], фокусируясь на влиянии социальных сетей на языковую политику.

Среди авторов[99], занимающихся вопросами изучения цифровой витальности языков, высказываются идеи о том, что определение уровня цифрового благополучия может послужить отправной точкой для языковой политики и языкового планирования в цифровой среде[100].

Рассмотренные выше характеристики научной разработанности темы дают основания для вывода о наличии заметных пробелов в данной области знания. Аналитическое осмысление политических факторов во взаимодействии языковых процессов и Интернета, включая роль властных акторов на национальном и региональном уровнях в повышении цифрового благополучия языков, продвижения этнокультурного многообразия представляет актуальную исследовательскую задачу в рамках политической науки.

Область научного исследования соответствует специальности 5.5.2 Политические институты, процессы и технологии по направлениям исследований, выделенным в Паспорте данной специальности (пункты 2,4,8,11,19,29).

---

[96] Kelly-Holmes K. Analyzing Language Policies in New Media // Research Methods in Language Policy and Planning: A Practical Guide. First Edition. Edited by Francis M. Hult and David Cassels Johnson. 2015 // https://www.academia.edu/15571297/Anayzing_Language_Policies_in_New_Media (дата обращения: 07.04.2026).

[97] Cunliffe D. Minority Languages and Social Media // The Palgrave Handbook of Minority Languages and Communities. – London: Palgrave Macmillan, 2019. – P. 451-480.

[98] Lenihan A. (2014). Investigating language policy in social media: translation practices on Facebook // Seargeant P., Tagg C. (eds) The Language of Social Media. – London: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 208-227. https://doi.org/10.1057/9781137029317_10

[99] Kornai A. Digital Language Death // PLOS ONE. - 2013. - No. 8(10). https://doi.org/10.1371/journal.pone.0077056.

[100] Soria C., Russo I., Quochia V., Hicks D., Gurrutxaga A., Anneli Sarhimaa A., Tuomisto M. Fostering Digital Representation of EU Regional and Minority Languages: the Digital Language Diversity Project // https://www.aclweb.org/anthology/L16-1518.pdf.

Объект исследования: политико-управленческое воздействие на языковое устройство российского общества.

Предмет исследования: место информационно-коммуникационных технологий в политическом регулировании языкового устройства российского общества.

Цель исследования: выявить и охарактеризовать информационно-коммуникационные/цифровые составляющие политико-управленческого воздействия на языковое устройство российского общества.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) концептуально обосновать понятие «языковое устройство общества» в качестве предмета политико-управленческого регулирования со стороны властных инстанций и многообразного состава акторов;

2) сформулировать аналитическую модель для описания управленческого воздействия, направленного на языковое устройство российского общества и выступающего как одно из составляющих публичной политики и, следовательно, образующих предметный сегмент политологического знания;

3) выявить языковые основания достижения суверенитета Российской Федерации в социокультурных, идейно-ценностных измерениях, в том числе – с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (цифровой суверенитет);

4) охарактеризовать цифровые составляющие языкового регулирования на международно-политических контурах, включая трансграничные языковые сообщества;

5) предпринять обзор доктринальных оснований политико-языкового регулирования на общероссийском (национальном) и региональном уровнях в контексте цифровизации;

6) определить концептуальные рамки для анализа форм и способов участия в языковой политике онлайн, многообразного состава акторов,

располагающих различными ресурсами и инструментами влияния на языковое устройство общества;

7) выявить онлайн факторы политико-языкового регулирования, способствующие консолидации Русского мира как геокультурного ядра международного присутствия русского языка;

8) проанализировать принципы и направления государственной политики по продвижению русского языка, включая инструменты цифровизации, и сравнить формы ее осуществления с зарубежными аналогами.

Теоретико-методологические основания диссертации. Методологические ориентиры формируются в зоне соприкосновения эвристических структур и потенциалов политической науки, социолингвистики, социологии языка, этнологии, политической коммуникативистики.

Познавательные возможности политического институционализма (в аналитических ракурсах нормативного, исторического, конструктивистского, сетевого характера и связанных теориями рационального выбора и международно-политических отношений), применяемые к политико-управленческому воздействию на языковое устройство и на его цифровые составляющие реализуются по нескольким направлениям.

Теоретической рамкой исследования выступила концепция многоуровневого управления (Г. Маркс и Л. Хугэ[101]), нашедшая в том числе применение к языковой политике. Современное управление определяется здесь как сложное взаимодействие между акторами и институтами на разных территориальных уровнях[102], что позволяет рассматривать политико-языковое регулирование как деятельность, рассредоточенную между

[101] Schakel A.H., Hooghe L., Marks G. Multilevel Governance and the State // The Oxford Handbook of Transformations of the State. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – P. 269-285.
[102] Stephenson P. Twenty years of multi-level governance: 'Where Does It Come From? What Is It? Where Is It Going?' // Journal of European Public Policy. – 2013. - № 20 (6). - P. 817-837.

государственными и негосударственными типами субъектов, расположенных на местном, региональном, государственном и международном уровнях[103].

Сочетание институционального подхода с концепцией многоуровневого управления позволяет рассматривать влияние ИКТ на всех уровнях языкового регулирования и объяснить внутренние и внешнеполитические составляющие политико-управленческого/властного воздействия на языковое устройство.

Используемые в работе методологические установки включают:

- усиление роли информационных компонентов, «которые отражают технико-организационное содержание политических связей» (анализ технических каналов распространения информации, банков данных, средств обработки информации и проч.)[104];

- под влиянием цифровых технологий «качественно меняются формы организации политической власти и организации политического порядка», расширяется круг акторов, действующих в публичном дискурсе[105];

- две модели «позиционирования политических игроков и артикуляции их позиций» - метод off-line политики и метод on-line политики, предполагающий использование Интернет-сервисов, социальных сетей, блогов и проч.[106];

- качественно различающиеся подходы к изучению Интернета: Интернет как интерактивное пространство и Интернет как хранилище текстов. В основе первого лежат технологии Web 2.0. Этот контекст наиболее очевиден для изучения языковой политики «снизу – вверх». Интернет как хранилище текстов связан с монологической сетью - на основе технологий

---

[103] Lewis H., Royles E. Governance, complexity, and multi- level language policy and planning // The Routledge Handbook of Language Policy and Planning. Edited by Michele Gazzola, François Grin, Linda Cardinal, and Kathleen Heugh. – London and New York: Routledge, 2024. – P. 272-285.

[104] Соловьев А.И. Коммуникативизм в исследованиях политики // Современная политическая наука: Методология. – Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект-пресс», 2019. – С. 268.

[105] Там же. – С. 269, 277.

[106] Там же. – С. 278.

Web 1.0, что позволяет исследовать вопросы, связанные с языковой политикой «сверху – вниз».

В диссертации используется теоретико-методологическая база и методы политической коммуникативистики со «смещением фокуса научного интереса в сторону Интернета и виртуальной реальности»[107].

Важной с теоретической точки зрения представляется лингвоэкологическая парадигма, ценностно-ориентированная на политику коммуникативной связанности общества при сохранении культурно-языкового многообразия. Оппозицией ей выступает неолиберальная парадигма, в основе которой лежат аргументы в пользу языков глобального ранга; язык и многоязычие становятся предметом маркетизации, коммодификации и рыночного обмена.

В работе используются возможности социолингвистических описаний и оценки цифровой витальности языков, – их жизнеспособности и преуспевания в сетевом пространстве, установление места и ранга языка, сферы общения, с одной стороны, и другие параметры, обладающие в том числе политико-управленческой (социально-волевой) значимостью, с другой.

Исследование политико-языкового регулирования в новых медиасредах обусловило необходимость обращения к методу виртуальной лингвистической этнографии – изучению способов построения смыслов в онлайн-среде, уникального опыта, связанного с масштабами просмотров, выявлением и оценкой параметров. Метод в полной мере применим для документирования языковой политики в монологической сети.

Для анализа действующих программ сохранения и развития государственных языков республик в составе Российской Федерации и их практической реализации применена теоретическая рамка цифровой

---

[107] Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / Под редакцией Л.Н. Тимофеевой. – Москва: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 327 с.; Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекции // Политическая наука. – 2016. - № 2. – С. 74 - 100.

витальности в контексте языковых ситуаций и социолингвистических состояний. Индикаторы витальности отнесены к трем группам – приспособленность языка к цифровому миру, цифровое использование и цифровой перформанс.

Посредством дискурс-анализа проведен анализ официальных интернет-сайтов, медийных сообщений на официальных страницах информационных агентств.

Метод описательной статистики применен для анализа баз Интернет-данных о распространенности больших и малых языков в киберпространстве: сайты компании W3Techs, Обсерватории лингвистического и культурного многообразия в Интернете, онлайн-сервиса Yandex.Wordstat, Internet World Stats, а также данных Института языкознания РАН о языках народов России.

Эмпирическая база исследования включает несколько групп источников:

1. Нормативные документы федерального, регионального, муниципального уровней в языковой сфере: (языковое законодательство РФ, региональные языковые законы, акты муниципальных органов власти).
2. Документы концептуального и стратегического характера: специальные и содержащие положения о русском языке/языках народов России.
3. Действующие региональные программы сохранения и развития государственных языков.
4. Сайты региональных органов власти – главы региона, законодательной и исполнительной ветвей власти.
5. Эмпирическая база научно-исследовательского проекта «Государственная языковая политика в Российской Федерации: институциональные основания и пространственные измерения», выполнявшегося в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского

общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020 – 2022 гг. (рук. Н.М. Мухарямов).

6. Материалы федеральных и региональных СМИ, полученные с помощью запросов в информационно-аналитических системах Интегрум и Медиалогия.

7. Лингвистические электронные ресурсы базы данных Национального корпуса русского языка.

8. Результаты исследований, проведенных экспертами Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина «Индекс положения русского языка в мире: Индекс глобальной конкурентоспособности (ГК – Индекс), Индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС – Индекс) за 2020-2025 годы.

9. Данные Интернет-статистики и статистики запросов: об использовании в Интернете языков по численности Интернет-пользователей; на основе собранных данных с сайтов языковых разделов Википедии, социальной сети ВКонтакте и сервиса машинного перевода Яндекс.Переводчик.

10. Данные, собранные с сайта W3Techs, об использовании языков контента в сегментах Интернета постсоветских стран (апрель 2023 г.) (https://w3techs.com); данные Интернет-статистики Обсерватории лингвистического и культурного многообразия в Интернете.

11. Анкетный опрос органов местного самоуправления Российской Федерации «Языковая политика: муниципальная повестка» (85 служащих органов местного самоуправления из 51 муниципального образования), при содействии Евразийского регионального отделения Всемирной организации «Объединенные Города и Местные Власти», ноябрь 2021 г. – январь 2022 г.

12. Материалы о параметрах популярности государственных языков республик Российской Федерации, полученные с помощью онлайн-сервиса Yandex.Wordstat.

13. Ресурсы базы Ethnologue.

Научная новизна. Политико-управленческое воздействие на языковое устройство общества в единстве его культурно-коммуникативной сплоченности и этнокультурного многообразия рассмотрено в перспективе усиления роли современных информационных технологий. Такой подход расширяет теоретические основания в области научного познания языковой политики с учетом потребностей кросс-дисциплинарной природы исследуемого предмета и опирается на обширный массив эмпирических данных, связанных с цифровыми характеристиками среды и регуляторов языкового функционирования. Работа дополняет имеющиеся теоретические знания в области языковой политики. Научная новизна определяется рядом научных характеристик исследования.

1. Впервые предложено политологическое понимание объекта языковой политики как языкового устройства общества, что дополняет традиционное социолингвистическое видение исследуемой области как «языковых ситуаций» или «социально-коммуникативных систем» и позволяет учесть широкую совокупность факторов социально-волевой (экстралингвистической) субъектности.

2. Роль современных информационных технологий и цифровых параметров языкового функционирования впервые исследована как «сквозная» совокупность характеристик политико-языкового регулирования на международном (наднациональном), национальном и субнациональном уровнях.

3. В исследовании применен комплекс подходов и аналитических приемов, формирующихся на стыках методологии, свойственной политической науке, социолингвистике, социологии языка, коммуникативистике, этнологии (возможности социолингвистических описаний и оценки цифровой витальности языков, принципы

институционального анализа, метод дискурс-анализа, сбор данных доступной Интернет-статистики и др.).

4. Концептуализировано понятие «языковая политика онлайн», на основе чего сконструирована аналитическая модель, выделяющая структурные компоненты предмета, включая меры, принимаемые органами публичной власти (в том числе - на региональном уровне), практику языкового активизма в сфере сетевого присутствия миноритарных языков, многоязычие на национальном, трансграничном уровнях, национальные сегменты всемирной сети на языках с высоким коммуникативным статусом, институциональное продвижение языков в цифровой среде.

5. Установлено соотношение социолингвистических и цифровых компонентов в рамках стратегического курса на укрепление культурного и ценностного суверенитета Российской Федерации; определены общие очертания и структура цифровой повестки, связанной с пространством функционирования русскоязычных цифровых сообществ за рубежом.

Положения, выносимы на защиту:

1. Понятие «языковое устройство общества» обладает концептуальным и аналитическим потенциалом, пригодным для использования в предметном поле политической науки. В языкознании традиционно используются категории «языковая ситуация» и «социально-коммуникативная система (среда)», сфокусированные на формах существования и функциональных отношениях языков с точки зрения их социально-лингвистических состояний, ареальных (геолингвистических) параметров. В отличие от этого, предлагаемая терминологическая конструкция позволяет рассматривать наряду с лингвистическими аспектами также и- экстралингвистические стороны предмета - социально-волевые (политикообразующие), программно-стратегические, идейно-ценностные факторы языкового регулирования, на политико-административные рамки анализа. Динамично обновляющиеся цифровые реалии в коммуникации в свою очередь логико-методологически

(и семантически) соответствуют в большей степени понятию «языковое устройство» по сравнению с «социолингвистическими состояниями».

2. Языковое устройство российского общества в качестве объекта политико-управленческого воздействия ориентировано на культурно-коммуникативную интегрированность, на формирование общероссийской гражданской идентичности при сохранении языкового многообразия, которое составляет одну из характеристик цивилизационного своеобразия страны. Соответствующая этому аналитическая модель предполагает подходы, основанные на кросс-дисциплинарных подходах к исследованию такого воздействия в качестве отдельного направления публичной политики. Цифровые аспекты языкового устройства в рамках этой модели требуют рассмотрения с позиций институционального анализа, описания структурно-организационных и агентивно-ролевых характеристик языкового регулирования, регулярной инструментальной воспроизводимости в обновляемой коммуникативной среде.

Цели достижения блага, понимаемого в логике потребностей в общении, предполагают широкий и разнородный состав участников общественных отношений особого рода – политико-языковых отношений, учета и согласования интересов, связанных с коммуникацией и идентичностью.

Информационно-коммуникационные технологии используются в беспрецедентно широких темпах и масштабах, что создает и новую среду, и новые инструменты общения, а также воспроизводит языковое устройство в меняющихся условиях. В гносеологическом плане это приводит, скорее, к проницаемости границ между названными дисциплинами – политической наукой, социолингвистикой, теорией коммуникации, этнологией, лингвокультурологией, цифровой гуманитаристикой, а не к их специализации в режиме обособления. Это в свою очередь порождает

потребности в обновлении методологических оснований и концептуального аппарата в исследовательской практике.

3. Язык оказывается встроенным не только в культурные и ценностные, но и в цифровые и технологические основания суверенности. Многоязычные доменные имена – имена, представленные символами национальных алфавитов (не только латинского), становятся официальными символами, маркирующими присутствие страны или территории в виртуальном пространстве. Символическим ресурсом цифрового суверенитета России выступает кириллическая доменная зона. Технологические решения для языков народов России – неотъемлемая составляющая цифрового суверенитета. Коммуникативно-технологические стороны языкового регулирования при этом не играют самодостаточной роли, но призваны служить целям упрочения цивилизационных оснований российского суверенитета и противостояния недружественным попыткам дезинтеграции общества.

4. Языковое регулирование на международно-политическом уровне происходит в многообразных – дву- и многосторонних – форматах. Применительно к языкам (и реже – к языковым семьям) высокого коммуникативного статуса эта практика институционально организуется в виде трансграничных языковых сообществ. Факторы цифровизации здесь также становятся предметом стратегического планирования, практико-политического программирования в конкретных вариантах сочетания собственно коммуникативных задач и символических (связанных преимущественно с репрезентацией идентичности) аспектов. При этом цифровые составляющие языковой политики на международных уровнях и в том, и в другом случаях ориентированы на расширение соответствующего присутствия в киберпространстве и повышение возможностей доступа к сетевому общению и участию.

5. Языковая политика национального уровня в современных российских условиях как самостоятельное направление публичной политики модифицируется под влиянием информационно-коммуникационных технологий. И в стратегическом, концептуальном смыслах, и практическом применении – в двуединстве задач социально-коммуникативного сплочения общества (общероссийской идентичности) при сохранении культурно-языкового многообразия государственная языковая политика Российской Федерации проецируется в том числе и на цифровую среду общения, начинает включать в себя онлайн-элементы. Это получает отражение в обновляемых документах стратегического планирования, включая политико-правовые акта.

Применительно к языкам народов страны регионального коммуникативного статуса особой значимостью наделяются формы и способы регулирования на уровне субъектов Российской Федерации. Важнейшим инструментом ее реализации (реализации ЯП здесь) выступают региональные программы сохранения и развития языков, предусматривающие в том числе меры продвижения сетевого присутствия языков народов России. Это дает основание для вывода о качественных сдвигах в российских сегментах языковой политики онлайн. Систематизация мер региональной политики позволяет охарактеризовать их как асимметричные: от базового инструментария до более продвинутых.

Декларативные нормы регионального «языкового» законодательства, принимавшегося еще в доцифровых условиях (в частности, о паритетном функционировании русского языка и государственных языков российских республик во всех сферах общения) не отвечают реальным социолингвистическим состояниям, в том числе сетевому бытованию языков в Интернет-пространстве. Целесообразным и необходимым представляется создание постоянно обновляемой системы мониторинга. Она позволит обобщить характеристики цифрового присутствия языков народов России,

учитывать параметры языкового функционирования оффлайн и онлайн и повысить эффективность языковой политики национального и регионального уровней в цифровой среде.

6. Концептуальная модель участия языковой политики онлайн предполагает многообразие акторов (или «действующих лиц»). Их состав может быть типологизирован с учетом их роли в политико-языковых отношениях: участники dejure, чьи полномочия закреплены в нормативных актах и носят характер официального регулирования; и участники, для которых деятельность по сетевому продвижению языков может быть охарактеризована как факультативная или диспозитивная, осуществляемая на свое усмотрение. При этом соотношение волевых установок и интересов «сверху-вниз» и «снизу-вверх» воспринимается как гибридные типы взаимодействия органов государственной власти, корпоративных субъектов, языковых активистов, ученых-исследователей, ИТ-компаний и т.д. Предмет анализа должен быть дополнен социальными медиа, где соотносятся интересы индивидуальных и коллективных участников политико-языковых отношений.

7. Высокие индексы киберглобальности русского языка создают предпосылки для его распространения за пределами российского сегмента Рунета и интеграции Русского мира в виртуальном пространстве. Вместе с тем создаваемая институциональная структура в виде Международной организации по русскому языку (МОРЯ), Евразийской ассоциации русского языка имеет слабо выраженную цифровую языковую повестку. Это представляет важный резерв, актуализация которого могла бы выступить основой для дальнейшего выстраивания общего культурно-гуманитарного русскоязычного пространства, в том числе в цифровой среде.

8. Во внешнеполитических документах сформулированы концептуальные основания политики продвижения русского языка. Описательное сравнение позволило установить, что традиционные формы

политики специализированных институтов продвижения языков в мировом коммуникационном пространстве эффективно дополняются и усиливаются цифровыми решениями. В условиях беспрецедентных масштабов русофобии и «культуры отмены» и на фоне роста интереса к российскому образованию со стороны иностранных студентов внедрение цифровых образовательных платформ и ресурсов становится действенным инструментом политики продвижения русского языка на качественно новом уровне.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке перспективного направления, расширяющего границы политико-лингвистического знания и категориального аппарата в предметном поле языковой политики онлайн. В научный оборот предложено ввести теоретический конструкт «языковое устройство общества», обладающий преимуществами в сравнении с социолингвистической категорией «языковая ситуация».

Аналитическая модель изучения управления языковым устройством общества как направления публичной политики способна выступить основой для дальнейших исследований в новой онтологической плоскости и в кросс-дисциплинарных перспективах.

Исследование претендует на построение концептуальной модели, позволяющей осмыслить языковую политику онлайн как многоуровневую систему, связанную с воздействием на языковое многообразие как традиционных акторов (государств и государственных структур), так и социальных акторов (корпоративных субъектов, ИТ-компаний, языковых активистов) на региональном, национальном и трансграничном уровнях.

Практическая значимость состоит в возможностях использования результатов диссертационного исследования в политике продвижения языков народов России в цифровом пространстве. Они могут быть основой для подготовки стратегических документов в области языковой политики и языкового планирования международного, национального, субнационального

уровней. Материалы работы могут найти применение при разработке учебных курсов «Социология и политология», «Социолингвистика», спецкурсов по современным международным отношениям и теории международных отношений.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования докладывались и обсуждались в ходе Международного научно-педагогического форума «Цифровая трансформация в этнокультурном образовании: вызовы современности», Йошкар-Ола, 3-5 октября 2019 г.; Всероссийской научной конференции «Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы», Москва, 2020 г.; V Всероссийской научно-практической конференция с международным участием «Международное гуманитарное сотрудничество: новые вызовы и возможности», Йошкар-Ола, 2021 г.; Международной научно-практической конференции «Геополитическая картина мира: угрозы и вызовы», Москва, 2022 г.; V Международной научной конференции, посвящённой 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири», Абакан, 2022 г.; Всероссийской научно-практической конференции «Языковая политика в России: уровни, практики, экспертно-аналитические механизмы», Казань, 3 июня 2022 г.; Всероссийской научной конференции «Этнокультурное разнообразие и этническая политика: российские и зарубежные импликации», Пермь, 15-16 декабря 2022 г.; VIII Международной научно-практической конференции «Международное гуманитарное сотрудничество: новые вызовы и возможности», Йошкар-Ола, 18-19 апреля 2024 г.; XVII Международных Карских чтений «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации», Гродно, 16-17 мая 2024 г.; III Всероссийского научно-педагогического форума «Цифровая трансформация в этнокультурном образовании: вызовы современности», Йошкар-Ола, 17

октября 2024 г.; X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием «Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития», Москва, 05–07 декабря 2024 г.; Международной научной конференции «Язык и идеология в полиэтничных странах мира», Москва, 5-6 декабря 2024 г.; IX Международной научно-практической конференции «Международное гуманитарное сотрудничество: новые вызовы и возможности», Йошкар-Ола, 23-24 апреля 2025 г.; Всероссийской конференции РАПН с международным участием «Россия и мир в первой четверти XXI века: политические итоги и перспективы», Москва, 28-29 ноября 2025 г.; Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения профессора Г.Г. Буржунова «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты», Махачкала, 18 декабря 2025 г.; II Международной научно-практической конференции «Слова и цифры», Йошкар-Ола, 3-4 апреля 2026 г.; VI Международной научно-практической конференции «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири», Абакан, 21-22 мая 2026 г.; Международной научной конференции «Историческая наука в контексте цивилизационного развития и международного сотрудничества», Казань, 16-17 июня 2026 г.

В рамках проблематики исследования диссертант являлся руководителем и/или соисполнителем следующих научных проектов: грант Министерства образования и науки Российской Федерации по программе «Развитие научного потенциала высшей школы» № 8365 «Языковой фактор межгосударственной интеграции», 2005 г.; грант Академии наук Республики Татарстан № 02-2.4-202/2005 для выполнения научно-исследовательской работы по теме «Политическая идентичность Республики Татарстан: внутриполитические и международные измерения», 2005 г.; грант РГНФ № 08-03-00366а, научно-исследовательский проект «Региональная парадипломатия в политико-языковых (глоттополитических) измерениях:

Республика Татарстан, Каталония, Квебек», 2008-2009 г.; грант Министерства образования и науки РФ № 2.1.3/4729, научный проект по Аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы», проект «Политические механизмы формирования трансграничных языковых сообществ (на примере русского, тюркских и финно-угорских языков)», 2009-2011 гг.; грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук по теме исследования «Языковые отношения как предмет политической лингвистики», МК-2590.2009.6, 2009-2010 гг.; грант РГНФ № 11-03-00621 «Язык и политика: прагматика взаимодействия», 2011-2012 гг.; грант РГНФ № 13-03-00334 «Языковые процессы и политика в современной России: вызовы и ресурсы глобализации», 2013-2014 гг.; грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук по теме исследования «Пространство русского языка: уровни, участники, политические факторы», МК-4097.2014.6, 2014-2015 гг.; грант РГНФ на финансовое обеспечение реализации участия молодого российского ученого в научном мероприятии за рубежом, проект № 16-33-15024 «24-й Всемирный конгресс политической науки «Политика в мире неравенства»», 2016 г.; грант Академии наук Республики Татарстан № 18-18-хГ/2017 на выполнение научно-исследовательской работы по молодежным грантам Республики Татарстан на тему «Этнополитика татарского языка: между политической лингвистикой и социологией языка», 2017 г.; грант РФФИ и АНО ЭИСИ № 19-011-31465 «Региональная языковая политика в дискурсивных измерениях», 2019 г.; грант РФФИ и АНО ЭИСИ № 20-011-31601 ««Политика языка»: геолингвистические контексты и модусы участия», 2020-2021 гг.; Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», госзадание Министерства науки и высшего образования,

проект «Государственная языковая политика в Российской Федерации: институциональные основания и пространственные измерения», 2020 – 2022 гг.

Диссертационная работа подготовлена в рамках гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан» (2024-2025 гг.).

Структура и объем диссертации обусловлены целью, задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы из 547 наименований и 1 приложения. Текст диссертации изложен на 399 страницах.

ГЛАВА 1. ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

1.1. Управление языковым устройством как направление публичной политики

Многоплановая проблематика властно-управленческого воздействия на языковые отношения общества, его коммуникативную интеграцию и этноязыковое устройство обусловливает сложные исследовательские задачи и обращение как к категориям социолингвистической науки, к широкому спектру толкований понятия «языковая политика», так и необходимость использования терминологического конструкта «языковое устройство общества».

Положение дел в связи с языковыми процессами в обществе описывается в такой области знания, как социолингвистика, преимущественно при помощи понятия «языковая ситуация». Это категориальное средство расценивается в качестве «наиболее разработанных в современной социолингвистике», по поводу которого – и, соответственно, дефиниции - «в научной среде нет особых расхождений»[108]. С другой стороны, существует точка зрения, что это – «одно из главных понятий социолингвистики, которое также зачастую используется неточно»[109].

Определения понятия «языковая ситуация» в научной литературе представлены во множестве вариантов. Можно привести пример наиболее обобщающей формулировки, в которой также предусмотрен базовый принцип типологии, – «языковая ситуация – совокупность функционирующих в данном социуме языков и языковых подсистем». Предполагаемая категоризация связана с выделением эндоглоссных (несколько подсистем одного языка – диалектов и социолектов) и

[108] Крючкова Т.Б. Языковая ситуация // Язык и общество. Энциклопедия. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – С. 636.

[109] Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Социолингвистика и социология языка. - СПб: ИЦ «Гуманитарная академия», 2004. – С. 46.

экзоглоссных (функционирование нескольких языков), а также сбалансированных и несбалансированных вариантов[110].

В несколько иной интерпретации подчеркивается: «Для целей социолингвистического исследования можно условно разграничить два структурных типа общества – *этноцентрическое* и *стратоцентрическое*, имея в виду не абсолютное их противопоставление, а относительное преобладание (первичность) этнических либо социальных принципов дифференциации населения»[111].

Еще один вариант группирования используется в разработках Г.П. Нещименко: «…в исследовательском поле социолингвистики центральное место занимает фундаментальная проблема «языковой ситуации». Будучи *комплексной и интердисциплинарной* (*выделено – О.Я.*), она может рассматриваться в разных ракурсах. …нас в первую очередь будут интересовать *интралингвальный* (внутриязыковой) и *интерлингвальный* (межъязыковой) ракурсы, отличающиеся друг от друга не только предметом рассмотрения, но и используемой методикой[112].

Весьма обширный корпус научных публикаций, посвященных теоретическим основам изучения языковых ситуаций, содержат подробные отсылки к основополагающим трудам зачинателей отечественной социолингвистики – В.А. Аврорина, Ю.Д. Дешериева, Л.Б. Никольского, В.Ю. Михальченко, А.Д. Швейцера и др.[113] При всех концептуальных нюансах подходы к определению понятия «языковая ситуация» едины в том, что в качестве логического ядра предмета выделяется функциональная сторона языка, или – характеристики его использования (и использования его

---

[110] Дьячков М.В. Социолингвистика. – М., 2002. – С. 15.

[111] Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. Социолингвистическая типология. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – С. 16.

[112] Нещименко Г.П. Социолингвистика как интердисциплинарная наука // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / Под ред. акад. Е.П. Челышева. – М., 2010. – С. 48 (47-57).

[113] См., например: Аюпова Л.Л., Ибрагимова В.Л. Содержание понятия «языковая ситуация» в отечественной и зарубежной литературе // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / Под ред. акад. Е.П. Челышева. – М., 2010. – С. 81-90.

форм) и взаимодействия с другими языками (и формами) во всех сферах общения.

Далее, языковая ситуация некоторыми исследователями рассматривается как часть более широких социолингвистических категорий. В середине 1970-х годов советский ученый А.Д. Швейцер выдвинул инициативу использования категории «социально-коммуникативная система», присущей такой системе социолингвистических состояний и коррелирующих с ними переменных – «стратификационных», связанных с социальной структурой; «ситуативных», связанных с социальной ситуацией; ценностных[114]. На новейшей стадии отечественного языкознания Л.П. Крысин воспроизводит этот подход, понимая языковую ситуацию как функциональные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы, которая – в свою очередь – определяется как «совокупность кодов и субкодов, используемых в данном языковом сообществе и находящихся друг с другом в отношениях функциональной дополнительности»[115]. Следовательно, «ситуация» в понятийном плане подразумевает то, в каком виде социально-коммуникативная система пребывает в тот или иной период, или, используя терминологию языкознания, это – синхронная характеристика системы.

В отечественных научных разработках в области социолингвистики на макроуровне сформулирована концептуальная модель, в основе которой находится понятие «коммуникативная среда» (КС), понимаемая как «полиморфное образование, находящееся в состоянии динамичного равновесия». «В составе КС можно выделить целый ряд компонентов – этнический, социальный, языковой, коммуникативный, экономический, культурный, политический, каждый из которых образует предмет изучения в соответствующей отрасли науки (этнографии, этнологии, социологии,

[114] См.: Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. Изд. 2-е. – М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 72-76 (176 с.).

[115] Крысин Л.П. Очерки по социолингвистике. - Москва: ФЛИНТА, 2021. – С. 18, 19 (360 с.).

лингвистике, истории, экономике)». *Состояние* коммуникативной среды, согласно этой логике, складывается из конкретных *ситуаций*, или – *социолингвистическое состояние* КС. Как объект изучения такое состояние складывается, согласно применяемой этими исследователями методологии, из этнической ситуации, языковой ситуации, коммуникативной ситуации и внешних факторов, в том числе – «политико-экономико-культурного» порядка. Политико-административные аспекты рассматриваются здесь (применительно к условиям африканских стран) в координатах наличия – отсутствия государственности, что определяет «воздействие на процессы этноязыковой интеграции и консолидации», в том числе – характер проводимой языковой политики[116].

Для интересов данного исследования – и в контексте важно подчеркнуть некоторые соображения принципиального характера.

Первое. Не все компоненты социально-коммуникативных систем (или же – коммуникативных сред), включая такой параметр, как языковая ситуация, предполагают регулятивного воздействия со стороны каких-либо субъектов в лице государственных органов и других акторов («действующих лиц»), включенных в процесс формулирования языковой политики, принятия решений и проведения соответствующего курса, включая меры законодательного характера. Реальная языковая жизнь включает нерегулируемые (так называемые аморфные) сферы общения, которые не подлежат регламентации. Согласно концепции лингвокоммуникативной модели, предложенной Г.П. Нещименко, пространство коммуникации построено бинарно и включает две автономные и взаимосвязанные подсистемы: «высшие коммуникативные функции (ВКФ) и непринужденное повседневное общение (НПО). В центре первой находится литературный язык, второй – разговорная речь. Языковая политика при этом

[116] Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. Социолингвистическая типология. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – С. 14 (136 с.).

интерпретируется не как воздействие на функционирование языка или его внутриструктурное развитие, но как «деятельность, направленная на *оптимизацию* языкового обеспечения коммуникации в социуме»[117].

Второе. Теоретико-методологические основания категориального аппарата социолингвистики, касающиеся социально-коммуникативных систем и языковых ситуаций (синхронной картины состояния этих систем), формировались в «доцифровых» условиях становления этой области языковедческого научного знания. Чрезвычайно динамично происходящие трансформации, связанные с использованием новейших информационно-коммуникационных технологий, отражаются и на функциональных (новые сферы общения), и на внутриструктурных (например, новые стилистические и лексические явления) сторонах развития языков. Однако существующие концептуальные модели языковых ситуаций – традиционная, или «классическая» социолингвистика - не обеспечивают всей полноты в картине изменений.

Исходя из сказанного, для дальнейшего анализа предлагается использовать такой терминологический конструкт, как «языковое устройство общества». Это никоим образом не предполагает пересмотра сложившихся парадигм социолингвистического знания или выдвижения каких-либо альтернативных способов понимания корреляции языковых и социальных факторов общественного развития. Данная терминологическая конструкция не претендует на научную строгость или на точное и однозначное соответствие столь сложному онтологическому комплексу как взаимодействие языкового и социального начал. Напротив, это, скорее, - инструментальный, «рабочий» прием, направленный на выделение определенных гносеологических приоритетов при изучении *не столько лингвистических сущностей, сколько социально-волевых факторов языковой*

[117] Нещименко Г.П. Социолингвистика как интердисциплинарная наука // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / Под ред. акад. Е.П. Челышева. – М., 2010. – С. 50-51, 53.

жизни, конкретнее – *проводимой разнообразными субъектами языковой политики*.

Слово «устройство» в семантическом отношении многозначно. В техническом понимании оно означает искусственно сконструированный объект, используемый в определенных целях производства, познания и т.п. Как абстракция оно ассоциируется со способом организации частей в нечто целостное и системно упорядоченное, структурно оформленное, обладающее строением и «архитектурой». В нормативном – в правовом - контексте устройство ассоциируется с учредительными принципами, специальным образом оформленными и закрепленными в тех или иных официальных актах. Во всех случаях смысловым стержнем выступает идея создания и поддержания определенного порядка.

Категориальный аппарат политологического знания и теории государства и права использует как общепринятые и привычные термины «государственное устройство» («национально-государственное устройство»), «политическое устройство», «административное устройство».

Это понятие реже фигурирует в суждениях лингвистов. Например, авторитетный российский специалист-языковед Е.В. Головко, разъясняя предмет социолингвистики, отмечал, что «главная лингвистика» («core linguistics») так или иначе связана «с изучением устройства конкретных языков и выявлением общих закономерностей этого устройства, а также стремлением проследить изменения конкретных языков и понять закономерности этих изменений. …социолингвистика связана тесно с устройством общества. В рамках собственно социолингвистики ученые пытаются выяснить, какие варианты языка используются, например, в разных социальных группах …К социолингвистике также относится другой важный раздел – языковая политика»[118].

[118] Головко Е.В. Баланс языкового равенства. Беседа с чл.-корр. РАН Евгением Головко // https://scientificrussia.ru/articles/sotsiolingvistika (дата обращения: 20.06.2026).

Понятно, что применительно к лингвистическим сущностям устройство раскрывается через соотношение уровней (подсистем) языка как знаковой системы: фонетического, морфемного, лексического, синтаксического. Применительно к языковому устройству общества предметом становятся «внешние» (экстралингвистические) факторы, в том числе – те, что связаны с мотивами, принципами, инструментами политико-управленческого регулирования отношений по поводу языка и коммуникации.

Один из принципиальных доводов в пользу выбора понятия «устройства» в рассматриваемой предметной области связан с тем, что категориальный аппарат социолингвистики не в полном объеме учитывает такого существенного обстоятельства, как институциональный порядок.

В российских публикациях, посвященных институционализму в социальном познании, приводится суждение Дж. Ходжсона: «…языковые, денежные, правовые системы, системы мер и весов, правила дорожного движения и поведения за столом, а также фирмы (равно как и все прочие организации) – все это институты»[119]. Комментируя этот вывод, исследователь-теоретик институционализма – институциональной экономической теории - О.В. Иншаков замечает, что правильнее применять к названным объектам не понятие «институт», - но «институции». Логика положений, излагаемых в теоретической модели этого российского ученого, как представляется, может находить применение и для постижения лингвистических сущностей в их взаимодействии с политикой, шире – сознательным регулирующим воздействием со стороны властных и невластных акторов:

- институции — это «не произвольно созданные, а эволюционно возникающие из естественного и общественного разделения труда,

[119] Цит. по: Иншаков О.В. Институция и институт: проблема категориальной дифференциации и интеграции // Экономическая наука современной России. – 2010. - № 3. – С. 34 (26-38).

объективно существующие функциональные отношения между людьми, социально закрепленные обычаем или законом»[120];

- «институты – более сложное, производное явление в сравнении с институцией»[121];

- «действительное содержание институции – осознанные социальные отношения обособления и закрепления типичного действия в качестве общественно признанной и воспроизводимой функции в практике индивидуальных и коллективных субъектов, которые становятся представителями (агентами) данной институции»[122];

- «институции производят нормы и правила, а институты их укореняют и распространяют»[123];

- «двигаясь от внешних форм проявления к содержанию, институты можно рассматривать как системы институций с социальными правилами и нормами взаимодействия их агентов, объединенных в устойчивую структуру на основе эффективного общественного разделения функций в процессе совместной деятельности. …Категория «институт» должна выводиться не прямо из категории «институция», а опосредовано – через категорию «организация»[124].

Таким образом, к институциям следует относить предпринимательство, фермерство, бизнес, кредиторство, земство, христианство, воинскую службу, брак. Тогда как к институтам соответственно – предприятие, ферму, кредит, земский собор, церковь, армию, семью…

Можно правомерно предположить: социолингвистические понятия «социально-коммуникативная система» (и «языковая ситуация» как ее синхронное состояние в определенный отрезок времени) ассоциируются с *институциями* в том понимании, что в их основе – отношения между

[120] Там же. – С. 28.
[121] Там же. – С. 30.
[122] Там же. – С. 31.
[123] Там же. – С. 33.
[124] Там же. – С. 34.

людьми по поводу языковых оснований коммуникации и, как было сказано, получающие различные способы закрепления в виде обычаев или законов. В отличие от этого, языковое устройство общества образуется из *институтов,* организационно оформляющих такие отношения.

Те или иные трактовки регулирующего воздействия на языковую жизнь со стороны различных институтов – языковой политики – раскрывают различные стороны этого явления, различные функции и используемые инструменты. По-разному, с определенными нюансами формулируются составляющие этой отрасли политики. Применительно к данному случаю можно выделить те аспекты предмета, которые составляют его существенные свойства и не вызывают сомнений со стороны исследователей.

Прежде всего, большинство специалистов при рассмотрении языковой политики отталкиваются от того, что это – *сознательное* воздействие авторитетных и полномочных инстанций (в первую очередь – государства) на язык, конкретно – на его функциональную сторону и отчасти на его структуру, на сохранение или изменение в функциональном распределении языков. Момент сознательности составляет сущностное свойство онтологии, потому что влияние социальных акторов на языковые процессы и состояния происходит ~~по-разному~~ как сознательно, так и стихийно, естественным образом и без чьего-либо субъективного и преднамеренного вмешательства, помимо человеческой воли. Перемены в языковом устройстве общества чаще всего происходят под воздействием потребностей, которые возникают в связи с новыми реалиями в экономике, в социальной и политической сферах общественных отношений. Так, переход с одних экономических укладов на другие обусловливает меняющиеся языковые интересы. То же самое можно сказать об отношениях обмена, потребления и, разумеется, о политическом строе или об образовательной сфере, о культурной жизни.

В истории лингвистического научного знания вопрос о соотношении стихийных и сознательных начал в процессах использования языков ставился

и решался по-разному. Открытым также остается круг проблем относительно того, каковы пределы возможного властно-управленческого воздействия на функционирование языков. Швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр (1857 – 1913) в своем учении исходил из отрицания осознанного волевого воздействия на язык: «…Из всех сопоставимых действий языковой акт, если его можно так назвать, имеет характер наименее обдуманного заранее действия и в то же время наиболее безличного из всех действий. …Языковая деятельность не регулируется какими-либо человеческими нормами; человеческий разум не может постоянно корректировать и направлять ее и не делает этого»[125]. Язык, согласно аргументации ученого, - это такое установление, которое, в отличие от права или политической системы, основывается на произвольности своего знакового строя. Напротив, авторитетные ученые-языковеды, творившие в ранние периоды советской истории – в годы беспрецедентного по масштабам языкового строительства – Л.П. Якубинский, Н.Ф. Яковлев, Е.Д. Поливанов настаивали на необходимости проведения энергичной языковой политики[126].

Отечественные специалисты в области языкознания подчеркивают значение языковой политики как «сознательного и целенаправленного воздействия на язык». А.Д. Швейцер определяет ее как «систему мер сознательного воздействия на функциональную сторону языка – расширение его функций, сферы применения, социально-коммуникативной роли и т.п., и – в известных пределах – на его структуру»[127]. Л.П. Крысин отмечает регулирующее и кодифицирующее, нормативное воздействие на язык со стороны государства, выражающееся в составлении нормативных словарей, грамматик, справочников, имеющих статус общеобязательных руководств,

[125] Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. 41, 97.

[126] См.: Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 227-265.

[127] Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 150 (176 с.).

терминологических стандартов, способствуя тем самым коммуникативно целесообразному использованию средств литературного языка[128].

Социолингвистический подход к пониманию предмета языковой политики представлен в работах А.Н. Биткеевой. Языковая политика определяется как «воздействие государства на языковой, социальный, этнический факторы, она нацелена на урегулирование межэтнических отношений в регионе, способствует установлению взаимопонимания, толерантности в обществе, восстановлению и сохранению миноритарных языков»[129].

Далее, политика в любых своих проявлениях, в своем обобщенном виде представляет собой скоординированные действия, связанные с достижением целей. Следовательно, языковая политика также включает момент целеполагания, носит *целенаправленный* характер. Ориентиры, которые определяются в рамках выбранного курса или стратегии, могут включать различные стороны языкового устройства, языковых ситуаций и социально-лингвистических состояний. Это происходит на международном, общегосударственном, региональном и местном уровнях, а также – в различных сферах языкового применения (официальное общение, образование, СМИ, культурное производство, книжное дело). Планируемые в этой области меры, с обобщенной точки зрения, могут быть нацелены на закрепление официального статуса языков (государственного, официального, регионального и т. п.), на разработку алфавитов, например, или фиксацию норм литературных языков, составление грамматик и словарей, на постановку обучения языкам в системе образования и т. п. Направления языкового регулирования обладают различной мерой политической значимости или по-разному политизированы. «Языковая политика – это концентрированное выражение идеологических и социальных (в широком

[128] Крысин Л.П. Очерки по социолингвистике. – М.: ФЛИНТА, 2021. – С. 183-184 (360 с.).

[129] Биткеева А.Н. Языковая политика // Социолингвистика. – 2021. - № 2 (6). – С. 215 (213-226). DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-213-226

смысле) принципов, определяющих политическое, теоретическое и практическое отношение той или иной идеологической системы и государства к функционированию, развитию и взаимодействию языков, к их роли в жизни народа (народов). Языковая политика – составная часть национальной политики, зависящая от общих принципов последней… В понятие «языковая политика» можно вкладывать диаметрально противоположное содержание: политика подавления языков и политика развития национальных языков»[130].

Предмет регулирования в рамках реализуемой языковой политики, таким образом, носит весьма многосоставной характер. С одной стороны, в него входят так называемые *экстралингвистические* аспекты/факторы – то есть характеристики, образуемые во внешней среде или за пределами языка как системы знаков (абстрактного кода), правил которой придерживаются участники коммуникации. Это, в частности, выбор языка для использования в различных сферах общения, установление и закрепление «ранга» языков, или их «официализация»; усилия институтов власти и общественных кругов, создающие благоприятные – преференциальные, привилегированные условия для функционирования языков и их распространения; или – ограничительные меры, а также запретительные меры (рескрипции) по отношению к языкам, воспринимаемым как нежелательные в какой-то определенной социально-политической и культурной обстановке. С другой стороны, регулированию подлежат собственно *лингвистические* начала – создание стандартов литературного языка, их кодификация, определение графических основ языка – алфавитов, принципов устройства грамматики, лексики, терминологий, планирование и осуществление соответствующих реформ и проч.

[130] Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории / Отв. ред. И.Ф. Протченко. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – С. 255 (384 с.).

Следует, далее, иметь в виду, что конкретные шаги в названных областях не могут, разумеется, предприниматься в каждодневном режиме. Напротив, они носят дискретный характер, осуществляются в виде разовых актов, рассчитанных на длительную перспективу. Наиболее радикальные решения, к примеру, выбор языка в «ранге» государственного или официального, выбор графической основы языка (в частности, переход с кириллической системы письма на латинскую, как это было сделано в некоторых постсоветских государствах) принимаются в переломные моменты общественного развития. Это зачастую происходит по итогам социальных революций или в связи с провозглашением государственной независимости.

В контексте соотношения экстралингвистических и собственно лингвистических сторон языкового регулирования следует выделить еще одну важную сторону данной темы. Речь идет о том, что в сердцевине политики здесь, в отличие от узко понятых управленческих инструментов и технологий, всегда находятся политические смыслы и мотивации. Если мы рассматриваем именно политическое воздействие на языковые ситуации и процессы, то необходимо, прежде всего, выделять цели политического характера, программы и документы, отражающие позиции властных институтов, государственных органов, политических партий и других влиятельных субъектов. Как уже было показано, решающую роль здесь играют идеологические соображения и мотивации. Стремление воздействовать на коммуникативную среду общества, в том числе – на ее социально-лингвистические характеристики, как правило, не связано с отвлеченными намерениями усовершенствовать атмосферу общения как таковую, с некими абстрактными гуманитарными установками. Вопросы, касающиеся, языковой жизни и языковой политики и распределения соответствующих ресурсов между общественными группами, - это и вопросы политической организации конкретной социальной системы, вопросы

распределения власти и возможностей политического участия граждан. Поэтому важно различать сущностные (или, как иногда принято в наши дни говорить, *субстантивные*) подходы к планируемым политическим шагам в области языкового функционирования, с одной стороны, и *инструментальные* соображения, с другой стороны[131]. Последние проявляются тогда, когда проводимая языковая политика в действительности используется как средство достижения целей, лежащих вне задач усовершенствования условий общения между людьми, вне социально-коммуникативных ситуаций и процессов как таковых. Это могут быть мотивации, связанные с политической (или – этнополитической) мобилизацией, с усилением электоральных позиций политических действующих лиц, с легитимацией каких-то правящих сил или с дискредитацией политических оппонентов. Язык сам по себе, а также многоплановая проблематика языковых отношений представляют собой набор ресурсов для политиков, преследующих цели в других сферах общественных отношений. Соответствующие темы отличаются сравнительно легкой доступностью для эксплуатации в интересах пропаганды и манипуляции общественным мнением, так как здесь затрагиваются интересы практически всех индивидов и групп.

Практика властного и управленческого регулирования в рассматриваемом здесь контексте в каких бы конкретных исторических и культурных условиях она ни осуществлялась всегда содержит один фундаментальный момент. Это – двойственная природа языкового функционирования и вытекающая из этого внутренне противоречивая конструкция сознательного воздействия на этот предмет со стороны властвующих и общественных институтов. «Любая языковая политика в современных государствах, - как показывают ученые-специалисты, – …

[131] Мухарямов Н.М., Януш О.Б. Языковое устройство российского общества: факторы политической динамики / Под ред. Г.Ф. Лутфуллиной. – Казань: Отечество, 2022. – С. 127.

связана с взаимодействием двух естественных, но противоположных друг другу потребностей. Назовем их потребностью идентичности и потребностью взаимопонимания»[132].

Говоря по-другому, необходимо видеть двуединую перспективу, позволяющую сочетать преимущественно ***коммуникативные*** начала, свойственные функциям языка, с одной стороны, и ***символические*** измерения при использовании различных языков, с другой стороны. В первом случае возникает необходимость в поддержании успешного общения в масштабах всего социума, эффективного использования общего для всех кода, позволяющего всем включаться в единую систему информационного обмена. Без этого не могут поддерживаться и развиваться никакие институты в какой бы то ни было сфере общественных отношений. Это прагматическая, утилитарная сторона всего рассматриваемого комплекса – язык как средство общения. Во втором случае в центре внимания оказываются функции языка, связанные с тем, что это – средство самовыражения, средство этнокультурной самопрезентации индивидов и образуемых ими сообществ в многоязычной среде, средство манифестации культурной самобытности. Основой языкового устройства в российском контексте выступает двуединство культурно-коммуникативной консолидации, в основе которой лежит русский язык как язык государствообразующего народа и основа общероссийской гражданской идентичности, с одной стороны, и бережного отношения к культурно-языковому многообразию, включая гарантии права на сохранение родного языка и создание условий для его изучения и развития, с другой[133].

---

[132] Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Сравнительная политика. – 2013. – No 2. – С. 11 (11-22); Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000. – С. 11 (224 с.).

[133] Мухарямов Н.М., Януш О.Б. Языковое устройство российского общества: факторы политической динамики. – Казань: Отечество, 2022. – С. 119-120; Мухарямов Н.М., Януш О.Б. К вопросу о мезополитике культурно-языкового многообразия в российских условиях // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2025. - № 3. – С. 11 (10-22).

В этом сегменте тематического поля – «язык и политика» – в концентрированном виде соединяются политически и идеологически значимые смыслы, аналитические и методологические задачи. Нахождение меры, разумного сочетания обоих начал, о которых здесь идет речь, их органичного соединения в условиях языкового многообразия, поддержания бесконфликтного режима сосуществования – чувствительная сфера и стержневая задача языковой политики. Здесь требуются политическая воля и ответственность, политическое искусство, адекватные политико-управленческие технологии, тонко настроенные механизмы претворения в жизнь соответствующих решений и нормативных предписаний. Очевидных вариантов или каких-то «идеальных» моделей универсального свойства здесь не может быть найдено раз и навсегда или применительно ко всем конкретно-историческим ситуациям. Напротив, по поводу взаимодействия двух этих фундаментальных оснований социального устройства – языка и политики – ведется напряженная идейно-философская полемика.

К середине XIX столетия восходит знаменитый эпизод интеллектуального противостояния. Британский философ-утилитарист Джон Стюарт Милль (1806-1873) в своём сочинении «Размышления о представительном правлении» писал, что если «народности» пишут и говорят на разных языках, то становится невозможным единство общественного мнения, что необходимо для установления, по современной терминологии, политического режима демократии. Из противоположного лагеря звучали слова английского историка и политика лорда Актона (1843-1902) о том, что «соединение различных наций в одном государстве есть условие цивилизованной жизни».

Споры по рассматриваемому поводу продолжаются в новейшие времена. Одна философская и социологическая традиция трактует язык как неистощимое богатство, принадлежащее всем. Это – неделимое «всеобщее достояние», такая «кладовая», пользование которой одновременно означает и

ее пополнение. Французский социолог-теоретик Пьер Бурдье (1930-2002) писал в связи с этим о «лингвистическом коммунизме». Однако при этом предполагается, что такое состояние – это идеальная модель однородного языкового сообщества, состоящего из носителей высоких компетенций во владении высокими языковыми стандартами. В таком понимании язык предстает в виде «гиперколлективного» блага. Его полезность возрастает по мере увеличения числа говорящих. Использование языка не идет в форме потребления. Чем больше людей общаются на данном языке, тем в большей степени возрастают его ценность, ранг мощного ресурса и параметры языкового и культурного «капитала». При этом коммуникативная ценность языка исчисляется количественно. Это – функция от числа говорящих на данном языке как на родном и как на втором, или выученном языке (*'Q'*-ценность). Такой показатель составляет: для английского языка – 0.50; для французского языка – 0.19; для немецкого языка – 0.12[134].

Таким образом, политическое видения языкового устройства общества может исходить из определенного приоритета. Это – коммуникативная мощность такого средства общегосударственного общения, или объем функций языка, используемого в наибольшем количестве сфер общения. Эта позиция часто расценивается в виде либерального или неолиберального комплекса идей относительно языковой политики, как модель «свободного рынка». Доминирование «больших» языков с высоким коммуникативным рангом удовлетворяет потребности взаимопонимания, о чем было сказано выше, и интерпретируется в качестве результата своеобразного естественного отбора.

На другом полюсе – кристаллизуются идеи, исходящие из понимания языка как «души народа», а языковое многообразие истолковывается в том ключе, что это – часть наследия человечества, обладающее самоценным

[134] Swaan A. de. Words of the World. The Global Language System. – Cambridge, 2001. – P. 27-33.

значением. Всякий язык – независимо от его коммуникативного ранга или демографической мощности – представляет собой неоценимую составную часть культурного достояния человечества. Потеря любого языка ведет к утрате уникального и самобытного способа видения мира и его концептуального освоения. Утрата языка сравнима с исчезновением тех или иных видов флоры и фауны. В идеологических терминах в данном случае говорят о «зеленой», или *лингво-экологической* ориентации.

Защитники культурно-языкового разнообразия энергично адресуют свои обвинения силам и тенденциям «лингвистического империализма», и в первую очередь – экспансии английского языка. Этот язык подчас квалифицируется как «язык-киллер». Главным источником угроз по отношению к языковому наследию человечества и плюралистическому устройству многоязычной планетарной эко-среды называется корпоративная модель глобализации. С этой очки зрения, хищническая эксплуатация природных богатств в интересах хозяйственно-экономического «роста», приватизация публичной сферы и ее маркетизация (т. е. перевод на сугубо рыночные принципы существования), культурная унификация, агрессивное распространение капиталов – вот те стороны мировой тотальной стандартизации, которые имеют и языковые механизмы продвижения, и пагубные последствия для духовно-лингвистической мозаичности человечества. Английский язык расценивается в этом контексте в виде виновника «языкового геноцида» («лингвицида»), в виде языка «капитализма» и «неоимпериализма».

Оппоненты из противоположного лагеря упрекают такой экологически ориентированный подход в излишнем «лингвистическом сентиментализме». Контрдоводы здесь сводятся к тому, что язык и идентичность в действительности не обладают жесткой взаимной обусловленностью. Языковое разнообразие трактуется при этом в виде только лишь одного из измерений культурного разнообразия. Аналогия с биологическим

разнообразием расценивается как некорректная, так как культурно-языковая множественность может воспроизводиться и обновляться. Английский язык функционирует, согласно такому взгляду, при сохранении безграничной культурной специфики и этно-национальной идентичности самой Британии, Северной Америки, Ирландии, Индии, Австралии, Новой Зеландии, Нигерии, Гонконга, Южной Африки.

Наконец, в рассматриваемых смысловых структурах и ведущихся дискуссиях присутствует еще один сюжет, связанный с противопоставлением полярных способов видения предмета – по линиям «Запад – Восток» или «Север – Юг». Языковая интегрированность общества расценивается зачастую как признак модернизации и высокого уровня социально-экономического и технологического развития стран. Сложное же состояние многоязычия, культурно-языковая мозаичность, напротив, расценивается как атрибут архаичного состояния социума и признак слаборазвитых стран и регионов. Одним словом, тематическая область, связанная с языковой политикой, всегда была и остается ареной острых дискуссий.

Возвращаясь собственно к политическим измерениям, присущим практике управления этнолингвистическим разнообразием в условиях различных стран, следует обратиться к структурным параметрам и типологии языковой политики и ее направлений.

Объект языковой политики в рамках абстрактно теоретической модели трактуется с некоторыми особенностями, с исследовательским выбором тех или иных фокусов внимания. Выделяются типологические характеристики языковой политики:

- конструктивная (расширение социальных функций национальных языков);

- деструктивная (ограничение функционирования национальных языков, одностороннее развитие двуязычия);

- централизованная (общегосударственная, включающая обязательные решения);

- децентрализованная (решения и акты действуют в масштабах одного региона внутри государства и не распространяются на другие регионы).

Применительно к условиям нашей страны и ее регионов в социальной лингвистике принято выделять варианты языковой политики:

- однокомпонентная модель языковой политики – разные формы существования русского языка;

- двухкомпонентная модель – сосуществование двух доминантных языков, наделенных статусом государственных (в большинстве республик в составе Российской Федерации);

- трехкомпонентная модель с русским государственным языком и двумя республиканскими государственными языками;

- многокомпонентная модель с четырьмя и более языками, обладающими в регионе статусом государственных;

- дифференциальная модель, нацеленная на регулирование языков малочисленных народов и мигрантских групп[135].

Разработки зарубежных специалистов по теоретическому исследованию языковой политики содержат определенную специфику подходов к построению аналитических моделей. Одно из отличительных свойств западных разработок в этой области – дифференцированный подход к структурным характеристикам такой политики. Согласно общепринятым концептуальным представлениям разграничиваются аспекты политико-языкового регулирования. Во-первых, это решения и меры, относящиеся собственно к языковой политике институтов власти в отличие от «поддерживающих» действий широкого круга участников такого

[135] См.: Биткеева А.Н. Языковая политика // Язык и общество. Энциклопедия. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – С. 629-636

регулирования. Второе связано с такими категориями, как «языковое культивирование», «языковой менеджмент», «языковой инжиниринг» и проч.

Во-вторых, – это выделение областей, в которых проводится языковая политика. Сказанное иллюстрируется приводимой ниже схемой[136].

Таблица 1

Области и направления языковой политики в зарубежных разработках

Подходы	***Планирование языковой политики*** *(в области формы)*	***Планирование мер культивирования*** *(в области функции)*
Типы		
Планирование статуса (использование языка)	«Официализация» «Национализация» Стандартизация статуса Запреты	Возрождение Поддержание Распространение Межъязыковая коммуникация
Планирование овладения языком (носители языка)	Группы Образование / Школа Литература Религиозная сфера СМИ Рабочие места ---------- СЕЛЕКЦИЯ <u>Формальная роль языка</u> *Экстралингвистические цели*	Вторичное усвоение Поддержание Языковой сдвиг Изучение иностранных языков/второй язык/ грамотность ---------- ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ <u>Функциональная роль языка</u> *Экстралингвистические цели*
Планирование корпуса языка (язык как система)	Стандартизация корпуса «Графизация» (определение графической основы языка)	Модернизация лексики (новые функции) Модернизация стилистики (новые функции) Обновление (новые

[136] См.: Johnson D.C. Language Policy. – N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2013. - P. 122-123.

	---------- КОДИФИКАЦИЯ Форма языка *Лингвистические цели*	формы – старые функции) Пурификация (сохранение «чистоты» языка) Реформа Упрощение стилистики Унификация терминологии ---------- РАЗРАБОТКА Функционирование языков *Лингвистические цели*

Детализированная картина, отображающая практику языкового регулирования, призвана, далее, учесть конкретную направленность проводимого *курса* языковой политики. Соответствующая типология охватывает широкий спектр:

- политика ассимиляции, или придание привилегированного ранга одному языку в ущерб другим языкам;
- политика невмешательства (иногда такой курс получает характеристику через использование понятия «толерантность»);
- политика определения официального языка, когда предпочтение отдается одному языку;
- секторная политика (регулирование в конкретных сферах использования языков – например, в системе образования, в СМИ, судопроизводстве, в документообороте);
- политика дифференцированного юридического статуса (расширение прав официального языка и ограничение прав других языков);

- политика двуязычия или вариант трех языков (равноправный статус языков);

- политика стратегического многоязычия (обеспечение эффективного общения между людьми, говорящими на разных языках, плюралистический языковой режим);

- политика интернационализации языка (по отношению к языкам, обладающим международным коммуникативным рангом);

- политика смешанного типа (одновременное осуществление нескольких типов регулирования языковых отношений)[137].

Цели проводимой языковой политики формулируются посредством ориентиров, связанных с разноплановыми проекциями объекта. Последние могут подразделяться в зависимости от избранных критериев или оснований.

С одной стороны, это уровни или «секторы», применительно к которым ставятся те или иные целевые рубежи – те, что связаны с собственно лингвистическими (социально-лингвистическими) состояниями, а также с так называемыми «экстралингвистическими» моментами. Последние представлены обширным спектром – от структурно-организационных форм управленческой деятельности до церемониальных событий. Наконец, целеполагание в сфере языковой политики выражается в различной степени императивности, доступности для верификации (в том числе – измеримости планируемых результатов или «целевых индикаторов»), в различных способах обоснованности – с функционально-прагматической или символической точек зрения.

В теории языковой политики, согласно подходам зарубежных исследователей, к разряду специальных или собственно лингвистических (социально-лингвистических) ***целей*** языковой политики относят:

---

[137] См.: Руссо Л.-Ж. Разработка и проведение в жизнь языковой политики // Языковая политика в современном мире. – СПб.: Златоуст, 2007. – С. 98.

- языковую «пурификацию», или обеспечение чистоты употребления языка, его защиты от иноязычных заимствований и других форм «языковой девиации;

- возрождение языка, или попытки возвращения языка с минимальным количеством или полным отсутствием носителей к нормальному состоянию функционирования;

- реформа языка, или целенаправленное изменение в той или иной части языка (например, его орфографии, грамматики, правописания) с целью сделать более удобным его применение;

- стандартизация языка, или попытка повысить престиж регионального языка или диалекта до уровня, когда они бы признавались стандартными (или в более привычной российской терминологии – литературными) языками региона;

- распространение языка, или намерение расширить численность его носителей «за счет носителей другого языка»;

- лексическая модернизация, или создание и адаптация новых слов;

- терминологическая унификация, или развитие единой терминологии, особенно в технических областях;

- стилистическое упрощение, или упорядочение языкового использования в плане лексикона, грамматики и стиля;

- межъязыковая коммуникация, или обеспечение языковой коммуникации между представителями разных речевых сообществ;

- поддержка языка, или сохранение условий для использования родных («нативных») языков в качестве первых или вторых в тех ситуациях, когда эти языки испытывают давление и угрозы по отношению к своему статусу;

- стандартизация кодов вспомогательных языков, или создание условий для маргинальных языков, таких, например, как языковые средства общения для слабослышащих, включая правила транслитерации и транскрипции[138].

Дифференцированное видение языковой политики как комплекса проводимых практических мер предполагает различение некоторых векторов и подходов.

Таблица 2

Типы языковой политики[139]

Генезис	*«Сверху – вниз»* Политика на макро-уровне, проводимая властями и их полномочными представителями	*«Снизу – вверх»* Политика на микро-уровне, проводимая для сообществ и самими сообществами
Цели и средства	*Открытая* Явно выраженная в письменных политических текстах и выступлениях	*Скрытая* Намеренно маскируемая политика на макроуровне, скрытое противодействие на микроуровне
Документирование	*Эксплицитная* Официально закрепленная в письменных политических текстах и выступлениях	*Имплицитная* Политика, проводимая без закрепления в официальных текстах или вопреки таким текстам
В правовой сфере и на практике	*Dejure* Политика, предусмотренная в законодательстве и изложенная официально в письменной форме	*Defacto* Политика, проводимая на практике, зачастую – на местном уровне – и идущая вразрез с официально провозглашенным курсом или в отличие от такового

[138] См., например: Nahir M. Language Planning Goals: A Classification // Language Problems and Language Planning. – 1984. – Vol. 8, Issue 3. – P. 294-327.

[139] Источник: Johnson D.C. Language Policy. – Hampshire: Palgrave Macmillan, 2013. – P. 10.

Внутренние и международные процессы миграции по-разному порождают свойства языкового и культурного разнообразия, особенно в крупных мегаполисах принимающих стран.

Где бы ни находился человек, он обладает сегодня доступом к информации и к общению на том языке, который ему представляется предпочтительным в том или ином контексте. Так, какие угодно категории мигрантов, учитывая сравнительную доступность сети «Интернет» и мобильных устройств, могут находить удовлетворение своих культурных интересов, поддерживать связи с родными языковыми сообществами. При этом само качество культурно-языкового разнообразия претерпевает трансформацию.

Языковые сообщества невозможно рассматривать как физически обособленные и сосуществующие культурные «тела», а многоязычие – как «параллельное» одноязычие.

Традиционное понимание объекта языковой политики связано с понятием *«языковая ситуация»*, то есть с совокупностью собственно языковых образований – с языками, диалектами, говорами, с вариантами литературного языка. Среди признаков языковой ситуации обычно рассматриваются также и такие показатели, как демографические характеристики языков, их коммуникативная мощность, то, что называется функциональностью. Какие-то языки в социолингвистическом плане доминируют, другие – находятся в миноритарном положении, то есть – распространяются и используются среди этнокультурных сообществ с небольшой численностью, или – среди меньшинств. Преимущественно такой подход применяется для оценки и анализа этнического и языкового разнообразия в рамках того или иного политико-территориального образования, в стране или в ее регионах.

Суть данного подхода – в том, что «язык» (или – «языки») расценивается как своего рода данность. Их можно рассматривать в рамках

классификации, отнести к соответствующей «ячейке». Можно составить некую карту функционирования языков, создать соответствующий атлас, куда включаются так называемые «ареалы» распространения и использования. Языки при этом можно исчислить, разграничить по числу носителей, распределить по каким-то категориям.

Новейшие же подходы предполагают некоторое смещение фокусов: от языка или языков – к *коммуникации*. Привычные способы видения, о которых было сказано выше, не всегда учитывают плотность, силу и частоту связей, поддерживаемых в ходе общения людей между собой. Такое общение в реальной жизни происходит не только в каких-то сообществах, выделенных по признаку родных языков или так называемых «национальных» языков. Лингвистические различия включают и момент, который выдающийся российский филолог и философ Михаил Бахтин (1895-1975) называл «гетероглоссией» (разноречием»). Это – расслоение языка на социальные диалекты, жаргоны и другие формы существования.

Для понимания многих эпизодов действительности одного лишь понятия «язык» может оказаться недостаточно. Использование такого угла зрения, как коммуникация, открывает более широкие рамки для понимания и анализа реальных общественных процессов. Отсюда – научный и практический интерес к расширенной трактовке существа языковой политики.

В зарубежной научной литературе в качестве наиболее подходящего в этом смысле варианта определения языковой политики еще в начале 1990-х годов Гербертом Крисом был предложен подход: это - «любое публичное воздействие на коммуникативный радиус языков, сочетающее политические инициативы «снизу – вверх» и «сверху - вниз», посредством которых определенный язык или языки получают поддержку с точки зрения их общественного веса, их функциональности и распространения. Как и любая

политика, это – предмет для конфликтности и нуждается в регулярной перепланировке через постоянные дискуссии»[140].

Упор здесь, как следует из логики приведенного определения, делается на *коммуникативных* аспектах языкового регулирования, на такие характеристики языкового функционирования, как «общественный вес», а не на формальные или статусные моменты, не на нормирование корпуса.

Объектом властно-управленческого воздействия и в более широком понимании – языковой политики – становится не только языковая ситуация или этнолингвистическое многообразие общества, но и коммуникативное устройство, своеобразные *режимы* коммуникации. В отечественной научной литературе несколько десятилетий назад было предложено разграничивать две принципиальные стороны. А именно: социолингвистические и этнолингвистические стороны языкового устройства общества.

Первое ориентировано на межгрупповые различия, на общественные слои, или на социальную стратификацию по критериям демографического, социально-экономического плана.

Второе – на языковое выражение особенностей этнической духовной культуры. Языковая политика, следовательно, может выбирать в качестве своего целевого объекта *коммуникативную среду*. Такая среда представляет собой исторически сложившуюся общность с «сильными» внутренними коммуникативными связями, носящими интенсивный характер. Границы в данном случае не совпадают ни с привычными критериями расселения этнических общностей, ни с границами распространения языков.

На языковую жизнь во все времена сильнейшим образом воздействуют процессы развития информационных технологий и коммуникации, которые, возможно, специально никто не планировал. Языковое разнообразие в современных сложноорганизованных обществах испытывает на себе

[140] Цит. по: Wodak R., Savski K. Critical Discourse-Ethnographic Approaches to Language Policy // The Oxford Handbook of Language Policy and Planning. – Ed. by James W. Tollefson and Miguel Perez-Milans. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 93-112.

противоречивое воздействие множества факторов. Их действие обладает разнонаправленностью. Стремительные перемены происходят в информационной среде в связи с развитием цифровых технологий. Появляются небывалые возможности распространения сообщений и для общения между людьми «поверх» границ и в сиюминутном режиме. Применительно к языковой политике это также создает новую повестку. Можно по-новому «продвигать» языки – в том числе с малым числом носителей – как на местном, региональном или национальном уровне, так и в международном пространстве. Системное политико-управленческое воздействие на культурно-языковое многообразие обусловливает необходимость изучения роли и влияния информационно-коммуникационных технологий.

Интернет все более зримо становится ареной соотнесения различных интересов и инструментом языкового регулирования. Он выступает средой для мер публично-политического характера и разноплановых усилий в сфере национально-языковых отношений как традиционных агентов макроуровня, так и социальных акторов, осуществляющих деятельность по изменению языковых практик онлайн. Совершенно определенно, что будущее языкового многообразия, место и роль языков в инфраструктуре социальных коммуникаций в средне- и долгосрочной перспективе будет определяться новыми медиа. Аналитическое осмысление этой сферы языковой политики обусловливает учет ряда обстоятельств:

- исходной теоретико-методологической установкой могут служить два подхода к изучению Интернета: различие между Интернетом как интерактивным пространством и Интернетом как хранилищем текстов[141]. Первое относится к тому, что можно было бы назвать диалогической сетью,

[141] Kelly-Holmes K. Analyzing Language Policies in New Media // Research Methods in Language Policy and Planning: A Practical Guide, First Edition. Edited by Francis M. Hult and David Cassels Johnson. 2015. John Wiley & Sons, Inc. Published 2015 by John Wiley & Sons, Inc. P. 21 (Pp. 130-139). URL: https://www.academia.edu/15571297/Anayzing_Language_Policies_in_New_Media (дата обращения: 07.04.2025).

создающей пространство для социального взаимодействия, в основе которого лежат технологии Web 2.0[142]. Они ориентированы на равноправное предоставление возможностей и многоязычие, предполагают коллективное создание и редактирование информации самими пользователями. Этот контекст наиболее очевиден для изучения языковой политики «снизу – вверх». Интернет как хранилище текстов связан с монологической сетью - часто в значительной степени статичных текстов: индивидуальные домашние страницы, корпоративные сайты, новости, поисковые системы и т.д. Монологическая коммуникация, как таковая, ближе к традиционным медиа, предполагающим коммуникацию «одного – ко – многим» на основе технологий Web 1.0. Она позволяет исследовать вопросы, связанные с языковой политикой «сверху – вниз»;

- информационно-коммуникационная сеть сама по себе становится областью применения принципов, подходов и инструментов языковой политики – государства и всего разнообразия институциональных (и не институциональных) акторов, не являющихся правящими или публично-официальными, не обладающих специальными мандатами и полномочиями. В этой связи к практике сознательного влияния разнородных субъектов на языковое устройство общества в контексте меняющейся среды приложима методология сетевой публичной политики. Она заключается в конвергенции публичного пространства и цифровых технологий, или – «одновременно процесс и результат взаимодействия широкого круга разнообразных социально-политических акторов, использующих сетевые ресурсы и технологии для выработки решений проблем общественной значимости и их интеграции в управленческую практику»[143];

---

[142] Баранова В.В. Языковая политика без политиков: языковой активизм и миноритарные языки в России. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. С. 86 (238 с.) https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2580-7

[143] Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика // Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Аспект Пресс, 2018. – С. 250-251.

- расширение понятийного аппарата политико-управленческого воздействия на языковое многообразие, выражающееся в появлении новых терминов: языковая политика онлайн, цифровая витальность языка, цифровое языковое многообразие, цифровой языковой ландшафт, цифровые языковые ресурсы, цифровая языковая инфраструктура, малоресурсные языки и многое другое;

- технические проблемы измерения языкового многообразия в Интернете – индикаторы сетевого присутствия языков, имеющие фундаментальное значение для любой языковой политики и помогающие объективно определять текущее положение дел, отслеживать тенденции и оценивать последствия. Имеющиеся на сегодня количественные наблюдения за эволюцией языков в киберпространстве обладают релевантной исследовательской значимостью и свидетельствуют о существовании обратно пропорциональной связи между Интернетом и языковым разнообразием мира. Иными словами, Интернет лингвистически менее разнообразен, чем «реальный мир», и не является зеркальным отражением лингвистического разнообразия мира[144] по ряду причин, включая проникновение Интернета.

Таблица 3

Первые десять языков, используемых в Интернете
(численность Интернет-пользователей по языкам, по состоянию на 31 марта 2020 г.)[145]

[144] Soria C. Towards a Notion of “Digital Language Diversity” // Linguistic and Cultural Diversity in Cyberspace. Proceedings of the 3rd International Conference (Yakutsk, Russian Federation, 30 June – 3 July, 2014). – Moscow: Interregional Library Cooperation Centre, 2015. – P. 116.

[145] Internet world users by language. Top 10 Languages [Электронный ресурс]. URL: https://www.internetworldstats.com/stats7.htm (дата обращения: 02.04.2025).

ТОП-10 языков в Интернете	Общая численность населения, говорящего на данном языке	Интернет-пользователи по языку	Проникновение Интернета (% населения)	Рост Интернет-пользователей	% Интернет-пользователей мира
Английский	1 531 179 460	1 186 451 052	77,5 %	742,9 %	25,9 %
Китайский	1 477 137 209	888 453 068	60,1 %	2 650,4 %	19,4 %
Испанский	516 655 099	363 684 593	70,4 %	1 511,0 %	7,9 %
Арабский	447 572 891	237 418 349	53,0%	9 348,0%	5,2 %
Португальский	290 939 425	171 750 818	59,0 %	2 167,0 %	3,7 %
Индонезийский/ Малазийский	306 327 093	198 029 815	64,6 %	3 356,0 %	4,3 %
Французский	431 503 032	151 733 611	35,2 %	1 164,6 %	3,3 %
Японский	126 476 461	118 626 672	93,8 %	152,0 %	2,6 %
Русский	145 934 462	116 353 942	79,7 %	3 653,4 %	2,5 %
Немецкий	98 654 451	92 525 427	93,8 %	236,2 %	2,0 %
ТОП-10 языков	5 273 725 132	3 525 027 347	66,8 %	1 188,2 %	76,9 %
Остальные языки	2 522 890 578	1 060 551 371	42,0 %	1 114,1 %	23,1 %
Всего в мире	7 796 615 710	4 585 578 718	58,8 %	1 170,3 %	100,0 %

Общий вывод из предложенной табл. 3 состоит в том, что *на десять языков приходятся 76,9 % всех Интернет-пользователей*. Причем английский и китайский языки являются доминирующими: на них приходится 45,3 % пользователей во всем мире. На оставшиеся более 7 тысяч языков приходится 23,1 % Интернет-пользователей. Примечательно, что на протяжении последних десяти лет доля *остальных* языков по числу Интернет-пользователей увеличилась на 7 %: с 16 % в 2013 году до 23 % в 2020 г.

Таким образом, управление языковым устройством общества может быть определена как направление публичной политики, смыслообразующими началами которой являются критерии значимости в масштабах всего общества в целом. Речь идет о согласовании общественных

интересов и ориентациях на язык и культурно-языковое многообразие как коллективные блага. Властно-управленческое воздействие на языковое устройство сочетает в себе построение единого, связанного информационно-коммуникационного пространства в условиях цифровизации, с одной стороны, и поддержку, сохранение и развитие языкового многообразия, с другой. В силу центральных позиций информационно-коммуникационных технологий во всех аспектах социальной, политической, культурной и экономической жизни, включая отношения по поводу языкового устройства и языкового функционирования, по-новому артикулируется проблемное поле языковой политики. Последнее обусловливает обращение к осмыслению языка и политики, включая сетевые аспекты регулирования, в работах отечественных и зарубежных исследователей.

1.2. Изучение языка и политики в кросс-дисциплинарных перспективах

Проблематика языковой политики как системы мер властно-управленческого регулирования языкового устройства общества, включая аспекты сетевого регулирования, становится фокусом внимания со стороны исследователей, представляющих разные сегменты социально-гуманитарного знания, включая социолингвистику, социологию языка, этнологию, коммуникативистику, политическую науку, открывая множественность кросс-дисциплинарных перспектив.

Одна из линий (относительно по-своему самостоятельной и примечательной в контексте настоящего изложения) науковедческой рефлексии в рассматриваемой области выглядит проблематика научной кооперации между дисциплиной, относящейся к языковой политике и языковым планированием, с одной стороны, и политической наукой, включая политическую теорию, с другой стороны.

Прежде всего, оценочным лейтмотивом здесь выглядит неудовлетворенность положением дел, недостаточным уровнем, который достигнут на пути к междисциплинарному синтезу. Об этом пишут и российские, и зарубежные специалисты, обращающиеся к проблематике языковой политики. «В зарубежной литературе имеются многочисленные исследования языковой политики и политики языка, - пишет академик В.А. Тишков. – Что касается российской ситуации после распада СССР, то здесь, несмотря на некоторые устаревшие подходы, ведущие позиции занимают отечественные социолингвисты и антропологи. …В политологии тема языковой политики освещена более скромно, если не считать активно

разрабатываемые проблемы языка политики и так называемой политической лингвистики»[146].

Примечательный момент состоит в том, что ответственность за то, что научные усилия языковедов и специалистов в сфере политической науки остаются в разобщенном виде, вменяется как той, так и другой из сторон. Так, к примеру, Т. Рисенто отмечает, что многие аспекты академического дискурса о языковом планировании обладают релевантностью с точки зрения таких областей, как исследования образования, экономики, политики, истории, социологии, географии. В то же время, потребности в междисциплинарном характере здесь обсуждаются редко. Специфические грани языкового планирования – формулирование, имплементация, оценка – остаются недостаточно исследованными. Одна из причин «недостаточного внимания к механизмам языкового планирования» здесь, по мнению этого автора, состоит в том, что большинство социолингвистов и специалистов по прикладной лингвистике «либо имеют малую степень, либо не имеют никакой подготовки в области политической науки»[147].

Однако чаще в научной литературе отмечается то обстоятельство, что исследователи в области политической науки пренебрегают вопросами языкового регулирования как важного направления публичной политики или языковой политики как таковой. Хотя, как при этом признается, специалисты часто обращаются к темам, которые обладают релевантностью по отношению к предмету, - политике идентичности, к политике «различий».

Подчас разъяснения ситуации имеют обоюдно направленный характер, когда показывается, что исследователи-лингвисты, обращающиеся к вопросам языкового планирования и языковой политики «неадекватно основываются на политической теории». И, напротив, специалисты в области

---

[146] Тишков В.А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. – 2019. - № 3. – С. 128.

[147] Ricento Th. Language Policy: Theory and Practice – An Introduction // An Introduction to Language Policy. Theory and Method / Ed. by Thomas Ricento. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006. – P. 18.

политических наук «обращают слишком мало внимания на языковую политику»[148].

Исследователи, под редакцией которых вышла в свет уже упоминавшаяся монография «Государственные традиции и языковые режимы», 2016 г., С. Зонтаг и Л. Кардинал отмечают, что «политическая наука не стоит на переднем крае изучения и дебатов по поводу языковой политики», и «несмотря на нормативный поворот, который претерпевает политическая философия, и ее интерес к вопросам многообразия, выбор в области языковой политики остаётся недостаточно исследованным со стороны ученых в области политической науки[149]. Эти авторы формулируют свое видение академической исследовательской повестки, которая отличается от интересов тех, кто специализируется в области политической теории с их фокусом на нормативных аспектах. В отличие от этого, они предлагают сосредоточиться на таких разделах (субдисциплинах) науки, как сравнительная политика, политическая социология и публичная политика. Весьма показательно, что они заявляют о своих намерениях при помощи формулы – ***"politics of language policy"***[150]. В данном случае – перед нами любопытная подробность, связанная со своеобразными академическими лингвокультурами. Буквальный перевод этой формулы на русский язык будет неизбежно выглядеть тавтологичным – «политика языковой политики». В итоге некоторой деконструкции можно получить следующую интерпретацию – «область политических отношений и взаимодействий по поводу проводимого курса регулирования языковых отношений». Или (пользуясь разъяснениями М.В. Ильина, которые будут приведены чуть ниже) – «сфера, включающая феномены, события, процессы, представления,

[148] Phillipson R. Political Theory // Handbook of Language & Ethnic Identity / Joshua A. Fishman, ed. – New York: Oxford Univ. Press, 1999. – P. 94-108.

[149] Sonntag S.K., Cardinal L. Introduction: State Traditions and Language Regimes: Conceptualizing Language Policy Choices // State Traditions and Language Regimes / Ed. by Linda Cardinal and Selma K. Sonntag. – Montreal & Kingston: McGill Queen's Univ. Press, 2015. –P. 9.

[150] Ibid. – P. 9.

в связи со стратегиями, линией реализации принятых решений, «сознательной организацией политического дискурса относительно сознательного воздействия на языковую жизнь общества».

Исследовательское освоение языкового планирования и языковой политики – процесс разнонаправленный и во множестве испытывающий на себе действие социально-исторических, идейных, интеллектуальных факторов в их противоречивом взаимодействии.

Регулирование языкового устройства в российских условиях происходило в русле сложных формационных изменений социально-политического строя в стране и было отмечено – в том числе - не знающими исторических аналогов примерами национально-языкового расцвета «без всяких кавычек», и стало «одной из причин того, что в современном наборе общечеловеческих ценностей сохранение этнического и языкового многообразия человечества имеет столь большое значение»[151].

Научное освоение проблематики языкового строительства и языковой политики опирается на солидную отечественную академическую традицию. Современная социолингвистика не могла бы существовать как наука без тех идей, которые были выдвинуты российскими учеными первой половины XX века И.А. Бодуэном де Куртене, Е.Д. Поливановым, Л.П. Якубинским, В.М. Жирмунским, Ю.А. Лариным, А.М. Селищевым, Г.О. Якубинским[152].

В зарубежных академических дискурсивных пространствах – в их главным образом западноцентричных версиях – поворот от техницистского понимания языкового планирования к политическим способам видения предмета происходил под воздействием критических теорий обществознания. «Любая критическая теория, – пишет А. Марков, – исходит из нехватки языка, из того, что угнетенным не хватает языка, но и угнетатели

[151] Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – С. 312.

[152] См.: Там же – С. 12.

часто используют жесты насилия, а не язык»[153]. Подчас, хотя и не полностью бесспорным образом, пафос критической теории – *«прикладного постмодернизма»* - обозначается как стремление «деколонизировать все подряд, присущее и академическому сообществу, и политическим активистам[154].

В историко-научной реконструкции современного академического дискурса относительно языкового планирования и языковой политики широко признанным является то обстоятельство, что разработки в этой области предпринимались под определяющим воздействием постколониальных идейно-теоретических представлений. Проблематика колониальной зависимости отражается при этом в ретроспективных измерениях.

Относительно исторического опыта зависимости афро-азиатских и южноамериканских территорий в контексте политико-языковых отношений и с точки зрения критической социолингвистики анализируются идейно-теоретические установки евроцентристских унитарных исторических представлений, в том числе – фреймов «колонизаторской модели мира» и «лингвистического доминирования Запада»[155].

Евроцентричная модель диффузии применительно к истории языковой политики и языкового планирования основывалась, согласно этим подходам, на вопросах языка и грамотности как элементов превосходства Запада в его соперничестве со «слаборазвитыми» обществами. Грамотность интерпретировалась при этом как инструментальное начало по отношению к развитию исторического мышления, как ключевой компонент рациональности, уходящей корнями в западную цивилизацию. Все, что

[153] Марков А. Критическая теория. – М.: РИПОЛ, 2021. – С. 15.

[154] Плакроуз Х., Джеймс Л. Циничные теории. Как все стали говорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого. – М.: Individuum, 2022. – С. 94, 101.

[155] Wiley T.G. The Lessons of Historical Investigation: Implications for the Study of Language Policy and Planning // An Introduction to Language Policy. Theory and Method / Ed. by Thomas Ricento. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006. – P. 140-147.

оценивалось положительно, включая доминирующий язык, зародилось вначале на Западе, а затем получило распространение на периферии, которая усваивала соответствующие модели. Опыт западной политики лингвистической стандартизации, будучи увязанным с нациестроительством, был призван служить в качестве модели для многоязычной периферии. «Языковое планирование само по себе, – как пишет Т. Уилей, – рассматривалось как форма социальной инженерии, которая может быть использована для продвижения достижений образования через массовую грамотность в «неразвитых» обществах, что расценивалось как движущая сила экономического роста и модернизации. На макроуровнях этот технократический взгляд на языковое планирование типичным образом расценивал языковое многообразие как причину социальной и экономической отсталости»[156].

Исследования языкового планирования и языковой политики получили новые импульсы после провозглашения независимости бывшими колониями во второй половине XX века. Концептуальные рамки рассматриваемой академической дисциплины задавались установками, связанными с исследованиями национализма и нациестроительства.

Динамика, характерная для трансформации дисциплины, изучающей языковое планирование и языковую политику, как при этом отмечается, испытывает воздействие переплетающихся академических интересов, с одной стороны, и политико-бюрократических интересов, с другой стороны.

Один из наиболее развернутых обзоров стадиальной эволюции научных представлений, подходов и методологических инструментов, применяемых в практике изучения языкового планирования и языковой политики на Западе, содержится в публикациях Томаса Рисенто. На первой фазе этой эволюции, как показывает этот автор, в качестве центральных элементов выступали:

[156] Ibid. – P. 143.

(1) деколонизация и формирование новых независимых государств – *социально-политическое измерение на макроуровне*;

(2) преобладание структурализма в социальных науках – *эпистемологическое измерение*;

(3) глубокая уверенность (как минимум, на Западе) в том, что языковые проблемы могли быть разрешены через планирование, главным образом – в публичном секторе – *стратегическое измерение*[157].

Решающая роль на этой стадии, согласно этому анализу, принадлежала экспертам-лингвистам, занятым во многих частях мира разработкой грамматик, систем письма, словарей для языков коренных народов. Эти меры начали квалифицироваться как отдельная составляющая «языкового планирования» (термин был введен в понятийный инструментарий прикладной лингвистики Эйнаром Хаугеном в конце 1950-х годов).

Смысловые акценты, таким образом, приходились на эффективности планируемого курса языковой политики.

Итоги первой – ранней – стадии разработки языкового планирования и языковой политики, как показывает Т. Рисенто, выразились в ряде характеристик:

1. Цели языкового планирования часто ассоциировались с желанием унификации (региона, нации, религиозной группы, политической группы или групп другого рода), с желанием модернизации, эффективности и демократизации.

2. Язык расценивался как ресурс, обладающий ценностью, и в этом качестве выступающий объектом для планирования.

3. Планирование статуса и планирование корпуса виделись как относительно обособленные области деятельности – хотя и не без сложностей, но идеологически нейтральные.

---

[157] Ricento Th. Historical and theoretical perspectives in language policy and planning // Journal of Sociolinguistics. – 2000. – No 4/2. – P. 197.

4. Языки рассматривались абстрагировано по отношению к социально-историческим и экологическим контекстам[158].

Дж. Толлефсон выделяет в свою очередь две характерные черты или «предположения» рассматриваемого фазиса («неоклассического» в его терминологии) в развитии дисциплины:

(a) национальные государства и, в частности, национально-образовательные инстанции, должны находиться в фокусе внимания исследователей деятельности в сфере языкового планирования и языковой политики, которая имеет первостепенную значимость для целей развития и модернизации;

(b) решения относительно языковых проблем, которые носят, скорее, технический, а не политический характер, должны разрабатываться специалистами, которые, как правило, не принадлежат к сообществам, испытывающим воздействие таких решений в области языкового планирования и языковой политики[159].

Одна из суммирующих характеристик этого рассматриваемого – раннего – этапа в становлении дисциплины, разрабатывавшей темы языкового планирования и языковой политики, отражает неполитические, неидеологические, прагматические и техницистские способы интерпретации предмета, позитивистские и структуралистские парадигмы, лежащие в основании применяемых подходов[160]. Это суждение со всей наглядностью демонстрирует одну из ключевых антиномий языкового регулирования – ***политико-технологическое*** (технократическое) vs ***публично-политическое*** конструирование всей системы такого сознательного и целенаправленного воздействия на языковое устройство.

---

[158] Ibid. – P. 200.

[159] Tollefson J.W. Language planning and language policy // The Cambridge Handbook of Sociolinguistics / Ed. by Rajend Mithrie. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. - P. 361.

[160] Goundar P.R. The Characteristics of Language Policy and Planning Research: An Overview // Sociolinguistics – Interdisciplinary Perspectives / Ed. by Xiaoming Jiang. – Zagreb: In Tech, 2017. – P. 81-88 // https://www.intechopen.com/books/sociolinguistics-interdisciplinary-perspectives/the-characteristics-of-language-policy-and-planning-research-an-overview

Начало второй стадии рассматриваемого развития, обычно датируемое началом 1970-х годов, демонстрирует как моменты преемственности в разрабатываемых темах и приемах, так и ряд новых направлений исследовательской активности.

Социально-экономические контексты в работах по языковому планированию и языковой политике, выходивших в 1970-1980-е годы в западном академическом дискурсе, детерминировались факторами неоколониализма, новыми – и более глубокими - формами зависимости. В исследуемой области общественного устройства бывших колоний стали проявляться структурные факторы, препятствующие модернизации, а языковое планирование как одна из сфер «ресурсного менеджмента» также стало обнаруживать отсутствие результативности и сложность в деле оценки эффективности социального инжиниринга в языковой сфере[161].

В философско-методологическом плане на этом – втором – фазисе развития рассматриваемой дисциплины стал намечаться отказ от позитивистского видения языка как заданных и очерченных сущностей, поддающихся рациональным предписывающим воздействиям. Понимание предмета, скорее, начало смещаться от языков как таковых (как социально-лингвистических объектов) – к положению речевых сообществ и соответствующих отношений в тех или иных экстралингвистических контекстах.

Исследовательские фокусы, далее, стали смещаться с проблематики планирования статуса языков, со стандартизации и модернизации – в направлении социальных, экономических и политических факторов, обстоятельств и эффектов, в том числе – соответствующих измерений неравенства. Разрабатываемая проблематика стала увязываться с поиском объяснений, в силу каких причинно-следственных связей тот или иной язык расценивается как «высокий» и, какова корреляция между полезностью,

[161] См.: Ricento. Op. cit. – P. 201.

жизнеспособностью языка “*x*” и социально-экономическим положением его индивидуальных и групповых носителей. Соответственно социолингвистические категории «билингвизма», «диглоссии», «многоязычия» стали восприниматься сквозь призмы концептуальной и идеологической сложности, а также недоступности для формальных таксономий.

Еще одним аспектом разработок данного рассматриваемого периода в развитии дисциплины, рассматривающей языковую политику (следовательно, уже не только меры по планированию статуса или корпуса языков), становится дифференцированное видение проводимого курса языкового регулирования в обществе. С точки зрения семантических нюансов терминологического использования следует отметить, что существительное «политика» может быть использовано во множественном числе (“policy” – “policies”), или – «политики» в различных вариантах.

Таблица 4

Рамка ориентиров языковой политики[162]

Политические ориентиры	**Характеристики политики**
Ориентация на продвижение	Правительственные (государственные) агентства распределяют ресурсы для поддержки официального использования миноритарных языков
Ориентация на целесообразность	Более слабая версия политики, ориентированной на продвижение, когда законы не предназначены для расширение использования миноритарных языков, но используются для краткосрочного распределения
Ориентация на толерантность	Характеризуется заметным отсутствием государственного вмешательства в языковую жизнь миноритарных сообществ
Ориентация на запреты	Законодательный запрет или сокращение использования миноритарных языков

[162] Johnson. – Op. cit. – P. 35.

«Нулевая» политика	Отсутствие в значительной степени политики признания миноритарных языков или языковых вариантов
Ориентация на репрессии	Активные усилия, направленные на искоренение миноритарных языков

В обобщенном плане можно констатировать: по мере становления дисциплины, разрабатывающей проблематику языковое планирование и языковую политику, от ранних этапов к современным имело место последовательное расширение предметного поля. В результате усложнялась не только сюжетно-тематическая номенклатура и методологический инструментарий, но и кросс- (интер-) дисциплинарные характеристики научного направления. Преобладание подходов и гносеологических приемов прикладной лингвистики уступало место комплексной организации практики научных разработок и диверсификации способов концептуализации политико-языковых феноменов.

Это также происходило за счет включения в исследовательскую повестку все большего числа разноплановых объектов и факторов экстралингвистической природы, в том числе – относящихся к явлениям, связанным с властно-управленческими отношениями. Иными словами, профиль дисциплины приобретал в нарастающих масштабах измерения и качественные признаки политичности.

Свой вариант историко-научной периодизации предлагают авторы монографии «Дискурсивные подходы к языковой политике», вышедшей под редакцией британских лингвистов Э. Баракос и Дж. Унгер (2016 г.). В книге выделяются «четыре волны» изучения языковой политики в англоязычной литературе. Сквозной линией этого анализа становится разворачивание логики критического анализа в рамках соответствующей парадигмы социального знания в целом. Начиная с 1990-х годов, как показывают авторы, можно говорить о становлении отдельной субдисциплины – «критической языковой политики» с ее методологемами:

(1) критическое отношение к традиционным исследованиям языковой политики;

(2) влияние критической социальной теории;

(3) акцент на взаимоотношения между языком, властью и неравенством, что стало занимать центральное место в концептуальной системе относительно языка в обществе;

(4) названные концептуальные подходы повлияли на развитие общественного активизма[163].

Языковая политика на «третьей» волне развития дисциплины в 1990-е годы стала интерпретироваться влиятельными исследователями как потенциальный «политический механизм гегемонии», механизм маргинализации языковых меньшинств и легитимации «языкового империализма». Нарастающее внимание в контексте критической парадигмы социолингвистики стало отводиться дискурсивным измерениям во взаимодействии «язык – политика».

Объект рассмотрения стал восприниматься в более многостороннем ключе, как многоуровневая система отношений, когда макроуровень анализа стал дополняться изучением взаимодействий на микроуровнях.

С точки зрения настоящего изложения следует отметить принципиальную значимость того, что в предметном комплексе, относящемся к сфере языковой политики, на одно из центральных мест стала выдвигаться тема агентивной роли акторов (в том числе – на индивидуальном уровне), присутствующих на арене политико-языковых отношений.

«Четвертая» волна в становлении отпочковавшейся субдисциплины отмечена такими характерными чертами, как оформление дефиниций

---

[163] См.: Barakos E. Language Policy and Critical Discourse Studies: Toward a Combined Approach // Discursive Approaches to Language Policy / Ed. by Elisabeth Barakos and Johann W. Unger. – L.: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 23-50; Johnson D.C. Theoretical Foundations // Discursive Approaches to Language Policy / Ed. by Elisabeth Barakos and Johann W. Unger. – L.: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 11-22.

«языковой политики»; эмпирической проверкой теоретических схем; усилением фокуса на методологические аспекты в исследованиях, на этической проблематике и персональных измерениях, на правозащитных составляющих; развитие дискурсивных аналитических подходов к языковому планированию и языковой политике[164].

«Ясно то, – пишет Т. Рисенто, – что в качестве раздела социолингвистики исследование языкового планирования и языковой политики должно иметь дело с вопросами языкового поведения и идентичности и, таким образом, должно откликаться на запросы, связанные с дискурсивным анализом, этнографией и критической социальной теории. Представляется, что ключевой переменной, отделяющей прежние позитивистские и техницистские подходы от более новых критических и постмодернистских подходов, является агентивность, что означает роль индивидов и коллективов в процессах языкового использования, в позициях и – в конечном счете – в политике»[165].

В концептуально структурированном виде современное состояние дисциплины, исследующей языковое планирование и языковую политику, отображает в своем изложении Дж. Толлефсон. Этот авторитетный в социолингвистическом сообществе специалист выделяет три подхода, что соответствует трем концептуальным рамкам.

Во-первых, это – мировая система языков, построенная по известной логике теорий развития и в более широком плане – мир-системного анализа (в парадигме «центр – периферия»). Разделение труда между наиболее развитыми доминирующими экономиками, с одной стороны, и отстающими зонами, с другой стороны, отражается на конкурентоспособности языков, а «гиперцентральный» английский язык вытесняет местные языки в качестве

[164] Johnson (2016). Op cit. – P. 13-17.
[165] Ricento. – Op. cit. – P. 208.

средства обучения. Это происходит при решающей роли такого ***актора*** политико-языковых отношений в зонах мирового Юга, как местные ***элиты***.

Во-вторых, выделяется теоретическое направление – экология языка, лингвистического империализма и лингвицизма. Доминирующие языки, как при этом подчеркивается, выступают инструментом инклюзии, тогда как языки в подчиненном положении – эксклюзии. В центре внимания в данном случае оказываются перспективы этноязыкового многообразия как самодовлеющей ценности, требующей специальной политики сохранения. В контексте языковых угроз, витальности языков, их развития и возрождения особая значимость начинает принадлежать человеческой ***агентивности***.

В-третьих, в качестве теоретического элемента общей концептуальной конструкции Дж. Толлефсон выделяет также теорию «governmentality». Этот термин М. Фуко переводится на русский язык как «правительственность» или «правительность». В контексте исследования языкового регулирования он отражает то, какую роль играет языковая политика в политическом и культурном воздействии на общественные отношения. В отличие от термина «управление» (политико-административные функции и роли), эта категория, по словам автора, «отвечает всей сложности административных, правовых, финансовых, институциональных, профессиональных сил, практик и техник, при помощи которых регулируется индивидуальное и групповое поведение». При этом в сфере языковой политики особое значение приобретают дискурсивные стороны, дискурсивные «режимы»[166].

В рамках такого научного направления, как политическая семиология и политическая концептология, российскими исследователями проводится рефлексия по поводу семантических нюансировок понятия «политического». Теоретические и методологические суждения, сформулированные в этой области, способны играть роль концептуальных предпосылок для расширения когнитивного аппарата в практике исследования политико-

[166] Tollefson. – Op. cit. – P. 367-375.

языковых отношений в целом, конкретнее – применительно к проблематике языковой политики (языкового регулирования). Так, М.В. Ильин анализирует этимологические аспекты возникшего в античные времена концепта *«полития»*, звучащего «пока непривычно для русского уха», однако дающего возможность отразить коренное понятие *политическая система*[167]. Начиная с новоевропейских времен, как показывает автор, происходит размежевание понятий. *Полития* сохраняет значение политического целого. При этом начинают обозначаться или получать концептуализацию различающиеся смысловые линии – такая сторона политической системы, как государство, с одной стороны, и как гражданского общества, с другой стороны. «За словом *полития,* – пишет М.В. Ильин, – в этих условиях начинает закрепляться значение специфического обобщенного качества политической системы – порядка и упорядочения. В английской традиции, например, существовавшая в течение столетий взаимозаменяемость форм polity–policy в XIX в. Трансформироваться в средство различения политической целостности и упорядоченности (polity) и некой последовательно проводимой политическим актором логики упорядочения, его *политики*, или политической линии (policy). Выделяется также концепт политической сферы, всей полноты, но не обязательно целостности и упорядоченности политических феноменов. Это понятие выражается словом politics, представляющим собой множественное число субстантированного прилагательного, т.е. «политические» феномены, события, взгляды и т.п. Заимствуется и континентальное понятие (и слово) *полиция*.

Таким образом, развитие понятия полития в новоевропейской традиции, помимо ответвлений в виде республики и конституции, дает набор концептов: политическое целое, политический порядок, его институционально-дисциплинирующее ядро и, наконец, смысловая и

[167] Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – С. 257.

логическая организация политического процесса для развертывания политической системы, т.е. то, что в последние годы стало принято именовать *политическим дискурсом*»[168].

Из приведенных суждений следует, что понимание категории «политическое» приобретает различающиеся смысловые наполнения в зависимости от контекстов:

- политика как ***policy*** – та или иная линия деятельности, стратегия, курс и, как специально выделяет М.В. Ильин, «сознательная организация политического дискурса»;

- политика как ***politics*** – сфера, в которой происходят события, присутствуют феномены, формируются взгляды, складываются многообразные волевые отношения по поводу власти и влияния (и, следовательно, присутствует самый пестрый состав участников, «действующих лиц», по-разному осознающих и выражающих свои интересы).

На новейших фазисах историко-научной эволюции рассматриваемой (суб-)дисциплины происходит определенная семантическая диверсификация категориального строя и, прежде всего, - использование смысловой многозначности самого понятия «политика» применительно к практике языкового регулирования. Этот термин становится предметом концептуальной рефлексии, включая довольно тонкие этимологические и когнитивные рефлексии. Так, Я. Блуммерт и его коллеги в одной из программных статей прибегают к такому инструменту концептуализации регулирующего воздействия на многоуровневое языковое устройство, как “policing” – отглагольному существительному, которое выглядит как одно из производных от «полиса», «полития». Авторы ссылаются на разъяснения Мишеля Фуко, напоминающего, что слово «полиция» в XVII столетии обозначало рациональный государственный менеждмент – набор средств,

[168] Там же. – С. 269, 271.

посредством которых поддерживается надлежащий порядок в государственных делах. Продуктом “policing” является порядок. «Государство, как мы знаем, - пишут авторы, — это лишь один из акторов среди многих, регулирующих языковое поведение в современных глобализированных обществах. …мы исходим из того, что используемые М. Фуко понятия «полиции» и “policing” могут быть продуктивно распространены на то, чтобы охватить широкий диапазон действующих лиц – от государства до индивидов, гражданского общества и корпоративных акторов». Смысл предлагаемого категориального приема – концептуального сдвига - состоит в развитии исследовательской области, центрированной на акторах (“actor-centered field of inquiry”).

Методологические характеристики такого сдвига формулируются в виде набора положений, меняющих видение языковой политики:

1. От «политики» - к более широкому полю нормативности и, таким образом, к «policing». Многоязычные медийные контексты демонстрируют возникающие практики, которые ставят под вопрос концепт языка, который был кодифицирован в модернистскую эру в официальной языковой политике. Эти практики могут быть с трудом классифицированы в устоявшихся дихотомиях (таких как, «сверху – вниз» и «снизу – вверх») и континуумов («явное – скрытое»).

2. От «многоязычия», которое концептуализировано в политических терминах как параллельное одноязычие, к «гетероглоссии» с усиливающимся акцентированием «голоса» по сравнению с «языком». В этих медиатизированных средах, к которым предстоит обращаться, язык не является преимущественным объектом политического воздействия, но, скорее, это также – регистры, жанры, стили, лексика и произношение (в случаях, когда оно становится элементом обращения, значений и идентичности).

3. От моноцентричного (или гегемонистского) видения национального государства как основного актора и проектировщика языковых норм – к полицентричным языковым средам, которые могут включать или не включать национальные единицы. Например, новые медиа (интернет или компьютерные игры) создают транслокальные моменты деятельности[169].

Применительно к рассматриваемой предметной области важны те контексты, которые входят в сферу интересов политического анализа, в том числе – с точки зрения институциональных подходов. Соответствующие смысловые грани включают разнящиеся интерпретации и, следовательно, концептуальные образы институтов и версии институционализма в их специфику. Исследователи выделяют социально-деятельностный (устойчивые практики, основанные на системе норм и правил, на социально-профессиональных ролях), поведенческий («модели поведения, которым обеспечена общественная поддержка»), организационный (структурирование и регулирование сводом формальных правил), социально-конструктивистский (неоинституциональный) подходы к предмету[170]. В других вариантах типологическая картина строится на дифференциации концептуальных образов институционализма и роли институтов в политическом процессе. Это – нормативная версия институционализма, теория рационального выбора, теория организаций, это, далее - исторический, конструктивистский, сетевой варианты институционализма[171].

Институционализм как самостоятельное направление в изучении языковой политики – в отличие от экономической теории, социологии, политической науки – все еще весьма далек от состоявшегося оформления.

---

[169] Blommaert J., Kelly-Holmes H., Lane P., Leppänen S., Moriarty M., Pietikänen S., Piiranen-Marsh A. Media, multilingualism and language policing: an introduction // Language Policy. – 2009. – No 8. – P. 203.

[170] Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: Коллективная монография / Под ред. Л. В. Сморгунова. – М.: Аспект Пресс, 2018. – С. 214.

[171] Современная политическая наука: Методология / Отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2019. – С. 125.

Наблюдается некоторая асимметрия векторов исследовательского внимания к «языку в институтах» и «институтам в языке». Первая из названных перспектив сегодня получает свои программные очертания в качестве области междисциплинарных разработок[172]. Во втором направлении, связанном с осмыслением институциональных факторов языковой политики, только делаются первые шаги в сторону синтеза социолингвистики и политической науки[173].

В зарубежных научных публикациях по текущему состоянию разработки темы, касающиеся языковой политики в связи с современным институциональным пространством, также оцениваются как сравнительно «неисследованные» (или, по-другому — «не нанесенные на карту»)[174].

в современных теоретических рефлексиях о политической науке, изложенных в 1990-х годах в наиболее систематизированном виде, содержатся ключевые постулаты относительно данной темы. Институты «не могут быть изменены в одночасье по воле агентов», они не меняются «также часто, как властные структуры или иные существующие параллельно с ними общественные структуры». Далее, они «не конструируются, но, скорее, эволюционируют». Политические институты нельзя сводить только к формализованным правилам (к тому, что было записано на бумаге), но также — и ко всем типам «постоянно повторяющегося поведения», к «привычкам» и «культуре». Это – не только «правила игры», но и факторы, воздействующие на ценности, в том числе – на коллективную идентичность, доверие и солидарность. Наконец, восприятие политики в новейших

---

[172] *Иншаков О.В.* Лингвистика институциональной экономики / О. В. Иншаков, Д. П. Фролов. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – С. 7, 18, 21.

[173] *Борисова Н.В.*, Бородина Л.С. Языковая преференциальная политика как тема и арена баланса / дисбаланса в межэтнических отношениях // Балансируя притязания: этническое региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств / под ред. П. В. Панова. – Москва: Политическая энциклопедия, 2017. — С. 164—165; *Борисова Н.В.* Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях. – Москва: Политическая энциклопедия, 2017. – 189 с.

[174] Codó E. Language Policy and Planning, Institutions, and Neoliberalisation // The Oxford Handbook of Language Policy and Planning / ed. by James W. Tollefson and Miguel Pérez-Milans. — Oxford: Oxford Univ. Pr., 2018. — P. 480.

концептуальных образах связано с ее пониманием как «ограниченного применения социальной власти». Историческое наследие, случайность, природа социальных правил и политических режимов, их возможностей — это многослойная модель таких ограничителей[175].

Приведенные способы понимания предмета открывают новые перспективы и служат приращению эвристических возможностей при исследовании языковой политики, преодолевающем традиционно сложившиеся рамки субдисциплины для придания ей межотраслевого статуса в социальном познании.

В практике исследования языковой политики можно найти примеры – конкретные случаи – использования эпистемологии, подходов, инструментов и техник институционального анализа. Не претендуя на сколько-либо полный обзор (нео)институциональных подходов к этой предметной области, можно привести несколько достаточно репрезентативных примеров.

Одно из обозначившихся направлений – применение приемов, характерных для экономического неоинституционализма. Широкую известность получили разработки Дэвида Лэйтина в рамках парадигмы рационального выбора по проблематике этнических конфликтов, идентичности и, что наиболее показательно в рассматриваемом контексте, – языковой политики. Этот автор, которого относят к мэтрам современной американской политологии, неоднократно использовал в своих исследованиях инструментарий теории игр. Одна из его статей называется «Вавилонская башня как координационная игра. Политическая лингвистика в Гане»[176]. Декларируя релевантность соответствующего инструментария экономического неоинституционализма для изучения этнолингвистических материй, этот влиятельный специалист энергично призывает отказаться от

[175] Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудинаи, Х.-Д. Клингеманна; науч. ред. русск. изд. Е.Б. Шестопал. – Москва: Вече, 1999. — С. 43.

[176] Laitin D. The Tower of Babel as a Coordination Game: Political Linguistics in Ghana // American Political Science Review. – 1994. – Vol. 88. – No 3. – P. 631, 634.

противопоставления рациональности и культуры, которая традиционно ассоциируется с аффективными началами. Экономическая деятельность также испытывает воздействие обычаев. С другой стороны, «рациональное» не тождественно «материальному». Соображения максимизации статусов и чести (элементов идентичности) могут основываться на калькуляциях так же, как и калькуляция благосостояния[177]. Техника анализа политико-языковых вопросов (главным образом — в постколониальных контекстах), применяемая Д. Лэйтиным, базируется на принципах «равновесия Дж. Нэша», концепции конфликта и кооперации в версии теории координационных игр Т. Шеллинга (нобелиатов в области экономики). Языковую политику в бывших африканских колониях он предлагает строить с учетом комбинаторики теории игр, когда результат может выглядеть как а) оптимальный для всех участников игры, но неустойчивый; б) устойчивый, но неоптимальный. Искомое равновесие зависит не только от «свободного рынка языковых инвестиций», но и от вмешательства государства с его волей и мотивациями. При этом, как подчеркивает сам автор, используемая абстрактная модель не дает каких-то точных решений применительно к «проклятью Вавилона», но, скорее, предлагает аналитическую репрезентацию, способствующую поиску решений[178].

Приложения методологии рационального выбора, включая теории игр, к этнолингвистическим отношениям вызывают как положительное отношение в академических кругах, так и возражения оппонентов. Существенно то, что подходы Д. Лэйтина способствуют лучшему пониманию роли языковых «вопросов» в политической повестке, в частности в конкуренции элит. С другой стороны, аргументы критиков оперируют такими квалифицирующими характеристиками, как недостаточность историзма и учета традиций, инструментализм, отождествление этнических и

[177] Laitin D. Identity in Formation. The Russian-Speaking Population in the Near Abroad. – Ithaca, London: Cornell Univ. Pr., 1998. – P. 366.

[178] Laitin D. Op. cit. – P. 631, 634.

языковых сообществ лишь с одной из разновидностей групп интересов. Один из упреков состоит в том, что рационализация и эффективность понимается в данном случае как языковая унификация до тех пор, пока политическая стабильность не сталкивается с угрозами[179].

Второе исследовательское направление в области языковой политики, относящееся к рассматриваемому методологическому разряду, — исторический неоинституционализм, представляющий собой один из альтернативных вариантов данной парадигмы в противовес рациональному выбору, экономическим аспектам и методологическому индивидуализму. Гносеологическим ядром здесь выступает концепт «тропы зависимости» (“path dependency”), играющий роль своеобразного пароля в академической стилистике (роль, вероятно, аналогичную той, которую играют «транзакционные издержки» в исследованиях институциональной экономики). Объяснительная функция понятия, описывающего эволюцию институтов, строится на выявлении того, как изменения в среде общества соотносятся с трансформацией давно укоренившихся установлений, насколько институциональная динамика зависит от опыта пройденного пути. Смысл исторического детерминизма этой версии неоинституционализма состоит в том, чтобы определить границы, заданные прошлыми траекториями, и ту степень, в которой они ограничивают выбор людей и политических акторов[180].

Специфичным комбинациям традиций, государственной политики и институтов применительно к языковому устройству общества посвящен академический проект Международной ассоциации политической науки (IPSA) и его исследовательского комитета «Политика языка» (RC50). Определяющая методологическая установка проекта и итоговой монографии

---

[179] Sonntag S.K., Cardinal L. Introduction: State Traditions and Language Regimes: Conceptualizing Language Policy Choices // State Traditions and Language Regimes / ed. by Linda Cardinal, Selma K. Sonntag. — Montreal & Kingston: McGill Queen’s Univ. Pr., 2015. — P. 11.

[180] Сморгунов Л.В. Сравнительная политология. — Санкт-Петербург: Питер, 2012. — С. 72.

связана с использованием категорий неоинституционализма — «традиции государства» и «тропа зависимости» — в перспективах сравнительной политической науки. Авторы показывают, каковы системные особенности языковых режимов с различающимися типами институционализации. К примеру, ценности многоязычия могут не подчеркиваться, а языковая политика – не концептуализироваться как область публичной политики, служащая социальным и образовательным интересам в условиях либеральных рыночных и политических институтов и в целях экономической конкурентоспособности (США)[181]. Как контрастирующий пример – французы, которые, в отличие от британцев с их неписаной конституцией, воспринимают свой язык как «неотъемлемую часть государственного аппарата. …воспринимают институты со всем их чиновничеством и язык со всеми его правилами»[182].

Весьма заметной стороной западного академического дискурса относительно языкового планирования и языковой политики выглядит то, что научные разработки в этой области, предпринятые в Советском Союзе и в современной России, остаются, как правило, за рамками должного внимания.

Между тем, новейшая российская политическая лингвистика демонстрирует чрезвычайно энергичное самоутверждение. При этом ее развитие объяснимым образом и целенаправленно пошло по пути дивергенции. Один из авторитетных инициаторов и лидеров в этой области специально разъяснял принципиальные отличия изучения политической коммуникации и исследования в области языковой политики ***государства***. Как пишет А.П. Чудинов, «специалистов по политической лингвистике

[181] Sonntag S.K. State Tradition and Language Regime in the United States: Time for Change? // State Traditions and Language Regimes / ed. by Linda Cardinal, Selma K. Sonntag. — Montreal & Kingston: McGill Queen’s Univ. Pr., 2015. – P. 44 – 61.

[182] *Safran W.* Postscript: Reflection on States and the Uses of Language // State Traditions and Language Regimes / ed. by Linda Cardinal, Selma K. Sonntag. — Montreal & Kingston: McGill Queen’s Univ. Pr., 2015. – P. 258.

интересует то, как говорят политики, а специалисты по языковой политике занимаются тем, что политики делают (или должны делать) для оптимального использования языка»[183].

Научная разработка широкого тематического спектра, охватывающего политические факторы языкового функционирования, принципы, стратегии и модели языковой политики, в отечественном исследовательском поле отражает растущие потребности в понимании многосложных реалий. Динамика поздне-перестроечных процессов включала бурную политизацию языковых вопросов – часто конфликтную, - что включалось, в том числе, в мобилизационный этнополитический потенциал притязаний на независимость. Распад союзной государственности практически повсеместно в новых независимых государствах демонстрировал легитимирующую роль языковой политики, часто – за счет демонстративного дистанцирования от русского языка. Краткий, но насыщенный опыт «парада суверенитетов» в российском внутриполитическом процессе также вызвал обостренный интерес к региональным языковым ситуациям. Противоречивое сочетание процессов дезинтеграции и интеграции в евразийском контексте и ревитализация проектов «Русского мира» в наши дни, не говоря уже об острых дискуссиях вокруг переосмыслении доктринальных основ и практики национальной политики, образовательных реформ в российских условиях и концептуализации поликультурного образования, — все это выводит проблематику языковой политики в центр современной повестки. Наконец, события на подступах к украинскому кризису, вокруг и в ходе него продемонстрировали, чем в реальности чреваты неадекватные представления и не продуманные, односторонние политические решения относительно правового статуса языков и языковых сообществ, и как это может воспроизводить конфликты и направлять их по пути эскалации.

[183] Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – С. 8.

Обширная литература о языке и политике, увидевшая свет за последние два с половиной десятилетия, имеет труднообозримые масштабы и многообразие. По сравнению с другой ветвью, с российской (коммуникативной и дискурсивной) версией политической лингвистики, массив отечественных работ, посвященных языковой политике, имеет преимущественно не учебную жанровую направленность, но собственно исследовательскую принадлежность и соответствующий авторский состав.

Это, например, этапные по своему значению коллективные монографии и сборники, подготовленные при ведущей роли специалистов по социолингвистике Института языкознания РАН и их коллег из других институтов и регионов[184].

Начало выхода в свет журнала «Социолингвистика» и концептуальные проекты, разрабатываемые этим институтом в сотрудничестве с коллегами из других академических структур - это выход всего академического дискурса о языковой политике на принципиально новый уровень.

В целом, идейная ориентированность преобладающей части публикаций российских специалистов в рассматриваемой отрасли связана с экологической парадигмой – с установками на всемерное сохранение культурно-языкового многообразия страны.

Среди значимых достижений в рассматриваемой сфере – круг работ академика В.М. Алпатова, выделяющихся объективным подходом к роли русского языка в многоязычной среде российских регионов и в международном коммуникативном пространстве в противовес популярным негативным прогнозам четверть вековой давности, а также преувеличенным оценкам степени политизации предмета. Позиция этого автора по

[184] Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции / Отв. ред. Михальченко В.Ю., Крючкова Т.Б. – М.: Эдториал УРСС, 2000; Решение национально-языковых вопросов в современном мире / Под ред. акад. Е.П. Челышева. – М.-СПб.: Златоуст, 2003; Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / Под. ред. акад. Е.П. Челышева. – М., 2010; Языковая политика в современном мире. По материалам Третьего и Четвертного международных семинаров по государственной языковой политике и актуальным проблемам двуязычия (Париж, 2005; Санкт-Петербург, 2005-2006). – СПб.: Златоуст, 2007.

отношению к официальной языковой политике в России критична – здесь не достаёт четкости и целенаправленности, напротив, эта политика характеризуется как слаборазвитая. Языковые аспекты реформы образования, в частности, введение обязательной сдачи ЕГЭ на русском языке, по оценкам ученого, «возвращают языковую политику даже не к советским временам, а к дореволюционной политике обрусения, и на практике ведут к свертыванию образования на малых языках. А если нет целенаправленной политики, то ее место занимает рыночная стихия. …Надежды и иллюзии времен «перестройки» ушли в прошлое»[185].

Помимо социолингвистики, темы, связанные с языковой политикой, шире – с политическими факторами языкового многообразия, активно разрабатываются учеными-этнологами.

Академический дискурс по поводу политики в области многоязычия, статусные и коммуникативные взаимодействия мажоритарных и миноритарных элементов и их политических представителей, критика гетероглоссии как политического курса - сквозная линия работ академика В.А. Тишкова. Реалистичная языковая политика призвана, согласно его позиции, содействовать элиминации чрезмерной политизированности, языкового национализма и языкового романтизма. Ключевая идея в данном случае – баланс между экологической парадигмой и коммуникативной прагматикой как в исследовательской, так и в политической практике. Размывание и перемешивание языковых ареалов, усложнение языкового репертуара современного человека, ревитализация языков диктуют: государственная языковая политика «будет развиваться в сторону признания и поддержки многоязычия, в том числе и официального многоязычия на уровне государства или его отдельных регионов. …И многоязычие как личностная установка и как политика наряду с официальным одно и

[185] Алпатов В.М. Двадцать лет спустя // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция, Москва, 21-24 июня 2010 г.: доклады и сообщения. – М.: Тезаурус, 2010. – С. 2.

двуязычием будет становиться все большей нормой языковой коммуникации граждан в рамках государственных сообществ, включая Россию»[186]. Анализ законодательных, образовательных, масс-медийных аспектов языковой политики, состава ее субъектов сопровождается в проводимых исследованиях массивом эмпирических данных, экспертными оценками и политическими рекомендациями, результатами мониторингов политико-языковых процессов в российских регионах. Эти результаты свидетельствуют, что «языковые проблемы не оказывают радикального воздействия на общественно-политическую ситуацию»[187].

Отдельного разговора заслуживают научные труды такого авторитетного этнолога, на протяжении многих десятилетий специализирующегося в проблематике языковой политики, М.Н. Губогло. Объемный тематический комплекс – политико-мобилизационный потенциал языковых проблем, соотношение субстантивных и инструментальных аспектов политических притязаний в этой области, языковые реформы в новых независимых государствах, языковое законодательство, языковые режимы и равноправие языков, нормативные основания двуязычия и в целом языковой политики – получил разработку в многочисленных публикациях этого автора. Эти работы отмечены критическим пафосом по отношению к «виртуально-романическому языковому законодательству» и «этноязыковому волюнтаризму».

Исследование многоплановых взаимодействий языка и политики включает несколько принципиальных аналитических перспектив, которые могут быть сгруппированы по двум принципиальным основаниям:

- язык в политике (политическая коммуникация, политические языки и социолекты, политический дискурс, политическая семантика, политическая метафора и проч.);

---

[186]Тишков. – Указ. соч.

[187]Статус и поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации. Экспертный доклад. – М., 2009.

- политика в языке (языковая политика и языковое планирование, языковые режимы, языковые идеологии, языковой менеджмент и языковое культивирование).

Анализ политических факторов языкового функционирования в контексте различных академических традиций, направлений и национальных школ осуществляется посредством диверсифицированных понятийных средств. Часть артикулируемого в этой области словаря получила распространение в мировой научной литературе в виде общепризнанных и разделяемых всем сообществом языковедов, социолингвистов, социологов языка, (в последнее время все чаще) и политологов. Это - семантический круг с ядром в лице «языкового планирования и языковой политики» и окрестности в виде сопутствующих терминологических образований: «языковой менеджмент», «языковой инжиниринг», «языковое культивирование», «языковые интервенции», «языковые идеологии», «экономика (политэкономия) языка». Некоторые компоненты этого мультидисциплинарного категориального аппарата подвергается той или иной рецепции в разработках отечественных специалистов, некоторые пока в русскоязычный оборот не вовлекаются.

В работе «Язык и Интернет», написанной в 2001 году и переизданной в 2004 г., британский лингвист Дэвид Кристал отмечал, что если бы ему пришлось написать свою книгу пять лет назад, он не смог бы этого сделать по причине отсутствия научных исследований в данной области[188]. Появление современных информационно-коммуникационных технологий, существенно трансформировавших все сферы жизни общества и государства, повлекли за собой появление новых исследований, осмысливающих новую реальность. Одними из первых зарубежных публикаций в тематическом комплексе «язык и Интернет» стали работы, выражающие обеспокоенность доминированием в мире английского языка, и были посвящены Интернету

[188] Crystal D. Language and the Internet. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. VIII.

как новой арене его распространения[189]. Не поддающееся исчислению количество публикаций связано с влиянием Интернета на лингвистическое многообразие, - «онлайн судьбу» малых языков и языков, находящихся под угрозой исчезновения. Большинство из них представляют кейс-стади/тематические исследования одного языка в онлайн-контексте[190]. Проблемные вопросы осмысливаются в духе потенциала Интернета в поддержке и даже ревитализации языков, находящихся под угрозой исчезновения, либо потенциальных угроз для языков мира, процессы исчезновения/утраты которых наблюдались до изобретения компьютерных сетей[191].

Еще один вопрос, волнующий зарубежных исследователей, связан с методологиями измерения лингвистического разнообразия сети и с учетом технологических факторов в существующих системах/шкалах определения языковой витальности. «Количественные исследования языков находятся в зачаточном состоянии», отмечают авторы сборника аналитических материалов, выпущенного в рамках Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»[192]. Вместе с тем, в основе языковой политики в киберпространстве должны лежать надежные индикаторы сетевого присутствия языков. Это то, что позволит объективно определить текущее положение дел, отслеживать тенденции и оценивать последствия. Наблюдение за эволюцией языков в киберпространстве не является исключением из общего правила, а напротив, скорее подчеркивают существующие пробелы в накопленном материале.

---

[189] Dor D. From Englishization to imposed multilingualism: Globalization, the Internet, and the political economy of the linguistic code // Public Culture. – 2004. – 16(1). – P. 97-118; Paolillo J. How Much Multilingualisn? Language Diversity on the Internet // The Multilingual Internet. Language, Culture, and Communication Online. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 408-430.

[190] Wiggers H. Digital Divide: Low German and other Minority Languages // Advances in Language and Literary Studies. – 2017. – Vol. 8. No. 2. – P. 130 – 142; или Paricio-Martin S.J., Martinez-Cortés J.P. New ways to revitalize minority languages: the impact of the Internet in the case of Aragonese // Digithum. The Humanities in the Digital Era. – 2010. – N0.12. – P. 1 – 11.

[191] Cunliffe D. & Herring S. Introduction to Minority Languages, Multimedia and the Web // New Review of Hypermedia and Multimedia. – 2006. - 11:2. – P. 131-137. DOI: 10.1080/13614560512331392186.

[192] Net.lang: на пути к многоязычному киберпространству: Пер. с англ. / Ред. перевода Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2014.

На стыке исследований медиа, прикладной лингвистики и социолингвистики в зарубежных исследованиях сформировалась отдельная область изучения, в фокусе внимания которой находятся сложные отношения между медиа, сохранением и развитием миноритарных языков – исследование медиа на миноритарных языках (MLM Study – Minority Language Media Study). Общей нитью работ в рамках данного направления выступает убеждение в том, медиа играют решающую роль в поддержании и развитии миноритарных языков и по причине их символической роли в признании миноритарных культур частью современного мира, и в силу их способности легитимировать существование используемого языка, и в силу их способности усиливать дискурсивные практики построения идентичности[193]. Исследовательская повестка названного направления в последние несколько лет включает в себя тематику так называемых новых или социальных медиа - блоги, бизнес-сети, корпоративные сети, фото- и видеошеринги, сайты обзоров и отзывов, социальные игры и социальные сети как частную разновидность социальных медиа. В фокусе внимания исследователей реальность Web 2.0, сайты социальных сетей и бытование языков меньшинств в сетевом пространстве: онлайн и оффлайн лингвистические практики молодых носителей валлийского языка на примере пространства Facebook, грамотность и письменные коммуникации в онлайн мире на примере люксембургского языка, онлайн активность носителей кашубского языка, валийскоязычное медиапространство на YouTube и многое другое – все то, что вписывается в перспективы многоязычия скорее на микросоциолингвистическом и макросоциолингвистическом уровне использования различных языков в различных цифровых медиа[194].

[193] Sheyholislami J. Review. Minority Language Media: Concepts, Critiques and Case Studies. Edited by Mike Cormack and Niamh Hourigan. Clevedon: Multilingual Matters LTD. 2007. 274 pp. // Canadian Journal of Communication. – 2009. – Vol 34. – P. 757-767.

[194] См., например: Social Media and Minority Languages Convergence and the Creative Industries / Edited by Elin Haf Gruffydd Jones and Enrique Uribe-Jongbloed. – Bristol: MULTILINGUAL MATTERS, 2013. – 276 p.

В коллективную монографию 2019, посвященную миноритарным языкам, года включена глава Д. Канлиффа о языках меньшинств и социальных медиа, в которой автор предлагает анализ современного понимания взаимосвязи между социальными сетями и политикой ревитализации миноритарных языков. Исследователь подробно описывает использование валлийского языка в социальных сетях и делает вывод о том, что социальные сети создают благоприятную среду для использования языков меньшинств[195]. Т. МакГонагл и Т. Моринг высказывают мысль о том, что цифровизация разрушила традиционные связи между медиа и языковой политикой и планированием, что обусловливает необходимость политико-правовых изменений, направленных на совершенствование языковой политики продвижения и защиты языков, находящихся под угрозой исчезновения[196].

В отечественной цифровой гуманитаристике активно развиваются исследования в русле описательной статистики. Коллектив авторов из Высшей школы экономики собирает количественные данные об интернет-сегментах на миноритарных языках России. С помощью специальных технологий поиска анализируются сайты и страницы в социальных сетях, на которых присутствуют тексты на одном из языков России. Исследователи отмечают, что «ни один параметр онлайн-данных не коррелирует с оффлайн-данными по языку»[197].

Собственно политологические вопросы и, следовательно, концептуализация языковой политики и новых медиа, получают свое

---

[195] Cunliffe D. Minority Languages and Social Media // The Palgrave Handbook of Minority Languages and Communities. Edited by Gabrielle Hogan-Brun G. and O'Rourke B. – London: Palgrave Macmillan, 2019. – P. 451-480.

[196] McGonagle T and Moring T. LANGUAGE POLICY AND REGULATION IN THE OLD AND NEW MEDIA // THE ROUTLEDGE HANDBOOK OF LANGUAGE POLICY AND PLANNING. Edited by Michele Gazzola, François Grin, Linda Cardinal, and Kathleen Heugh. – London and New York: Routledge, 2024. – P. 518 (510 522).

[197] Орехов Б., Зайдельман Л., Крылова И., Попов И., Степанова Е. Миноритарные языки России в Интернете: описательная статистика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – 2016. - № 15(22). – С. 452-461.

решение в крайне ограниченном количестве исследований как за рубежом, так и в отечественной науке. Один из ведущих зарубежных специалистов по изучению языковой политики К. Холмс отмечает: «Роль информационно-коммуникационных технологий в языковой политике – это недостаточно изученная область исследований, заслуживающая дальнейшего изучения… Если рассматривать технологии просто как способ реализации языковой политики, разработанной правительством, - хотя это лишь один из аспектов, - мы упустим фундаментальный сдвиг, произошедший с точки зрения роли агентности в языковой политике»[198]. Она же предлагает схематический обзор этапов исследований языковой политики с учетом влияния на нее технологического развития.

Таблица 5

Схематический обзор развития исследований, посвященных языковой политике и планированию (ЯПП)[199]

Эра в исследовании ЯПП	**Объединения и агенты, входящие в анализ ЯПП**	**Эмпирические инструменты и подходы к практикам и представлениям**	**Представления о политике и языке** **Перспективы структуры/агентности** ***Типичный слоган***
ЯП 1.0	Основанные на территории нации-государства и автохтонные языковые сообщества	Документарный анализ и описание; количественные исследования практики Убеждения, выведенные/предположенные на основе данных переписей населения,	Эксперты влияют на политику, принимаемую сверху вниз, в конкретных географических регионах Языковая

[198] Kelly-Holmes H. Language policy 4.0: Agency, readiness and relevance in an increasingly automated future. 2023 // https://wpull.org/wp-content/uploads/2023/03/WP309-Kelly-Holmes-2023.-Language-Policy-4.0.pdf (дата обращения: 30.06.2026).

[199] Ibid.

		опросов и интервью	сегрегация Активная позиция принадлежит лицам, принимающим политические решения; особое внимание уделяется структуре *Язык — это инструмент для решения проблем в обществе, и сам по себе он является решаемой проблемой для правительств, школ и т. д.*
ЯП 2.0	+ Транснациональные коммерческие корпорации	Больше наблюдений и этнографический исследований в таких учреждениях как школы Изучение практик с целью понимания политик (и убеждений)	Неявная/де факто политика Языки разделены (с гиперцентральным, суперцентральным, центральным или периферийным статусом) Объекты политики обладают определенной, хотя и ограниченной, агентностью Язык является (разрешимой) проблемой для международного бизнеса

ЯП 3.0	+ индивиды и языковые сообщества микроуровня	Виртуальный этнографический и компьютерно-опосредованный микроуровневый дискурс-анализ Нормативность управления и языковая идеологическая практика	Критический анализ результатов языковой политики Интеграция языков (в сверхразнообразном «гиперлингвистическом обществе») Особое внимание уделяется агентности местных акторов, поскольку пользователи сами создают контент *Индивиды объединяются для решения своих языковых проблем с помощью технологий и рынка*
ЯП 4.0	+ полная/частичная автоматизация посредством ИИ	Всё вышеперечисленное плюс новые методы? Алгоритмическая рефлексивность	Более ограниченные масштабы для «проективной» политики? Но, возможно, больший итеративный акцент на основе существующих политик, доступных в интернете? Интеграция языков (в индивидуализированном идиолингвистическом подходе)?

			Агентность алгоритмов? *Автономные технологии предвидят и решают наши языковые проблемы на индивидуальном уровне?*

Примечательно, что наступивший этап исследований языковой политики 4.0 (LP 4.0/ЯП 4.0) содержит больше вопросов о представлениях о политике и языке, перспективах агентности, нежели прямых ответов. Среди них следующие:

- насколько актуальны и адекватны прежние инструменты языковой политики и планирования в условиях цифровизации? И далее – приложимы ли широко используемые аналитические дилеммы языкового регулирования – «сверху-вниз» VS «снизу-вверх», явные VS неявные формы проведения политики, «де-юре» VS «де-факто» способы оформления к языковой политике онлайн?

- состав акторов языковой политики в новых условиях и их мотивации? Медиа будут переплетены со всем: не только с новостями, информацией, участием в общественных делах или развлечениями, к которым мы привыкли; но и с вождением или поездками на автомобилях, покупками, знакомствами, спортом, развлечениями и т. д., а также другими функциями и практиками информационного общества и Интернета вещей. Большая часть всего этого по-прежнему будет осуществляться на языке. Но на *каком* языке?

Кто (или что) будет управлять имеющимися языковыми репертуарами — и *как*?[200]

- есть ли необходимость в перепрофилировании прежних режимов языкового регулирования или потребность в новых/альтернативных формах языковой политики и планирования? – пока не получили развернутого концептуального оформления в рамках политической науки и обусловливают потребность в дальнейших исследованиях.

В то же время новейшая стадия научного и экспертного освоения предметного поля языковой политики в Российской Федерации демонстрирует заметное приращение и прикладных разработок в исследовании вопросов цифровизации языков народов России. Примечателен тот факт, что сразу несколько заседаний в 2024 году заметного в российском политико-языковом дискурсивном пространстве Дискуссионно-аналитического клуба Института языкознания РАН было посвящено проблемам и новым возможностям, которые открывают информационно-коммуникационные технологии для языков России. Прозвучали доклады, посвященные открытым Интернет-энциклопедиям, помощи искусственного интеллекта в сохранении языков, сервисам и технологиям компании «Яндекс», цифровым решениям для поддержки татарского языка и т.д.[201]. Начиная с 2020 года перспективы и вызовы цифровизации для языков России стали постоянным направлением в рамках ежегодного форума «Языковая политика в Российской Федерации», проводимого Федеральным агентством по делам национальностей[202]. Принимая во внимание основное назначение

[200] McGonagle T and Moring T. LANGUAGE POLICY AND REGULATION IN THE OLD AND NEW MEDIA // THE ROUTLEDGE HANDBOOK OF LANGUAGE POLICY AND PLANNING. Edited by Michele Gazzola, François Grin, Linda Cardinal, and Kathleen Heugh. – London and New York: Routledge, 2024. – P. 518 (510-522).

[201] 42-е заседание Дискуссионно-аналитического клуба по вопросам языковой политики (ОНЛАЙН) // https://iling-ran.ru/web/ru/workshops/250318_daclp (дата посещения: 20.04.2025).

[202] См., например: Сборник материалов форума «Языковая политика в Российской Федерации». — М., 2022. — 180 с. // https://fadn.gov.ru/press-centr/news/v-moskve-sostoyalsya-v-yubilejnyij-forum-«yazyikovaya-politika-v-rossijskoj-federaczii»/file-download/l-z0859j8j9n8tesjpb0h68evjiqv-3v (дата посещения: 20.04.2025).

Форума – быть площадкой для диалога между ключевыми участниками реализации российской языковой политики – это не только полезное начинание в деле осмысления цифровых вызовов, но и формат поиска *определяемого объекта* сознательного регулирования для политиков и органов государственной власти в новых контекстах языковой политики. Иными словами, аналитические ракурсы, представленные в докладах ученых, практиков, активистов, могут быть ответом на вопрос, что могут сделать лица, принимающие решения, и регулирующие органы в сфере целенаправленного воздействия на языковую жизнь в условиях стремительно растущего влияния цифровых технологий.

Изменение ракурсов исследовательского внимания в сторону тематики цифровизации языковой политики не распространяется на большинство представителей академического и экспертного сообщества и, следовательно, не получает статуса парадигмальности, пребывая в сфере отдельных исследовательских сегментов. Можно провести параллели между «цифровым поворотом» в исследованиях языковой политики с другими гносеологическими феноменами – «дискурсивным» и «коммуникативным» поворотами в научном освоении тематического круга языковой политики. Однако решение актуальных задач в сфере новых технологических решений, применимых к сохранению языкового многообразия, обусловливает важность научных исследований и возможности выходы на новые уровни междисциплинарного синтеза с продуктивным участием специалистов в области языкознания, политологии, социолингвистики и специалистов в области информационных технологий.

1.3. Политико-лингвистические основания цифрового суверенитета

Ценностная и идеологическая составляющие информационно-политической динамики в современных российских условиях отмечена ростом запроса на «суверенность во всем»[203]. Номенклатура предметов, на которые распространяется такой запрос, приобретает небывало расширенный вид, охватывая самые разнородные сущности – от «цивилизационного суверенитета» и до самых парадоксальных, может показаться, производных значений типа «эпистемологического суверенитета». Тема языка при этом также не остается в стороне.

Категория «суверенитет» и формируемые в связи с ней концептуальные образования обладают такими конфигурациями значений, которые заведомо исключают какую-либо одномерность. Смысловая двузначность - «независимость / верховенство» - не единственный аспект сложносоставной логики восприятия рассматриваемого здесь предмета. Использование терминологии суверенности напрямую обусловлено контекстами.

Во-первых, суверенитет Российской Федерации закреплен в Основном Законе в высоком государственно-правовом статусе как одна из основ конституционного строя (статьи 3, 4). Изменения в Конституции, введенные Законом РФ от 14.03.2020, включают часть 2, Статьи 67 – «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности». Во-вторых, в российском законодательстве не содержится отдельной дефиниции термина «суверенитет», а в качестве наиболее авторитетного источника при его трактовке в официально-институциональном дискурсе ссылаются на формулу из Постановления Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г.: «Суверенитет,

[203] ВЗГЛЯД / Как рушатся четыре столпа глобального западного господства // https://vz.ru/world/2024/11/21/1299185.html (дата обращения: 28.04.2025).

предполагающий, по смыслу статей 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции Российской Федерации, верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус»[204]. Проблематика суверенитета (шире – суверенности), практически всегда предстает в виде гетерогенной в смысловом плане картины. Предмет концептуализации предстает не в одной только лишь, но в различающихся проекциях.

Один из часто цитируемых современных специалистов в теме Ст. Д. Краснер предложил четырехчастную аналитическую картину суверенитета, включая характеристики (правила) модального плана:

1) международно-правовой суверенитет, включающий моменты полномочий и легитимности, но не контроля, и, строящийся на взаимном признании;

2) «вестфальский» суверенитет, правилом которого является исключение внешних акторов – как defacto, так и dejure – с территории государства;

3) внутренний суверенитет, включающий и эффективно применяемые легитимные полномочия в рамках политии, и контроль;

4) «суверенитет взаимозависимости» (interdependency sovereignty), означающий контроль – но, не полномочия – за перемещениями через границы товаров, людей, загрязнений, заболеваний и идей[205].

---

[204] Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. N 10-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Режим доступа: https://constitution.garant.ru/act/federative/12119810/ (дата обращения: 28.04.2025).

[205] Krasner S.D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. - Princeton: Princeton University Press, 1999. – P. 3-42.

Принципиальной стороной приведенной теоретической схемы выглядит то, что все эти четыре переменные не обязательно находятся в отношениях так называемой ковариации. Наличие одних признаков суверенитета, иначе говоря, не влечет автоматически соответствия другим признакам, если, например, какие-то полномочия делегированы внешним структурам, как это происходит в Евросоюзе.

В несколько иной – сегментирующей – логике суверенитет анализируется с точки зрения присущих ему аспектов, как это делается, например, в официально-документальных материалах Комиссии Совета Федерации РФ по защите государственного суверенитета: «Понятие государственный суверенитет многомерно. Оно включает далеко не одни лишь формально-правовые, политические элементы, не только проецируется на проблематику производственно-техническую и финансово-экономическую, но и подразумевает суверенитет информационный, культурный, духовно-нравственный». В тексте доклада использован также концепт «глобальный суверенитет»[206].

В документе, принятом названной Комиссией ранее, были выделены наиболее «широко обсуждаемые» аспекты суверенитета: политический, военный, электоральный, финансово-экономический, энергетический, технологический, продовольственный, социально-культурный[207].

Применительно к этой позиции сенаторов несколько моментов становятся показательными.

Первое, структурная сегментация аспектов суверенитета с методологической точки зрения не приобретает какого-то вида строгой

---

[206] Специальный доклад Комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации «Об особенностях защиты государственного суверенитета России в 2022-2023 годах» (2023). Режим доступа: http://council.gov.ru/media/staticdoc/FwwwyGgcNeIDHovF9zLtk0eeVkUcIEiE.pdf (дата обращения: 28.04.2025).

[207] Ежегодный доклад Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации (2018). С. 17-18. Режим доступа: http://council.gov.ru/media/files/G6hNGZ3VbQNiMdZki1BKbrsrvuRxPwim.pdf (дата обращения: 28.04.2025).

таксономии, отвечающей принципам систематики, объемов и соотношений выделяемых понятий. Операции полной индукции, предполагающие умозаключения обо всем классе определенных предметов без исключения, в этом случае не могут применяться. Перечень рассматриваемых «аспектов», очевидно, никогда не может рассматриваться как исчерпывающий, хотя бы потому, что каждый из компонентов поддается дальнейшему членению.

Второе, конкретная конфигурация составляющих суверенитета как качественного признака, свойственного государству, не образует картины структурной симметрии или корреляции тех или иных его проявлений. В тех или иных сферах общественно-политического бытия самостоятельность (субъектность, самодостаточность, самобытность, самостояние), а также способность отстаивать свое место в международно-политических отношениях реально выражены по-разному. Суверенитет рассматривается не просто в координатах формального/реального, но подвергается ранжированию. В докладе сенатской комиссии, в частности, отмечается, что наиболее высокий – «геополитический» – уровень государственного суверенитета имеется у США, РФ и КНР. В «номинации» же «культурный суверенитет» по ситуации 2018 года России отводится место 13-15 (среди государств, входящих в G-20) на одном уровне с Бразилией и Аргентиной[208].

Третье, анализ «секторальных» составляющих суверенитета в их множественности трудно поддается логико-семантической квалификации при помощи традиционных процедур на основе установления связей категориального характера, связей между родовыми и видовыми понятиями. Дело не сводится к простой констатации полисемии «суверенитета», когда это многозначное понятие в конкретных контекстах становится однозначным. В какой бы коллокации ни присутствовал «суверенитет», он не обязательно приобретает единое смысловое ядро.

[208] Там же. – С. 19, 24.

Иногда ситуация содержательного дробления понятий «суверенитет», его использования в самых разных – часто метафорических – вариациях расценивается как «массированный натиск прилагательных», затрудняющий сущностное понимание предмета[209].

Суверенитет в исходном значении – это качественный признак независимой и признанной государственности, способной обеспечить властное верховенство и централизованный правопорядок в рамках соответствующей юрисдикции. Суверенность же, по-видимому, предполагает подвижную и ситуативно обусловленную совокупность свойств, присущих разнородным агентам (акторам) и различным преломлениям тех общественных отношений, в которых они участвуют.

Однако в аналитических интересах отнесение конкретных случаев к определенным типологическим разрядам, по-видимому, было бы небесполезным.

Особняком стоит положение ценностного (аксиологического) плана, очерчиваемое понятийными структурами «цивилизационного», «культурного» плана, концептами «суверенной идентичности» (“self-sovereign identity”). В зарубежной литературе нередки примеры использования концептов «ментального суверенитета», «когнитивного суверенитета», «нарративного суверенитета», «эпистемологического суверенитета» и т. п.

Применительно к рассматриваемому контексту целесообразно отдельно сфокусироваться на разграничении двух аспектов: на проявлениях суверенности, подлежащих субстантивной верификации, во-первых, и тех, что становится продуктом семиотизации (так сказать, ознаковления) или – случаях, в которых отсутствуют «доконцептуальные структуры» с точки

[209] Мусихин Г.И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» // Общественные науки и современность. – 2010. - № 1. - С. 65 (64-78).

зрения когнитивной семантики Дж. Лакоффа, во-вторых[210]. Последнее показывает, каким образом понятия отражают абстрактные сущности, не обладающие самостоятельным существованием вне конструирования со стороны субъектов дискурсивного производства значений.

Аспекты суверенности, относящиеся к первому из названных типов, отвечают критериям нормативной определенности и рассчитаны на субстантивно понимаемое воплощение. Это – все то, что институционально оформлено, организационно-технически регламентировано. К этому разряду относятся, например, – технологический суверенитет[211]; цифровой суверенитет, киберсуверенитет, суверенный искусственный интеллект, суверенитет данных. В области кредитно-финансовой деятельности правительств используются такие понятия, как «суверенные фонды», «суверенные обязательства», «суверенные облигации» и проч. Наконец, соответствующие свойства и параметры деятельности здесь поддаются квалиметрии – количественным методам оценивания качества.

Второй вариант словоупотреблений, включающих положения о суверенности, образуется там, где артикулируются материи ценностного характера, где идеи получают знаковое оформление, а убеждения, как предполагается, отражают социальные интересы, призваны служить ориентирами практической политики и массового участия.

Очевидным различительным признаком, позволяющим идентифицировать субстантивные способы понимания суверенности, с одной стороны, и ценностно-мировоззренческие аспекты, с другой стороны, служат

---

[210] Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 393 (792 с.).

[211] Технологический суверенитет – «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. Технологический суверенитет обеспечивается в 2 основных формах – исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий (по установленному перечню) и производство высокотехнологичной продукции, основанного на указанных технологиях. Технологический суверенитет обеспечивается в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами» [Концепция технологического развития на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р // technological-2023.pdf]

агональные свойства. В каких-то случаях присутствие символической фигуры оппонента (противоположной стороны – геополитического или иного конкурента, субъекта вмешательства, источника угроз и проч.) если и обозначено, то, скорее, имплицитно и в факультативном ключе. В других контекстах – когда речь идет о той или иной степени ментального противостояния – такое присутствие императивно. Так, в частности, сформулировано определение термина «культурный суверенитет». В первоначальном виде – в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» (от 9 октября 1992 г. № 3612-1) соответствующая норма раскрывалась в нормативной конструкции – «Российская Федерация самостоятельно реализует на своей территории соглашения и акты, регулирующие отношения Российской Федерации в области культуры с другими государствами, объединениями государств, а также международными организациями». Агональные мотивы в этой формуле отсутствовали как таковые. В президентском же указе от 25 января 2023 г. (№ 35) изложена политико-правовая позиция иного идеологического звучания, указывающая на действия недружественных государств, международных структур и акторов «вне легитимности», направленные на подрыв культурного суверенитета России. Изменения в геополитических контекстах, таким образом, получают эксплицитно выраженный вид.

Суверенитет в понятийной связке с языком возникает в разнообразных контекстах и аранжировках – академических, медийных, политико-правовых, формально-юридических и т. п. С философско-социологической точки зрения языковые (шире – коммуникативные) материи органичным образом сопряжены с отношениями властвования, господства и подчинения, политического доминирования. Упоминая гипотезы Сепира – Уорфа и Гумбольдта – Касирера, Пьер Бурдьё говорил в своем фундаментальном лекционном курсе: «Эта гипотеза, весьма спорная, если отнести ее к [физическому] миру, абсолютно верна в случае мира

социального. Вот почему борьба за слова, борьба вокруг слов так важна: сказать последнее слово – значит иметь власть над легитимным представлением реальности… Во многих случаях власть слов и власть над словами – это политические власти; в пределе политическая власть в значительной части является властью над словами, поскольку слова – это инструменты построения реальности»[212].

В конкретно-научной перспективе, в предметном поле прикладной (макро)социолингвистики языковой суверенитет предстает в работах зарубежных исследователей как принцип языкового планирования и управления культурно-языковым многообразием. Видение предмета выстраивается под воздействием методологических установок постколониального плана и сохранения языков коренных народов.

В российском дискурсе о языковой политике термин «языковой суверенитет» имел на историческом рубеже 1980-х – начала 2000-х годов двоякий генезис.

Во-первых, процессы суверенизации бывших союзных республик СССР, проходившие по-разному, практически повсеместно были синхронизированы с политизацией «языкового вопроса» и его использования в интересах этнополитической радикализации притязаний на государственную независимость. Феномен «мобилизованного лингвицизма» подробно документирован и исследован в работах М.Н. Губогло. Характеризуя 1989-й как «год языковой реформы», предшествовавший 1990-му – «году суверенизации бывших союзных республик», автор отдельно отмечал политическую функцию этой реформы, которая «связана с общей борьбой республики за суверенитет и независимость, а также с борьбой заинтересованных группировок людей за власть»[213].

---

[212] Бурдье П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – С. 601, 602 (720 с.).

[213] Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 167, 341 (816 с.).

Во-вторых, «языковой суверенитет» появился как юридическая конструкция в первоначальной редакции Закона Российской Советской Федеративной Социалистической Республики «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 года № 1807-1. Статья 2 этого акта закрепляла языковой суверенитет как «совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использование языка общения» (Пункт 1). Нормы, устанавливаемые законом, были распространены «на граждан РСФСР, а также на лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории РСФСР». Пункт 3 в редакции 1991 года, а также принятая одновременно с законом «Декларация о языках народов России» гарантировали каждому (по смыслу, видимо, и апатридам) «право каждого человека на свободный выбор языка обучения, воспитания и интеллектуального творчества»[214].

По вполне понятным причинам, формуле «языковой суверенитет» и нормам, закрепляющим права «каждого человека» на языковой выбор, включая сферу образования, не суждено было сохранить сколь либо долговременное действие, учитывая начавшийся вскоре внутрироссийский «парад суверенитетов» с участием автономий[215]. Уже в 1998 году в российский «языковой» закон были внесены поправки, заменившие термин «языковой суверенитет» на формулу «равноправие языков» и оставившие без особых изменений дефинитивные конструкции в соответствующих пунктах, а также изымавшие из акта норму о свободном выборе языка обучения и воспитания. Заместившая «суверенитет» терминологическая конструкция «равноправие языков народов Российской Федерации» при этом, правда была распространена не только на лиц без гражданства, но и на иностранных граждан[216].

---

[214] Ведомости Съезда народных депутатов РСФРС и Верховного Совета РСФСР. – 1991. - № 50. – С. 1742.

[215] Мухарямов Н.М., Януш О.Б. Историческая интертекстуальность в российском правовом дискурсе о языках // Диалог со временем. – 2020. - Вып. 71. С. 39-48. https://roii.ru/r/1/71.4

[216] Ст.2, п. 4 в ред. Федерального закона от 24.07.1998 № 126-ФЗ.

Очевидно, и не требует отдельного обоснования то, что применение названной нормы для регулирования поведения всех без исключения участников правоотношений практически не реализуемо. Это звучит по-особенному правдоподобно, если учесть сегодняшнюю миграционную, например, ситуацию или языковые требования при приеме на обучение в общеобразовательные учреждения по отношению к детям мигрантов.

Языковой суверенитет», а после 1998 г. – «равноправие языков народов Российской Федерации» – распространяются на каждого человека, независимо от гражданства. Это явное и недвусмысленное акцентирование персонального режима языковых прав. Хотя, «равноправие» применительно к языкам само по себе выглядит небесспорным из-за того, что лингвистическая сущность наделяется несвойственными ей по определению признаками правосубъектности.

Территориальный же принцип представлен в рассматриваемом акте как нечто вторичное и отмеченное модальностью не императивного, но допустимого. Республики, как гласит Закон, вправе устанавливать свои государственные языки, согласно известному положению Конституции РФ. Далее, субъекты Российской Федерации «вправе принимать законы и иные нормативные правовые акты о защите прав граждан на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [Ст. 3, п. 3]. Последнее также подразумевает приоритетность персонального режима: речь идет о дву- и многоязычии как объектах правового обеспечения. Территориальный режим, далее, отражен в юридической конструкции, изложенной не в социолингвистических понятиях, описывающих сообщества и коллективы носителей языка, а в протокольно-бюрократической стилистике. «В местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущих за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик, в официальных сферах общения может использоваться

язык населения данной местности» [Ст. 3, п. 4]. Следует специально зафиксировать факт – это продукт специфической юридической техники, применявшейся в обстановке политико-идеологической фрустрации и распада государственности Союза ССР в 1990-м или в «году суверенизации бывших союзных республик», согласно уже приводившейся здесь периодизации «мобилизованного лингвицизма»[217] [Губогло, 1998: 167]. Такой законодательный конструкт был бесхитростно позаимствован из ситуативно и в режиме запаздывания принятого акта – Закона СССР (от 26 апреля 1990 г.) «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР»[218]. Помимо того, что понятие «язык населения» — это формула, не поддающаяся лингвистическому описанию, в этом терминологическом нагромождении присутствуют подходы, свойственные натуралистическим представлениям об этничности, во-первых, и мотивы маргинальности, адресованной тем, кто «проживает» где-то в стороне от исторически «своих» родных мест. Использованная здесь лексика – это уже канцелярит, а не идеологема. Остается только досадовать, что такая казенная формулировка буквально перешла из нормативно-правовой дискурсивной области в текст документа иной жанровой принадлежности – в документ стратегического планирования (акт правовой политики) «Концепцию государственной языковой политики Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации (от 12 июня 2024 г. № 1481-р).

Таким образом, первоначальное появление «языкового суверенитета» в российском публично-информационном пространстве служило правовому оснащению языковой политики и оперировало предметами, связанными с регулированием языковых отношений, с воздействием на языковые ситуации

[217] Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 167 (816 с.).

[218] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 19. С. 331.

и было ориентировано на приоритетность языкового многообразия. «Государство, – как гласит действующая редакция российского закона о языках, – на всей территории Российской Федерации способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия».

Присутствие этой идеологемы можно наблюдать в весьма различающихся контекстах, и, соответственно, – со своими модальностями, с идентификацией угроз, указаниями на агональных целевых субъектов.

Пишущие на эту тему лингвисты фокусируют внимание, как правило, на лексических аспектах: «Сейчас мы наблюдаем размывание русского языка англицизмами. Можно предположить, что эта проблема многих языков мира из-за *ранее набирающей обороты* вестернизации. …Защищая русский язык, мы защищаем суверенитет, государственность и самобытность России»[219]. В предметном поле философско-политической рефлексии акцент приходится на ценностно-смысловые стороны.

«Когда мы говорим о суверенитете духовном, культурном, цивилизационном – а именно об этом говорит президент В. Путин в своих посланиях – это с каждым днем приобретает все большую актуальность. Речь идет не о суверенных нарративах, а о суверенном языке, на котором можно будет высказать миллиарды суверенных нарративов, - пишет А. Дугин. – Если язык суверенен, то дискурс будет суверенен. Используя либеральный глобалистский западный европейский язык, можно сформулировать на этом языке суверенный российский дискурс, или два, или три, или десять. Но это для сиюминутных задач, для импортозамещения в рамках нарратива в очень краткосрочной перспективе. И здесь важно, прощаемся ли мы с коллективным Западом и как надолго. Или мы хотим, немножко пустив

[219] Скаковская Л.Н., Васильева Е.Н. Системный подход государства к проблеме совершенствования языковой политики в Российской Федерации // Лингвистика первой четверти XXI века: тенденции, итоги и перспективы / Под общей ред. А.А. Романова. М.: ФЛИНТА, 2024. - С. 24 (13-26).

дымовую завесу суверенных нарративов, вернуться опять к этому глобальному языку»[220].

Представитель сенаторского корпуса, глава комиссии Совета Федерации по информационной политике и взаимодействию со СМИ А. Пушков говорит о том, что «в России стоит разработать терминологическую систему, которая позволит сформировать «лингвистический суверенитет, являющийся неотъемлемой частью национального самосознания»[221]. В информационном пространстве можно встретить и словосочетания «суверенная речь», «суверенная филология», «суверенный словарь», «суверенный словарный запас» и проч.

Доктринальные позиции о языковом суверенитете были закреплены в утвержденных в 2025 году Основах государственной языковой политики, где сказано о том, что государственная языковая политика реализуется в целях «обеспечения национальной безопасности и суверенитета Российской Федерации в языковой сфере»[222].

Вокруг тематического комплекса «языковой суверенитет» непрерывно ведутся острые дискуссии. Импульсы, усиливающие напряжение, здесь связаны с законопроектной и законотворческой деятельностью по поводу Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации», в который были внесены изменения конституционного статуса русского языка как языка «государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». Сохраняющаяся поляризация экспертных оценок и общественного мнения – это предмет особого исследования, требующего многосторонних

---

[220] Дугин А. (2022) Нам нужен суверенный язык // https://zavtra.ru/blogs/nam_nuzhen_suverennij_yazik (дата обращения: 28.04.2025).

[221] Парламентская газета, - 27 декабря 2023.

[222] Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» № 474 от 11 июля 2025 г. // http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507110017 (дата обращения: 17.07.2025).

академических усилий и не могущего быть раскрытым даже в минимальной степени в рамках данного изложения.

Идеологема «языковой суверенитет» представляет собой разновидность концептуально-метафорических средств или отображения «образно-схематических моделей одной области на соответствующие структуры другой области». Это именно идеологема, не предназначенная обозначать какой-то структурный компонент государственного суверенитета, но символизирующая определенную модель языкового функционирования в его субъектном социолингвистическом понимании.

Артикуляции «языкового суверенитета» происходят многопланово и в разных жанровых сегментах информационного пространства, со стороны авторов с различной социально-профессиональной принадлежностью. Но есть ряд характерных моментов, объединяющих подходы экспертов, политиков, публицистов, комментаторов и проч.

Преобладающая проблематика - тема иноязычных заимствований, англицизмов, латинизированных языковых ландшафтов в городах и др. Несколько реже затрагиваются остальные субстандартные элементы языкового функционирования. Оставляя в стороне многочисленные ламентации, звучащие со всех сторон, можно отметить: научно-аналитические типологии, которые раскрывали бы мотивационные механизма субъектов, избыточно практикующих заимствования, или, например, донорские зоны, еще, вероятно, ожидают своих исследователей. Панорамно и системным образом идентифицировать вызовы применительно к «языковому суверенитету» следовало бы с использованием инструментария такой дисциплины, как социология языка. Понятно, что противодействовать речевым «девиациям» в молодежной и неформально-игровой среде весьма и весьма затруднительно, а идеологемы здесь никакой действенности не сулят. Какие меры можно принять, например, по отношению к СМИ, охотно подхватывающих и тиражирующих сетевые хештеги наподобие

«монастыринга»[223], «избинга с доингом и сенокосингом (отдыхом в деревенских реалиях)», о чем писала «Комсомольская правда»[224]? То же самое можно сказать о сленге «офисно-менеджерского» плана или жаргонов IT-сферы, которые, похоже, вовсе может обходиться без русского языка. Призывать носителей подобных социолектов уважительно соблюдать ценности «языкового суверенитета».

Иное дело, когда речь идет об официально-дискурсивных форматах коммуникации, доступных для лингвистической экспертизы, особенно – с применением новейших информационных технологий. Бесчисленные проявления злоупотреблений – и иноязычной лексикой, и нарушений канонов, «норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» – обнаруживаются в таких текстах, которые влекут за собой эффект своего рода их легализации и «официализации» со стороны должностных лиц. Представители публично-властных инстанций часто перенимают стилистику корпоративного типа – все эти “KPI”, «кейсы», «коллаборации», «модерации», «тайминги», «проактивность» и проч. и проч. «Специфической особенностью корпоративного языка является существование корпоративного словаря, – пишет, например, Т.А. Милехина. – …Лайф-среда представляет собой и общее идеологическое пространство. Сотрудники корпорации объединяются в советы лидеров, лиги юниоров. Они, как и клиенты банков, могут быть промоутерами или детракторами. Руководство компании осуществляется бигдилами»[225]. Такие подсистемы языка можно было бы воспринимать как относительно терпимые, как продиктованное какими-то узкопрофессиональными интересами арго, желанием повысить

[223] Что такое монастыринг и почему появился новый молодежный тренд на трудничество. Режим доступа: https://www.forbes.ru/young/525157-cto-takoe-monastyring-i-pocemu-poavilsa-novyj-molodeznyj-trend-na-trudnicestvo (дата обращения: 28.04.2025).

[224] Российская молодежь вместо отпуска уезжает жить и трудиться в монастырь: это новый модный способ отдыха. Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27650/5001228/ (дата обращения: 28.04.2025).

[225] Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ / Отв. ред. Т.А. Милехина, Р. Ратмайер. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, Языки славянской культуры, 2017. – С. 255 (632 с.).

привлекательную респектабельность или соображениями отчуждения непосвященных. Однако этот «корпоративный язык», в частности, речевой строй стратегических сессий, захватывают все новые и новые сферы, вплоть до университетско-академической среды. Призывы чтить традиционные ценности общения в духе идеологем суверенности в нынешней ситуации продолжают и долго, по-видимому, будут продолжать оставаться во многом благопожеланиями.

Традиционные ценности, уникальный культурный и языковой ландшафт находят отражение в стремлении укрепить цифровой суверенитет и развивать искусственный интеллект, учитывающий многообразие лингвокультурных проявлений в цифровом пространстве. По мнению экспертов Центра политической конъюнктуры, «суверенитет государства в условиях цифровой ИИ-трансформации будет зависеть от четырех ключевых сфер, обозначаемых четыре «И» цифрового суверенитета: инфраструктура, интеллект, информация и идентичность»[226]. Руководитель упомянутого Центра А. Чеснаков отмечает: «Баланс [между модернизацией и риском утраты контроля – *прим. О.Я.*] заключается в способности государства внедрять новые технологии, не передавая внешним игрокам контроль над критической инфраструктурой… баланс достигается за счет приоритетной локализации значимых данных и вычислительных мощностей, развития собственных моделей ИИ и каналов коммуникации, а также способности поддерживать базовые функции при отключении внешних платформ»[227].

В силу геополитической турбулентности и в связи с глобальными цифровыми технологическими трансформациями актуализируется запрос на цифровой суверенитет государства. Подходы к определению цифрового

[226] Доклад Центра политической конъюнктуры «Матрица вмешательства. Инверсия и мультипликация». 2026 // https://drive.google.com/file/d/1wv7OahSBnfdDeatGM_fETWDZcoJ6XqsO/view?pli=1 (дата обращения: 22.06.2026).

[227] Тихонов А., Мухаметшина Е. Эксперты назвали ключевые сферы для сохранения цифрового суверенитета // https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/06/19/1207078-eksperti-nazvali-klyuchevie-sferi-dlya-sohraneniya-tsifrovogo-suvereniteta?from=copy_text (дата обращения: 22.06.2026).

суверенитета многообразны и зависят от ключевых акторов и выдвигаемой ими повестки. Во многих работах суверенитет употребляется как противоположность ведущей роли США в управлении Интернетом[228] или, чаще всего, как противоположность власти крупных ИТ-компаний (в частности, «большой пятерке» Google, Amazon, Facebook, Apple и Microsoft – GAFAM), демонстрирующих превосходство над правительствами. Это одна из причин актуализации темы цифрового суверенитета в разных государствах. В самом широком смысле это понятие означает независимость страны во внешней и внутренней политике в цифровой сфере[229].

В основе популярной сегодня концепции цифрового суверенитета лежат следующие вопросы:

- обеспечения информационной безопасности и формирования и реализации информационной политики в национальном сегменте и глобальном информационном пространстве[230];

- власти над данными, цифровыми платформами и проектирования ИТ-архитектуры. Концепт платформ начал сравнительно недавно разрабатываться в связи с попытками корпоративных техногигантов (особенно американских Google, Apple, Amazon др.) полностью контролировать собственные цифровые инфраструктуры[231];

- контроля над трансграничными потоками данных, трансграничным контентом[232];

---

[228] Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций. – 2020. Т. 15. № 4. С. 62 (на русском языке). DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-03.

[229] Зиновьева Е., Шитьков С. Цифровой суверенитет в практике МО // Международная жизнь. – 2023. - № 3. – С. 38 – 51.

[230] Бухарин В.В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. - 2016. - №6 (51). - С. 76-91.

[231] Володенков С.В., Федорченко С.Н. Суверенизация цифровых общественно-политических коммуникаций: анализ академического дискурса // Дискурс ПИ. – 2024. – Т. 21. № 4. - С. 32 (С. 26–47). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_26

[232] Зиновьева Е. Данные – это новая нефть. Цифровая стратегия ЕС как заявка на глобальное лидерство. 27.02.2020 // https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/dannye-eto-novaya-neft/ (дата обращения: 17.08.2025).

- необходимости для страны развивать или сохранять в отношении ключевых технологий собственную автономию или же иметь как можно более низкий уровень структурной зависимости;

- безопасности персональных данных и защиты от негативного информационного воздействия и дезинформации[233];

- контроля над физическими компонентами инфраструктуры Интернета, программным обеспечением и данными. В этом плане возможности государства ограничены, поскольку современная глобальная вычислительная инфраструктура подрывает основы, на которых выстраивался Вестфальский суверенитет национальных государств[234]. «Интернет, - как отмечает российский эксперт в области информационных технологий П. Мясоедов, - единая среда обмена информацией между людьми, компаниями, организациями, государствами…. Прецедентов тотального суверенного интернета в мире практически нет…. в интернете есть рыночное международное распределение труда. Многие сервисы, работающие в том числе и в России, - это симбиоз разных распределенных элементов…. То есть при отключении от международного информационного пространства произойдет если не технический коллапс, то много серьезных сбоев….»[235].

По сути, единых подходов к определению понятия «цифровой суверенитет» не существует. При этом следует отметить схожесть терминов «цифровой суверенитет», «информационный» и «коммуникационный» суверенитет, поскольку они касаются во многом сходных и пересекающихся процессов, явлений, феноменов. Можно констатировать отсутствие комплексного регулирования цифровой среды и различия между моделями цифрового управления, в основе которых лежат отношения между

---

[233] Зиновьева Е., Шитьков С. Указ. раб. - С. 38 – 51.

[234] Кутюр С. Тоупин С. Указ. раб. - С. 55.

[235] Грамматчиков А. Интернет – это симбиоз распределенных элементов // Монокль. – 26 апреля – 25 мая 2026, № 4. – С. 24-25 (С. 23 - 25).

государственными регуляторами и IT-корпорациями. Наиболее успешными игроками на цифровом поле, наряду с Россией, выступают США, ЕС и Китай. В США дискурс о суверенитете не развит именно потому, что США обладают наибольшим весом в вопросах управления Интернетом[236]. При этом власти США «не сковывают доминирующие компании жесткими правилами игры и главным образом полагаются на саморегулирование отрасли»[237].

Китайская политика нацелена на выстраивание модели цифрового суверенитета, основанной на принципах полного контроля над своим сегментом Интернета, с одной стороны, и постепенного проникновения собственных крупных технологических корпораций на внешние рынки других стран, продвижения новых цифровых технологий. Регулирование национального сегмента цифровых коммуникаций основано на «фильтрации информации посредством программного обеспечения, функционировании ответственных цензоров, системы наказания и наблюдения за потребителями и поставщиками контента с целью сохранения контроля государства и предупреждения негативного влияния информации на граждан»[238]. Китай совершил настоящий рывок в создании собственной, отчасти изолированной, «цифровой империи»[239]. В стране заблокированы привычные в остальном мире Facebook, Google, Twitter, WhatsApp, Wikipedia, Quora, Youtube и т.д. и созданы собственные аналоги. «Китайский интернет» развивается как вещь в себе, «отбивая у пользователей желание с помощью средств обхода блокировок получать доступ к запрещенным ресурсам»[240]. К примеру, одна из отраслей цифрового мира - индустрия развлечений и игр воспринимается

---

[236] Кутюр С. Тоупин С. Указ. раб. - С. 53.

[237] Толстухина А.Ю., Матвеенков К.Н. Big Tech vs регуляторы: долгосрочный глобальный тренд: рабочая тетрадь №71 / под ред. Е. О. Карпинской, А.Ю. Толстухиной, С. М. Гавриловой. М.: Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», 2022. – С. 13.

[238] Володенков С.В., Федорченко С.Н.. Указ. раб. - С. 37.

[239] Толстухина, Матвеенков 2022. Указ. раб. - С. 26.

[240] Ковачич Л. Китайский Big Tech: от вольного развития к жесткому регулированию. 24 июня 2022 // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskiy-big-tech-ot-volnogo-razvitiya-k-zhestkomu-regulirovaniyu/?sphrase_id=102816216 (дата обращения: 27.07.2025).

руководством Китая как «духовный опиум» и подвергается тщательному цензурированию. Игры должны подчеркивать «правильный набор ценностей» и достоверно воспроизводить политику, историю и культуру Китая[241]. Оригинальная Википедия в стране заблокирована. В 2006 году создан ее китайский аналог – Baidu Baike (Байдупедия), ставшей одной из самых популярных Интернет-платформ в Китае. Онлайн-энциклопедия содержит более 26 миллионов статей. На Baidu Baike зарегистрировано более 7,5 миллионов пользователей[242]. Их статьи обязательно проходят проверку администрацией перед публикацией. В китайской энциклопедии Байду существуют внутренние правила, установленные государством: запрет порнографии, насилия, рекламы, «политически реакционного» контента, личных оскорблений, контента, посягающего на основы этики и морали[243]. Страницы в Baidu Baike занимают ведущие позиции в национальном поисковике Baidu.

Идею цифрового суверенитета в качестве ответа на растущую зависимость от американских ИТ-гигантов все более активно продвигает Европейский Союз. Цифровой суверенитет означает для Европы способность действовать независимо в цифровом мире. Особое внимание уделяется большим языковым моделям (LLM) – типам программ искусственного интеллекта – созданным со всеми компонентами, произведенными в Европе, и для Европы. Языковые вопросы при этом являются частью европейской цифровой повестки. Европейская LLM должна поддерживать 24 официальных европейских языка и несколько других стратегически важных языков, быть максимально эффективной. Особое внимание уделяется языковому равенству и предоставлению технологий, услуг и ресурсов за

---

[241] Толстухина, Матвеенков. Указ. раб. - С. 33.

[242] Сабанцев А. Экосистема Baidu: последние тренды развития и популярные сервисы. 30 мая 2023 // https://vc.ru/asiapacific/710980-ekosistema-baidu-poslednie-trendy-razvitiya-i-populyarnye-servisy (дата обращения: 27.07.2025).

[243] Курсков Е. Раздавить гадину? Нужно ли бороться с Wikipedia? 25 августа 2015 // https://tsargrad.tv/articles/razdavit-gadinu-nuzhno-li-borotsja-s-wikipedia_501 (дата обращения: 27.07.2025).

пределами часто предпочитаемых языков для достижения и поддержания долгосрочного технологического суверенитета.

Защита и продвижение многоязычия ЕС как отражение его социокультурного многообразия находит реализацию и в цифровой сфере. Особое внимание уделено финансируемому ЕС проекту «Европейское языковое равенство» («ELE – European Language Equality») и стратегической программе по достижению полного цифрового языкового равенства в Европе к 2030 году. Последняя предполагает масштабные, долгосрочные, скоординированные и финансируемые исследования, разработки и инновации в области языковых технологий на европейском, национальном и региональном уровнях, специально разработанные для нужд и потребностей Европы[244].

Искусственный интеллект (ИИ), обработка естественного языка (НЛП), понимание естественного языка (ПЕЯ), языковые технологии (ЛТ) и речевые технологии (РТ) обладают потенциалом для технологической реализации многоязычия, но, как было отмечено в серии Белых книг META-NET «Языки Европы в цифровую эпоху», в 2012 году, «наши языки страдают от крайнего дисбаланса в плане технологической поддержки»[245].

Далее, констатируют авторы проекта Европейского языкового равенства, было достигнуто множество весьма влиятельных прорывов в области лингвоцентричного ИИ, в основном крупными компаниями в США и Азии, особенно в подходах и технологиях, касающихся крупных языковых моделей (LLM, таких как BERT или ChatGPT). Из-за отсутствия действий в течение последних пяти-семи лет Европа в основном играла «вторую скрипку» в области лингвоцентричного ИИ и языковых технологий[246]. Руководствуясь «Европейской стратегией в области данных», ЕС в

---

[244] https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/257057/Way.pdf (дата обращения: 03.05.2025).

[245] Georg Rehm G., Way A. European Language Equality. A Strategic Agenda for Digital Language Equality. – Springer, 2023. - P. 2.

[246] Ibid. - P. 3-4.

настоящее время сосредоточен на создании ряда секторальных пространств данных для поддержки экономики данных и укрепления своего цифрового суверенитета. Последние (пространства) включают в себя выделенное языковое пространство данных. Общая цель крупномасштабной долгосрочной программы – разработка ресурсов и технологий для полного использования преимуществ многоязычия в технологическом плане, а также возвращение Европе лидирующих позиций в области исследований языковых технологий и лингвоцентричного ИИ.

События 2022 года, когда западные Интернет-платформы отказались предоставлять объективную и сбалансированную информацию о России и были заблокированы на территории страны, показали важность наличия национальных цифровых платформ и контента как элементов цифрового суверенитета. Российские пользователи были «отрезаны» западными платформами от своих сервисов и продуктов. Доступ к своим услугам и сервисам в одностороннем порядке остановили более 188 иностранных ИТ-компаний. Интернет-гиганты «зачищали» медиаполе от информации, которая противоречила официальному курсу. Острую необходимость в отечественных цифровых платформах выразила официальный представитель МИД России М. Захарова на форуме «Медиа – Дронница»: «Мы многие годы умоляли, чтобы была наша цифровая платформа, хоть какая-то. Чтобы был видеохостинг. Нас просто вымарывают ластиком. Всю продукцию, которую мы делаем, в один момент, в одну секунду уничтожают. Я сейчас говорю о нашем ведомстве и наших зарубежных точках, которые действительно находятся на передовой, на фронте, настоящем информационном фронте»[247].

Российская модель суверенизации цифровой сферы приобретает внутренние и внешние контуры. Е. Зиновьева и Б. Яцзе отмечают, что «практика цифрового суверенитета в Российской Федерации берет начало в

[247] Мария Захарова: «Если где-то напишут, что я рассказываю о том, что мы не выстоим, значит, это была не я». 14.03.2023 // https://www.business-gazeta.ru/article/586615 (дата обращения: 19.08.2025).

2000-х гг., когда основополагающим документом стала Доктрина информационной безопасности»[248]. В документе было закреплено положение о том, что «интересы государства в информационной сфере заключаются в создании условий для развития информационной инфраструктуры в целях обеспечения незыблемости конституционного строя, суверенитета и …стабильности, законности и правопорядка…»[249]. Развитие национальных поисковых систем, создание точек обмена трафиком и хранилищ данных стали важнейшими компонентами цифрового суверенитета. В Доктрине 2016 года отмечалась важность ухода российской промышленности от зарубежных технологий[250]. Федеральный закон 2019 г., получивший название закона о «суверенном Интернете», юридически оформил концепцию цифрового суверенитета и заложил правовую основу для централизованного регулирования и управления российским Интернетом[251]. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы закреплена в качестве одной из национальных целей до 2030 года и на перспективу до 2036 года[252].

Речь идет о развитии собственных суверенных решений в области опорных компонентов цифровой власти – программного обеспечения, компьютерного оборудования и сетевого подключения; контроля информационных потоков; локальные решения, закрывающие внутренние потребности; развитие отечественных социальных сетей и поисковых систем, национальных видеосервисов; приоритет российских платформ во всех

[248] Зиновьева Е., Яцзе Б. Практика цифрового суверенитета в России и КНР. 29 мая 2023 г. // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/praktika-tsifrovogo-suvereniteta-v-rossii-i-knr/ (дата обращения: 07.10.2025).

[249] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ от 9 сентября 2000 г. N Пр-1895) (утратила силу) // https://base.garant.ru/182535/ (дата обращения: 07.10.2025).

[250] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. N 646) // https://base.garant.ru/71556224/ (дата обращения: 07.10.2025).

[251] Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 01.05.2019 N 90-ФЗ (последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/ (дата обращения: 07.10.2025).

[252] Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 07.10.2025).

сегментах русскоязычного Интернета (онлайн-кинотеатры, маркетплейсы, сегменты поиска); правила авторизации на сайтах и приложениях без помощи Google, Apple и других зарубежных компаний – всего того, что вписывается в «безопасный и самодостаточный Рунет» и меняет его цифровую среду.

Многоязычные доменные имена – имена, представленные символами национальных алфавитов, не только латинского, становятся официальными символами, маркирующими присутствие страны или территории в виртуальном пространстве, неотъемлемой характеристикой суверенного государства. Система доменных имен «насажена на ось государственного суверенитета», поэтому государства имеют право на верховный контроль над своими доменными зонами[253]. Идея о создании кириллического домена .РФ была предложена на десятом Конгрессе русской прессы в 2008 году на тот момент Президентом РФ, ныне заместителем председателя Совета безопасности РФ Д. Медведевым: «Мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы могли добиться присвоения доменных имен на кириллице. Это символическая значимость русского языка, и у нас неплохие шансы добиться соответствующего решения»[254]. В 2009 году ИКАНН – некоммерческая Корпорация по присвоению имен и номеров в Интернете запустила ускоренную процедуру по внедрению многоязычных доменов верхнего уровня, записанных символами национальных языков. Одним из первых государств, получивших свой кириллический домен, стала Российская Федерация (в мае 2010 года). Тогда же заработали первые сайты в новой доменной зоне - президент.рф и правительство.рф. 11 ноября 2010 года стартовала открытая регистрация в домене .РФ: в первый день открытой регистрации было зарегистрировано более 240 тыс. кириллических доменных

[253] Баринова Д.С. Национальные домены интернета символы государственных границ и безграничных возможностей // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. - №. 5(14). – С. 310 (С. 307 – 314).

[254] Медведев: у России хорошие шансы получить доменные имена на кириллице // https://ria.ru/20080611/110048544.html (дата обращения: 16.08.2025).

имен. Домен .рф практически сразу вошел в топ-20 самых крупных национальных доменов Европы, и за прошедшие 10 лет ни разу не покидал этот рейтинг. Сегодня домен .рф насчитывает порядка 735 тыс. зарегистрированных доменных имен[255]. Развитие отечественной доменной зоны продолжается. В честь 15-летия кириллического домена .рф в мае 2025 года в Общественной палате РФ состоялось подписание Меморандума о развитии поддержки средств интернет-адресации на государственном языке Российской Федерации с участием организаций, обеспечивающих стабильную работу инфраструктуры российских доменов верхнего уровня, производящих отечественное ПО и развивающих новые технологии и в целом заинтересованных в использовании русского языка в Интернет-пространстве. Документ, держателем которого является Координационный центр доменов .RU/.РФ, подтверждает намерение ключевых участников Интернет-отрасли расширять поддержку российской национальной доменной зоны. В числе подписантов Фонд содействии развитию технологий и инфраструктуры Интернет, компания «Русские имена», технологические компании, вузы, занимающиеся вопросами развития и продвижения русского языка в Интернете – МГЛУ и РУДН, общественные организации.

Домен .рф является символом русскоязычного сегмента Интернета, маркирует присутствие страны в виртуальном пространстве и отражает общую тенденцию суверенизации российского Интернет-пространства. В августе 2025 года вступила в силу новая редакция Правил регистрации доменных имен в доменах .ru и .рф, благодаря которым в российской национальной доменной зоне стала доступна регистрация интернет-адресов с использованием символов 17 государственных языков республик Российской Федерации: абазинского, адыгейского, алтайского, башкирского, бурятского, ингушского, кабардино-черкесского, калмыцкого, коми, марийского,

[255] Медведев назвал домен .РФ одной из гарантий стабильной работы Рунета при любых кризисах. 12 мая 2020 // https://tass.ru/obschestvo/8456867 (дата обращения: 16.08.2025).

татарского, тувинского, удмуртского, хакасского, чеченского, чувашского и якутского языков[256]. Данный шаг свидетельствует о дальнейшем развитии домена .рф, с одной стороны, и поддержке культурно-языкового многообразия в российском сегменте Интернета, с другой. Более того, российские компании в своем стремлении быть более узнаваемыми покупают домены на кириллице, что становится важным онлайн-активом бизнеса на фоне тренда на импортозамещение и локализацию брендов.

Как отмечают С. Кутюр и С. Тоупин, Китай и Россия используют концепцию цифрового суверенитета как инструмент укрепления национального имиджа и продвижения собственной позиции в сфере управления Интернетом[257]. Российское видение глобального управления Интернетом довольно часто звучит на разнообразных площадках. В 2023 году на 13-м Российском форуме по управлению интернетом АНО «Диалог» - оператором цифрового диалога между властью и обществом - была представлена Концепция глобального развития и регулирования цифровой среды, основными приоритетами которой были объявлены укрепление цифрового суверенитета и защита прав пользователей. В основе новой модели глобальной кооперации в Интернете должны лежать общие подходы к регулированию глобального цифрового пространства, обеспечение стран и их граждан равным доступом к цифровым сервисам и технологиям, синхронизация нормативной базы, технологического стека, пользовательской культуры и цифровой безопасности стран-участниц Устойчивого цифрового диалога[258]. При этом разнообразие мировых языков в цифровом пространстве должно стать одним из базовых условий реализации концепции Устойчивого

[256] От алтайского и до якутского: в домене .рф начали регистрацию адресов на языках народов России. 11 августа 2025 г. // https://www.ixbt.com/news/2025/08/11/ot-altajskogo-i-do-jakutskogo-v-domene-rf-nachali-registraciju-adresov-na-jazykah-narodov-rossii.html (дата обращения: 17.08.2025).

[257] Кутюр С. Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций. – 2020. Т. 15. № 4. С. (на русском языке). DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-03.

[258] АНО «Диалог»: «Представленность всех языков в сети – основа устойчивого развития». 06 апреля 2023 // https://www.tatar-inform.ru/news/ano-dialog-predstavlennost-vsex-yazykov-v-seti-osnova-ustoicivogo-razvitiya-5901946 (дата обращения: 19.08.2025).

цифрового диалога, а популяризация русского языка, а также языков народов России в глобальной сети должна стать приоритетом отечественной цифровой дипломатии.

Таким образом, в современных российских условиях свойства суверенности и политико-языкового функционирования оказываются взаимосвязанными. Применительно к предмету изложения в данном параграфе возможно провести разграничение между двумя аспектами суверенности: проявления суверенности, становящиеся продуктом ознаковления. В этом случае понятия отражают абстрактные сущности и не мыслимы без дискурсивного конструирования значений со стороны субъектов. Среди них концепт «языковой суверенитет». И проявления суверенности, которые можно подтвердить субстантивно, отвечающие критериям нормативности и поддающиеся количественной оценке качества. К ним относится концепт «цифровой суверенитет», носящий сложный и многокомпонентный характер, который отражает особенности государственной политики, национальные интересы, внешнеполитический контекст и геополитические трансформации.

ГЛАВА 2. ПОЛИТИКО-ЯЗЫКОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК МНОГОУРОВНЕВЫЙ ПРОЦЕСС

2.1. Международно-политический уровень языкового регулирования

Экспоненциальный рост международных организаций – одна из характерных черт XX – XXI веков. Если к началу XX века функционировало 53 межгосударственных организации, то в настоящее время, по данным Союза международных ассоциаций, их насчитывается свыше 63 тысяч[259]. Геополитические изменения и трансформация международных отношений обусловили стремление к формированию нового справедливого миропорядка на основе многосторонних объединений XXI века – БРИКС, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ, СНГ и другие объединения с «весомым участием России»[260]. Международные организации играют важную роль в глобальном управлении….их языковая политика стала одной из определяющих в контексте интернационализации языковых вопросов»[261]. К примеру, страны-участницы ШОС привержены созданию общего образовательного пространства в многоязычной и многокультурной среде с преподаванием и изучением основных языков государств-членов ШОС[262]. Одним из трех ключевых элементов взаимодействия стран-участниц БРИКС наряду с вопросами политического и экономического характера выступает

[259] Воронков Л. Международные организации в глобальном управлении // https://mgimo.ru/about/news/inno/268034/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 11.07.2025).

[260] Рекомендации Комитета Совета Федерации по международным делам по итогам проведенного 29 июля 2024 года «круглого стола» на тему «Расширение многопланового сотрудничества между Российской Федерацией и государствами мирового большинства в сложившихся международных условиях. Партнерство ЕАЭС, БРИКС и ШОС» // http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/165190/ (дата обращения: 08.10.2025).

[261] Айщиринь Жумабай, Чжао Лю. Языковая политика Шанхайской Организации Сотрудничества // Современная языковая политика в мире: теория и практика. – М.: ИМЛИ РАН, 2022. – С. 246 (244-266).

[262] Там же. – С. 255.

межкультурная коммуникация[263]. По словам руководителя Федерального агентства по делам национальностей Игоря Баринова, опыт многонациональных и многоязычных стран БРИКС, в том числе в сфере сохранения языков и образа жизни коренных малочисленных народов, включая цифровизацию языков, будет полезен России: «Проблемы ведь фактически одинаковые… это уход молодых людей в интернет, в социальные сети, где превалируют, как правило, большие, глобальные языки. И цифровизация языков – это способ их не потерять в будущем. И опыт каждой из стран БРИКС в различных направлениях сохранения языкового многообразия, особенно в ооновское Международное десятилетие языков, мне кажется, должен быть и будет востребован»[264].

Межгосударственные организации – ООН, ЮНЕСКО, региональные объединения – Европейский Союз, Совет Европы, ОБСЕ, Африканский Союз, Лига арабских государств, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР), Северный совет и др. – рассматриваются в научной литературе преимущественно с точки зрения использования официальных и рабочих языков. Политика в отношении использования языка в ранних международных организациях, как правило, отражала властные отношения между государствами на глобальном уровне[265]. Это обычно были французский или английский как языки международно-политических и дипломатических элит, доминировавшие почти исключительно в этой области. До Первой мировой войны единственным, обозначенным в ранних договорах языком был французский. Ее окончание ознаменовалось консолидацией господства английского языка

[263] Наумов А.О., Наумова А.Ю., Белоусова М.В. Культурная дипломатия группы БРИКС // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 100. С. 8 (7–18). DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-7-18

[264] ФАДН: Опыт стран БРИКС в сохранении языкового многообразия будет полезен России. 29 августа 2024 г. // https://nazaccent.ru/content/42740-fadn-opyt-stran-briks-v-sohranenii-yazykovogo-mnogoobraziya-budet-polezen-rossii/ (дата обращения: 08.10.2025).

[265] Varennes F. Language policy at the supranational level // The Cambridge Handbook of Language Policy. Edited by Bernard Spolsky. New York: Cambridge University Press, 2012. – P. 150.

в тандеме с французским. В межвоенный период в центре внимания оставался баланс сил между государствами на глобальном уровне. Организации признавали самые сильные и влиятельные языки в качестве языков, используемых международными организациями.

Конец Второй мировой войны привел в действие совершенно отдельный и в некотором роде противоречивый феномен в наднациональных организациях, имеющий далеко идущие последствия для разработки современной языковой политики, - принятие отдельных лиц в качестве получателей прав и льгот. Частично из-за принятия прав человека международным сообществом и постепенного возникновения демократических принципов как основополагающих ценностей в международной системе ряд более поздних организаций имел тенденцию признавать в качестве официальных языков языки всех государств-участников новой организации. Яркими примерами являются Совет Европы и Европейский Союз.

На современном этапе языковые режимы функционирования международных организаций включают в себя следующие составляющие:

- официальные языки организации – языки текстов договоров наднациональных организаций;
- рабочие языки – языки работы во внутренних структурах наднациональной организации – разное и ограниченное количество языков, используемых сотрудниками организации ежедневно;
- языки внешней коммуникации – языки, используемые в коммуникациях и обменах с общественностью (ключевыми заинтересованными сторонами, неправительственными организациями, гражданами)[266].

[266] McEntee- Atalianis L.J. International and Supranational Organisations // The Routledge Handbook of Language Policy and Planning. Edited by Michele Gazzola, François Grin, Linda Cardinal, and Kathleen Heugh. – London and New York: Routledge, 2024. P. 430 (P. 429-443).

Основные характеристики языковых режимов ряда международных организаций приведены в табл. 6.

Таблица 6

Языковой режим ряда международных организаций[267]

Организация	Языковой режим
ООН	6 официальных языков: английский, французский, испанский, русский, китайский, арабский 2 рабочих языка: английский, французский
ОЭСР	Официальные и рабочие языки: английский и французский. На практике – сильный перекос в сторону английского.
ВТО	3 официальных языка: английский, французский, испанский. Категории «рабочий язык» не существует. Доминирующим является английский язык.
НАТО	Доминирует английский язык. Французский употребляется редко, только во время заседаний на высшем уровне.
ЮНЕСКО	6 официальных языков. В Секретариате два рабочих языка: английский и французский.
ОБСЕ	6 официальных и рабочих языков: английский, французский, немецкий, испанский, итальянский, русский. Секретариат работает исключительно на английском. Более 90 % документов, исходящих от делегаций, написаны по-английски.
ПАСЕ	2 официальных языка: английский, французский.

[267] Марусенко М.А. Языковая политика Европейского союза: институциональный, образовательный и экономический аспекты. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. – С. 50.

Практика и тенденция принимать ограниченное количество международных языков в организациях глобального уровня в меньшей степени относится к региональным организациям. Здесь правовая основа в языковом отношении более разнообразна. К примеру, Европейский Союз определил сохранение языкового многообразия как вопрос политической необходимости, как убеждение в том, что европейская интеграция может быть достигнута при уважении этого многообразия и что европейские языки выступают неотъемлемой частью культурного наследия[268]. ЕС имеет 24 официальных языка. Другое региональное объединение - Африканский Союз обозначает арабский, английский, французский, португальский и суахили и все африканские языки как официальные. На другом конце шкалы региональные организации с одним официальным и/или рабочим языком: к примеру Лига арабских государств (арабский язык), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (английский) или Экономическое и валютное сообщество Центральной Африки (французский). Преобладающей моделью для региональных организаций, как отмечает Фернан де Варенн, «является использование доминирующих в экономическом и политическом плане языков региона в качестве официальных или рабочих языков. К примеру, французского и английского языков в Совете Европы, португальского и испанского в МЕРКОСУР, английского, французского, португальского и испанского – в Организации американских государств, датского, норвежского и шведского – в Северном Совете»[269].

В случае с региональными организациями в Европе и Африке особенно заметна склонность использовать в основном один или ограниченное число языков в своих внутренних операциях. Большая часть документации в

[268] European Union. Languages // https://european-union.europa.eu/principles-countries-history/languages_en (дата обращения: 28.06.2025).

[269] De Varennes F. Language policy at the supranational level // The Cambridge Handbook of Language Policy. Edited by Bernard Spolsky. New York: Cambridge University Press, 2012. – P. 158 (P. 147-173).

Африканском Союзе доступна на английском языке и заметно меньше доступной документации на французском, португальском или арабском языках и практически ничего на африканских языках. Несмотря на весьма важную символическую позицию многоязычия в институтах ЕС, практическим результатом в последние годы является рост моноязычия и доминирование английского языка как почти исключительного языка в европейских институтах.

Многоязычие международных организаций предназначено быть связанным, скорее, с «внешними» отношениями с широкой общественностью, нежели с практикой внутреннего использования. К примеру, в ООН различают четыре таких уровня: 1-й уровень – перевод всех публичных документов и информации на шесть официальных языков ООН; 2-й уровень – региональные языки, охватываемые информационными центрами ООН; 3-й уровень – публичные документы и информация по конкретным странам; 4-й уровень – несколько основных документов ООН, переведенных на множество других языков (Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека и др.).

Защита языков и многоязычия в аспекте доступа к электронным сервисам и ресурсам *впервые* рассматривается в Рекомендациях ЮНЕСКО о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству 2003 года[270]. Документ охватывает четыре аспекта:

- *развитие многоязычного контента и систем*, что предполагает содействие государственного и частного сектора, гражданского общества на местном, национальном, региональном и международном уровнях в создании и обработке образовательного, культурного и научного контента в цифровом формате; меры поддержки со стороны государств-членов и международных

[270] Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству. Принята 15 октября 2003 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml#a4 (дата обращения: 07.07.2025).

организаций в создании местной и автохтонной продукции в Интернете; активную государственную политику по вопросу выживания языков в киберпространстве; поддержку совместных исследований в области многоязычия в Интернете (онлайн-словари, терминологические справочники, автоматизированный перевод, интеллектуальные лингвистические системы и др.);

- *расширение доступа к сетям и службам*: поддержка со стороны государств-членов и международных организаций всеобщего доступа к Интернету, включая льготные тарифы по пользование Интернетом школами, академическими учреждениями, музеями, архивами, публичными библиотеками; развитие информационных стратегий и моделей, способствующих доступу и охвату всех слоев общества; содействие установлению соответствующих партнерских отношений в области управления доменными именами, включая многоязычные доменные имена;

- *развитие контента, являющегося общественным достоянием*. Речь идет об огромном массиве информации, созданном правительствами, публичными учреждениями и международными организациями, и существующем в каждой стране и на разных языках. Доступ к нему будет способствовать расширению всеобщего доступа к информации;

- *утверждение справедливого баланса интересов правообладателей и общества*. Данное направление предполагает обновление национальных законодательств в области авторского права и их адаптацию к киберпространству.

Далее последовали Декларация принципов и План действий по итогам Всемирной встречи на высшем уровне по информационному обществу в Женеве, Швейцария в декабре 2003 года. Рекомендации стали важным вкладом ЮНЕСКО в формирование концептов, существующих в международном и национальном законодательстве о многообразии

языкового и культурного наследия в их применении к киберпространству[271]. Механизмом реализации Рекомендаций стала введенная система докладов о деятельности по их осуществлению, представляемых каждые четыре года, начиная с 2007 г., государствами-членами в Генеральный секретариат ЮНЕСКО.

После Всемирных саммитов по информационному обществу 2003 г. и 2005 г. проблема развития многоязычия в киберпространстве по-прежнему остается в фокусе внимания Организации Объединенных Наций. ЮНЕСКО выступает постоянно действующим форумом по вопросам многоязычия в Интернете, проводит конференции, семинары, круглые столы, издает соответствующие сборники и брошюры. В 2022 году началась глобальная инициатива ООН – Международное десятилетие языков коренных народов – провозглашенная Генеральной Ассамблеей ООН на период 2022-2032 гг.[272]. Цель Десятилетия, ставшее главным итогом Международного года языков коренных народов 2019 г., – привлечь внимание мировой общественности к критическому положению многих языков коренных народов и мобилизовать заинтересованные стороны и ресурсы для их сохранения, возрождения и продвижения[273]. Рамочной стратегией и одновременно практическим руководством по реализации, мониторингу и оценке эффективности мероприятий стал Глобальный план действий по проведению Международного десятилетия языков коренных народов[274]. План предполагает десять промежуточных результатов, включая отдельно прописанное «создание благоприятных условий для расширения *цифровых*

[271] Монтвилов В. Многоязычие в информационном обществе. Российский комитет программы ЮНЕСКО “Информация для всех” // https://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2003/trud/tom1/sec/Doc2.HTML (дата обращения: 08.07.2025).

[272] Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 18 декабря 2019 года №74/135 // https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n19/426/29/pdf/n1942629.pdf?OpenElement (дата обращения: 09.07.2025).

[273] Международное десятилетие языков коренных народов (2022-2032) // https://www.unesco.org/ru/decades/indigenous-languages (дата обращения: 09.07.2025).

[274] Глобальный план действий по проведению Международного десятилетия языков коренных народов // https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379851_rus (дата обращения: 09.07.2025).

возможностей, свободы выражения мнений, развития СМИ, доступа к информации и языковым технологиям»[275]. Данный промежуточный результат включает в себя проведение комплекса мероприятий:

- создание потенциала коренных народов, особенно молодежи, и профессиональных организаций, в том числе учрежденных самими коренными народами, в областях медийной и информационной грамотности, цифровой и онлайновой активности и разъяснительной деятельности, цифровых навыков, необходимых для производства и распространения соответствующего контента, инструментов и услуг с соблюдением принципов открытости, операционной совместимости, повторного использования, доступности и разнообразия (например, бесплатное программное обеспечение с открытым исходным кодом, открытые образовательные ресурсы, доступность информации и интернета);

- развитие профессиональных компетенций, наряду с повышением осведомленности о важности языков коренных народов для освещения событий и распространения информации о коренных народах и пользователях их языков в сфере медийного контента, услуг и инструментов, используемых специалистами в области информации и СМИ, включая общинные СМИ, репортеров и журналистов, архивариусов, кураторов, библиотекарей и музейных работников, а также среди специалистов по языковым технологиям, устных и письменных переводчиков и лиц, которые несут ответственность за разработку политики, особенно представителей органов саморегулирования и регулирования СМИ, включая судебных работников, с целью обеспечения: (i) лучшего освещения и изображения коренных народов и пользователей их языков в плане содержания, редакционной политики и работы СМИ в целом; (ii) более широкого доступа к многоязычной информации и языковым технологиям, что потребует регистрации, интеграции и внедрения языков коренных народов в

[275] Там же. - С. 18.

киберпространство (например, системы записей и символы в стандартах Unicode, разработка и создание шрифтов, адаптация клавиатур и шрифтов, основные программные приложения ИТ, опирающиеся на открытые стандарты, искусственный интеллект, блокчейн и другие новейшие технологии;

- создание механизмов сотрудничества и государственно-частного партнерства в рамках всей системы ООН: (i) содействие пропаганде и повышению осведомленности в контексте Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества и Группы ООН по вопросам информационного общества, наряду с общинными и государственно-частными партнерствами, в том числе с участниками ИТ-индустрии; (ii) реализация нормативных документов (например, Рекомендации ЮНЕСКО о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству, 2003 г.); (iii) разработка соответствующих руководящих принципов и технических стандартов в сотрудничестве с международными организациями по стандартизации для оцифровки языков и их документирования, наряду с развитием инноваций и знаний посредством обмена передовым опытом в области языковых технологий; (iv) привлечение самих коренных народов к деятельности по стандартизации, разработке контента и созданию потенциала посредством проведения ими консультаций, специальных мероприятий, церемоний вручения призов и наград, а также форумов разработчиков программного обеспечения.

Глобальный цифровой договор ООН 2024 года как всеобъемлющая основа для преодоления цифрового, информационного и инновационного разрыва также включает в себя ряд положений, касающихся культурного и языкового многообразия[276]. Поощрение обеспечения цифровой доступности для всех и способствование языковому и культурному многообразию в

[276] Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 22 сентября 2024 года // https://docs.un.org/ru/A/RES/79/1 (дата обращения: 10.07.2025).

цифровом пространстве включено в число основных принципов сотрудничества в рамках Глобального цифрового договора[277].

В частности, в тексте Документа речь идет об «устранении рисков для сохранения мира, связанных с … языком ненависти и контентом, подстрекающим к причинению вреда, в том числе с контентом, распространяемым через цифровые платформы….»; об учете культурных и языковых потребностей при подключении к цифровым сетям связи, поддержке разработки местного контента и связанного с местными реалиями контента в Интернете, доступности образовательных программ на разных языках и в разных форматах, способствовании процветанию многообразных культур и языков при применении искусственного интеллекта, учете многоязычия на протяжении всего жизненного цикла систем искусственного интеллекта, отражении культурного и языкового многообразия в сотрудничестве Север – Юг, Юг – Юг.

Заметной составляющей картины миро-политического устройства являются объединения, в основе которых лежит та или иная степень языковой близости. Язык, имея двойственную природу – маркер этничности в ее идентификационном аспекте, во-первых, и средство коммуникации одновременно[278], во-вторых, – выступает базой и инструментом конструирования трансграничного сообщества. При создании последних акцент может делаться на символические функции языка и соответствующее – символическое - конструирование проекта, который может быть типологически отнесен к «сообществу глоттогенеза» или сообществу дискурса, или «воображаемому сообществу» (случай финно-угорского «мира»), в отличие от «сообществ коммуникативного кода»[279], когда первостепенное значение приобретает коммуникативная мощность языка

[277] Там же. – С. 48.

[278] Mar-Molinero C. The politics of language in the Spanish-Speaking world from colonization to globalization. - L.; N.Y.: Routledge., 2000. – P. 7.

[279] Мухарямов Н.М., Януш О.Б. Тюркоязычный и финно-угорский «миры» как символические языковые пространства // Символическая политика. Малинова О.Ю. (ред.). - М. - 136, 152.

(как в случае с франкофонией, Содружеством, Испанидадом, Лузофонией, Русским миром). Исходной проблемой, возникающей при анализе подобного рода форм международно-политической интеграции, выступает корректность использования термина «сообщество».

Отечественный исследователь С.П. Артеев предлагает терминологическое решение, определяя франкофонное сообщество, Русский и финно-угорский, португалоязычный миры как транснациональные политические *пространства, этнокультурные и диаспоральные миры*[280]. Он пишет: «В научном дискурсе концепт этномиров пока не получил широкого распространения, он практически не используется в академическом сообществе»[281]. И далее: «… несмотря на отсутствие общепризнанного термина категориального уровня, транснациональные политические пространства с этнокультурным измерением активно анализируются, но преимущественно как особые, не подпадающие под общую классификацию феномены»[282]. Однако термин «пространство» применительно к исследуемому политологическому объекту представляется проблематичным. При его использовании возникает комплекс исследовательских задач, входящих в круг интересов такого раздела языкознания, как ареальная лингвистика, исследующая с помощью методов лингвистической географии распространение языковых явлений в пространственной протяженности и межъязыковом (междиалектном) взаимодействии[283]. В лингвистически-географическом разделе языкознания также используется понятие «лингвистический ландшафт».

Концепт «пространство» содержит такие очевидные коннотации, которые в системном аналитическом плане относят его к категории

[280] Артев А.П. Этнокультурные и диаспоральные миры // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. Отв.ред. И.С. Семененко. – М.: Весь Мир, 2023. – С. 154-164.

[281] Там же. – С. 159.

[282] Там же. – С. 160.

[283] Нерознак В.П. Ареальная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 43 (685 с.).

независимых переменных. В отличие от понятия «пространство», «сообщество» содержит собственные смысловые контуры, которые предполагают его отнесение к разряду факторов (зависимых переменных), связанных с явно выраженными субъективными, волевыми началами. Эти начала различают в духе теоретической традиции Ф. Тённиса: дихотомия «общины»/«общности» (Gemeinshaft) и «общества» (Geselshaft)[284]. Такое противоположение строится по критериям различающихся типов воли - «сущностного» (основанного на органических, инстинктивных источниках) и «избирательного» (основанного на рассудочных, целерациональных началах, на сознательном выборе). В этом смысле «пространство» в смысловом плане тяготеет к общности или «сущностному» типу волевой организации, тогда как «сообщество» ближе к целенаправленной («избирательной») институциональности. Следовательно, трансграничные языковые образования с точки зрения политических механизмов формирования и функционирования могут быть более адекватно описаны при помощи понятия «сообщество». Предмет рассмотрения социолингвистики в этой перспективе может быть отнесен и к тому, и к другому, имея дело и с социальными связями органичного типа, основанными на родстве, на обычаях, на естественно сложившихся контактах, и с «обществом» как нормативно организованном комплексе взаимодействий договорного характера. Политический (международно-политический) ракурс в качестве первоочередного шага предполагает анализ связей и объединений второго типа, оформленных на принципах контрактного права. В основе институтов (организаций), базирующихся на трансграничных языковых характеристиках, лежит сущностный признак, а именно - выраженная политическая воля к сотрудничеству.

[284] Тённис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. – 1998. - № 3/4. – С. 344 (333 – 357).

Употребление термина «сообщество» по отношению к трансграничным языковым образованиям имеет такой же конвенциональный характер, как и в случае использования концепта «международное сообщество». Это терминологическое обозначение также не поддается верификации в геополитическом, политико-экономическом, социологическом, даже коммуникативном смыслах.

Базовые представления о трансграничных языковых сообществах, понимание специфики в сравнении с другими «мирами» позволяет получить ряд параметров, основной из которых – идентичность, проявляющаяся в контексте структурирования международно-политических общностей и имеющая разную степень выраженности в качестве объединяющего фактора[285] (См.: Таблицу 7).

Таблица 7

Идентичность в структурировании международно-политических общностей

Трансграничные языковые сообщества (ТЯС)	Осевая идентичность			
	Этническая	Лингвистическая	Конфессиональная (религиозная)	Постимперская
Англосфера	+	+++	+	++
Лузофония	+	++	++	+++
Русский мир	+	+++	+++	+++
Франкофония	+	+++	+	++

Языковое начало провозглашается в качестве объединительного принципа и играет роль осевой идентичности во всех рассматриваемых случаях. Распространенность больших языков выступает главным и

[285] Артев А.П. Этнокультурные и диаспоральные миры // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. Отв.ред. И.С. Семененко. – М.: Весь Мир, 2023. – С. 156-157.

ключевым консолидирующим фактором сообществ, играет роль первоосновы для развития взаимодействия во всех остальных сферах, включая культуру, экономику, политику. При этом значимость языкового фактора специфична. Применительно к пространству Франкофонии язык и в целом лингвокультурные начала как интегрирующие факторы явным образом превалируют. В рамках Содружества первенствующее значение приобретают институциональные моменты, когда 17 из 56 государств-членов сообщества признают английскую корону в качестве символического суверена. В состав Содружества входят некоторые государства-члены, ранее не имевшие никакого отношения к Британской колониальной империи и не входящие в англоязычное пространство (например, Камерун и Мозамбик). С другой стороны, состав Содружества, в отличие от Франкофонии, как известно, далеко не совпадает с пространством функционирования английского языка.

Трансграничные языковые образования обладают многомерностью и широким разнообразием не только с социолингвистической точки зрения, но и в плане структурного оформления, способов конституирования, принципов учредительства организационного дизайна, механизмов взаимодействия – всего того, что показывает уровень их консолидации, составляет институциональный и нормативный остов. В этих измерениях сообщества языкового типа образуют широкий спектр. Это могут быть сообщества, включающие более «жесткие», «плотные» связи и устоявшиеся структурные комплексы. Или, напротив, - образования с низкой плотностью, с «мягкими» связями, с минимальной или даже отсутствующей формализацией.

С точки зрения пространственных параметров некоторые из языковых сообществ, насчитывая в своих рядах десятки суверенных государств, выглядят по преимуществу как структуры глобального сотрудничества. Государства-члены Содружества (56) расположены в семи из десяти

регионов мира и объединяют 2,7 млрд. жителей[286]. В пространство Франкофонии входят 93 государства: 56 государств-членов, 5 ассоциированных членов и 32 наблюдателя[287]. Государства, входящие в Содружество португалоязычных стран, расположены на трех континентах. Эти примеры могут квалифицироваться отчасти как формы глобального или трансконтинентального сотрудничества. Другие языковые сообщества по этому критерию могут, очевидно, рассматриваться как макрорегиональные.

Существенное значение имеет вывод: действующие в этой области трансграничные объединения различаются и по характеру учредительства, и по качественному составу участников многообразного политико-правового статуса (от суверенных государств и субгосударственных единиц до субъектов, относящихся к так называемому третьему сектору), и по принципам организационного устроения, и по способам функционирования. Здесь реализуются формы межправительственных структур и институтов, международных организаций, того, что принято называть многосторонней «конференционной дипломатией». С другой стороны, в рамках языковых пространств действуют инициативы, предпринимаемые со стороны «акторов вне суверенитета» - неправительственных объединений, гуманитарных кругов, профессиональных ассоциаций, образовательных инстанций, культурных объединений, а также движений самой разной политико-идеологической природы и направленности. Иными словами, можно говорить о *государствоцентричных* способах структурирования языковых сообществ, с одной стороны, и о присутствии элементов *сетецентричности*, с другой стороны.

Модельным, классическим в своем роде примером среди международных языковых сообществ, на который чаще всего ссылаются и ориентируются инициаторы воспроизведения имеющегося опыта, является

[286] The Commonwealth. Member countries // https://thecommonwealth.org/our-member-countries (дата посещения: 03.04.2025).

[287] 93 Etats et gouvernements // https://www.francophonie.org/node/125 (дата посещения: 03.04.2025).

Международная Организация Франкофонии (МОФ). Структуру организации образуют Генеральный Секретариат. Консультативные органы МОФ – Парламентская Ассамблея по Франкофонии, а также постоянные конференции министров просвещения и по делам молодежи и спорта. Каждые два года проводятся конференции на уровне глав франкоязычных государств.

Главы правительств стран, входящих в Содружество, также проводят саммиты раз в два года, министры финансов встречаются ежегодно. Содружество представляет собой организацию коллективной безопасности, что закреплено двусторонними договорами между большинством участников.

Согласно Уставу Содружества стран португальского языка (ССПЯ), одной из целей организации является «выработка единой политико-дипломатической позиции ее членов и сотрудничество между ними», в том числе в рамках международной организации. Таким образом, феномен «конференционной дипломатии» может быть связан с практикой группового голосования.

Помимо социолингвистический оснований и принципов организационного устройства, способов структурирования языковых сообществ важными параметрами, формирующими «идентитарный профиль»[288] сообществ, также выступают исторический опыт сосуществования в рамках единого государства, наличие ядра, центра и периферии, динамика расширения, роль религиозного фактора, роль диаспор, роль научных и общественно-политических дискурсов в формировании и сохранении политического пространства и т.д.

Стремительная цифровизация политики открывает новые грани процесса функционирования трансграничных языковых сообществ. Важным для данной темы соображением, имеющим принципиальную значимость,

[288] Артеев С.П. Указ. раб. – С. 158.

является идентификация присутствия языка в Интернете, определяющего цифровые контуры международно-политических языковых общностей. Известные на сегодняшний день рейтинги языков представлены компанией W3Techs, специализирующейся на изучении использования технологий в Интернете, и Обсерваторией лингвистического и культурного многообразия в Интернете (*Таблица 8*).

Таблица 8

Сравнительные данные W3Techs и Обсерватории о представленности языков в Интернете, % веб-сайтов, позиция в рейтинге
(по состоянию на август 2022 г.)

Язык	W3TECHS		Обсерватория	
	Рейтинг	% веб-сайтов	Рейтинг	% веб-сайтов
Английский	1	62,8 %	1	26,50 %
Русский	2	7,3 %	7	3,13 %
Турецкий	3	3,8 %	13	1,24 %
Испанский	4	3,7 %	3	8,69 %
Персидский	5	3,5 %	19	0,69 %
Французский	6	2,5 %	4	3,74 %
Немецкий	7	2,1 %	9	2,83 %
Китайский	10	1,3 %	2	13,88 %
Арабский	11	1,2 %	8	3,04 %
Португальский	13	0,7 %	6	3,37 %
Хинди	32	0,1 %	5	3,42 %

Существенные расхождения в оценках W3Techs и Обсерватории объясняются разницей в методологии и алгоритмах проведения исследований. Компания W3Techs выбирает 10 миллионов самых посещаемых сайтов по версии приложения цифрового маркетинга Alexa (http://alexa.com) из почти 1,2 миллиарда существующих веб-сайтов, т.е. менее 1 %. Алгоритмы W3Techs учитывают только домашнюю страницу веб-

сайта, даже если все другие страницы могут быть на отличных от английского языках. К примеру, стартовая страница Facebook будет учтена как англоязычная, несмотря на тот факт, что домашняя страница предлагает десятки языковых версий. Таким образом, одностраничные сайты учитываются так же, как сайты с сотнями или тысячами страниц, а многие сайты, предлагающие несколько языковых опций для своего интерфейса, учитываются как одноязычные – англоязычные, даже если наличествует лишь несколько слов на английском языке (навигация, авторские права, краткое изложение в случае научных статей и т.д.). Тот факт, что в процентном отношении наблюдается уменьшение количества англоязычных сайтов, не означает уменьшения присутствия английского языка в Интернете в абсолютном выражении[289]. Снижение доли английского объясняется ростом присутствия других языков и тем самым ростом многоязычия в сети. В любом случае, независимо от методики исследований, таблица, приведенная выше, отражает глоттополитическое доминирование в сети и кибергеографические масштабы распространения ряда мировых языков, лежащих в основе конструирования и функционирования международных политико-языковых общностей (ТЯС). Отдельный вопрос – природа доминирования и то, за счет чего она достигается – разработанной стратегии или каких-то естественно-исторических обстоятельств. Ряд параметров, лежащих в основе модели, предложенной Обсерваторией, проливают свет на сложившуюся киберлингвистическую иерархию. Речь идет о таких макропоказателях, как:

- интернет-пользователи – доля в мире подключенных носителей языка (на основе данных о подключенных пользователях в стране и демографических данных);

[289] Pimienta D. Internet and linguistic diversity: the cybergeography of languages with the largest number of speakers // Linguapax Review 2021. Language Technologies and Language Diversity // https://www.linguapax.org/wp-content/uploads/2022/02/LinguapaxReview9-2021-low.pdf (дата посещения: 25.01.2025).

- трафик – доля трафика в мировом Интернете (на основе данных о приложениях и распределении трафика в стране);

- использование – доля распространенности языка на платформах и в приложениях (например, % подписчиков в той или иной соцсети);

- индекс – агрегированный параметр, отражающий множество показателей информационного общества (например, качество электронного правительства) в % и по языкам;

- контент – общее число страниц в сети в %;

- интерфейсы – показатель распространенности как языка интерфейса в приложениях или языка перевода онлайн.

Таблица 9

Индикаторы присутствия языков в Интернете

Языки	Население мира	Трафик	Интернет-пользователи	Использование	Контент	Интерфейсы	Индекс	% подключенных носителей языка (Я1+Я2)	Влияние
Английский	13,0 %	37,9 %	15,2 %	27,9 %	38,7 %	21,6 %	17,6 %	64,2 %	26,5 %
Китайский	14,7 %	7,9 %	17,6 %	5,5 %	8,2 %	25,0 %	19,2 %	65,6 %	13,9 %
Испанский	5,2 %	10,8 %	6,9 %	11,7 %	5,4 %	9,8 %	7,5 %	72,5 %	8,7 %
Французский	2,6 %	2,7 %	3,0 %	3,8 %	5,4 %	4,3 %	3,2 %	64,9 %	3,7 %
Хинди	5,8 %	4,9 %	4,3 %	3,2 %	0,3 %	4,1 %	3,8 %	41,2 %	3,4 %
Португальский	2,5 %	1,5 %	3,1 %	5,5 %	3,3 %	3,9 %	3,0 %	68,3 %	3,4 %
Русский	2,5 %	1,8 %	3,6 %	2,3 %	3,4 %	3,9 %	3,8 %	78,3 %	3,1 %
Арабский	3,5 %	2,3 %	3,8 %	3,0 %	2,1 %	4,2 %	2,9 %	59, %	3,0 %
Немецкий	1,3 %	1,3 %	2,1 %	2,0 %	5,9 %	2,8 %	3,0 %	87,7 %	2,8 %
Японский	1,2 %	2,0 %	2,1 %	1,8 %	3,5 %	2,8 %	3,0 %	92,6 %	2,5 %
Малайский	2,4 %	0,9 %	2,2 %	2,8 %	0,8 %	1,9 %	2,0 %	51,0 %	1,8 %
Итальянский	0,7 %	0,5 %	0,9 %	1,0 %	3,4 %	1,2 %	1,2 %	75,7 %	1,4 %
Турецкий	0,9 %	1,0 %	1,2 %	1,6 %	0,9 %	1,4 %	1,2 %	78,0 %	1,2 %
Корейский	0,8 %	0,9 %	0,9 %	1,0 %	0,8 %	1,1 %	0,9 %	64,7 %	1,0 %
Бенгальский	2,6 %	1,2 %	1,2 %	1,1 %	0,3 %	0,7 %	0,8 %	24,5 %	0,9
Остальные	40,4 %	22,3 %	31,9 %	25,9 %	17,6 %	11,3 %	26,9 %	-	22,7 %
Всего	100 %	100 %	100 %	100,0 %	100 %	100 %	100 %	54,9 %	100 %

При этом такие факторы, как демолингвистические основания (Я1+Я2) и преодоление цифрового разрыва (процент подключенных носителей языка) приобретают определяющее значение для такого показателя, как уровень *киберглобальности* языка, предложенного и введенного Международной организацией франкофонии для оценки сильных и слабых сторон французского языка в цифровом мире[290]. Данная величина требует некоторых разъяснений. Уровень киберглобальности языка (УКГ) определяется как уровень глобальности языка (УГЯ), умноженный на процент подключенных носителей языка: УГК=УГЯ*% доступа. В свою очередь, уровень глобальности языка зависит от географических и демографических особенностей языка и рассчитывается по формуле: УГЯ=(Я1+Я2)/Я1*процент стран, где практикуется этот язык. Картина распределения в процентном отношении выглядит следующим образом:

Таблица 10

Уровень глобальности и киберглобальности языков

Язык	Уровень глобальности языка	Уровень глобальности языка %	Уровень киберглобальности языка	Уровень киберглобальности языка %
Английский	2,51	12,68 %	1,61	14,24%
Французский	1,69	8,52 %	1,09	9,66 %
Немецкий	0,48	2,45 %	0,42	3,75 %
Русский	0,40	2,01 %	0,31	2,76 %
Испанский	0,37	1,90 %	0,27	2,40 %
Арабский	0,30	1,51 %	0,18	1,56 %
Малайский	0,33	1,69 %	0,17	1,51 %
Итальянский	0,22	1,13 %	0,17	1,50 %
Китайский	0,25	1,27 %	0,16	1,46 %

[290] La FONDATION DES ALLIANCES FRANÇAISES. Rapport D'Activité 2022 // https://www.fondation-alliancefr.org/?p=64020 (дата обращения: 13.04.2024).

Португальский	0,23	1,15 %	0,15	1,37 %

Культура обладает стратегической значимостью для укрепления сотрудничества между странами трансграничного языкового сообщества. «Экспорт соответствующих культурных образцов, как «высокой», так и бытовой культуры, - ключевая роль в формировании этнокультурного мира, его успешной территориальной экспансии»[291]. Франкофония (МОФ) является пионером в продвижении франкофонного пространства в сфере новых технологий, информации и коммуникации. Расширению франкофонного пространства, отмечается в докладе МОФ о французском языке, как в физическом, так и в цифровом мире способствуют производство и распространение культурных продуктов и услуг посредством использования французского языка[292]. Проникновение цифровых технологий во все сферы общественной жизни глубоко изменило культурный ландшафт, введя новые процессы создания, распространения, доступа и потребления соответствующих продуктов. Участники и акторы глобальной цифровой экономики, позиционируют себя в центре нового порядка и навязывают бизнес-модели, связанные с объединением спроса и общего предложения в сфере культуры. Веб-гиганты конкурируют за стратегии привлечения внимания франкоязычных потребителей во множестве сред (сайты издателей, платформы для обмена видео, социальные сети и т.д.). Рекомендации алгоритмов никогда не бывают нейтральными. Иными словами, речь идет о различных видах контроля со стороны крупных международных платформ в отношении выбора культурных продуктов и распространения цифрового

[291] Артеев А.П. Этнокультурные и диаспоральные миры // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. Отв.ред. И.С. Семененко. – М.: Весь Мир, 2023. – С. 156-157.

[292] LA LANGUE FRANÇAISE DANS LE MONDE. 2019 – 2022 // https://www.francophonie.org/sites/default/files/2023-03/Rapport-La-langue-francaise-dans-le-monde_VF-2022.pdf (дата посещения: 01.03.2025).

семиотического контента. Это приводит к существенным различиям в доступе к этому контенту и неравенству в распределении благ.

Ключевую роль в противостоянии гегемонистской и стандартизированной культурной модели, как отмечается в Отчете, которая не учитывает развитие культурных особенностей Франкофонии в цифровой среде, является доступ к разнообразному франкоязычному культурному контенту в Интернете[293]. По сути, принцип культурного и языкового разнообразия, столь важный для франкоязычного пространства, подвергается серьезному сомнению. Ощутимые проблемы создает обеспечение равного доступа к франкоязычным формам культурного самовыражения в цифровой среде и обеспечение их доступности.

Проблема, сформулированная в отчетах МОФ, звучит как слабая представленность и малая доступность в сети Интернет контента и культурных и художественных произведений франкофонного пространства несмотря на все разнообразие. Для описания связи между контентом и аудиторией в цифровой среде вводится относительно новое понятие *обнаруживаемости* контента на французском языке[294]. Оно включает в себя облегчение поиска доступного онлайн контента с помощью поисковых систем и рекомендации по культурному контенту без запроса пользователя. Угроза обнаруживаемости состоит в том, что «узкий круг мировых игроков пользуется технологическими инновациями, чтобы управлять и направлять культурное наследие»[295].

Цифровая Стратегия Франкофонии на 2022-2026 годы, принятая на 39-й сессии Конференции министров Франкофонии в декабре 2021 г., учитывает многогранный характер описанной проблемы и обязывает страны-члены МОФ и других участников *Хартии Франкофонии* определить области вмешательства для координации действий в цифровой сфере в течение

[293] Ibid. – P. 333-334.
[294] Французский язык в мире. Издание 2022 г. – МОФ, 2022 //…. P. 28.
[295] Там же. – P. 28.

последующих пяти лет[296]. Неотложным, отмечается в отчете МОФ, является создание механизма регулирования, который сможет обеспечить прозрачность и нейтральность систем алгоритмических рекомендаций. Проблема обнаруживаемости франкоязычного онлайн контента должна стать целью публичной/государственной политики, поскольку эти вопросы напрямую связаны с утверждением суверенитета государств. Речь идет о сохранении культурной самобытности, о продвижении и доступе на международные рынки продуктов локальных и национальных цифровых культурных мероприятий, а также об укреплении способности государственных субъектов к реализации адекватных политических стратегий, включая адаптацию нормативно-правовой базы и инструментов регулирования.

Документ определяет пять направлений вмешательства в цифровой сфере в течение пяти лет:

- содействие сокращению цифрового неравенства и улучшению доступа к цифровым технологиям для населения франкоговорящего мира;

- улучшение приобретения цифровых навыков, особенно среди молодежи, женщин и людей в уязвимом положении с целью расширения возможностей цифрового обучения и развития цифровой культуры населения франкофонного мира;

- укрепление цифровой государственной политики с целью адаптации правовых рамок и механизмов регулирования, обеспечивая тем самым более инклюзивное развитие, поощряя культурное и языковое разнообразие, укрепляя цифровой суверенитет франкоязычных стран при соблюдении международного права и ценностей Франкофонии;

[296] Stratégie de la Francophonie numérique 2022-2026 // https://www.francophonie.org/sites/default/files/2021-12/SFN_CMF_39_10122021.pdf (дата посещения: 01.03.2025).

- улучшение возможностей обнаружения цифрового контента на французском языке – культурного, научного, образовательного, экономического и юридического;

- стимулирование инноваций на благо человечества и поощрение инклюзивного развития и использования цифровых технологий, включая искусственный интеллект, основываясь на правах человека, для цифрового будущего, соответствующего ценностям Франкофонии.

Цифровая Стратегия Франкофонии призвана мобилизовать усилия всех заинтересованных сторон, направленные на повышение обнаруживаемости культурного франкофонного контента в цифровой среде. *Государствам-членам и правительствам Франкофонии* предстоит ответить на ряд следующих вызовов:

- принять политику поддержки в сфере местной и национальной культуры и мер разнообразных форм культурного самовыражения франкофонов;

- создать правила для международных платформ и интернет-провайдеров, направленные на содействие доступности и видимости в каталоге местных и национальных культурных продуктов;

- поддерживать создание цифровых инфраструктур местного, регионального и национального уровней для содействия доступу к культурным продуктам и услугам для как можно большего числа людей;

- обеспечить ответственное и этичное развитие искусственного интеллекта на службе культурного разнообразия франкоговорящих в Интернете и сохранение принципа сетевого нейтралитета;

- поддержка исследований в области обнаруживаемости франкоязычного контента, включая измерительные инструменты сбора и анализа данных, предназначенных для получения надежной статистики в культурной отрасли в цифровую эпоху.

Практические меры, принятые на уровне всего сообщества и направленные на повышение «*обнаруживаемости*» франкоязычного контента, — это запущенная в сентябре 2020 года глобальная франкоязычная платформа TV5MONDEplus, управляемая TV5MONDE. Она включает в себя каталог из более чем 5 200 часов программ с субтитрами на французском, английском, немецком, испанском и арабском языках, предлагает уникальный опыт поиска бесплатного контента (фильмы, телешоу, документальные фильмы, детский и развлекательный контент) на французском языке для мировой аудитории франкофонов и франкофилов[297]. Миссия TV5MONDEplus заключается в продвижении франкоязычного творчества и трансляции программ партнерских каналов (Радио Канада, TV5 Квебек Канада, Telé-Québec, RTBF, RTS, France Televisions и др.), собственных постановок TV5MONDE, а также журналов, современных африканских постановок и многочисленных программ. Сервис TV5MONDEplus объединяет контент из Франции, Канады, Бельгии и франкоговорящей Африки, что обусловливает множество разных французских акцентов[298]. В среднем ежемесячно на платформе регистрируется 1,6 млн посещений и 700 тысяч просмотренных видео[299].

Инструментом сотрудничества и распространении информации МОФ в области преподавания и изучения французского языка выступает платформа «Давайте поговорим по-французски!» (parlonsfrancais.francophonie.org), предназначенная для преподавателей французского языка, специалистов в области образования, молодежи, изучающей французский язык, административных работников и международных гражданских служащих и

---

[297] Ibid. – P. 336.

[298] Karfis O. TV5MondePlus – A Free French Language Streaming Service. 07.06.2021 // https://www.frenchtoday.com/blog/french-culture/free-french-streaming-service/ (дата посещения: 10.03.2025).

[299] Франкофония – пространство для многостороннего сотрудничества // https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/frankofoniya-i-francuzskij-yazyk/la-francophonie-espace-de-cooperation-multilaterale/ (дата посещения: 05.04.2025).

всех тех, кто интересуется французским языком, его преподаванием, влиянием и ценностями франкофонии.

Проект МОФ и соответствующая платформа «D-CLICK, обучайтесь цифровым технологиям вместе с МОФ!» – ориентированы на франкоязычную молодежь, содействие трудоустройству и расширению прав и возможностей молодежи в секторах, ориентированных на цифровые технологии[300].

Более того, представители Международной организации Франкофонии продвигают цифровую языковую повестку в рамках глобальных структур. По инициативе МОФ и Группы послов франкоязычных стран в Нью-Йорке и с участием делегаций испаноязычных и португалоговорящих стран в ООН в рамках межправительственных переговоров по Глобальному цифровому договору в июне 2024 г. был проведен семинар-дискуссия о культурном и языковом разнообразии в эпоху цифровых технологий[301]. В ходе обсуждения стороны отметили приверженность цифровой интеграции и риски увеличения цифрового разрыва; высказали общие идеи о путях расширения и усиления формулировок, касающихся культурного и языкового разнообразия в тексте будущего Договора. Многочисленные инициативы МОФ с целью привлечения внимания к проблемам, вызывающим озабоченность франкоязычных стран, были предприняты после принятия Глобального цифрового договора. В декабре 2024 годы представительство МОФ при ООН в Нью-Йорке организовало семинар о ходе реализации Документа и представило пять флагманских проектов на 2024-2027 годы[302]:

---

[300] 3 nouvelles formations en ligne aux métiers du numerique avec d-clic // https://www.francophonie.org/3-nouvelles-formations-en-ligne-aux-metiers-du-numerique-avec-d-clic-7969 (дата посещения: 04.04.2025).

[301] ONU: Les délégations francophones, hispanophones et lusophones appellent à ancrer le Pacte numérique mondial dans la diversité culturelle et linguistique. 25.06.2024 // https://www.francophonie.org/francophones-hispanophones-lusophones-appellent-a-ancrer-pacte-numerique-mondial-dans-diversite-culturelle-3272 (дата посещения: 05.04.2025).

[302] Atelier francophone sur la mise en œuvre du Pacte numérique mondial // https://www.francophonie.org/atelier-francophone-sur-la-mise-en-oeuvre-du-pacte-numerique-mondial-3532 (дата посещения: 06.04.2025).

- поддержка приобретения франкоязычной молодежью цифровых навыков;

- сопровождение государственных администраций и франкоязычных дипломатов по вопросам государственной политики в области цифровых технологий;

- содействие разнообразию посредством поиска франкоязычного культурного контента на цифровых платформах,

- повышение целостности информации в эпоху цифровых технологий;

- сопровождение цифрового перехода систем образования во франкоязычной Африке.

Цифровая повестка в Сообществе португалоязычных стран (CPLP) включает в себя ряд схожих вопросов. Речь идет о важности португальского языка как общего кода для цифрового сотрудничества между португалоговорящими странами и как мощного инструмента для стимулирования инноваций, экономического развития и культурного обмена во всё более взаимосвязанном мире; об усилиях по развитию цифровых навыков и сокращению цифрового неравенства в португалоязычных странах и между ними; о необходимости увеличения контента на португальском языке и его представленности в новых технологиях, включая искусственный интеллект и большие языковые модели; о содействии инклюзивности и преодолению цифрового неравенства на глобальном Юге[303]. Все эти темы обсуждались представителями португалоязычных стран и организаций.

В 2021 году при финансовой поддержке Департамента культуры и образования Министерства иностранных дел Бразилии и в рамках Международного института португальского языка – учреждения Сообщества португалоязычных стран было проведено исследование о присутствии

[303] Internet Governance Forum 2024. Open Forum #75 The Portuguese Speaking Community as a case study on digital // https://dig.watch/event/internet-governance-forum-2024/open-forum-75-the-portuguese-speaking-community-as-a-case-study-on-digital (дата посещения: 07.03.2025).

португальского языка в Интернете[304]. Его выводы, по сути, сводятся к необходимости разработки скоординированных усилий по наращиванию присутствия португальского языка в сети между странами Сообщества и включают в себя следующие позиции:

- поддержка борьбы с цифровым неравенством в португалоязычных странах Африки;

- разработка программы медийной и информационной грамотности с особым акцентом на создании контента наряду с улучшением Интернет-соединения во всех странах Сообщества;

- усиление разработки программ по продвижению изучения португальского языка как второго языка (L2 – Я2), что стратегически расширит круг говорящих;

- разработка мероприятий по повышению осведомленности (курсы, семинары, информационные материалы).

19 июля 2024 года в Сан Томе была подписана Хартия прав и принципов в цифровой среде Сообщества португалоязычных стран. Документ не имеет обязательной силы, носит декларативный характер. Основные положения Хартии не содержат прямые положения о языке и включают в себя: гарантии обеспечения, соблюдения, поощрения и защиты прав человека, осуждение кибератак и распространение незаконного контента; обеспечение подключаемости посредством всеобщего и равного доступа к Интернету для всех путем создания инклюзивной цифровой среды и информационного общества; конфиденциальность и кибербезопасность; свобода слова, информации, участия и объединений; защита детей и подростков; цифровое и медийное образование; цифровые государственные

[304] Pimienta D., Müller de Oliveira G. Projeto «Organização da Presença da Língua Portuguesa na Internet». Informe final: 31 de agosto de 2021 // https://iilp.cplp.org/wp-content/uploads/2024/03/Projeto-PPI-INFORME-COMPLETO-Pimienta-Oliveira-30-08-2021.pdf (дата посещения: 10.03.2025).

услуги; цифровая экономика; ответственное использование технологий; сотрудничество в области цифровой трансформации[305].

Таблица 11

Эволюция подключения к Интернету в португалоговорящих странах (CPLP)

Государство	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**
Ангола	13,00	14,34	н/д	16,00
Бразилия	60,87	67,47	70,43	73,91
Кабо-Верде	50,32	57,16	н/д	61,94
Восточный Тимор	25,25	27,49	н/д	30,00
Экваториальная Гвинея	23,78	26,24	н/д	28,00
Гвинея-Бисау	3,76	3,93	н/д	5,00
Мозамбик	17,52	20,77	н/д	21,00
Португалия	70,42	73,79	74,66	75,35
Сан-Томе и Принсипи	28,00	29,93	н/д	33,00

В марте 2023 года на XXVII саммите Иберо-американского сообщества Сообщество португалоязычных стран (CPLP) было принято в качестве консультативного наблюдателя Иберо-американской конференции, что укрепило группу из 18 международных и многосторонних организаций высокого уровня и 12 стран со всех континентов (ассоциированных наблюдателей), которые расширяют международное присутствие Иберо-

[305] The Community of Portuguese Speaking Countries (CPLP) Charter of Rights and Principles in Digital Environments // https://www.pt.pt/en/blog/the-cplp-charter-of-rights-and-principles-in-digital-environments/ (дата посещения: 07.03.2025).

Америки[306]. Эти изменения отразили твердую приверженность двуязычию как сквозной оси для всей работы Иберо-американского сообщества и всех соглашений, достигнутых на этом саммите, как указано в Декларации Санто-Доминго: «Двуязычие является отличительной чертой и общим наследием Иберо-Америки в контексте исключительной ценности языкового разнообразия. Помимо CPLP, Португальский мир или Лузофония «развивается благодаря Иберо-американскому сообществу наций», образованному в 1991 году»[307]. На упомянутом Саммите в числе принятых документов – Иберо-американская хартия принципов и прав в цифровой среде, которая должна стать ориентиром для обновления национальных нормативных актов и призвана сократить неравенство и устранить цифровой разрыв, содействовать доступу к недорогому и качественному подключению к сети, создавать безопасную цифровую среду и содействовать свободному выбору цифрового контента.

Международно-политический уровень языкового регулирования включает в себя определение официальных языковых режимов - правил функционирования тех или иных языков в самих международных организациях, включая языки пленарных заседаний, языки принимаемых документов и языки внутренней и внешней коммуникации. При этом выбор официальных/рабочих языков определялся политическими факторами и доминирующими игроками. Языковая политика де юре, предоставляющая равный статус официальным языкам, вступает в противоречие с политикой де факто, когда на практике поддерживаются лишь несколько языков коммуникации. В реальности в одной и той же организации могут одновременно функционировать несколько языковых режимов, подпадая под

[306] The XXVIII Ibero-American Summit Ends with Agreements on Environment, Food Security, Digital Rights and International Financing. 29.03.2023 // https://newsinamerica.com/en/breaking-news/2023/the-xxviii-ibero-american-summit-ends-with-agreements-on-environment-food-security-digital-rights-and-international-financing/ (дата посещения: 31.03.2025).

[307] Сигачев М.И., Артеев С.П. Португальский мир как транснациональное пространство: политическое измерение // Южно-Российский журнал социальных наук. – 2022. – Т. 23. № 2. – С. 42.

определение «управляемого многоязычия» и предоставляя «внешнюю легитимность» тем или иным языкам. В то же время значение международного уровня состоит и в институциональном воздействии на государства, становящиеся участниками принимаемых деклараций, рекомендаций, соглашений, договоров, хартий, конвенций и многих других документов. Действительностью последних лет становится появление международно-правовых инструментов – ответов на вызовы процессов цифровизации. Это рассмотренные в данном параграфе документы и инициативы на уровне глобальной ООН и институциональных форм трансграничных языковых сообществ – Франкофонии, Лузофонии, Англосферы и др. Продвижение многоязычия в киберпространстве становится одной из основных ценностей международных организаций, способствуя международному и региональному сотрудничеству и создавая всеобъемлющий контекст и ориентиры для разработки и реализации языковой политики онлайн на более низких уровнях политико-языкового регулирования.

2.2. Национальный уровень политико-управленческого воздействия на языковое устройство общества

На макроуровне политико-языкового регулирования располагаются институты уровня суверенной государственности. Здесь формируются нормативно-правовые основы регулирования языковых отношений субъектами-законодателями, принимается корпус политико-правовых документов и значимые для языковой политики ведомственные акты в виде концептуальных, программно-целевых разработок.

Существует группа детерминантов макросоциального (демографическая динамика, изменения поселенческой структуры – урбанизация, в частности, - состояние человеческого капитала, переменных возрастного, образовательного, профессионального плана и проч.) и общеполитического порядков. Политическая (геополитическая) обстановка неизбежно отражается в состоянии языкового устройства и языкового функционирования общества. Нет необходимости специально останавливаться на сравнениях характеристик политических систем российского общества в начале 1990-х, на рубеже двух столетий, в конце 2010-х годов и в наши дни. Очевидно, что среда взаимоотношений властей и общества, взаимодействия политических акторов претерпела кардинальные изменения в координатах «стабильности – нестабильности» и «интеграции – дезинтеграции». Это самым прямым образом отражается на постановке «языкового вопроса».

Разработка и утверждение стратегических, концептуальных и нормативно-правовых документов последних лет свидетельствуют об этапных изменениях политико-управленческого воздействия на языковое устройство российского общества. Данные новации обусловлены меняющимися внутри- и внешнеполитическими процессами и связаны с обновляющимися моделями национальной и языковой политики Российской

Федерации. Утверждение Президентом России В.В. Путиным Основ государственной языковой политики в июле 2025 года и – ранее - Правительством России Концепции государственной языковой политики 2024 года позволяют говорить о том, что языковая политика становится самостоятельным направлением государственной политики, отдельным от национальной политики, частью которой или вплетением в которую традиционно считалась языковая политика.

Значимость национального уровня проявляется в характере конституционной системы государства[308]. Конституция закладывает основы, ей принадлежит центральная роль в институционализации языковой политики[309]. В текст Конституции России после поправок 2020 года было включено положение о роли русского языка как языка «государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»[310] (ч. 1, ст. 68). При этом «государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия» (ч. 2, ст. 69). В Основах государственной языковой политики Российской Федерации речь идет о том, что «Российская Федерация проводит политику сохранения, развития и поддержки существующего языкового многообразия, *сочетающего* в себе функционирование русского языка как государственного языка Российской Федерации, государственных языков республик Российской Федерации и

[308] Lewis H., Royles E. Governance, Complexity, and Multi- Level Language Policy and Planning // The Routledge Handbook of Language Policy and Planning. Edited by Michele Gazzola, François Grin, Linda Cardinal, and Kathleen Heugh. – London and New York: Routledge, 2024. - P. 280 (P. 272-285).

[309] Замятин К. Ю. Формирование государственной языковой политики после принятия поправок 2020 г. к Конституции: конституционные основы и ограничения // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2025. № 1 (50). – С. 189 (С. 187–198). DOI: 10.25693/SVGV.2025.50.1.014

[310] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3ed9a4d68072c2f9d74767edb4d4d2ea1def6e9f/ (дата обращения: 17.07.2025).

других языков народов Российской Федерации»[311]. Данные положения – новации свидетельствуют о том, что в фундаментальном понимании самого феномена многообразия происходят принципиальные сдвиги. Многообразие, понимаемое в коннотациях плюрализма миноритарных — идеоэтнических — кодов, замещается большим вниманием по отношению к культурно-коммуникативной консолидации, в основе которой находится язык государствообразующего народа, а русский язык становится одновременно основой общероссийской гражданской идентичности и системным элементом культурно-языкового многообразия в общенациональных масштабах.

Объект политико-правового регулирования макроуровня отличается исключительно сложным составом и включает собственно языки с их многообразными социально-коммуникативными параметрами и характеристиками витальности – от мощных языков в благополучном состоянии до языков, находящихся в «терминальной» стадии; многообразные языковые ситуации; языковые отношения с весьма разнородным составом участников и акторов. По данным Всероссийской переписи населения 2020 года в России зафиксировано 176 родных языков, включая русский язык, который считают родным 111,5 млн человек. В число других самых распространенных языков входят татарский язык – 4 073 253 человека считают его родным, чеченский – 1 644 313 чел., башкирский – 1 319 650 чел., аварский – 907 966 чел., чувашский – 800 100 чел., кабардино-черкесский – 609 383 чел., даргинский – 587 391 чел. и многие другие[312]. При этом юитский, югский (Енисейская языковая семья), керекский (Чукотско-камчатская языковая семья) и многие другие языки малых народов России находятся на грани исчезновения. По данным института языкознания РАН

[311] Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» № 474 от 11 июля 2025 г. // http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507110017 (дата обращения: 17.07.2025).

[312] Самые распространенные и редкие родные языки в России. 23.02.2023 // https://www.kommersant.ru/doc/5841263 (дата обращения: 18.07.2025).

РФ, за последние 100 лет в России исчезли 15 языков малочисленных народов, из них 10 — за последние 35 лет. Из числа существующих полутора сотен языков народов России на грани исчезновения находятся около 10%, более 60% приближаются к этой границе[313]. Социально-коммуникативная мозаика, сохраняющаяся при разнонаправленной динамике этноязыковых процессов в России, может быть дополнена рядом актуально наблюдаемых и верифицируемых параметров многообразия.

По данным федерального мониторинга состояния и развития языков народов Российской Федерации работа с детьми в системе дошкольного образования осуществлялась в 2022 г. на 43 родных языках в 25 субъектах страны, общая численность таких воспитанников составила 673 460 человек.

В рамках начального общего, основного общего и среднего общего образования, согласно тем же данным, в 2022/2023 учебном году в 61 субъекте Российской Федерации реализуются образовательные программы по 74 родным языкам в рамках предметных областей «Родной язык и литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и родная литература» в общеобразовательных организациях, а также в рамках дополнительного образования и внеурочной деятельности[314]. Общая численность изучающих родные языки народов Российской Федерации в рамках указанных предметных областей составляет 1 863 280 человек (1 774 939 человек в 2021/22 учебном году).

Кроме того, в рамках факультативных занятий родные языки народов нашей страны осваивают 76 635 обучающихся, в рамках дополнительного образования — 10 071 человек. В 16 республиках Российской Федерации изучаются 20 языков в качестве государственных языков республик. Общая

[313] Институт языкознания РАН. Список языков России (2022) // https://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml (дата обращения: 18.07.2025).

[314] Официальная статистика на начало 2010-х гг. показывала: в системе государственного образования используется 89 языков, из которых 30 — в качестве языка обучения и 59 — в качестве предмета изучения [Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012].

численность изучающих государственные языки республик составляет 937 275 человек. В Реестре примерных основных общеобразовательных программ были размещены 239 программ учебных предметов «Родной язык», «Литературное чтение на родном языке», «Родная литература» по 38 языкам. В Федеральном перечне учебников представлен 361 учебник по 25 родным языкам[315].

Попутно можно отметить то обстоятельство, что много- и двуязычный «бэкграунд» отнюдь не означает какой бы то ни было неконкурентоспособности индивидов в доступности образования. Так, согласно итогам российской переписи 2021 г., доля лиц с учёной степенью (послевузовским), высшим и неоконченным высшим образованием по отношению к общей численности народа (в том числе — в категории 20 лет и старше): среди евреев — 57,40% (64,56%), калмыков — 31,42% (43,21%), бурят — 28,88% (41,80%), осетин — 27,22% (35,16%), якутов — 24,57% (34,41%), русских — 22,68% (28,46%), татар — 22,70% (28,6%), армян — 19,24% (24,48%), чеченцев — 12,42% (20,14%)[316].

В 2023 г. в России, помимо русского, книги были изданы на 57 языках народов страны (в 2022 г. — на 50 языках). Из 1028 названий, вышедших общим тиражом 1496,4 тыс. экземпляров — на татарском языке вышло 23,4% названий и 22% от общего тиража; на якутском — соответственно 15,6% и 19,6%; на башкирском — 6,8% и 21,5%; на чувашском — 6,3% и 8,6% названий; на бурятском — 3,6% от общего числа изданий[317].

---

[315] Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. Москва, 2023 год. URL: https://Report_govern_education_2023.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

[316] Самые образованные народы Российской Федерации по итогам переписи 2021 г. // https://telegra.ph/Samye-obrazovannye-narody-Rossijskoj-Federacii-po-itogam-perepisi-2021-g-01-04 (дата обращения: 12.06.2025).

[317] Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Год 2023. Отраслевой доклад. Вып. XVI / Под общ. ред. В.В. Григорьева. - М.: Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, 2024. URL: https://bookunion.ru/upload/news/Bookmarket-2023.pdf (дата обращения: 13.06.2025).

Отечественные и зарубежные эксперты оценивают правовой режим российского культурно-языкового многообразия как в целом отвечающий признанным международным стандартам. В то же время можно отметить некоторые несовершенства законодательства о языках – декларативность, расплывчатость, нечеткость формулировок, терминологическую запутанность, оторванность от реального состояния языкового функционирования, отсутствие разработанных механизмов реализации закрепленных правовых норм[318]. Остановимся на ряде их них.

Конституция России и Основы государственной языковой политики Российской Федерации закрепляют положение о государственных языках, которые вправе устанавливать республики Российской Федерации[319]. Однако, как отмечает правовед С.А. Белов, «соотношение пределов использования общефедерального государственного языка и государственного языка республик в составе Российской Федерации является одной из основных проблем законодательства о языках»[320]. Он же пишет, что правовой статус государственного языка предоставляется «определенному языку в целях обеспечения единства государства как политической нации, создания единого общественного коммуникативного и культурного пространства» в критически важных для обеспечения единства страны сферах общественной коммуникации[321]. Установление высокого государственного статуса большинству языков республик – субъектов Российской Федерации не соответствует их реальному социолингвистическому состоянию. По оценкам

---

[318] Орешкина М.В. Языковое законодательство в Российской Федерации // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 835-847.

[319] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3ed9a4d68072c2f9d74767edb4d4d2ea1def6e9f/ (дата обращения: 20.07.2025); Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» № 474 от 11 июля 2025 г. // http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507110017 (дата обращения: 20.07.2025).

[320] Белов С.А. Законодательное регулирование статуса государственного языка в Российской Федерации // https://herzena.ru/public/files/articles/С.А.Белов.%20Законодательное%20регулирование_537c978e51477.pdf (дата обращения: 20.07.2025).

[321] Белов С.А., Кропачев Н.М. Понятие государственного языка // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2020. Т. 17. Вып. 1. – С. 16 (С. 4-21).

специалистов Института языкознания РАН, большинство государственных языков включены в категорию «ограниченные сельские», т.е. «межпоколенческая передача сохраняется на заметной территории ареала сообщества преимущественно в сельской местности, в редких случаях сохраняется и в городских условиях. Языковая инфраструктура развита в разной степени, языки функционально ограничены»[322].

Терминологическая неопределенность касается и способов артикуляции концепта «родной язык». Информационным поводом для обращения к данной теме послужила инициатива Министерства просвещения РФ, предложившего внести изменения в федеральный государственный образовательный стандарт основного общего и начального общего образования (ФГОС). В проекте приказа Министерства, размещенного на Федеральном портале проектов нормативно-правовых актов, предлагается заменить в ФГОС 5-9-х классов положение о «реализации *права на изучение родного языка*, возможности получения основного общего образования на родном языке» на слова о «реализации *права на изучение языка народа Российской Федерации*, возможности получения основного общего образования на языке народа Российской Федерации»[323]. Присутствие «родного языка» в качестве правовой конструкции в практике управления, как об этом пишет В.А. Тишков, отмечено отрывом от вопросов о владении языками и их использовании (включая практику проведения переписей населения) контрпродуктивно, а «размытость формулировок приводит к ***амбивалентной политике***». То обстоятельство, что в российском научном и политическом дискурсе такие распространенные в мире категории, как «родной язык» и «национальный язык» отданы в эксклюзивное владение

[322] Институт языкознания РАН. Список языков России (2022) // https://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml (дата обращения: 20.07.2025).

[323] Проект приказа Минпросвещения России "О внесении изменений в некоторые приказы Министерства образования и науки Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных государственных образовательных стандартов начального общего и основного общего образования" // https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=156568 (дата обращения: 21.07.2025).

этнических общностей», ведет к *этнизации* языков на основе трактовки этничности с примордиальных позиций[324]. Также примечателен тот факт, что разработчики проекта Федеральной программы по сохранению и развитию языков России признали целесообразным отказаться от использования данного концепта: «В сфере образования термин «родной язык» часто используется для обозначения именно этнического языка, в то время как для многих учеников этот язык не является родным в значении «усвоенный в детстве», и должен изучаться по тем же методикам, что и иностранные языки. В связи с этим мы считаем неудачным устоявшийся термин «родной язык» в применении к этническому языку без учета языковой компетенции говорящего / обучающегося»[325]. На фоне предложения/замены различных терминов реальность языкового многообразия не исчерпывается и, тем более, не гарантируется состоянием образовательной сферы, на предмет чего имеются скептические экспертные суждения[326]. Если бы школьное дело само по себе могло бы обеспечить функционально-коммуникативное благополучие языков, то не было бы оснований для сетований по поводу компетенций выпускников во владении литературными стандартами русского языка, не говоря об английском и других иностранных языках. М. Лотфуллин, президент ассоциации работников татарского национального просвещения и культуры РТ «Магариф» полагает, что «новая редакция ФГОС никак не повлияет на существующее положение народов России, а «язык народа РФ» звучит более научно… этот предмет родители, как и раньше, будут выбирать по заявлению, указав там любой язык»[327].

---

[324] Тишков В.А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 130.

[325] Винклер М.Э.А., Павлова О.М. Российские практики сохранения, возрождения и развития языков // Институт языкознания РАН, Научный центр по сохранению, возрождению и документации языков России. Итоговые документы, подготовленные в ходе научно-исследовательской работы «Разработка плана и методик сохранения и возрождения языков России». – М., 2021. – С. 12 // https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc3.pdf (дата обращения: 21.07.2025).

[326] Баранова В.В. Языковая политика без политиков: языковой активизм и миноритарные языки в России. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2023.

[327] В угоду Ямпольской: «родные языки» вымарывают из образовательного стандарта.12.05.2025 // https://www.business-gazeta.ru/article/671860 (дата обращения: 21.07.2025).

Далее, в Основах государственной языковой политики к числу рисков, угроз и проблем в сфере языковой политики отнесено «отсутствие федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере сохранения, защиты и развития языков народов Российской Федерации»[328]. Созданный Совет при Президенте РФ по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и народов РФ[329] дополняет органы, главным образом, консультативно-совещательной компетенции. К основным задачам Совета отнесены:

- подготовка предложений Президенту Российской Федерации по определению приоритетных направлений и механизмов сохранения, развития, поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации, продвижения и укрепления позиций русского языка в мире, обеспечения прав граждан Российской Федерации на пользование русским языком как государственным языком Российской Федерации и языками народов Российской Федерации, а также по принятию мер, направленных на реализацию и совершенствование государственной политики в этой сфере;

- координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, организаций культуры и искусства, научных, образовательных и иных организаций, в том числе некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в сфере международного гуманитарного сотрудничества, по вопросам, связанным с сохранением, развитием, поддержкой русского языка и языков народов Российской Федерации, продвижением и укреплением позиций русского

---

[328] Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» № 474 от 11 июля 2025 г. // http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507110017 (дата обращения: 18.07.2025).

[329] Указ Президента РФ О Совете при Президенте РФ по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов РФ» № 716 от 22 августа 2024 г. // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409466475/ (дата обращения: 19.07.2025).

языка в мире, обеспечением прав граждан Российской Федерации на пользование русским языком как государственным языком Российской Федерации и языками народов Российской Федерации, созданием условий для изучения и развития русского языка и языков народов Российской Федерации;

- анализ реализации программ и проектов, направленных на сохранение, развитие, поддержку русского языка и языков народов Российской Федерации, продвижение и укрепление позиций русского языка в мире, расширение географии и сфер его применения, поддержку русскоязычных сообществ за рубежом, оценка эффективности реализации таких программ и проектов, а также подготовка предложений по совершенствованию деятельности в этой сфере.

Иными словами, в России пока не существует отдельного государственного ведомства как средоточия всей полноты ответственности за проводимую языковую политику с адекватным объемом полномочий и ресурсов. В то же время, как отмечал советник Президента России по вопросам культуры В.И. Толстой, «не может быть языковая политика государства бесхозной»[330]. Опыт укрепления позиций французского, немецкого, испанского и китайского языков на своих родинах, так и в мире, достигается только тогда, когда «есть единый центр управления этой деятельностью». Обсуждение необходимости единой структуры в области языковой политики получило продолжение после утверждения Концепции государственной языковой политики. По мнению директора Ресурсного центра в сфере национальных отношений Е. Михалевой, учрежденного Ассамблеей народов России, «нет профильного ведомства, которое занималось бы именно языковой тематикой. Должна быть понятная структура, куда всегда можно обратиться по таким вопросам. Может быть,

[330] Заседание Совета по русскому языку. В Екатерининском зале Кремля состоялось заседание Совета при Президенте по русскому языку. 5 ноября 2019 года // http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986 (дата обращения: 19.07.2025).

как раз сейчас самое время создать комитет при ФАДН или единую межведомственную рабочую группу именно по языковому многообразию»[331]. Член Совета по русскому языку при Президенте РФ[332], руководитель портала Грамота.ру К. Деревянко указывает на необходимость скоординированности языковой политики между разными ведомствами: «Политика в сфере языка распределена между разными организациями и структурами, нет единой стратегии в вопросах сохранения языкового многообразия и развития речевой культуры, что создает «существенные, хотя и не всегда очевидные, риски для будущего нашей страны…. Языковая политика должна быть скоординирована между разными федеральными ведомствами и структурами исполнительной власти, чего на сегодняшний день нет»[333]. В зарубежных исследованиях также звучит мысль о необходимости специализированных органов в этой сфере деятельности. «У каждого правительства должны быть государственные служащие, специализирующиеся в области языковой политики, несущие ответственность за интеграцию языковых политик в торговле, культуре, образовании, науке, СМИ, международных отношениях и наднациональных институтах», - пишет Р. Филлипсон[334]. При этом в его мнении прослеживается идея о языковой политике как «сквозном» (межсекторальном) курсе, затрагивающем все сферы жизни общества. Ф. Грин пишет о том, что «одним из условий успешной языковой политики является создание специализированного агентства, наделенного правом развития, имплементации и мониторинга языковых политик»[335]. Автор выделяет принципы функционирования такого органа: сосредоточенность на политиках по защите и продвижению языков;

---

[331] Влияние государственных решений на судьбу родных языков. 03.07.2024 // https://gramota.ru/journal/stati/yazykovaya-politika/vliyanie-gosudarstvennykh-resheniy-na-sudbu-rodnykh-yazykov (дата обращения: 19.07.2025).

[332] Совет по русскому языку при Президенте РФ был упразднен в 2024 году.

[333] Влияние государственных решений на судьбу родных языков. 03.07.2024 // https://gramota.ru/journal/stati/yazykovaya-politika/vliyanie-gosudarstvennykh-resheniy-na-sudbu-rodnykh-yazykov (дата обращения: 19.07.2025).

[334] Phillipson R. English-Only Europe? Challenging Language Policy. – London: Routledge, 2003. – P. 180.

[335] Grin F. Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. – P. 199.

четкое определение компетенции органа языковой политики, включая его положение по отношению к другим органам власти; сотрудничество с публичными властями на различных уровнях управления, бизнесом и гражданскими общественными организациями. Можно подытожить данный сюжет параграфа двумя возможными сценариями институционального оформления политико-управленческого воздействия на языковое устройство российского общества. Первый сценарий – оптимистический, предполагающий создание институционального остова, включающего в себя специализированный федеральный орган и сеть региональных и локальных центров. Второй сценарий – инерционный, предполагающий сохранения качеств «бесхозности» языковой политики на верхних публично-властных этажах и рассредоточение «зон ответственности» за языковое устройство страны между отдельными ведомствами – ФАДН, Министерством просвещения, Министерством образования и науки, Министерством культуры и т.д.

В структуре факторов, определяющих потребность переосмысления ориентиров языковой политики, одно из центральных мест принадлежит стремительным, повседневным и лавинообразным информационно-технологическим новациям. В доктринальных документах российского государства, определяющих основные ориентиры развития информационного общества и обеспечения информационной безопасности страны, сформулированы установки политико-языкового смысла. Информационная и телекоммуникационная инфраструктура – новое среди как самих общественных отношений по поводу социально-коммуникативного устройства российского общества и его этнокультурного многоязычия, так и инструментария языковой политики в специальном смысле понятия. Для формирования информационного пространства знаний признано необходимым:

а) проводить мероприятия в области духовно-нравственного воспитания граждан;

б) реализовать просветительские проекты, направленные на обеспечение доступа к знаниям, достижениям современной науки и культуры;

в) проводить мероприятия по сохранению культуры и общероссийской идентичности народов Российской Федерации;

г) сформировать безопасную информационную среду на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

д) усовершенствовать механизмы обмена знаниями;

е) обеспечить формирование Национальной электронной библиотеки и иных государственных информационных систем, включающих в себя объекты исторического, научного и культурного наследия народов Российской Федерации, а также доступ к ним максимально широкого круга пользователей;

к) создать условия для популяризации русской культуры и науки за рубежом, в том числе для противодействия попыткам искажения и фальсификации исторических и других фактов;

л) установить устойчивые культурные и образовательные связи с проживающими за рубежом соотечественниками, иностранными гражданами и лицами без гражданства, являющимися носителями русского языка, в том числе на основе информационных и коммуникационных технологий;

м) осуществлять разработку и реализацию партнерских программ образовательных организаций высшего образования и российских высокотехнологичных организаций, в том числе по вопросу совершенствования образовательных программ[336].

[336] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг. (Утверждена Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203) // http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705100002.pdf (дата обращения: 21.07.2025).

В этом же контексте определены те тенденции при движении к цифровизации, которые носят очевидный тревожащий характер, - сформирована новая модель восприятия (так называемое клиповое мышление с преобладанием поверхностности), смещение акцентов с научного и культурно-образовательных содержательных моментов - на развлекательно-справочные. Это, как подчеркивается, дает преимущества субъектам, которым принадлежат технологии распространения информации.

Идентифицированы, далее, информационные угрозы, в том числе имеющие лингвокультурные измерения, что связано с применением цифровых ресурсов со стороны геополитических соперников, нелегитимных акторов «вне суверенитета», включая этнические организации[337]. Использование информационного оружия в целях подрыва социальной и этнической стабильности, деструктивного воздействия на общество – один из критически важных факторов, требующих внимательного учета при проведении государственной языковой политики.

Новейшие документы в области языковой политики – Концепция государственной языковой политики РФ 2024 г. и Основы государственной языковой политики РФ 2025 г. закрепляют ряд положений, касающихся цифровизации. В Концепции отмечается, что развитие современных информационных и коммуникационных технологий создает широкие возможности для поддержания языков народов Российской Федерации, но «потенциал информационной среды Российской Федерации задействован недостаточно эффективно»[338], наблюдаются «региональные диспропорции в обеспеченности языков народов Российской Федерации базовыми языковыми технологиями»[339]. Поддержка и развитие языков народов Российской Федерации в информационном и цифровом пространстве,

[337] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) // http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (дата обращения: 21.07.2025).

[338] Концепция государственной языковой…

[339] Там же.

обеспечение базовыми языковыми технологиями отнесено к числу задач государственной языковой политики РФ. Эта же формулировка закреплена в качестве основного направления государственной языковой политики в сфере обеспечения условий для сохранения, поддержки и развития государственных языков республик Российской Федерации и других языков народов Российской Федерации в Основах государственной языковой политики[340]. Положения о русском языке в Интернете в Основах имеют отношение скорее к внешним измерениям языковой политики. Речь идет о задаче «расширения присутствия русского языка в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», существенном увеличении в сети «Интернет» количества ресурсов, позволяющим иностранным гражданам изучать русский язык, получать информацию о русском языке и русской культуре, внедрении программ продвижения русскоязычных ресурсов за рубежом»[341].

Сформулированные в Основах государственной языковой политики Российской Федерации задачи обеспечиваются реализацией мероприятий, предусмотренных утвержденным в 2026 году Планом и направленных на расширение присутствия в сети «Интернет» русского языка и других языков народов России. Это проведение онлайн-семинаров для сотрудников СМИ по трудным случаям в системе норм современного русского языка, обеспечение доступа к виртуальной выставке «Разговорная русская речь во всех ее проявлениях…» - к 125-летию со дня рождения С.И. Ожегова в помощь учителям русского языка и литературы; формирование тематической электронной коллекции «Словари и справочники по истории и этимологии русского языка», обеспечение языков народов Российской Федерации инструментами (машинные переводчики, технологии распознавания и синтеза речи), развитие специальной коллекции Национальной электронной

[340] Основы государственной языковой политики…
[341] Основы…. П. 22, и.

библиотеки «Библиотека регионов России», посвященной языкам народов Российской Федерации[342].

Создание в 2000 г. справочно-информационного портала «Грамота.ру», как отмечают Ю.А. Сафонова и В.В. Свинцов, стало «едва ли не первым масштабным вмешательством в русский язык со стороны государства в постсоветское время»[343]. Мыслимый, прежде всего, как оперативная словарная и справочно-информационная база по русскому языку для средств массовой информации, портал стал авторитетным источником информации для всех пользователей Интернета. Ресурс сочетает в себе две категории содержания – это авторизованный, легальный и оперативно пополняемый словарный контент и онлайн-сервисы справочной информации (правила орфографии и пунктуации, фразеология, трудности, словесное ударение и т.д.). На портале работает Справочная служба по аналогии с телефонной справочной службой русского языка, существовавшей в Институте русского языка АН СССР, дающая более 100 тыс. ответов ежедневно[344]. Политическое значение портала в том, что он выступает инструментом поддержания государственного русского языка как одного из символов государства, многократного умножения просветительной составляющей и поддержания всеобщего уровня грамотности. О. Карпова и А. Дмитриев пишут: «Вопрос об орфографии в современных обществах выходит за рамки прикладной лингвистической или образовательной проблемы, поскольку орфография, наряду с флагом и гимном, является символом государственного единства»[345]. Более того, самые первые эмоциональные отклики портал

---

[342] План мероприятий по реализации Основ государственной языковой политики Российской Федерации. Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 мая 2026 г. № 1228-р // http://static.government.ru/media/files/IePD7PekhYYBUy5xtn3rXIApq0WaJ3nE.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

[343] Сафонова Ю.А., Свинцов В.В. Языковая политика и политика «Грамоты». Интернет-портал «Грамота.ру» как инструмент языковой политики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – Том 13, выпуск 9: Филология. – С. 24 (23-28).

[344] Справочная служба // https://gramota.ru/spravka (дата обращения: 22.07.2025).

[345] Карпова О., Дмитриев А. Реформирование русского правописания: унификация и вариативность // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Коллективная монография. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – С. 109 (109-149).

получил от русскоязычной части Интернета, живущей за пределами России. «Возможно, так диаспора удовлетворенно отреагировала на то, что «великий и могучий» снова в силе, а значит, можно надеяться и на укрепление позиций России в мире»[346]. Как отмечал член совета при президенте РФ по русскому языку, руководитель портала «Грамота.ру» Константин Деревянко: «Аудитория ресурса составляет порядка 20 млн человек из более сотни стран»[347].

Электронный онлайн-корпус русскоязычных текстов – Национальный корпус русского языка (https://ruscorpora.ru) – фактически представляет справочно-информационную систему по русскому языку. На сегодняшний день включает в себя больше двадцати отдельных корпусов (основной, газетный, синтаксический, социальные сети, устный, акцентологический, мультимедийный, параллельный, диалектный и т.д.) и более двух миллиардов словоупотреблений[348]. Проект появился в результате сотрудничества группы российских лингвистов и компании «Яндекс», был открыт для свободного доступа в 2004 г. и получил поддержку Российской академии наук (базовой организацией для развития корпуса является Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН). Национальные корпуса существуют для большинства крупных языков Европы и Азии и для многих других менее значительных по статусу и количеству говорящих языков, хотя развитие в этой области идет не всегда равномерно. «Наличие национального корпуса — признак известной технической и экономической "зрелости" государства, его способности решать достаточно сложные научно-организационные и технические задачи», - отмечает член-корреспондент РАН В. Плунгян[349]. По

---

[346] Сафонова Ю.А., Свинцов В.В. Указ. раб. – С. 27.

[347] Иорданова И. На базе портала «Грамота.ру» создадут единую цифровую платформу русского языка. 02.03.2023 // https://www.gazeta.ru/social/news/2023/03/02/19874359.shtml?updated (дата обращения: 22.07.2025).

[348] Солдатов А. Кому и зачем нужен Национальный корпус русского языка // https://gramota.ru/journal/intervyu/komu-i-zachem-nuzhen-natsionalnyy-korpus-russkogo-yazyka (дата обращения: 23.07.2025)

[349] Плунгян В. Насущная практическая задача для описания языка — это создание его полного электронного корпуса // https://www.kommersant.ru/doc/2718287 (дата обращения: 23.07.2025).

сути, Корпус – это платформа, на которой происходит цифровая документация русского языка.

Национальный словарный фонд – государственная электронная информационная система с открытым доступом, имеющая разные модули, которая позволяет получить информацию как о текущем словарном составе русского языка, так и о его истории на протяжении почти трехсот лет. Инициатива, исходившая от Совета по русскому языку при Президенте РФ, была закреплена в Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации» (ст. 4_1). Целью создания Национального словарного фонда является обеспечение доступа граждан, организаций, органов государственной власти, иных государственных органов и органов местного самоуправления к информации о нормах современного русского литературного языка с использованием информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на безвозмездной основе[350]. Доступ к системе планируется открыть к концу 2025 года. На данный момент полностью оцифрованы и вычитаны 33 многотомных словаря русского языка, включая толковые, орфографические, орфоэпические, словари ударений, грамматические, активные, словари синонимов, универсальные, словарь морфем, фразеологические, этимологические[351]. Предполагается создание пяти разных модулей, переходя на которые любой пользователь сможет проследить историю изменения норм употребления слова и его значения в разные временные периоды: основной, расширенный, историко-этимологический, модуль «посмотреть в выбранном словаре» и сопоставительный. С помощью основного модуля можно получить минимальный объем сведений: как слово пишется, как слово произносится, включая ударение, каково его значение и какие грамматические формы есть у этого слова. Второй модуль предлагает комплексный портрет слова, в третьем

[350] Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (с изменениями на 22 апреля 2024 года) // https://docs.cntd.ru/document/901935235?marker=64U0IK (дата обращения: 22.07.2025).

[351] Цифровая платформа Национального словарного фонда будет запущена к концу 2025 года. 04.04.2024 // https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/81204/?lang=ru (дата обращения: 22.07.2025).

содержатся сведения о его истории, четвертый — самый простой — дает возможность поиска по одному конкретному словарю. Пятый, сопоставительный модуль — самый сложный - позволяет сравнивать информацию из всего множества словарей по разным параметрам, изучать, как менялось написание, произношение, значение слова в течение веков. Отличие создаваемой системы от многих других ресурсов, на которых размещены словари, - многоуровневый подход к получению информации. Как отметил Константин Деревянко: «Все крупнейшие языки мира имеют национальные словарные системы, и проект, который сейчас реализуют Минобрнауки и Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, — это огромный шаг вперед в деле практической реализации государственной языковой политики»[352]. К примеру, аналоги функционируют в Великобритании и Германии[353]. В числе первостепенных задач – внедрение в практическую жизнь людей, в деловой документооборот, в систему образования навык обращения к современным качественным словарям и цифровым лингвистическим ресурсам.

К основным направлениям государственной языковой политики Российской Федерации в сфере обеспечения условия для сохранения и развития языков народов РФ в том числе относятся и те, что направлены на повышение их цифрового благополучия:

- организация разработки *стандартных* наборов символов для обозначения алфавитов, шрифтовой гарнитуры, раскладок клавиатуры, внедрение языковых пакетов на государственных языках республик Российской Федерации для интерфейсов операционных систем;

- увеличение количества языков народов Российской Федерации, используемых в национальных *интернет-переводчиках*;

---

[352] Национальный словарный фонд обещают открыть для пользователей в конце 2025 года. 05.04.2024 // https://gramota.ru/journal/novosti-i-sobytiya/natsionalnyy-slovarnyy-fond-obeshchayut-otkryt-dlya-polzovateley-v-kontse-2025-goda (дата обращения: 22.07.2025).

[353] Каленчук М. Л. Национальный словарный фонд: новые возможности и перспективы // Русская речь. 2024. № 4. – С. 37 (С. 34–41). DOI: 10.31857/S0131611724040037.

- оказание государственной поддержки организациям, осуществляющим производство, распространение и тиражирование социально значимых программ в области электронных средств массовой информации на языках народов Российской Федерации, в создании и поддержании в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» *сайтов*, имеющих социальное или образовательное значение, на языках народов Российской Федерации[354].

Можно сказать, что одним из ключевых инструментов реализации государственной языковой политики выступают информационные технологии. Новые импульсы цифровизации языков народов России, как и языковой политике в целом придало проведение Международного десятилетия языков коренных народов в 2022 – 2032 гг., провозглашенного Генеральной ассамблеей ООН. По словам руководителя ФАДН И. Баринова, Россия одной из первых стран-членов ООН поддержала эту инициативу и приступила к ее реализации потому, что сохранение языкового многообразия является важнейшей задачей стратегии национальной политики Российской Федерации. «Представители нашей страны активно поработали в глобальной целевой группе, которая разработала глобальный план действий»[355].

В рамках утвержденного Правительством России плана основных мероприятий по проведению в 2022-2023 гг. в РФ Международного десятилетия языков коренных народов предусмотрено сразу несколько разделов о языках в информационном пространстве, посвященных преимущественно языкам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока[356] [28]. Среди них создание цифровой библиотеки

---

[354] Концепция государственной языковой политики Российской Федерации. Утверждена распоряжением правительства Российской Федерации от 12 июня 2024 года № 1481-р // https://docs.cntd.ru/document/1306342831 (дата обращения: 24.07.2025).

[355] Баринов И. Руководитель Федерального агентства по делам национальностей Игорь Баринов: Сохранение языкового многообразия – важнейшая задача стратегии национальной политики России // https://www.kp.ru/daily/27368/4549442/ (дата обращения: 24.07.2025).

[356] Об утверждении плана основных мероприятий по проведению в 2022 - 2032 годах в Российской Федерации Международного десятилетия языков коренных народов. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 февр. 2022 г. № 204-р. // http://static.government.ru/media/files/NOPGRVx2Sr0yoTLBT3rmS4rSI89skJy1.pdf (дата обращения: 24.07.2025).

Института народов Севера федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена" (библиотечный фонд 1930 - 2000 годов); создание цифрового атласа оленеводческих народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации; создание аудиовизуального фонда языков коренных малочисленных народов Российской Федерации; реализация проекта Арктического совета «Цифровизация языкового и культурного наследия коренных народов Арктики»; оцифровка книжных памятников из фондов библиотек субъектов Российской Федерации в рамках национального проекта «Культура» для включения в тематический раздел «Ранние издания на национальных языках, выпущенные на территории России» раздела Национальной электронной библиотеки «Книжные памятники»; оцифровка ранних изданий на языках коренных малочисленных народов Российской Федерации. Иными словами, в Плане мероприятий преобладают меры, направленные на цифровую документацию – сохранение культурного наследия с помощью информационно-коммуникационных технологий. Среди активно развивающихся направлений практической работы федеральных властей обращает на себя внимание создание систем машинного перевода.

Как отмечает заместитель руководителя ФАДН С. Бедкин, «к 2032-му в "Яндекс-переводчике" появятся 100 из 275 родных языков и диалектов народов нашей страны. Это — программный ответ России на вызовы Международного десятилетия языков коренных народов, объявленного ООН и стартовавшего в 2022 году»[357]. В то же время, оценивая ситуацию, он предельно объективен: «Далеко не все языки народов России обеспечены базовыми цифровыми инструментами: шрифтами, раскладками компьютерной клавиатуры, машинными переводчиками, системой онлайн-

[357] Емельяненко В. Поговорим? // Русский мир.ру – 2024. – № 9. Сентябрь. – С. 10 // https://m.rusmir.media/2024/09/05/pogovorim (дата обращения: 24.07.2025).

распознавания, проверкой орфографии, синтезаторами речи и т.д. И решить ее в течение десятилетия языков коренных народов — задача трудновыполнимая. За неполных два года пока удалось собрать пул лингвистов и IT-специалистов по каждому из конкретных языков»[358]. По данным на декабрь 2025 года в сервисах «Яндекса» доступно 18 языков народов России: татарский, башкирский, марийский, горномарийский, удмуртский, чувашский, якутский, тувинский, осетинский, коми, эрзянский, мокшанский, бурятский, карачаево-балкарский и кабардино-черкесский[359]. В планах на 2026 год — добавить ещё 6 языков и расширить пул языков с голосовыми технологиями.

Начиная с 2024 года Федеральное агентство по делам национальностей в партнерстве с Домом народов России и ООО «Яндекс» проводит стратегические сессии, посвященные роли информационных технологий в сохранении языков народов России. В работе сессий также принимают участие представители научных организаций, бизнеса, ведущие лингвисты, специалисты в области цифровых технологий, языковые активисты. Стратегической установкой, прозвучавшей в выступлении руководителя ФАДН И. Баринова в ходе II-й сессии, стала необходимость сотрудничества крупных IT-компаний и добывающих компаний: «Ключевыми темами II Стратегической сессии стали: роль искусственного интеллекта в развитии языковых технологий; создание цифровых сервисов для сохранения малых языков; разработка национальных языковых корпусов и переводчиков; цифровизация языков народов России[360]. III стратегическая сессия «Информационные технологии и языки народов России» (21–22 мая 2026 года) была посвящена поиску способов объединить традиции и цифровые

[358] Там же. – С. 10.

[359] В Яндекс Переводчике стали доступны новые языки народов России — мансийский, абазинский и ногайский. 10.12.2025 // https://ir.yandex.ru/press-releases?year=2025&id=10-12-2025-01 (дата обращения: 04.07.2026).

[360] 14–15 мая состоится II стратегическая сессия «Информационные технологии и языки народов России» // https://gramota.ru/journal/novosti-i-sobytiya/1415-maya-sostoitsya-ii-strategicheskaya-sessiya-informatsionnye-tekhnologii-i-yazyki-narodov-rossii (дата обращения: 24.07.2025).

инновации для сохранения и развития языкового и культурного многообразия России[361].

Языковая политика макроуровня как деятельность, охватывающая действия политических акторов и институтов в масштабах всего российского государства, осуществляет функции стратегического целеполагания, формулирует правовые нормы и управленческие механизмы. Все описанные в параграфе инструменты/ресурсы – портал «Грамота.ру», государственная информационная система «Национальный словарный фонд», Национальный корпус русского языка выступают решением стратегической задачи расширения присутствия русского языка в сети «Интернет», способствуют его поддержке, продвижению в цифровой среде, развитию языковой культуры. Данные меры способствуют консолидации единого коммуникативного пространства русского языка и подразумевают целостность общества. В то же время политика сохранения, развития и поддержки существующего языкового многообразия распространяет свое действие и на цифровую сферу. Положения о поддержке языков народов России в Интернет-пространстве нашли закрепление в новейших документах по языковой политике – Концепции государственной языковой политики 2024 г. и Основах государственной языковой политики 2025 г., Плане мероприятий по реализации Основ государственной языковой политики Российской Федерации 2026 г. Данный факт свидетельствует об осознании языковой политики онлайн как части государственной языковой политики. Однако действия федеральных властей в этой области пока носят фрагментарный характер в силу того, что русскоязычный сегмент сети, равно как и миноритарные сегменты Интернета лишь отчасти осмысливаются в качестве активных инструментов языковой политики.

[361] В г. Москве стартовала III стратегическая сессия «Информационные технологии и языки народов России». 21.05.2026 // https://fadn.gov.ru/press-centr/news/v-g.-moskve-startovala-iii-strategicheskaya-sessiya-informaczionnyie-texnologii-i-yazyiki-narodov-rossii (дата обращения: 04.07.2026).

2.3. Субнациональные уровни языковой политики: республики и муниципальные образования

Республики обладают конституционным правом устанавливать свои государственные языки. Следовательно, по отношению к «титульным» языкам республиканские власти играют роль субъекта наиболее высокого порядка, поскольку на федеральном уровне не принимаются нормы, регулирующие эти идеоэтнические коды в системном качестве. И тогда местные власти в российских муниципальных образованиях со значимой долей населения – носителей «титульных» языков в качестве родных – становятся акторами языковой политики мезо- уровня.

Количество языков народов России, наделенных статусом государственных, – более трех десятков (включая в режиме *de facto* языки народов Республики Дагестан), превышающих численность носителей в 50 тыс. человек. Подавляющая доля этих языков – всего за несколькими исключениями – по своим функциональным параметрам и характеристикам витальности находятся в состоянии недостаточности. В качестве коммуникативного инструмента управления ни на республиканском, ни на муниципальном уровне они не используются, сохраняя при этом свой символический статус. Правом самостоятельно «определять правовой статус языков республик, в том числе устанавливать их в качестве государственных языков» автономии были наделены Законом СССР «О языках народов СССР» от 24 апреля 1990 года (и последовавшим за этим Законом РСФСР «О языках народов РСФСР» от 25 октября 1991 г.), то есть – до «парада суверенитетов» в российском варианте. Впоследствии норма о том, что республики вправе устанавливать свои государственные языки были включены в Конституцию Российской Федерации, принятую всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, и сохранены после принятия последних изменений в основном законе страны, одобренных общенародным

голосованием 1 июля 2020 года, и в Основах государственной языковой политики Российской Федерации 2025 г.

Республики самостоятельно вырабатывают определяющие подходы и принципы сознательного регулирующего воздействия на функциональные параметры «своих» государственных языков, во-первых, и в известной мере – на их структурные стороны, во-вторых. В республиканских законах о языках и в других политико-правовых документах рассматриваются как аспекты «планирования статуса», так и аспекты «планирования корпуса», говоря в традиционных категориях зарубежной прикладной социолингвистики. В большинстве российских республик «титульные языки» эксплицитно определены в качестве объектов политико-управленческого и регулирующего воздействия не только с функциональной, но и со структурной точек зрения.

Об отношении региональных властей к статусу языка, о реализации де факто языковой политики двуязычия в онлайн пространстве свидетельствует наличие и постоянное обновление официальных сайтов. На официальных ресурсах ряда республик РФ титульные языки отсутствуют, хотя соответствующие языки имеют статус государственных/официальных (Алтай, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Крым, Северная Осетия-Алания, Тыва, Чеченская Республика). На стадии разработки находится сайт органов власти Хакасии (при попытке перейти на версию сайта на хакасском языке появляется сообщение о технических работах). На официальных сайтах органов власти Адыгеи, Башкирии, Бурятии, Коми, Марий Эл, Мордовии, Татарстана, Удмуртии и Якутии контент на титульных языках, включая, в отдельных случаях, регулярно обновляемую новостную ленту, представлен в достаточных объемах, не номинально. Значимый момент, имеющий как символическое, так и инструментальное значение, связан с повышением видимости и заметности этноязыкового многообразия в цифровом мире и

созданием условий для получения информации о деятельности региональных властей на родном языке.

Помимо государственных языков сайты органов власти имеют также англоязычные версии (Башкортостан, Бурятия, Калмыкия, Коми, Якутия, Татарстан, Удмуртия), что может быть обусловлено повышением престижа, инвестиционной и туристической привлекательности региона в глазах зарубежной аудитории. В отдельном случае – Республика Алтай – сайт региона, кроме англоязычной версии, имеет интерфейс на немецком, китайском и французском языках.

Таблица 12

Официальные сайты республик Российской Федерации
(по состоянию на 12 сентября 2023 г.)**

Республика	Сайт главы республики	Сайт Правительства республики	Сайт законодательного органа
1	2	3	4
Адыгея	Русский Адыгейский	Русский Адыгейский	Русский Адыгейский
Алтай	Русский Английский Немецкий Китайский Французский	Русский Английский Немецкий Китайский Французский	Русский Английский Немецкий Китайский Французский
Башкортостан	Русский Башкирский Английский	Русский	Русский Башкирский
Бурятия	Русский Бурятский Английский	Русский Бурятский Английский	Русский Бурятский Английский
Дагестан	Русский	Русский	Русский
ДНР	Русский	Русский	Русский Английский
Ингушетия	Русский	Русский	Русский
Кабардино-Балкарская Республика	Русский	Русский	Русский
Калмыкия	Русский Английский	Русский	Русский
Карачаево-Черкесская Республика	Русский	Русский	Русский
Карелия	Русский Английский Финский	Русский Английский Финский	Русский

Коми	Русский Коми Английский	Русский Коми Английский	Русский Коми
Крым	Русский	Русский	Русский
ЛНР	Русский	Русский	Русский
Марий Эл	Русский Марийский	Русский Марийский	Русский Английский
Мордовия	Русский Мокша Эрзя	Русский Мокша Эрзя	Русский
Саха (Якутия)	Русский Английский Якутский	Русский Английский Якутский	Русский Якутский
Северная Осетия – Алания	Русский	Русский	Русский
Татарстан	Русский Татарский Английский	Русский Татарский Английский	Русский Татарский
Тыва	Русский	Русский	Русский
Удмуртская Республика	Русский Удмуртский Английский	Русский Удмуртский Английский	Русский
Хакасия	Русский Хакасский (ведутся технические работы)	Русский Хакасский (ведутся технические работы)	Русский
Чеченская Республика	Русский	Русский	Русский
Чувашская Республика	Русский	Русский	Русский
	Портал органов государственной власти ЧР на русском и чувашском языках		

* Таблица составлена автором по результатам обзора официальных сайтов российских регионов.

Региональная языковая политика пребывает в попечении отделов и специалистов в исполнительных органах управления, ответственных за национальную, образовательную, информационную, культурную политики. Структура институтов политико-языкового управления ***совещательного*** (координационного, консультативного) плана создана во многих регионах.

В региональных законах о языках присутствуют формулы, являющиеся следствием смыслового «зазора», образовавшегося в действующем российском «языковом» законе. В его второй статье закреплено положение о

равноправии языков[362]. Если говорить о юридическом смысле этих норм, то с семантической точки зрения очевидной становится метафорическая суть – языки как таковые не могут обладать правосубъектностью, а регулятивная функция права заключается в установлении правил поведения через нормативные предписания того или иного вида. Язык – одно из фундаментальных оснований социальной жизнедеятельности, но сам по себе он не выступает носителем какого-то собственного поведения. Формула о равноправии языков воспроизводится в региональном законодательстве и иных нормативных актах – о «равноправном функционировании» языков (Адыгея)[363], о «языковом равенстве каждого человека» (Алтай)[364], о «равноправном развитии языков» (Башкортостан)[365], о «равных правах на сохранение, развитие и совершенствование» государственных языков (Ингушетия), о «равных правах языков» (Кабардино-Балкария), о функционировании государственных языков «на равных условиях» (Республика Коми), о «паритетном функционировании» государственных языков (Татарстан, Республика Тыва), о «равных правах всех родных языков на их государственную поддержку, сохранение и развитие» (Красноярский край), о «равноправном развитии» языков коренных малочисленных народов Севера – нанайцев, нивхов, ороков (ульта), эвенков (Сахалинская область).

В региональном языковом законодательстве России присутствуют нормы-символы, декларативные конструкции, не предполагающие правоприменительных эффектов, и далекие от реальных социолингвистических состояний. В Республике Адыгея – это норма,

---

[362] Закон РСФСР «О языках народов Российской Федерации» (с изменениями на 13 июня 2023 года) // https://docs.cntd.ru/document/9003298?marker=64U0IK (дата обращения: 29.07.2025).

[363] Закон Республики Адыгея от 31 марта 1994 года N 74-1 «О языках народов Республики Адыгея» (с изменениями на 28 апреля 2023 года) // https://docs.cntd.ru/document/459704931 (дата обращения: 29.07.2025).

[364] Закон Республики Алтай от 03 марта 1993 года N 9-6 «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» // https://docs.cntd.ru/document/802008526 (дата обращения: 29.07.2025).

[365] Закон Республики Башкортостан от 15 февраля 1999 года N 216-з «О языках народов Республики Башкортостан» (с изменениями на 2 февраля 2023 года) // https://docs.cntd.ru/document/935103425 (дата обращения: 29.07.2025).

гласящая «Беречь и развивать свой родной язык и с уважением относиться к другим языкам – долг и обязанность каждого гражданина»[366]. В Республике Калмыкия ранее закреплялось положение: «Знание калмыцкого языка является гражданским долгом каждого, постоянно проживающего на территории Республики Калмыкия»[367]. В других республиканских актах содержатся нормы, выполненные в декларативной стилистике: язык как «величайшее духовное наследие», «языковой суверенитет каждого народа и личности», «язык – важнейший компонент и носитель духовной культуры, основная форма проявления национального и личного самосознания», «язык – уникальная ценность и неотъемлемый признак нации», «язык как хранилище духовного наследия предков».

Цифровое благополучие языков является показателем их степени встроенности и интегрированности в новую технологическую среду. Электронный корпус языка, словари, системы проверки орфографии, поисковые системы, голосовые помощники — это элементы цифровой инфраструктуры языка. В 2024 году в ходе работы VIII экспертного форума ФАДН «Языковая политика в Российской Федерации» приводились данные мониторинга в 36 субъектах РФ: 70 языков в той или иной степени обеспечены электронными словарями; для семи языков разработаны речевые технологии, включая речевые синтезаторы и речевые анализаторы; 36 языков обеспечены языковыми корпусами разного объёма; для 55 языков разработаны цифровые программы, включая мобильные приложения и программы для персональных компьютеров; свободно распространяемые шрифты PT Sans, PT Serif, PT Mono шрифтовой компании «ПараТайп» содержат расширенный набор символов на базе кириллицы из 179 знаков, подходящих для обозначения графической основы (алфавита) 150 языков; 59

[366] Закон Республики Адыгея от 31 марта 1994 года N 74-1 «О языках народов Республики Адыгея» (с изменениями на 28 апреля 2023 года) // https://docs.cntd.ru/document/459704931 (дата обращения: 29.07.2025).

[367] Закон Республики Калмыкия от 27 октября 1999 года N 30-II-З «О языках народов Республики Калмыкия» (утратил силу) // https://docs.cntd.ru/document/804910292 (дата обращения: 29.07.2025).

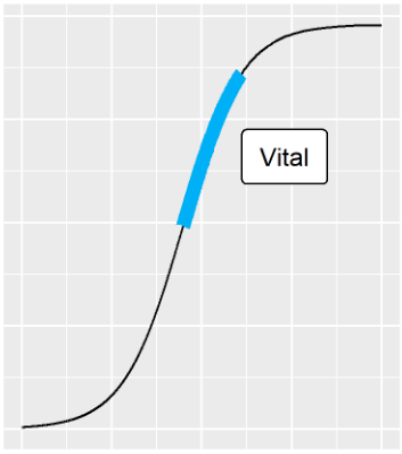
языков обеспечены раскладками клавиатуры персонального компьютера; в крупнейшем отечественном сервисе автоматического перевода «Яндекс Переводчик» представлены девять языков, а также 17 языков народов России обеспечены другими системами машинного перевода; для 11 языков разработаны системы проверки правописания и грамматики[368].

Оценивая степень внедрения государственных языков субъектов РФ в киберпространство, С.Н. Бобрышев отмечал, что «исследования и разработки находятся в субъектах Российской Федерации на разных стадиях: для некоторых языков (татарский, марийский, коми) создан весь инструментарий, позволяющий языку активно функционировать в Интернет-пространстве: создаются национальные корпусы языков, машинные переводчики и т.д. Но большая часть национальных языков только приближается к базовому уровню, а для некоторых малоресурсных языков народов России пока нет даже элементарной возможности внедряться в электронную сферу…»[369].

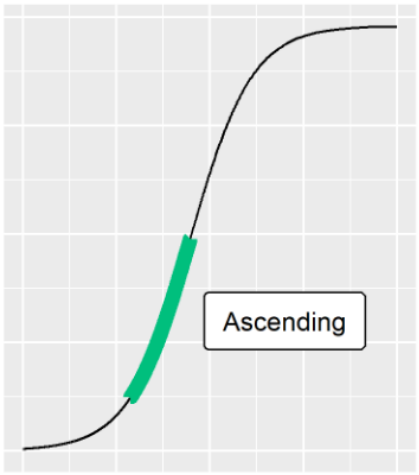
Сказанное в определенной степени подтверждается таким ресурсом, как The Ethnologue, где наряду с традиционными параметрами – демографическими, коммуникативными, образовательными, — берётся в расчёт также уровень цифровой поддержки языка.

[368] Телеграм-канал Дома народов России. URL: https://t.me/domnarodovrf/9572. 12 декабря 2024 г. (дата обращения: 17.06.2025).

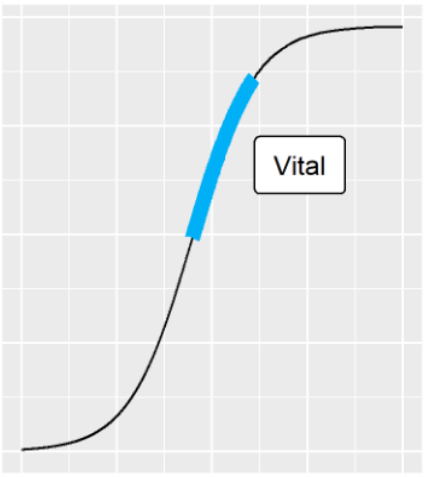
[369] Бобрышев С.Н. Многоязычные шрифты ПараТайп — основной инструмент обеспечения письменности языков народов РФ // ФАДН. Сборник материалов форума «Языковая политика в Российской Федерации». - М., 2024. - С. 178–185.

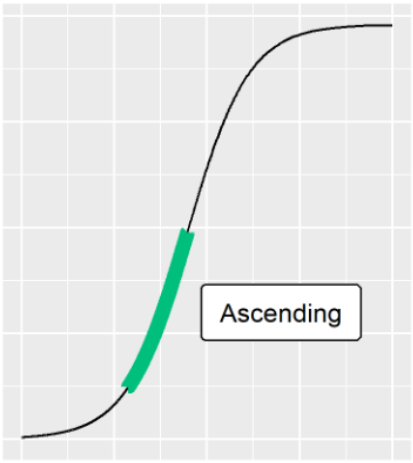
Ил. 1. Уровень цифровой поддержки татарского языка[370]

Ил. 2. Уровень цифровой поддержки якутского языка[371]

Ил. 3. Уровень цифровой поддержки башкирского языка[372]

Ил. 4. Уровень цифровой поддержки удмуртского языка[373]

Приведенные графики демонстрируют уровни цифровой поддержки языков народов России. К примеру, для татарского и башкирского языков это множество инструментов, включая средства обработки речи, что способно повышать уровень витальности (*vital*). Цифровая поддержка якутского и

[370] Tatar language // The Ethnologue [Сайт]. URL: https://www.ethnologue.com/language/tat/ (дата обращения: 20.06.2025).

[371] Yakut language // The Ethnologue [Сайт]. URL: https://www.ethnologue.com/ language/sah/ (data obrashcheniya: 20.06.2025).

[372] Bashkort language // The Ethnologue [Сайт]. URL: https://www.ethnologue.com/language/bak/ (дата обращения: 30.06.2025).

[373] Udmurt language // The Ethnologue [Сайт]. URL: https://www.ethnologue.com/language/udm/ (дата обращения: 30.06.2025).

удмуртского языков расценивается как восходящая (*ascending*) или предполагающая сервисы проверки орфографии, локализованные возможности машинного перевода. В целом, в основе оценки лежат пять уровней цифровой витальности. Помимо двух, уже упомянутых, она включает в себя также: неподвижный (still), т.е. с отсутствием цифровой поддержки; появляющийся (emerging) – имеется некоторый контент на языке в цифровой форме или некоторые инструменты кодирования; и процветающий (thriving) – имеются не только базовые языковые ресурсы в виде электронных корпусов и сервисов проверки орфографии, но и виртуальные помощники[374].

Высокие индексы цифровой витальности языков могут свидетельствовать о «продвинутости» регионов в вопросах языковой политики онлайн. В ряде российских регионов были созданы структуры — фонды, лаборатории, центры, отделы, специализирующиеся на развитии национальных сегментов сети Интернет. К примеру, в 2013 г. в форме некоммерческой организации был основан Фонд развития Татнета. В 2012 г. при поддержке властей Республики Коми создан Центр инновационных языковых технологий. Примечательно, что ведением официального сайта Республики Коми и сопровождением электронных услуг занимается Бюро официального перевода как структурная единица Центра[375]. В рамках Республиканского центра марийской культуры функционирует отдел по инновационному развитию марийского языка, в чьи функции входит сохранение, развитие и популяризация марийского языка с использованием информационных и компьютерных технологий[376]. В числе реализованных

[374] Methodology // The Ethnologue [Сайт]. URL: https://www.ethnologue.com/methodology/#DLS (дата обращения: 30.06.2025).

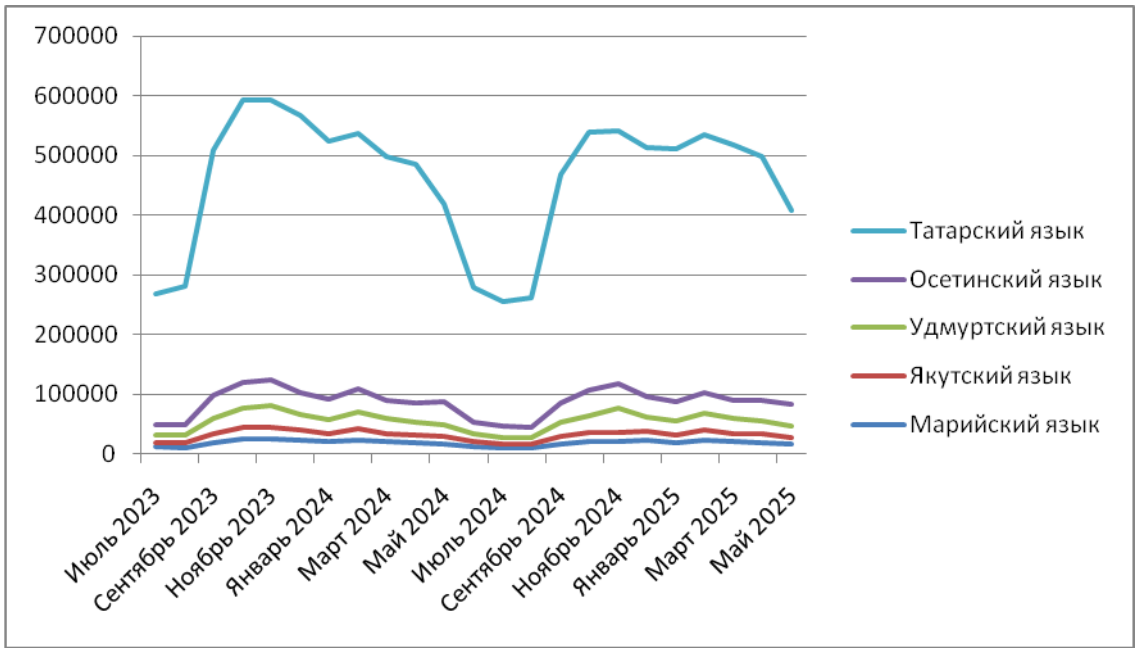
[375] Ректор КРАГСиУ Нина Нестерова: «Мы сейчас работаем над коми языком для будущих поколений» // Финно-угорский медиацентр [Сайт]. URL: http://finugor.ru/node/26191 (дата обращения: 15.06.2025).

[376] УСТАВ Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Марий Эл «Республиканский центр марийской культуры». Утвержден Приказом Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл от 26 сентября 2011 г. № 1459 // https://mari-centr.ru/node/2556 (дата обращения: 27.09.2025); Инновационные проекты в сфере марийской культуры и

проектов: электронные курсы, мультиуроки по обучению марийскому языку, видеоуроки, аудиокниги, подкаст на марийском языке, фильмы, диски, открытые лектории и т.д.

Появление подобных структур свидетельствует о признании со стороны региональных властей необходимости и востребованности мер по продвижению языков в цифровом пространстве. Это могут быть примеры сотрудничества региональных домов дружбы народов и национальных библиотек, направленного на развитие электронных библиотек и создание цифровых копий книжного наследия на языках — всего того, что именуется «новой нефтью» и лежит в основе появления умных колонок, чат-ботов, синхронных переводчиков и других интеллектуальных систем.

Важным показателем реальной функциональной значимости региональных языков является интерес Интернет-пользователей к данным темам и их востребованность. На диаграмме ниже (Ил. 5) представлена динамика запросов пользователей сети по ключевым словам - «татарский язык», «осетинский язык», «удмуртский язык», «якутский язык», «марийский язык».

языка // https://vk.com/@marityvraryder-innovacionnye-proekty-v-sfere-mariiskoi-kultury-i-yazyka (дата обращения: 27.09.2025).

Ил. 5. Динамика частотности запросов «татарский язык», «осетинский язык», «удмуртский язык», «якутский язык», «марийский язык», по месяцам (01.07.2023 – 31.05.2025)[377]

Интерес к цифровым аспектам языкового многообразия характеризуется разнонаправленной динамикой. Однако языковая политика субнационального уровня в своих культурных и информационных, пропагандистских аспектах способна активизировать общественное внимание к многоязычию как культурному и коммуникативному благу и значимой ценности. Общие для всех языков тенденции – это высокие показатели запросов в течение года и снижение в летние месяцы. Примечательно, что ранее проводившиеся исследования в структуре запросов фиксировали рост популярности новогодних поздравлений в ноябре – декабре; высокие запросы, связанные с изучением языков, фиксируются в учебные месяцы и практически отсутствуют в каникулярный период (поиск готовых домашних заданий, учебников, рабочих тетрадей и т.д.)[378].

В таблице ниже представлены наиболее популярные запросы пользователей, зафиксированные в мае-июне 2025 года.

Таблица 13

Десять наиболее популярных запросов
на языках народов России[379]
(29.05.2025 – 29.06.2025)

[377] Запросы выполнены с помощью онлайн-сервиса Yandex.WordStat глубиной в два последних года (с июля 2023 года по май 2025 года включительно) для упомянутых выше языков. Диаграмма построена по данным сервиса Yandex.WordStat // Яндекс Вордстат [Сайт]. URL: https://wordstat.yandex.ru/ (дата обращения: 29.06.2025).

[378] Мухарямов Н.М. Государственная языковая политика в Российской Федерации: институциональные основания и пространственные измерения // Многообразие России и российская идентичность. Отчет о Программе научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности. М., 2023. С. 80-81.

[379] Орфография запросов сохранена. Таблица построена по данным сервиса Yandex.WordStat // Яндекс Вордстат [Сайт]. URL: https://wordstat.yandex.ru/ (дата обращения: 29.06.2025).

	Осетинский язык		**Марийский язык**		**Татарский язык**	
	Общее количество запросов	19 846	Общее количество запросов	12 759	Общее количество запросов	254 177
1.	осетинские песни на осетинском языке	1 565	русско марийский язык	1 357	песня на татарском языке	41 437
2	перевод на осетинский язык	1 298	песни на марийском языке	1 284	татарский язык бесплатно	38 228
3.	русско осетинский язык	1 257	день марийского языка	1 155	день татарского языка	38 135
4.	день осетинского языка	1 035	марийский язык перевод	1 070	рождения на татарском языке	32 505
5.	рождение осетинского языка	778	с днем рождения на марийском языке	896	поздравление на татарском языке	30 506
6.	с днем рождения на осетинском языке	700	поздравление на марийском языке	873	с днем рождения на татарском языке	30 190
7.	переводчик на осетинский язык	568	переводчик на марийский язык	618	татарский язык слушать	29 514
8.	осетинский язык слушать	562	поздравление с днем на марийском языке	598	слушать бесплатно на татарском языке	26 112
9.	осетинский язык какой	542	марийский язык слова	583	бесплатные песни на татарском языке	23 655
10.	поздравления на осетинском языке	536	поздравления с рождением на марийском	553	песни на татарском языке слушать	23 235

			языке			

Высокой популярностью отличаются запросы, связанные с прослушиванием песен на языках. Не менее популярны поисковые запросы, связанные с поздравлениями с днем рождения, переводами и днями языков (см. Таблица 1). Иными словами, представленные данные Интернет-статистики говорят о востребованности региональных языков сразу в нескольких сегментах Интернета: образовательном, познавательном, развлекательном, коммуникативном и т.д.

Региональные программы выступают механизмами реализации языковой политики. Многие из действующих документов содержат мероприятия, направленные на продвижение региональных языков в Интернет-пространстве. К примеру, общий объём финансирования региональной программы Республики Саха (Якутия) в 2023 г. составлял 100 млн рублей, из которых три млн были предусмотрены на ведомственный проект «Формирование эффективного информационного пространства и обеспечение паритетного использования государственных и официальных языков Республики Саха (Якутия) во всех сферах общественной жизни» и три млн рублей — на мероприятие «Цифровизация и сохранение языкового, литературного и культурного наследия народов Республики Саха (Якутия)»[380]. Программа Северной Осетии-Алании на 2021–2025 гг. предусматривает более 65 млн рублей, из которых более трёх млн выделяется на реализацию проекта по включению осетинского языка в список поддерживаемых языков сервиса «Яндекс Переводчик»[381].

[380] Об утверждении государственной программы Республики Саха (Якутия) «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2023–2027 годы». Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 18 июля 2022 г. № 472 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/406203836 (дата посещения: 17.06.2025).

[381] Об утверждении государственной программы Республики Северная Осетия-Алания «Национально-культурное развитие осетинского народа» на 2021–2025 годы. Постановление Правительства Республики Северная Осетия—Алания от 24 декабря 2020 г. № 467 // Электронный фонд правовых и

В Программе Удмуртии меры по развитию национального сегмента Интернета включают «подготовку кадров, специализирующихся на внедрении ИТ-технологий в сферу филологии» (4,5 млн рублей на 2023–2030 гг.); наполнение контентом и техническую поддержку молодёжных интернет-каналов на удмуртском языке (1,5 млн рублей); перевод в цифровой формат документов национального библиотечного фонда (2 млн рублей) и создание архива национальных телепрограмм[382].

Меры по наращиванию цифрового языкового благополучия предусмотрены государственной программой Республики Татарстан «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан».

Новая редакция документа включает ряд принципиальных моментов, связанных с обновлением подходов к цифровой среде. В Программе закрепляется положение о стратегическом значении информационно-коммуникационных технологий «для сохранения национальной безопасности нашей страны»[383]. Языковое многообразие выступает опорным фактором в решении задачи укрепления гражданской идентичности и противостояния внешним рискам. В Республике Татарстан осуществляется информационное обеспечение реализации государственной национальной политики посредством создания и продвижения на языках представителей народов, проживающих в Республике, социально значимого контента, направленного на укрепление гражданского единства, гармонизацию межнациональных

нормативно-технических документов [Сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/571090713 (дата обращения: 17.06.2025).

[382] Об утверждении государственной программы Удмуртской Республики «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Удмуртской Республики и иных языков народов Удмуртской Республики на 2023–2030 годы». Постановление Правительства Удмуртской Республики от 27 июня 2022 г. № 330 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/406129507. (дата обращения: 17.06.2025).

[383] О внесении изменений в государственную программу Республики Татарстан «Сохранение, изучение и развитие государственных языков в Республике Татарстан и других языков в Республике Татарстан», утвержденную постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 10.09.2020 № 821 «Об утверждении государственной программы Республики Татарстан «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан». Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 30.05.2026 г. № 758 // https://pravo.tatarstan.ru/rus/file/npa/2026-06/1841725/npa_1841726.pdf (дата обращения: 06.06.2026).

отношений, популяризацию культуры народов Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей; и создаются условия для функционирования языков в цифровой среде.

Документ включает мероприятия, направленные на «создание благоприятной языковой среды в Интернет-пространстве и популяризацию родных языков в средствах массовой информации»[384]. При общем объёме финансирования на 2024–2027 гг. 573 млн 793 тыс. рублей программа предусматривает сопровождение официальной страницы Республики Татарстан на татарском языке в социальной сети «ВКонтакте»; разработку русско-татарского машинного переводчика, современных систем анализа и синтеза речи для татарского языка, локализацию программных продуктов; внедрение неологизмов в электронный справочник, оцифровку страниц памятников письменного наследия и другие мероприятия, без уточнения по выделяемым средствам. В республике действует Институт прикладной семиотики Академии наук Республики Татарстан, чья деятельность связана с внедрением технологий искусственного интеллекта в продвижение позиций татарского языка в цифровом мире. Иными словами, в региональных программах предусмотрены разноплановые меры и разброс объёмов финансирования.

В восьми из двенадцати программ либо на уровне задач документа, либо в качестве отдельного раздела или блока мероприятий предусмотрены меры, направленные на продвижение языка в цифровом пространстве в разных вариантах: «внедрение языка в продукты Интернет-корпораций», «меры по интеграции языка в электронное информационное пространство», «создание благоприятной языковой среды в Интернет-пространстве» и т.д.

[384] Об утверждении государственной программы Республики Татарстан «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан» на 2023–2030 годы (с изменениями на 11 июля 2024 года). Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 10 сентября 2020 г. №821 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/570917803 (дата обращения: 19.06.2025).

Либо такие позиции встроены в более общие формулировки. В ряде случаев наблюдается преемственность мер: в тексте констатируется положение вещей и уже проведенные мероприятия в рамках предыдущих программ, что говорит о последовательности действий, о том, что продвижение языка в Интернете становится постоянным направлением языковой политики, а не разовыми или ситуативными мерами (случай Бурятии, Татарстана, Якутии).

В восьми республиках (Башкортостан, Бурятия, Мордовия, Северная Осетия - Алания, Татарстан, Тыва, Чувашия и Якутия) предусмотрены меры, направленные на приспособление языка к цифровому миру – *Digital Fitness*. При этом большинство мероприятий связаны с разработкой базовых языковых ресурсов: создание электронных словарей, сервисов проверки орфографии и электронных корпусов. Создание продвинутых языковых ресурсов – синтеза и распознавания речи – предусмотрены программами Татарстана и Башкортостана.

Больше всего мер в государственных программах относятся к так называемой группе *Digital Use*, что направлено на создание условий для использования языка онлайн и представлено во всех анализируемых программах. Среди самых распространенных, предусмотренных в девяти из двенадцати программ, - оцифровка рукописей и книг из библиотек и архивохранилищ, документов письменного наследия на языках народов, пополнение, расширение электронных библиотек. Далее следуют разработки цифровых изданий на языках. Наиболее часто встречающиеся здесь инструменты – разработки электронных форм учебников, обновление учебно-методических комплектов, выпуск научно-популярных и учебно-методических изданий в электронной форме. Один из самых активно применяемых инструментов, который закреплен в программах пяти регионов – Бурятии, Коми, Мордовии, Татарстана и Тывы – это поддержка официальных веб-сайтов органов государственной власти республик, официальных сайтов администраций, муниципальных образований и т.д. В

числе мероприятий в данной категории запланированы меры по созданию медиаконтента – для социальных сетей, Википедии, культурно-просветительских фильмов, детского контента, молодежных Интернет-каналов, создание Интернет-архива национальных ТВ-программ и т.д.

Третья группа индикаторов – *Digital Performance* – по-прежнему ориентирована на фактическое использование языка и в то же время свидетельствует о его цифровом престиже. В данной категории меры запланировали семь регионов. Самое распространенное мероприятие – это создание образовательных продуктов. К примеру, самоучитель башкирского языка для мобильных ОС, проведение дистанционных онлайн-курсов «Школа мордовских языков», размещение в сети Интернет осетинского языкового комплекса «АЕ-Тест» для определения общего уровня владения осетинским литературным языком и др. Лишь три региона (Татарстан, Северная Осетия и Чувашия) предусмотрели разработку сервисов продвинутого машинного перевода. В случае с Северной Осетией и Чувашией речь идет о включении языков (осетинского, чувашского) в список поддерживаемых языков сервиса «Яндекс.Переводчик».

Предпринимаемые меры будут способствовать цифровому благополучию языков народов России, повышению индексов цифровой витальности. В то же время наблюдается несоответствие между заявленными целями «сохранения и упрочения сбалансированного двуязычия», «создания условий для равноправного развития» и реальным положением дел. Интернет-пространство в данном случае – это уязвимая позиция с точки зрения достижения заявленных целей. Отсутствие каких-либо мер лишь усиливает языковой разрыв в цифровом мире[385]. Поддержка со стороны региональных властей, направленная на оцифровку рукописей, создание и расширение электронных библиотек, включая детские, поддержка

[385] Rivera Pastor R. Language Equality in the Digital Age. Brussels: European Parliament, 2017. P. 11. https://doi.org/10.2861/136527

двуязычных версий сайтов органов государственной власти, электронных версий региональных СМИ, оцифровка произведений поэтов и писателей становятся *не просто востребованными, а необходимыми в гиперинформационной эпохе*. Создание электронного корпуса языка открывает доступ для программистов, инженеров и исследователей машинного обучения, создающих синхронные переводчики, чат-боты, умные колонки. Именно тексты в цифровой форме становятся пригодными для обучения компьютерных моделей. Оцифрованные художественные книги, научные публикации, технические инструкции, парные статьи в Википедии - это данные, «новая нефть», топливо для современных интеллектуальных систем, в том числе переводчиков[386]. Как отмечают специалисты, «нейросеть может выучиваться на переводчика за считанные дни или часы, но для этого нейросети нужны миллионы параллельных примеров, т е. разных пар «оригинал-перевод». Главная проблема с малыми языками – отсутствие достаточных данных в цифровой форме.

В процессы цифровизации языков России вовлечены не только органы государственной власти регионального уровня, но и некоммерческие организации, крупные компании и местные энтузиасты. На портале «Грамота.ру» собраны примеры самых разных инициатив, включая создание корпусов текстов и онлайн-переводчиков, размещение в Интернете словарей, умные колонки и цифровизацию шрифтов[387]. Сервисы машинного перевода позволяют журналистам, переводчикам и редакторам работать с большими текстами. Весной 2020 г. благодаря энтузиасту из Якутии А. Иванову и компании Яндекс был запущен сервис Яндекс.Переводчик на якутском языке.

---

[386] ТЕХНО – Большая история про малые языки. Выпуск №02/Декабрь 2021 г. Машинный перевод [Электронный ресурс]. URL: https://techno.yandex.ru/machine-translation/on-small-languages (дата обращения: 29.07.2025).

[387] Солдатов А. Как цифровизация помогает сохранить языки коренных народов России // Грамота.ру [Сайт]. URL: https://gramota.ru/journal/stati/tekhnologii/kak-tsifrovizatsiya-pomogaet-sokhranit-yazyki-korennykh-narodov-rossii (дата обращения: 15.06.2025).

В применении к реалиям российского политико-языкового устройства муниципальная проблематика не часто становится предметом исследовательского аналитического или концептуального освоения. В то же время муниципальные власти обеспечивают важнейшее взаимодействие между гражданами и властными инстанциями более высоких уровней иерархии, реализуя в том числе решения в области языковой политики. Коммуникация лежит в основе повседневных контактов муниципальных властей с жителями территорий по самым разным вопросам местного значения. Местные власти по причине приближенности к гражданам имеют возможности для достижения конструктивного сосуществования языковых сообществ, гармонизации языковых отношений и продвижения распространенных на той или иной территории языков.

Российское законодательство на федеральном уровне не предусматривает конкретных положений применительно к функционированию языков на муниципальном уровне. Современное конституционно-правовое регулирование применительно к языкам закрепляет положение о защите государством культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации и гарантиях сохранения этнокультурного и языкового многообразия (т. 69 ч. 2). Ст. 68 содержит общее положение об употреблении государственных языков республик «в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик» наряду с государственным языком Российской Федерации[388]. Речь также идет о том, что «территории муниципальных образований определяются с учетом исторических и иных местных традиций» (ст. 131 ч. 1).

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»

[388] Конституция Российской Федерации (с изменениями на 4 октября 2022 года) // https://docs.cntd.ru/document/9004937 (дата обращения: 28.09.2025).

не содержит норм, которые определяли бы языки функционирования муниципальных органов власти, языки общения с гражданами в пределах подведомственной территории и т.д. В то же время документ закрепляет в качестве вопросов местного значения городского, сельского поселения, муниципального района, муниципального, городского округа «разработку и осуществление мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, поддержку и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории муниципального образования, реализацию прав коренных малочисленных народов и других национальных меньшинств, обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов (ст. 14 п. 7_2, ст. 15 п. 6_2, ст. 16 п. 7_2)[389]. Целый ряд вопросов не содержит упоминаний понятия «языки народов Российской Федерации», но предполагает реализацию мер, связанных с функционированием языков: к примеру, библиотечное обслуживание населения, предоставление общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования по основным общеобразовательным программам в муниципальных образовательных организациях, услуги организации досуга и культуры и многие др.

Отраслевое законодательство ограниченно раскрывает сферу функционирования языков на муниципальном уровне. Глава 11 Закона РФ «О языках народов в Российской Федерации» 1991 года посвящена использованию языков народов РФ в работе в том числе органов местного самоуправления. Норма ст. 11 предусматривает возможность употребления в органах местного самоуправления наряду с государственным языком

[389] Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями на 14 июля 2022 года) // https://docs.cntd.ru/document/901876063 (дата обращения: 27.09.2025).

Российской Федерации государственных языков республик[390]. Ст. 3 указанного Закона закрепляет возможность «в местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами», наряду с русским языком и государственными языками республик, в официальных сферах общения использовать язык населения данной местности. При этом порядок использования языков в таких местностях определяется законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Федеральный закон «О наименованиях географических объектов» 1997 г. предусматривает, что географические наименования на дорожных и иных указателях могут быть написаны на других языках народов Российской Федерации «с учетом интересов населения соответствующих территорий» (ст. 8)[391]. Нормализация наименований географических объектов на других языках народов Российской Федерации осуществляется в соответствии с правилами и традициями употребления наименований географических объектов на указанных языках (ст. 8 ч. 1).

Несколько иначе складывается регулирование на уровне ряда субъектов Российской Федерации, конституции и уставы которых предусматривают возможность создания национальных административно-территориальных образований в местах компактного проживания коренных малочисленных народов. В их числе Республика Саха (Якутия), Красноярский край, Республика Карелия, Республика Алтай. Однако, «подавляющее большинство уставов муниципальных образований этнических сообществ практически не содержат специальных положений,

---

[390] Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 11.06.2021) "О языках народов Российской Федерации"// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 27.09.2025).

[391] Федеральный закон от 18.12.1997 N 152-ФЗ (ред. от 30.12.2021) "О наименованиях географических объектов" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17122/f8e3f4622e5baa4c2c6cb308a1cbb9935e8cb423/#dst100045 (дата обращения: 28.09.2025).

направленных на сохранение и развитие самобытности, языка и культуры национальных групп…..и, как правило, ограничиваются общим указанием на осуществление местного самоуправления с учетом исторических и местных традиций»[392]. В то же время в муниципальных уставах в числе вопросов местного значения воспроизводится формулировка, закрепленная в федеральном законе о местном самоуправлении: «разработка и осуществление мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, поддержку и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории муниципального образования, реализацию прав коренных малочисленных народов и других национальных меньшинств, обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических конфликтов)». В этой связи отличаются уставы двух из трех национальных муниципальных районов Карелии. В преамбуле устава Пряжинского национального муниципального района речь идет о том, что «население района бережет историческую память, сохраняет и развивает национальную культуру, языки, обычаи народов, традиционно проживающих на территории национального района. Органы местного самоуправления при принятии решений, разработке программ, выработке стратегий учитывают национальные особенности Пряжинского национального муниципального района, предусматривают расходные обязательства по поддержке культуры, традиций, языков и обычаев народов, проживающих на территории района»[393]. В уставе Калевальского национального района закрепляются положения о конкретном лингвониме - об использовании карельского языка органами местного самоуправления. В частности, карельский язык может

[392] Суханов К.А. Национальные административно-территориальные образования – атавизм или потенциал для самоорганизации национальных меньшинств? // Труды Института государства и права РАН. – 2021. – Том 16. № 5. – С. 177.

[393] Устав Пряжинского национального муниципального района (в ред. решения Совета Пряжинского национального муниципального района от 29 декабря 2020 года № 92) // http://pryazha.org/dokumenty/ (дата обращения: 28.09.2025).

использоваться наряду с государственным языком Российской Федерации в работе органов муниципалитета; «тексты документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями органов местного самоуправления Калевальского муниципального района могут оформляться также на карельском языке»; органы МСУ Калевальского муниципального района наряду с государственным языком Российской Федерации могут вести официальное делопроизводство на карельском языке (ст. 6.1 пп. 1,2,3)[394].

Однако описанные случаи являются скорее единичными примерами, нежели повсеместно распространенной практикой. По итогам одного из мероприятий, которое было посвящено проведению в России Международного десятилетия языков коренных народов в 2022 – 2032 годах, сообщалось: «Эксперты семинара также заявили о необходимости пригласить муниципальные образования подключиться к работе по составлению планов действия Десятилетия и применению конкретных мер поддержки языков коренных народов, среди которых могут быть визуализация языков в облике и ландшафте городов и сел, работа с местным бизнесом с целью использования языков в работе точек сбыта, ресторанного бизнеса, в упаковках ремесленной и пищевой продукции, товаров широкого потребления. От местных органов власти также зависит использование языков коренных народов в объявлениях на вокзалах и местном транспорте, в переводах интернет-сайтов местных органов власти[395]. Примечательны в этом плане результаты социолингвистического исследования, проведенного в декабре 2021 – январе 2022 года: анкетный опрос органов местного

[394] Устав муниципального образования «Калевальский муниципальный район» (в ред. решения Совета Калевальского муниципального района от 30.06.2020 г. № XVI-IV-140 // https://www.visitkalevala.ru/omsu/municipal-nye-normativnye-pravovye-akty/ustav-polozhenija-reglamenty/ (дата обращения: 28.09.2025).

[395] Итоги экспертного семинара «Подготовка к Международному десятилетию языков коренных народов: обмен опытом по сохранению и развитию языков». – Мурманск, 07 декабря 2021 года // https://lingvo.kmnsoyuz.ru/wp-content/uploads/2022/12/Подготовка-к-Международному-десятилетию-языков-коренных-народов-народов.pdf (дата обращения: 30.07.2025).

самоуправления Российской Федерации «Языковая политика: муниципальная повестка», участниками которого стали 51 муниципальное образование и 85 служащих органов местного самоуправления. Более 90 % респондентов ответили, что официальный сайт муниципального образования поддерживается только на русском языке. В одном муниципалитете официальный поддерживается на русском языке и языке/языках из числа народов РФ (город Уфа). В то же время в исследовании принимали участие муниципальные служащие городов Улан-Удэ, Якутск, Биробиджан, Абакан, Нарьян-Мар и многих других «национальных» республик, где ожидалось, что сайты муниципальных образований поддерживаются на языках народов России. В исследовании не принимали участие муниципалитеты Республики Татарстан в силу того, что сайт всех муниципальных образований поддерживаются на русском и татарском языках.

Таблица 14

На каких языках поддерживается сайт Вашего муниципального образования?

		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	Официальный сайт муниципального образования поддерживается на русском языке и языке/языках из числа народов РФ	1	1,2	1,2	1,2
	Официальный сайт муниципального образования поддерживается на русском языке, языке/языках из числа народов РФ и иностранном/-ых языках	4	4,7	4,7	5,9

	Официальный сайт муниципального образования поддерживается только на русском языке	80	94,1	94,1	100,0

Субнациональный уровень языковой политики наиболее приближен к повседневным выражениям языковых отношений и языкового функционирования. Российские регионы и муниципальные образования отличаются языковыми ситуациями, этно-демографическими, культурно-историческими, социально-экономическими и статусными характеристиками. Степень децентрализации российского федеративного устройства позволяет принимать относительно автономные решения, направленные на поддержку, сохранение, развитие и изучение русского языка как государственного языка и языков и культуры народов Российской Федерации. Цифровизация становится одним из определяющих факторов языковой политики субнационального уровня, что находит отражение как в документах программного характера, так и практических мерах.

ГЛАВА 3. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ОНЛАЙН КАК НОВЫЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ СОСТОЯНИЯМИ

3.1. Акторы и инструменты языковой политики в обновляемой цифровой среде

Языковая политика онлайн как меры публично-политического характера и разноплановые усилия, направленные на язык, его функциональную сторону в виртуальном пространстве, наращивание сетевого присутствия и повышения цифрового благополучия, могут осуществляться как традиционными акторами макроуровня с волевыми установками и интересами «сверху – вниз», так и социальными акторами, чья деятельность может быть охарактеризована как «снизу – вверх». С одной стороны, языковая политика онлайн не может рассматриваться в отрыве от традиционной языковой политики, создающей благоприятные условия внесетевого бытования языка в таких сферах, как образование, радио и телевидение, периодические издания, книжное дело, сфера театра и кино и др. С другой – Интернет и новые медиа формируют новую реальность, в которой соотносятся интересы разных участников по поводу языкового функционирования и изменения языковых практик, требующих языкового регулирования.

Общественные, корпоративные и государственные проекты по цифровому продвижению языков становятся своего рода ответом или реакцией на идеологию монолингвизма, пронизывающую значительную часть технологического развития. При этом картина «действующих лиц», оказывающих регулирующее воздействие на языковые отношения в цифровой среде, весьма диверсифицирована и многоуровневая. Квинтэссенцией в построении концептуальной модели участия выступают

термины «участники», «акторы», «субъекты» и «агенты», относящиеся к различающимся проекциям языковых и политических начал в их взаимодействии[396].

Понятия «субъект» и «актор» во многом синонимичны, распространены в западной и отечественной литературе. Не всегда придается значение нюансам, отличающим эти понятия друг от друга. Под термином «субъект» понимается «индивид, группа, класс, общность людей, взаимодействующих друг с другом по поводу и/или при помощи того или иного объекта. Один из основных критериев выделения субъекта – это его наделенность сознанием и способность к действию», - пишет П.А. Цыганков[397]. Указанный термин находит конкретизацию в категориях «социальный агент» и «социальный актор».

Понятие «социальный агент» отражает соотношение между поведением субъекта и его средой…оно служит для выражения действия, являющегося промежуточным между субъектом и средой. Агент – это выразитель, проводник (вольный или невольный) тех или иных норм и ценностей определенной социальной системы, логика которой определяет логику его поведения в той или иной ситуации»[398]. Актор – это тот же субъект, но принимающий активное участи в политических процессах и способный своими действиями провоцировать изменения в них. Достоинством использования термина «участник» является возможность сконцентрироваться на широком списке действующих лиц, в том числе в сфере языковой политики. Некоторая нюансировка также связана со спецификой контекстов: категории «субъекты» и «акторы» могут пониматься как атрибуты собственной языковой политики, тогда как «агенты» -

[396] Мухарямов Н.М. Языковая политика и политика языка: к вопросу о "действующих лицах" // Вестник Пермского университета. Политология. – 2021. – Т. 15, № 4. – С. 11 (5-15). DOI 10.17072/2218-1067-2021-4-5-15. – EDN ATHNHL.

[397] Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2003. – С. 228.

[398] Там же. – С. 228.

политики языка[399]. Одни демонстрируют политические интенции в области языковых ситуаций в целом (на мезо- и макро- контурах), другие же могут функционировать на уровне частных притязаний, например, в отстаивании языковых прав и в практике на микроуровне.

Языковая политика онлайн составляет новую феноменологию и новый гносеологический аппарат, не существовавшие на начальном этапе создания концептуального аппарата языковой политики и языкового планирования. В этом контексте можно выделить несколько (ключевых) предпосылок, обусловливающих обновление языковой политики в цифровой среде. Речь идет о разработке новых подходов к оценке цифровой витальности языка – его способности к дальнейшему развитию, изменению и функционированию, преуспеванию в цифровом мире.

Одним из наиболее полных и существенных исследований, посвященных цифровой витальности, является модель, разработанная венгерским лингвистом-математиком Андрашем Корнаем[400]. Она включает *четыре категории цифровой витальности* языка[401].

T – Thriving – *Процветающий* – широкое цифровое использование языка его носителями и не только, хорошая поддержка со стороны крупных IT-компаний (программные продукты *Apple* и *Microsoft)*;

V – Vital – *Энергичный* – цифровое использование носителями языка, но отсутствие поддержки программного обеспечения от *Apple* и *Microsoft*;

H – Heritage – *Язык наследия* – есть архивные оцифрованные материалы на языке, но отсутствует цифровая коммуникация между носителями языка;

S – Still – *Неподвижные языки* – цифрового использования языка не наблюдается.

---

[399] Мухарямов Н.М. Языковая политика… - С. 5.
[400] Kornai A. Digital Language Death // PLOS ONE. – 2013. – No. 8(10). – P. 1 – 11.
[401] Ibid. – P. 1.

Главные выводы исследователя заключаются в том, что подавляющее большинство языков уже утратили способность к цифровому развитию, его прогнозы пессимистичны и связаны с тем, что в XXI веке в Интернете будут представлены менее трехсот языков: «…все остальные будут неизбежно дрейфовать в сторону цифрового наследия или цифрового исчезновения…Существует лишь малая вероятность того, что 95 % языков преодолеют цифровый разрыв»[402].

Впоследствии шкала А. Корная была дополнена сотрудниками Летнего института лингвистики двумя новыми (SIL International) двумя новыми категориями *Emergent* и *Latent*. Стадию *Emergent – Появляющийся* – М. Гибсон описывает как использование языка в текстовых сообщениях и обмене сообщениями, но не в открытом Интернете[403]. Латентная стадия (*Latent)* позволяет разграничить ситуации, когда цифровое восхождении возможно и когда оно маловероятно (стадия неподвижности)[404]. М. Гибсон в этой связи отмечает, что любая активность в цифровом мире обречена на провал, если у языка нет системы письма и нарушена межпоколенная передача языка от старшего поколения младшему[405].

Группа исследователей из Института компьютерной лингвистики Италии в рамках Проекта цифрового языкового разнообразия (DLDP), профинансированного Европейским Союзом и Программой Эразмус+, отмечает, что региональные языки и языки меньшинств Европы (RML) слабо представлены в цифровом мире. Для объяснения ситуации они описывают ряд факторов. Один из них - низкий статус, которым обладают многие региональные языки и языки меньшинств, они часто не признаются официально и редко получают полную поддержку (как и все региональные

---

[402] Ibid. – P. 10.

[403] Gibson M. A Framework for Measuring the Presence of Minority Languages in Cyberspace // Linguistic and Cultural Diversity in Cyberspace. Proceedings of the 3rd International Conference (Yakutsk, Russian Federation, 30 June – 3 July, 2014). – Moscow: Interregional Library Cooperation Centre, 2015. – P. 116.

[404] Ibid. – P. 65.

[405] Ibid. – P. 68.

языки Франции, например). Низкий престиж и слабый социально-политический статус приводят к тому, что носители обращаются к другим языкам в цифровом пространстве. «Присутствие RML в цифровых медиа и их удобство использования в цифровых устройствах обычно ограничивается примерами цифрового активизма и / или средствами культурных инициатив, ориентированных на сохранение культурного наследия»[406], - пишут авторы проекта.

Описанные факторы подтолкнули авторов к изучению представленности в цифровом мире баскского, каталанского, галисийского, валлийского и других европейских языков, результатом чего стала Шкала цифровой витальности языка, включающую шесть уровней и определяемая как инструмент для оценки степени цифровой жизнеспособности любого языка[407]:

Pre-digital (PD) – Предцифровой – язык не представлен в цифровых медиа и не обладает базовыми условиями для цифрового использования. Он не имеет технологической поддержки; инфраструктура для связи ограничена или слишком дорога для рядового пользователя, поэтому сфера использования языка в Интернете не расширяется; цифровая компетентность носителей языка отсутствует или очень низкая.

Dormant (D) – Дремлющий - язык не представлен в Интернете, хотя некоторые из основных предварительных условий для цифрового использования: например, обеспечено соединение, есть некоторая степень распространения интернета и большинство носителей языка, по крайней мере, в основном владеют цифровыми технологиями (цифровая грамотность). Однако нет технологической поддержки использования языка

---

[406] Soria C., Russo I., Quochia V., Hicks D., Gurrutxaga A., Anneli Sarhimaa A., Tuomisto M. Fostering digital representation of EU regional and minority languages: the Digital Language Diversity Project // https://www.aclweb.org/anthology/L16-1518.pdf - Дата посещения: 12 сентября 2020 г.

[407] См.: Ceberio K., Gurratxaga A., Soria C., Russo I., Quochi V. How to Use the Digital Language Vitality Scale. - http://www.dldp.eu/sites/default/files/documents/DLDP_Digital-Language-Vitality-Scale.pdf (дата обращения: 18.12.2025).

(например, нет поддержки клавиатуры для написания, нет режима T9, автокоррекции и т.д.), особенно онлайн. Поэтому, хотя носители в основном способны использовать язык в цифровом виде, на практике они этого не делают.

Emergent (E) – Появляющийся – язык начинает использоваться в цифровом виде. Проникновение интернета хорошее, носители языка имеют цифровую грамотность. Однако в целом язык пользуется ограниченной технологической поддержкой (например, такой как шрифты и клавиатуры), возможно, некоторые (цифровые) языковые ресурсы (например, электронные словари и коллекции текстов) могут быть доступны. Языки начинают использоваться в текстовых сообщениях и обмене сообщениями, а также социальными медиа; есть Википедия, но если она есть, то небольшая.

Developing (De) – Развивающийся – язык заметен в Интернете и используется при общении и в социальных сетях, хотя частота может быть эпизодической. Некоторые цифровые медиа и сервисы могут быть доступны, равно как и Википедия; существуют базовые (электронные) языковые ресурсы и могут быть свидетельства более продвинутых. По крайней мере, одна из социальных сетей и операционных систем, используемых сообществом носителей языка, могут быть локализованы. Онлайн-сервисы или инструменты машинного перевода могут быть доступны хотя бы для одной языковой пары.

Vital (V) – Энергичный - язык широко используется в Интернете и регулярно используется для электронного общения и в социальных сетях, некоторые из которых могут иметь локализованный интерфейс. Есть значительное разнообразие доступных цифровых медиа. Языковые ресурсы широко доступны. Проекты Википедии большие и в них активно принимают участие представители языкового сообщества. Язык можно использовать во всех цифровых сферах. Наиболее используемые операционные системы и

программное обеспечение общего назначения локализованы на этом языке. Есть свидетельства инструментов / услуги машинного перевода.

Thriving (T) – Процветающий – этот язык широко распространен в Интернете, используется широко и без каких-либо технологических барьеров во всех существующих цифровых сферах, от коммуникативных до транзакционных. Доступны новейшие технологии.

Авторы приводят четырнадцать индикаторов цифровой витальности, определив их в три группы показателей: приспособленность языка к цифровому миру – *Digital Fitness* – сюда исследователи отнесли очевидность подключения к Интернету, цифровую грамотность, кодировку символов/скриптов, проникновение Интернета или численность цифрового населения и доступность языковых ресурсов[408].

Электронные словари, корпус языка, грамматики, т.е. наличие языковых ресурсов – важное условие для развития приложений обработки языка от базовых, таких как проверка орфографии, до продвинутых, например, приложений для машинного перевода. Шкала оценки данного индикатора основана на уровнях языковых ресурсов (ЯР):

– *базовые ЯР* – одноязычные и двуязычные электронные словари, цифровой корпус с <100 млн слов, PoS-теги (маркировка каждого слова в предложении соответствующей частью речи: существительные, глаголы, наречия и т.д.), проверка орфографии;

– *промежуточные ЯР* – одноязычный словарь, цифровой корпус с >10 млн слов, параллельные корпусы, веб-корпус, неглубокий синтаксический разбор, базовый машинный перевод, синтез речи;

– *продвинутые ЯР* – большие корпусы, многоязычные корпусы, глубокий синтаксический разбор, семантическая обработка, продвинутый машинный перевод (гибридизация, нейронный), распознавание речи.

---

[408] Soria C. Digital Language Vitality Scale and Indicators. Working Draft. DLDP // https://www.academia.edu/34574236/Digital_Language_Vitality_Scale_and_Indicators_Working_Draft. - Дата посещения: 12 сентября 2020 г.

Следующие показатели отнесены к группе *Digital Use* – цифрового использования: электронная переписка, использование в социальных медиа, доступные Интернет-медиа и Википедия. Показатели второй группы могут свидетельствовать о возрастающей роли цифровой идентичности.

Доступность Интернет-медиа позволяет охватить их разнообразие с достаточным объемом контента. Различные типы доступных медиа – веб-сайты, аудио или видео потоковое вещание, включая подкасты и Интернет-радио, Интернет-телевидение, электронные библиотеки и архивы, электронные книги воспринимаются как явные признаки цифровой витальности.

Третья группа – *Digital Performance* – цифровой перформанс, включающий доступные Интернет-сервисы, локализованные социальные медиа, локализованное программное обеспечение, инструменты и сервисы машинного перевода, выделенный Интернет-домен; по-прежнему ориентирован на фактическое использование языка и в то же время свидетельствуют о цифровом престиже языка, означая, что цифровой контент на данном языке хорошо себя зарекомендовал[409].

Новости онлайн, поисковые системы, образовательные продукты и услуги, развлечения, субтитры для видео, медицинские услуги, сервисы электронной торговли, к примеру, сайты бронирования авиабилетов, электронное правительство, реклама, продвижение и маркетинг и другие – все они относятся к доступным Интернет-сервисам.

Если предыдущие подходы и методологии фокусируются преимущественно на *использовании* языков в цифровом мире, то исследование Г. Саймонса, Э. Томаса и Ч. Уайта сосредоточено на

[409] Ibid.

количественной оценке цифровой *поддержки* языка и ее мониторинга в глобальном масштабе[410].

Авторы составили выборку из 143 цифровых инструментов в разных категориях: службы, предлагающие контент на многих языках (к примеру, Википедия, новостные сайт, библейские сайты); инструменты с локализованным пользовательским интерфейсом (операционные системы, браузеры, системы обмена сообщениями); сервисы машинного перевода; инструменты для обработки речи; интеллектуальные виртуальные помощники и т.д. Г. Саймонс, Э. Томас и Ч. Уайт, описывая выборку, отмечают, что их подход к выборке «позволил обнаружить широко используемые инструменты, поддерживающие большие языки, но, по признанию самих исследователей, не учитывает инструменты, созданные специально для одного малого языка»[411].

В итоге авторы предложили пять уровней цифровой витальности языка – неподвижный, появляющийся, восходящий, энергичный и процветающий. В количественном плане эти данные могут быть представлены в виде следующей таблицы:

Таблица 15

Число языков по уровню Цифровой поддержки (DLS)

Уровень	Языки	Примеры
Процветающий	33	английский, венгерский
Энергичный	95	непальский, тонганский
Восходящий	401	гренландский, хунсрик
Появляющийся	3 304	догри, мичиф
Неподвижный	3 996	аймакский, юрок

Примечательно, что результаты исследования легли в основу Шкалы цифровой языковой поддержки Ethnologue и стали дополнением к отчетам о

[410] Gary F. Simons, Abbey L. L. Thomas, and Chad K. K. White. Assessing Digital Language Support on a Global Scale // Proceedings of the 29th International Conference on Computational Linguistics. - Gyeongju, Republic of Korea: 2022, International Committee on Computational Linguistics. – P. 4299 (pages 4299–4305).

[411] Ibid. – P. 4301.

состоянии языков мира. Она включает в себя две части: уровень цифровой поддержки языка и оценку цифровой поддержки языка. *Уровни* витальности были упомянуты выше и соответствуют видам цифровой поддержки: для неподвижных (*Still*) языков способы цифровой поддержки отсутствуют; для появляющихся (*Emerging*) языков имеется некоторый контент в цифровой форме или некоторые инструменты кодирования; для восходящих языков (*Ascending*) есть сервисы проверки орфографии, локализованные инструменты или машинный перевод; для энергичных (*Vital*) языков поддерживаются несколько инструментов во всех перечисленных категориях, а также некоторые инструменты для обработки речи. Для процветающих (*Thriving*) языков имеется всё перечисленное и виртуальные помощники.

Описанные выше теоретические рамки и индикаторы цифровой витальности предоставляют возможность измерить присутствие языка в цифровом мире и играют важную роль, связанную с целенаправленными действиями как со стороны активистов, так и лиц принимающих решения в сфере языковой политики. Речь идет о моделях планирования с целью принятия надлежащих и адекватных мер для соответствующего цифрового продвижения региональных языков / языков меньшинств / языков в опасности в киберпространстве. *Дорожные карты* как набор рекомендаций и руководство к действию имеют важное идеологическое значение, связанное с предотвращением драматических последствий утраты языками своего престижа, снижения привлекательности и восприятия маргинальной роли[412]. Разработка и реализация этих действий, как и любой процесс языковой политики и языкового планирования, предполагают участие разнообразных акторов – заинтересованных сторон и участников с определенной иерархией и релевантным влиянием: властные структуры, в чьи функции включены

[412] Soria C., Russo I., Quochia V., Hicks D., Gurrutxaga A., Anneli Sarhimaa A., Tuomisto M. Fostering digital representation of EU regional and minority languages: the Digital Language Diversity Project // https://www.aclweb.org/anthology/L16-1518.pdf - Дата посещения: 12 сентября 2024 г.

разработка и координация процесса, проведение информационных и рекламных кампаний, разработка веб-сайтов, создание и продвижение языковых ресурсов и технологий; средства массовой информации; органы местного самоуправления и языковые сообщества, чьи проекты могут представлять большой интерес[413]. К. Сориа и др., используя метафору экстренности, пишет о том, что Шкала цифровой витальности языка – это «диагностическая» фаза, а дорожные карты цифрового выживания и наращивания цифрового присутствия – это «терапевтическая» фаза языкового регулирования как конкретных действий и инициатив[414].

В российском контексте языковая и цифровая повестка становится частью вопросов, обсуждаемых на деловых экономических форумах. В 2021 году в рамках Восточного экономического форума работала дискуссионная площадка «Многоязычие в киберпространстве. Национальный вектор креативной экономики». В программе ВЭФ 2023 года была сессия «Сохранить нельзя забыть: языки коренных малочисленных народов как основа культурного наследия многонациональной России», в программе 2024 года – сессия под названием «От традиций к инновациям: цифровизация языков, этнокультурного достояния и медиа»[415] с участием представителей коренных народов, Дома народов России, крупного бизнеса и экспертного сообщества. Одним из основных направлений деятельности органов государственной власти федерального и регионального уровней стало развитие сервисов машинного перевода.

В 2023 году ФАДН, Дом народов России и субъекты Российской Федерации совместно с ООО «Яндекс» начали проект по представленности языков народов России в сервисах Яндекса. До 2023 года в Яндекс.Переводчике уже были семь языков: татарский, башкирский,

[413] Paricio-Martin S., Martinez-Cortés J. New ways to revitalize minority language: the impact of the Internet in the case of Aragonese // DIGITHUM. The Humanities in the Digital Era. – 2010. – No. 12. – P. 6.

[414] Soria C…. Fostering digital…. – P. 3258 – 3259.

[415] От традиций к инновациям: цифровизация языков, этнокультурного достояния и медиа // https://yandex.ru/video/preview/15585946243018248191 (дата обращения: 07.08.2025).

марийский, горномарийский, якутский, чувашский, удмуртский. В ходе проекта были добавлены тувинский, осетинский и коми языки. В планах на ближайшие три года добавить 20 языков. Весьма репрезентативны данные о востребованности сервиса машинного перевода, представленные руководителем проекта локализации продуктов «Яндекса» на языки народов России А. Болховитяновым. К примеру, к сервисам машинного перевода на татарский язык обращаются 190 тысяч пользователей ежемесячно, для башкирского языка – это 72 тыс. пользователей, якутского языка – 36 тыс. пользователей и т.д. В специальном модуле выдачи поисковой системы Колдунщик Яндекса, который дает точный и емкий ответ на запрос пользователя прямо на странице с результатами поиска, фиксируется следующая статистика: 374 тыс. пользователей в месяц для татарского языка, 92 тыс. – для башкирского, 17 тыс. – для якутского и т.д.[416]. (см.: Таблица 16: Количество уникальных пользователей в месяц).

Таблица 16

Количество уникальных пользователей в месяц

Язык	Перевод, тыс.	Колдунщик[417], тыс.
Татарский язык	190	374
Башкирский язык	72	92
Якутский язык	36	17
Чувашский язык	33	43
Горномарийский язык	19	2
Марийский язык	16	19
Удмуртский язык	14	16
Осетинский язык	13	-
Тувинский язык	9	-
Коми язык	6	-
Итого	390	549

[416] Болховитянов А. Языки народов России в сервисах Яндекс // II стратегическая сессия «Информационные технологии и языки народов России» // https://vk.com/video-197082343_456239609 (дата обращения: 07-08.08.2025).

[417] Колдунщик — это блок, который появляется в результатах поиска (часто на «нулевой позиции» — выше обычных ссылок или в боковой колонке) и сразу даёт ответ на запрос пользователя.

Партнерами Яндекса по подготовке корпуса родных языков для включения в Яндекс.Переводчик выступают региональные языковые институты и академические учреждения. К примеру, Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований (КЧИГИ) для абазинского, карачаево-балкарского и ногайского языков; Карельская региональная общественная организация «Общество вепсской культуры» - для вепсского языка; Академия наук Республики Татарстан; Институт чеченского языка; Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева и многие другие. Татарский, чувашский и башкирский языки представлены также в технологиях синтеза и распознавания речи Яндекс; марийский и удмуртский языки – в работе. Расширение использования удмуртского языка в сервисах Яндекса происходит в рамках Соглашения 2024 г. о научно-техническом сотрудничестве между Удмуртским федеральным исследовательским центром Уральского отделения РАН и ООО «Яндекс». Документ включает в себя этапы передачи материалов монокорпуса удмуртского языка и 100 тысяч параллельных русско-удмуртских предложений, датасеты фотографий с удмуртскими текстами, афишами для проверки распознавания текста на удмуртском языке; работы по подготовке речевого датасета для подготовки, распознавателя и синтезатора удмуртской речи. Инженеры Яндекса обращают внимание на соответствие перевода реальному состоянию: «он не должен быть совсем книжным или совсем народным»[418]. Имеют место диспропорции в обучающих данных, если текстов на малоресурсном языке мало. Библию и Коран считают одними из самых универсальных источников данных для сбора параллельных корпусов[419]. Их высокая роль в развитии машинного перевода объясняется тем, что эти тексты переводятся на

[418] Там же.

[419] ТЕХНО – Большая история про малые языки. Выпуск №02/Декабрь 2021 г. Машинный перевод [Электронный ресурс]. URL: https://techno.yandex.ru/machine-translation/on-small-languages (дата обращения: 10.08.2025).

максимальное число языков. Ни Библия, ни Коран не могут быть единственными источниками параллельных корпусов в силу невозможности перевода современных новостей или статей об информационных технологиях. Большие объемы данных на основе народных эпосов также приведут к перекосам в работе моделей машинного перевода.

Примером сотрудничества органов государственной власти и корпоративного бизнеса может быть онлайн-школа изучения татарского языка «Ана теле» («Язык матери»). Первоначально проект был запущен в 2013 года по личному поручению раиса Республики Татарстан Р. Минниханова, активно продвигавшего платформу в том числе на встречах татарской диаспорой за рубежом. Партнерами инициативы были крупнейшая частная образовательная компания Education First (EF), обеспечившая техническую базу, и Институт филологии и межкультурной коммуникации КФУ, отвечавший за методическую составляющую. В свете геополитических трансформаций иностранная компания покинула российский рынок и сервис закрылся 30 июня 2023 года. В течение двух последующих лет Министерством образования и науки РТ совместно с Академией наук Татарстана и Министерством цифрового развития государственного управления, информационных технологий и связи РТ и отечественными ИТ-специалистами велись работы по переводу онлайн-школы на российские платформы. В итоге, в августе 2025 года онлайн-школа «Ана теле» была возрождена. Для обновления были использованы серверы «Яндекса» и платформа JetClass образовательного холдинга DS Corporate. Центром цифровой компетенции последнего является петербургская компания ООО «Прогресс». DS Corporate – крупнейшая российская частная образовательная компания, которая специализируется на корпоративном обучении 15 иностранным языкам. Ее корпоративными студентами являются сотрудники Лукойла, Сбербанка, Аэрофлота, Яндекса. По словам представителей пресс-службы Минобрнауки РТ, «с учетом современных требований улучшен

контент, обновлен интерфейс, разработана мобильная версия, добавлена возможность регистрации и работы через ЕСИА»[420]. На возобновление работы школы региональные власти выделили 123,3 млн рублей[421]. По мнению исполнительного директора DS Corporate Э. Балдакова, подобные современные онлайн-школы могут быть созданы и для других языков народов России в течение 8-9 месяцев, поскольку у компании есть «ядро и шаблоны образовательной платформы»[422].

Представители крупного бизнеса финансируют поддержку языков, издание учебников, цифровые проекты. Весьма разнообразна деятельность компании «Норникель» по сохранению традиций и поддержке интереса коренных народов Севера. Совместно с Сибирским федеральным университетом компания оказала помощь в восстановлении утраченной энецкой письменности и грамматики и издании энецкого букваря. В проектах «Норникеля» издание книг, газет, методических пособий на языках коренных народов Таймыра, мобильные оффлайн-переводчики с русского языка на пять языков коренных народов: энецкий, ненецкий, нганасанский, долганский, эвенкийский[423].

Крупнейший банк России и один из глобальных финансовых институтов ПАО Сбербанк реализовал культурно-образовательную инициативу по сохранению исчезающих языков. Для проекта были выбраны три языка: язык коренного населения полуострова Таймыр в Красноярском крае – нганасанский язык, язык жителей Хабаровского края – ульчский язык и ижорский язык народности, населяющей южный берег Финского залива в

---

[420] Спустя два года заработал сервис, который должен учить языку Тукая не хуже Education First. 01.08.2025 // https://m.business-gazeta.ru/article/679132 (дата обращения: 11.08.2025).

[421] Возвращение «Ана теле»: как изменилась онлайн-платформа для изучения татарского языка // https://www.tatar-inform.ru/news/ana-tele-vernulsya-kak-izmenilas-onlain-platforma-dlya-izuceniya-tatarskogo-yazyka-5993368 (дата обращения: 11.08.2025).

[422] II стратегическая сессия «Информационные технологии и языки народов России» // https://vk.com/video-197082343_456239609 (дата обращения: 07-08.08.2025).

[423] «Норникель» использует ИТ-технологии для сохранения языков коренных народов Севера. 22.05.2024 // https://eco-tourism.expert/ru/arctic/nornikel-ispolzuet-it-tekhnologii-dlya-sokhraneniya-yazykov-korennykh-narodov-severa/ (дата обращения: 06.08.2025).

Ленинградской области. С помощью методов машинного обучения и привлечения лингвистов для сбора языкового материала носителей были разработаны чат-боты для изучения нганасанского, ульчского и ижорского языков[424].

В ходе подготовки к Олимпиаде – 2014 года, прошедшей в Сочи, и к Чемпионату мира по футболу 2018 г. Сбербанк «лингвистически» обновил банкоматы, сделав доступными их интерфейсы на английском, немецком, испанском, французском, итальянском, финском и китайском языках[425]. В 2019 году интерфейс Сбербанка был переведен на узбекский и таджикский языки[426].

Отдельное направление работы Банка – обучение языковых моделей для малых языков России – mGPT: башкирский, бурятский, чувашский, калмыцкий, марийский, осетинский, татарский, тувинский, якутский[427]. Данный проект позволит создавать все виды генеративного контента и нейросетевых приложений для ряда языков народов России. Обучение модели GigaChat удмуртскому языку будет проходить в рамках подписанного в ноябре 2024 года соглашения между Сбером и Министерством национальной политики Удмуртской Республики. Документ предусматривает предоставление регионом текстов на удмуртском языке специалистам по машинному обучению Сбера: книги, статьи, посты из социальных сетей, научно-образовательные публикации, а также диалоги с носителями языка. Как отметил вице-президент, директор Департамента развития искусственного интеллекта и машинного обучения Сбербанка,

---

[424] Сбербанк сохранит редкие языки народов России с помощью искусственного интеллекта. 02.11.2018 // https://planet-today.ru/novosti/press-relizy/item/94582-sberbank-sokhranit-redkie-yazyki-narodov-rossii-s-pomoshchyu-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 09.08.2025).

[425] Все банкоматы Сбербанка теперь «говорят» на восьми языках // https://finance.rambler.ru/business/40043384-vse-bankomaty-sberbanka-teper-govoryat-na-vosmi-yazykah/ (дата обращения: 09.08.2025).

[426] Банкоматы Сбербанка заговорили на таджикском и узбекском языках // https://addnt.ru/bankomaty-sberbanka-zagovorili-na-ta (дата обращения: 09.08.2025).

[427] От полиглота к эксперту: модели mGPT для малых языков России и стран СНГ // https://habr.com/ru/companies/sberdevices/articles/755108/ (дата обращения: 09.08.2025).

«важно сохранить национальные языки народов России и передать их следующим поколениям. У Сбера для этого есть проверенные решения, которыми мы готовы делиться с нашими региональными партнерами… У этого [удмуртского] уникального национального языка начинается новый, цифровой этап эволюции»[428].

Российская компания «ПараТайп» создает возможности для погружения в электронную сферу малоресурсных языков народов России. Небольшой исторический экскурс показывает, что во второй половине 30-х годов XX столетия были разработаны национальные алфавиты языков, учитывающие их графические особенности письма и фонетические особенности произношения. Выпуск учебной и образовательной литературы на национальных языках требовал со стороны полиграфической промышленности литья национальных символов и обучения наборщиков. Массовое появление национальных шрифтов пришлось на период с 1940 по 1990 годы. Массовый переход на компьютерную верстку в 1990-е годы показал ограниченность возможностей представления национальных символов в рамках существовавшей тогда однобайтной кодовой таблицы[429]. С внедрением стандарта Юникод (Unicode) большинство национальных графем языков народов Российской Федерации было включено в состав кириллической зоны. Приводятся данные о том, что из более 180 графем, необходимых для поддержки языков народов России, почти 40 символов не включены в кодировку Юникод[430]. Пополнение базы символов предоставляет возможность использовать малоресурсные языки в Интернете, онлайн-переводчиках и мобильных устройствах. В 2023 году вопрос о цифровизации

[428] GigaChat будет обучен удмуртскому языку // https://pp.udmurt.ru/press_center/news/udmurtskaya-respublika-i-sber-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve/ (дата обращения: 09.08.2025).

[429] Бобрышев С.Н. Многоязычные шрифты ПараТайп — основной инструмент обеспечения письменности языков народов РФ // ФАДН. Сборник материалов форума «Языковая политика в Российской Федерации». М., 2024. - С. 179.

[430] Как цифровизация помогает сохранить языки коренных народов России // https://gramota.ru/journal/stati/tekhnologii/kak-tsifrovizatsiya-pomogaet-sokhranit-yazyki-korennykh-narodov-rossii (дата обращения: 13.08.2025).

шрифтов был поднят на высоком уровне в ходе работы Восточного экономического форму. Директор Дома народов России А. Полежаева сообщила о том, что планируется и осуществляется начальный этап внесения в кириллическую зону международного стандарта «Юникод» символов языков северных народов России. В том же году специалисты российской компании «ПараТайп» сообщили о том, что подготовили шрифты и раскладки компьютерной клавиатуры для более чем 150 языков народов РФ на основе расширенной кириллицы из 179 знаков[431]. Продукты компании находятся в свободном доступе. Клавиатурная раскладка доступна на долганском, ительменском, саамском кильдинском, корякском, мансийском, нанайском, нганасанском, негидальском, ненецком, нивхском, селькупском, тофаларском, ульчском, хантыйском, шорском, эвенском, эвенкийском, энецком, эскимосском и юкагирском языках[432]. Значение разработки в том, что она позволяет поддерживать языки коренных малочисленных народов несмотря на то, что некоторые алфавитные символы не включены в международный стандарт кодирования знаков Юникод. Официальный представитель МИД России Мария Захарова, давая оценку значению разработки, отметила следующее: «Библиотека многоязычных шрифтов компании "ПараТайп" является частью нашего вклада в реализацию целей Международного десятилетия языков коренных народов ООН и действенным механизмом, способствующим цифровизации языкового культурного наследия коренных народов, изучению, сохранению языков, а также книгопечатанию на редких языках»[433].

---

[431] Появилась виртуальная клавиатура с языками КМН // https://nazaccent.ru/content/41834-poyavilas-virtualnaya-klaviatura-s-yazykami-kmn/ (дата обращения: 13.08.2025).

[432] Клавиатурные раскладки для языков КМНС // https://www.ttelegraf.ru/news/rossijskie-programmisty-sozdali-klaviaturnye-raskladki-dlya-yazykov-kmns/ (дата обращения: 13.08.2025).

[433] Российская компания создала шрифты для более чем 150 языков и диалектов РФ // https://news.rambler.ru/politics/51856013-rossiyskaya-kompaniya-sozdala-shrifty-dlya-bolee-chem-150-yazykov-i-dialektov-rf/ (дата обращения: 13.08.2025).

В России в последние годы наблюдается бум разных языковых проектов в Интернете, авторами которых являются языковые активисты[434]. Причинами тому выступают как существенные изменения в официальной языковой политике федерального уровня, начало которым было положено на заседании Совета по межнациональным отношениям в 2017 году, так и развитие современных технологий и способов коммуникации. Исследование не претендует на полное описание всех подобных инициатив и ограничивается упоминанием основных сфер. В числе таковых появление онлайн-курсов по изучению языка, созданных отдельными пользователями социальных сетей, мобильные приложения для изучения языков, справочные материалы, разговорники в виде мобильных приложений, создание и размещение электронных словарей, видеоролики и юмористический контент на видеохостингах, поэтические паблики в ВКонтакте, «народные» переводы популярной литературы, раскладки мобильной клавиатуры, шрифты, синтезатор и распознавание речи, мотивационные ролики и многое другое. Руководитель ФАДН В. Баринов, давая оценку роли языковых активистов, отметил следующее: «Во многом оснащенность языка цифровыми инструментами зависит от неравнодушных языковых активистов, благодаря усилиям которых родные языки обретают свою вторую цифровую жизнь. Языковые активисты зачастую выступают пионерами процесса цифровизации языков в своих регионах. Объединяются в сообщества и обмениваются опытом. Фактически создают условия для быстрого и эффективного масштабирования процесса создания технологий для остальных языков»[435].

Активисты и энтузиасты принимают самое активное участие, выступая инициаторами повышения цифрового благополучия малоресурсных языков.

---

[434] Баранова В.В. Языковая политика без политиков: языковой активизм и миноритарные языки в России. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. - С. 13-14. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2580-7

[435] Баринов В. Приветственное слово на открытии II стратегической сессии «Информационные технологии и языки народов России». 14 мая 2025 г. // https://vk.com/video-197082343_456239609 (дата обращения: 07-08.08.2025).

В основе взаимодействия крупных компаний и энтузиастов лежит краудсорсинг и «экономика подарков». Наиболее активные пользователи выполняют работу по локализации интерфейсов без необходимости доказывать какое-либо владение языками или наличие опыта для участия. Руководствуясь стремлениями возрождения и развития языков, они дарят свои работы, становящиеся собственностью компаний, бесплатно. Краудсорсинговые решения делают количество представленных в цифровом контексте языков потенциально безграничным.

Одним из самых известных российских языковых активистов является Андрей Чемышев, продвигающий более десяти лет идею цифровизации марийского языка. Среди результатов его работ – создание марийского электронного словаря, компьютерной раскладки шрифтов, включение языка в машинный переводчик Яндекса, работа с речевыми технологиями, необходимыми в голосовых помощниках, системах автоматического перевода аудио-, видеоконтента и т.п.[436] (чат-бот в «Телеграм» понимает марийскую речь и преобразует ее в текст). Примечательно, что для распознавания речи на том или ином языке необходимо собрать исходные данные – аудиокорпус с образцами речи в виде большого массива озвученных текстов (не менее 300 часов) не только дикторами в студии, а разными людьми с индивидуальными особенностями произношения, записанные в реальных условиях (к примеру, с уличным шумом как фоном). Усилиями 424 волонтеров были собраны 257 часов записи текстов на марийском языке.

Разработчиком умной колонки Һомай, говорящей на башкирском языке, стал программист из Уфы Айгиз Кунафин при поддержке Фонда поддержки башкирского языка. Колонка способна понимать башкирскую и русскую речь, переводить с одного языка на другой, отвечать на вопросы,

[436] Лингвист Чемышев научил "Телеграм" понимать марийский язык. 20 июля 2023 г. // https://vk.com/wall-166353059_57191 (дата обращения: 10.08.2025).

находить рецепты блюд башкирской кухни, включать музыку и сказки[437]. 200 колонок переданы в школы и детские сады. Колонка задумана как собеседник и помощник для детей. Для этого были разработаны три профиля: для начинающих – на смеси русского и башкирского языков, для подготовленных – на смеси уже башкирского и русского и для уверенно говорящих – только на башкирском. В основе работы – чат-бот с искусственным интеллектом. Схожие работы ведутся по разработке умной колонки iВика на марийском языке уже упоминавшимся А. Чемышевым.

Активист из Якутии Н. Апросимов разработал приложение AYANA (в переводе с эвенкийского «хорошая, добрая») – для сохранения языка эвенков. Инвестором разработки выступило ООО «АРКТИК КАПИТАЛ»[438]. Голосовой помощник может переводить речь, отвечать на простые вопросы, шутить, рассказывать об эвенкийской кухне, национальной одежде, включать эвенкийские песни[439]. По словам создателя проекта, переводчик используют учителя в кочевых родовых общинах и сельских школах в целях совершенствования качества образования в области национального языка и культуры эвенков. Похожие приложения разрабатываются Н. Апросимовым с единомышленниками для общения на долганском, алтайском, якутском, корякском, ненецком и других редких языках[440].

На данный момент существует целый ряд мобильных приложений, разработанных языковыми активистами и размещенных на портале Межрегиональной общественной организации «Объединение коренных малочисленных народов «Союз» (МОО «КМНСОЮЗ»)[441]. Среди них

---

[437] Солдатов А. Как цифровизация помогает сохранить языки коренных народов России. 21 февраля 2024 г. // https://gramota.ru/journal/stati/tekhnologii/kak-tsifrovizatsiya-pomogaet-sokhranit-yazyki-korennykh-narodov-rossii (дата обращения: 11.08.2025).

[438] Цифровизация языков – актуальная проблема современности // https://arcticcapital.ru/2025/01/24/ayana-3/ (дата обращения: 12.08.2025).

[439] Там же.

[440] В Красноярске обсудили цифровизацию языков коренных малочисленных народов // https://gnkk.ru/articles/v-krasnoyarske-obsudili-cifrovizaciyu/ (дата обращения: 12.08.2025).

[441] Успешные цифровые языковые практики коренных малочисленных народов Российской Федерации // https://lingvo.kmnsoyuz.ru/apps/ (дата обращения: 12.08.2025).

мобильное приложение для изучающих ительменский язык «Ӈӽынэсхч!», которое включает в себя аудиоразговорник и необходимые словари; онлайн переводчик мансийского языка «Торум ащ латын» – состоит из русско-мансийского словаря и включает более 5 тысяч слов, адаптирован для популярных операционных систем и мобильных устройств. Мобильное приложение для изучения нанайского языка «Хэсэку!» создано региональной общественной организацией «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края» и инициативной группой «Страна языков». Негидальский разговорник Негида - приложение создано по инициативе региональной общественной организации «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края» при поддержке АО «Полиметалл». Приложение «Нивх диф» для изучения нивхского языка создано по инициативе РОО «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Ульчского района» при финансовой поддержке Федерального агентства по делам молодёжи (Росмолодёжь) в рамках Форума молодёжи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации «Российский Север» 2022 г. А также: Орочский словарь «Орочида» (орочский язык); «Самь Килл» (саамский язык); «Удиэ» (удэгейский язык); «Хэсэди» (ульчский язык); Финно-угорский разговорник.

В высказываниях языковых активистов звучат различные нарративы, в том числе связанные с межпоколенной передачей языка. В одном из интервью, комментируя разработки систем автоматического перевода аудио- и видеоконтента, А. Чемышев отметил: «Наши языки «убивают» не школы, не государство, а телеканал «Карусель». Наши дети с пелёнок смотрят этот видеоконтент, так они и вырастают людьми, не знающими свой родной язык. Обидно же! Мы уверены, что это сможем исправить, используя новые технологии: губительное воздействие таких телеканалов можем использовать

во благо»[442]. Среди аргументов в поддержку деятельности по наращиванию сетевого присутствия языков также формулируется не только необходимость в коммуникации, но и потребность в идентичности, которая реализуется посредством родного языка; а также вопросы цифрового неравенства и справедливости.

В целях популяризации и масштабирования разработанных языковых инструментов упомянутые программисты создали онлайн-сообщество «Языки разные – код один»[443] в Телеграмм (на данный момент объединяет более 700 участников) и платформу для поддержки языков КодОдин (https://KOD-ODIN.RU/). Основная задача сайта – объединить совместные усилия заинтересованных энтузиастов, лингвистов и разработчиков, направленные на сохранение языкового многообразия, и готовность предоставить уже работающие инструменты и продукты для «погружения» языков в цифровое пространство. Ресурс содержит описание подробных инструкций для разработки базовых языковых инструментов: машинных переводчиков, инструкции по сборке языковых корпусов, по разработке систем синтеза и распознавания речи.

С точки зрения языкового планирования и политики существует ряд организаций, содействующих многоязычному Интернету. Среди них – ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers) – некоммерческая организация, ответственная за координацию глобальных систем идентификации в Интернете, в частности доменных имен и IP-адресов. Иными словами, корпорация отвечает за систему именования Интернета: делит Всемирную паутину на географические сегменты,

[442] «Умная колонка будет мультиязычной: говоришь Һомай - отвечает по-башкирски, говоришь іВика - отвечает по-марийски». 22 ноября 2023 г. // https://dzen.ru/a/ZV2hizDDfHc9mhZs (дата обращения: 11.08.2025).

[443] Кунафин А. Языки разные – код один: почему будущее языков зависит от IT-специалистов // ФАДН. Сборник материалов форума «Языковая политика в Российской Федерации». М., 2024. С. 191 (190-193).

присваивая государствам суффиксы, используемые в веб-адресах сайтов на их территории.

Структура была основана и зарегистрирована в США в ноябре 1998 года. Как отмечается на сайте ICANN, в попытках сделать систему доменных имен (DNS) более доступной разнообразным и глобальным пользователям, для которых английский язык не является родным и которые используют не только буквы от A до Z, организация работает над вводом интернационализированных доменных имен (IDN-доменов). Они позволяют людям во всем мире использовать доменные имена и наборы символов на местных языках, например, на арабском, китайском, кириллице, деванагари, тайском и многих других[444]. Примечательна кампания за домены верхнего уровня на каталанском языке.

История кампании за домен *.cat* очевидно, началась как проявление традиционного каталонского национализма, о чем свидетельствует изначальное предпочтение домена *.ct*, не имевшего шансов быть принятым стандартом ISO 3166 или ICANN. В 1996 году Каталонский региональный парламент единогласно проголосовал за присвоение домена верхнего уровня *.ct* для Каталонии[445]. Официальный запрос в Агентство по техническому обслуживанию Международной организации по стандартизации (ISO) был отклонен, поскольку Каталония является регионом Испании и присвоение кода *.ct* было бы равносильно признанию Каталонии в качестве отдельного национального государства.

Новая попытка была предпринята в марте 2004 года, когда официальная заявка на домен верхнего уровня *.cat* была подана созданной к тому времени Ассоциацией за домены верхнего уровня на каталанском языке

[444] Hussain S. How the ICANN Community Helped Pave the Way for a More Multilingual Internet. 22 March 2022 // https://www.icann.org/en/blogs/details/how-the-icann-community-helped-pave-the-way-for-a-more-multilingual-internet-22-03-2022-en (дата обращения: 03.08.2025).

[445] Gerrand P. Cultural diversity in cyberspace: The Catalan campaign to win the new .cat top level domain // First Monday, Volume 11, Number 1 - 2 January 2006 http://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/1305/1225 (дата обращения: 03.08.2025).

Associació puntCAT, объединившей более 90 организаций по всему миру, поддерживавших каталанский язык и культуру. Язык, а не территория должен был стать самым важным элементом в аргументации за домены верхнего уровня. Как отмечает один из сооснователей Ассоциации и вдохновителей кампании Амадеу Абриль, «остроумное решение языковой концепции состояло в том, чтобы «сменить паспорт на словарь»»»[446]. В сентябре 2005 г. ICANN одобрила первый интернет-домен верхнего уровня *.cat*, предназначенный для конкретного языка и культуры. Исследователи данных событий сравнивают появление собственного Интернет-домена для каталонцев с появлением литературы и собственных газет в XIX веке, школ, радио- и телеканалов на каталанском языке в XX веке. Это то, что демонстрирует престиж и популярность живого языка, свидетельствует о распространенности каталанского языка, на котором говорят более десяти миллионов человек, и подчеркивает важность вопросов идентичности людей, чувствующих себя каталонцами. Факт предоставления домена верхнего уровня – это признание каталанского языка как этнической, языковой и культурной единицы, отдельной от испанской нации, культуры и языка; признание языковой, культурной и этнической группы субъектом Сети без статуса суверенного государства[447].

Регистрация домена верхнего уровня – значимая, но не достаточная мера для расширения использования или видимости языка меньшинства в киберпространстве. В середине 1990-х гг. правительство Каталонии заплатило компании Microsoft около 500 000 долларов США для финансирования разработок интерфейса на каталанском языке для операционной системы Windows 98, поскольку это интерфейс не входил в комплект стандартного пакета Windows. В 2002 году каталонское правительство объединилось с правительствами Андорры и Балеарских

[446] Ibid.

[447] Atkinson D. Catalan on the Internet and the .ct and .cat campaigns // Journal of Languages and Politics. – 2006. – No. 5(2). – P. 239–249.

островов, чтобы заплатить Yahoo за предоставление интерфейса на каталанском языке, что обошлось в 600 000 евро. В современных исследованиях позиции каталанского языка в цифровой сфере, несмотря на его уязвимость как языка меньшинства, оцениваются как относительно сильные благодаря активному онлайн-сообществу, последним достижениям в области искусственного интеллекта и повышению осведомленности о ценности языковых технологий среди государственных и частных организаций[448]. По оценкам, 70 миллионов веб-страниц с контентом на каталанском языке теперь доступны по адресам *.cat*. Каталанский язык занимает 36-е место по использованию в Интернете. На каталаноязычные веб-страницы приходится 0,1 % всей Всемирной паутины[449].

Фактором, благоприятствующим многоязычию Интернета, является стандартизация языков в Интернете. В 1991 году была основана некоммерческая организация Unicode – консорциум, занимающийся разработкой, поддержанием и продвижением стандартов интернационализации программного обеспечения и данных, в частности стандарта Юникод. Юникод облегчает использование многих языков в компьютерном программировании и разработке веб-сайтов. Стандарт охватывает широчайший ряд символьных кодов, начиная от древних систем письма, таких как египетские иероглифы и клинопись, и заканчивая алфавитами миноритарных языков. В то же время, несмотря на свое название, стандарт включает не все наборы символов, которыми пользуется человечество. К примеру, монгольский язык использует либо кириллицу, либо собственный исторический и традиционный алфавит, для которого было принято не менее восьми разных кодов и шрифтов. Единого стандарта

[448] Melero M., Calvo B., Rodríguez, M., Villegas, M. Language Report Catalan // Rehm, G., Way, A. (eds) European Language Equality. Cognitive Technologies. - Springer, Cham, 2023. – P. 107. https://doi.org/10.1007/978-3-031-28819-7_8 (P. 107 - 110).

[449] Gerrand P. Catalan's Presence on the Internet (1993–2018) // Casanovas, P., Corretger, M., Salvador, V. (eds) The Rise of Catalan Identity. – Springer, Cham, 2019. – P. 261 (P. 261 – 270). https://doi.org/10.1007/978-3-030-18144-4_17

печатного шрифта нет, и это приводит к несоответствиям и даже неправильным переводам текстов при переносе с одного компьютера на другой. Схожая ситуация с веб-страницами на официальных языках Индии. Как правило, сайты индийских газет пользуются собственными шрифтами на хинди, но отдельные сайты представляют новости в виде файлов изображений. Эти технические ограничения затрудняют обмен информацией и приводят к цифровому языковому разрыву[450]. Юникод был принят всеми основными лидерами отрасли, включая Apple, IBM, Microsoft и т.д., а также всеми современными Интернет-браузерами.

На языковой состав Интернета оказывают влияние компании-производители технических и программных средств, осуществляя производство компьютеров с клавиатурами, мониторами и операционными системами, работающими на строго определенных языках. К примеру, операционная система Android (Android OS) имеет локализованные версии на 187 языках. Веб-браузер Google Chrome локализован на 127 языках, браузер Firefox – на 110 языках, Internet Explorer – на 100 языках, Opera – на 125 языках. Операционная система Apple (Apple iOS) доступна на 32 языках, LG (LG Mobile OS) – на 50 языках, операционная система Windows (Windows 10 Full OS) – на 100 языках[451] и т.д. По сути, речь идет о корпоративно управляемой адаптации глобальных моделей к местным условиям и аудитории. При этом доступность программного обеспечения на нескольких языках предоставляет возможность получить новые доли рынков на основе языка. Технологии, мотивы прибыли, критическая масса недостаточно

[450] Миками Й., Кодама Ш. Измерение языкового разнообразия в Сети // Net.lang: на пути к многоязычному киберпространству: Пер. с англ. / Ред. перевода Е. И. Кузьмин, А. В. Паршакова – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2014. – С. 130 (С. 127 – 147).

[451] Gary F. Simons, Abbey L. L. Thomas, and Chad K. K. White. 2022. Assessing Digital Language Support on a Global Scale // Proceedings of the 29th International Conference on Computational Linguistics, pages 4299–4305, Gyeongju, Republic of Korea. International Committee on Computational Linguistics // https://github.com/sil-ai/dls-results/blob/main/List%20of%20all%20DLS%20features.csv (дата обращения: 06.08.2025).

представленных этнолингвистических групп лежат в основе нишевого маркетинга и новых многоязычных возможностей.

Зарубежные компании Моторола (Motorola) и Леново (Lenovo) представили свои инициативы по цифровой интеграции языков коренных народов, находящихся под угрозой исчезновения, в 2021 году[452]. Их реализация в течение следующего десятилетия совпадает с периодом с 2022 по 2032 год, объявленным Организацией Объединенных Наций Международным десятилетием языков коренных народов (IDIL2022-2032).

Стратегия компании Motorola по внедрению цифровых технологий сосредоточена на трех категориях языков, находящихся под угрозой исчезновения, разработанных ЮНЕСКО[453]: определенно находящиеся под угрозой исчезновения, находящиеся под серьезной угрозой исчезновения и находящиеся в критическом состоянии. Критерии отбора языков, находящихся под угрозой исчезновения, для реализации инициативы Motorola по включению в цифровую жизнь основаны на четырех основных принципах: статус языка, находящегося под угрозой исчезновения, статус цифрового включения, мнение сообщества по поводу инициативы и наличие экспертов в данной области (МСП).

Инициативы Motorola и Lenovo Foundation по поддержке цифровой интеграции языков коренных народов, находящихся под угрозой исчезновения, в системы письма на смартфонах в значительной степени соответствуют результату 3 Глобального плана действий для Международного десятилетия языков коренных народов (IDIL2022-2023): создание благоприятных условий для расширения цифровых прав и возможностей, свободы выражения мнений, развития СМИ, доступа к информации и языковым технологиям, а также художественного творчества на языках коренных народов. Motorola и Lenovo Foundation планируют

[452] Hello indigenous: a blueprint on the preservation of endangered indigenous languages through digital inclusion. 9 октября 2024 // https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000388054 (дата обращения: 09.07.2025).

[453] Ibid. – P. 6 (дата обращения: 10.07.2025).

продолжить работу по повышению осведомлённости об этой проблеме, содействуя сохранению языков, находящихся под угрозой исчезновения, и поощряя следующие поколения коренных общин использовать эти технологии на своих родных языках. Тем самым компании внесли качественный вклад в оцифровку языков коренных народов. В локализованных версиях в списках языков, поддерживаемых смартфонами Motorola, появились языки коренных народов Латинской Америки нхенгату и каинганг, племени чероки, а также кангри и куви.

Анализ практик способствования многоязычному Интернету показывает, что роль государства в цифровой среде не монопольна. Картина управления языковым устройством скорее полицентрична. В то же время описание всех возможных форм сопричастности к цифровому благополучию языков дает представление о безграничном многообразии, что затрудняет типологический анализ. Перспективным представляется отнесение «действующих лиц» либо к тем, для кого полномочия, роли и практики являются обязательными, регламентированными, и тем, для кого деятельность по «погружению» языков в цифровую среду носит характер необязательной и дополнительной деятельности. Общей чертой обеих категорий является общее понимание и осознание уязвимости малоресурсных языков перед вызовами цифровизации и того факта, что будущее языков и их развитие тесно связаны с цифровой средой. Разработка и внедрение языковых технологий – процесс многовекторный, предполагающий участие многих заинтересованных сторон – государства, общества, бизнеса.

Расширение возможностей использования языков в цифровых медиа и увеличение их цифрового присутствия обусловливают продуманные действия как властных структур, так и эффективных инициатив снизу – вверх, где решающее значение имеют познавательные и практические навыки создания контента носителями языков. Концептуальная модель

участия была бы не полной без рассмотрения роли подмножества социальных медиа – социальных сетей.

3.2. Социальные медиа как пространство политико-языковых отношений

Социальные медиа во всем своем многообразии - блог-площадки, сайты обзоров и отзывов, социальные игры, многофункциональные социальные сети, мессенджеры, корпоративные сети, фото- и видеохостинги выступают важным инструментом современной политической коммуникации.

Исследование политических аспектов, присущих функционированию мессенджеров и социальных сетей, – предмет нарастающего специализированного внимания представителей различных областей социально-гуманитарного знания в России и за рубежом. Как пишет в этой связи С.Л. Кушнерук, мессенджер Telegram «все чаще обсуждается не только как информационное, но и как социальное, политическое и языковое явление, определяющее медийную повестку онлайн и … фундаментальным образом меняющее сферу политической коммуникации»[454]. Платформы социальных сетей в качестве инструмента «мягкой силы» исследует М. Хорнунг. Этот автор рассматривает влияние нарративов российского государства на западные общества на примере взаимодействия немецкой и российской Интернет-аудиторий социальной сети ВКонтакте[455]. Коллективом авторов из китайских университетов анализируются особенности поведения индивидуальных пользователей и ботов в социальных сетях на ранних этапах конфликта России и Украины[456]. Исследователи отмечают, что «российско-украинская война знаменует собой новую эру современной войны в

[454] Кушнерук С.Л. Telegram как социально-политическое и языковое явление: география и проблематика новейших исследований // Политическая лингвистика. - 2023. - № 4 (100). - С. 13.

[455] Hornung M. Bridging Narrative and Language Divide Online? Networked Languages, Soft-Power, and Language Brokering on Russian Social Media // https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&record… (дата обращения: 14.06.2026).

[456] Xu W., Sasahara K., Chu J., Wang B., Fan W. and Hu Z. Social media warfare: investigating human-bot engagement in English, Japanese and German during the Russo-Ukrainian war on Twitter and Reddit // EPJ Data Science. – 2025. – № 14. – P. 1-22.

социальных сетях. Война поколебала традиционные парадигмы конфликта между двумя противниками. Поле боя переместилось с физических полей, телевидения и Интернета в социальные сети (SNSs) с сотнями миллионов пользователей по всему миру… Цифровые платформы социальных сетей в условиях геополитических конфликтов превращаются в оружие …»[457].

Влияние процессов цифровой трансформации на различные аспекты коммуникаций носит амбивалентный характер[458]. Социальные медиа не выступают исключительно в роли инфраструктуры для общения. Различные цифровые платформы и государства их происхождения используют имеющийся онлайн-инструментарий для продвижения своей повестки и формирования общественного мнения, переходя в статус политических акторов. В их числе русскоязычный раздел онлайн-энциклопедии Википедия, входящий в число самых популярных не только среди российских Интернет-пользователей, но и пользователей из стран ближнего зарубежья. Весьма репрезентативны данные Интернет-статистики за 2018 г.

Таблица 17

Данные Интернет-статистики о популярности Википедии в странах СНГ и ближнего зарубежья[459]

(данные на 2018 г.)

Страна запроса	Русскоязычный раздел (%)	Англоязычный раздел (%)	Раздел Википедии на национальном языке (%)	Другие Википедии (%)
Азербайджан	27,4	24,5	37,9	10,2
Армения	37,1	20,6	40,3	2,0

[457] Ibid. – P. 2.

[458] Белозёров В.К. Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. - 2020. - Т. 13. № 2. - С. 186. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-9

[459] Источник: Wikimedia Traffic Analysis Report - Wikipedia Page Views Per Country – Breakdown. Monthly requests or daily averages, for period: 1 Sep 2018 - 30 Sep 2018. URL: https://stats.wikimedia.org/wikimedia/squids/SquidReportPageViewsPerCountryBreakdown.htm (дата обращения: 20.04.2025).

Белоруссия	88,0	9,1	1,2	1,7
Грузия	21,5	37,7	36,7	4,1
Казахстан	62,5	5,9	31,2	0,4
Киргизия	72,1	7,8	19,4	0,7
Латвия	32,5	37,7	27,2	2,6
Литва	10,7	40,8	45,0	3,5
Молдавия	47,1	20,2	28,8	3,9
Узбекистан	72,1	13,1	14,0	0,8
Украина	56,0	17,7	23,9	2,4
Таджикистан	77,8	11,6	10,6	-
Туркменистан	44,1	52,1	2,3	1,5
Эстония	14,9	41,2	40,3	3,6

По мнению сооснователя Википедии Л. Сэнгера, ресурс сильно изменился с 2001 года и давно не следует принципам нейтральности. Свою позицию он подкрепляет сравнением статей о Бараке Обаме и Джо Байдене, с одной стороны, и Дональде Трампе, с другой. Достижения первых двух политиков преувеличиваются, критика или умалчивается, или подается кратко и с искажениями в пользу Б. Обамы и Д. Байдена. Л. Сэнгер пишет о том, что раздел Википедии на английском языке превратился в «пропагандистский листок с ярко выраженным леволиберальным уклоном»[460].

Статьи Китайской Википедии носят критический характер по отношению к Китаю, поскольку основное число ее пользователей и редакторов расположено на Тайване. По данным на 2018 год 87,7 % всех обращений к Китайской Википедии было сделано с территории Тайваня.

[460] Zilber A. «Nobody should trust Wikipedia», its co-founder warns: Larry Sanger says site has been taken over by left-wing 'volunteers' who write off sources that don't fit their agenda as fake news. 16 июля 2021 г. // https://www.dailymail.co.uk/news/article-9793263/Nobody-trust-Wikipedia-founder-Larry-Sanger-warns.html (дата обращения: 22.08.2025).

Материковый Китай начал блокировать вход в Китайскую Википедию начиная с 2004 года, накануне годовщины Тяньаньмэньских событий. Основная причина закрытия доступа – невозможность контроля со стороны китайского правительства над содержанием статей по темам «Три Т» (Тяньаньмэнь, Тайвань, Тибет), Фалуньгун, Синьцзянский конфликт, права человека и др.[461].

Со временем многие статьи в русской Википедии превратились в антироссийскую агитацию; после начала Специальной военной операции русофобия стала содержательным элементом материалов на этом ресурсе. К примеру, «экспертный» пост о том, что в Курской битве 1943 г. не было победителей; последовавший вывод о том, что победу во Второй мировой войне одержали «союзные силы Европы после открытия второго фронта США»; предупреждение в преамбуле статьи о Дне Победы в русскоязычной Википедии о том, что «этот день празднуется только в России, а весь остальной мир отмечает его накануне». Весной 2022 г. – в число «научных» фактов попали фейки о России – «Резня в Буче», Вооруженные силы РФ разрушили родильный дом в Мариуполе, устроили теракт в драмтеатре Мариуполя и обстреливали Запорожскую АЭС[462].

На любых страницах русской Википедии обвинять нашу страну, российские СМИ, пророссийски настроенных авторов, экспертов и редакторов информационного ресурса в «рашизме» стало нормой.

При этом любое выражение поддержки России (в том числе на личной странице участника, например, в виде флага России) де-факто запрещено, под тем предлогом, что «Википедию нельзя использовать в качестве трибуны» (однако этот принцип не распространяется на прозападные или

---

[461] Лавров М. Википедия в России и в БРИКС. Проблемы и решения (часть 1). 13 апреля 2022 г. // https://russiancouncil.ru/blogs/mihail-lavrov/wikipedia-in-russia-and-brics-part-1/ (дата обращения: 23.08.2025).

[462] Емельяненко В. Почему в России нет совей народной «Википедии» и когда она будет. 2023. 29 марта. URL: https://rg.ru/2023/03/29/fejki-do-vostrebovaniia.html (дата обращения: 26.04.2023).

проукраинские взгляды и суждения)[463]. Из всех русскоязычных источников в основе написания статей лежат публикации «Медузы», Радио Свободы, Би-би-си, «Голоса Америки», ретранслирующие украинскую точку зрения на события с доминированием предвзятых к России нарративов, под полным запретом все российские издания, включая ТАСС, «Интерфакса», «Коммерсанта», «РБК»[464].

Русскоязычный раздел Википедии, будучи популярным среди молодого поколения, стал одной из платформ для переписывания исторических данных, правды об общей победе в Великой Отечественной войне, объединяющей народы бывшего СССР, и искажения официальной информации, формирующей представление о внешнеполитических мотивах поведения России на международной арене. Речь идет об «умышленном переформатировании восприятия прошлого» и событий настоящего[465].

Предвзятые вики-статьи становятся базой для обучения языковых моделей. Большие языковые модели – Large Language Model (LLM) – одна из разновидностей генеративного искусственного интеллекта, в основе технологии которых лежат наборы данных, на которых модели обучаются. Предубеждения, присутствующие в обучающих текстах, впоследствии могут воспроизводиться языковой моделью, выступая источником ее предубеждений[466]. Политическая предубежденность….. (LLM) заключается в «склонности» выражать мнения, свойственные некоторой группе или идеологии, вместо альтернативных мнений[467]. Отечественный исследователь С.В. Володенков отмечает «ценностную окрашенность» нейросетей,

---

[463] Лавров М. БРИКС и Википедия. Часть 3. Руниверсалис. 2022. 23 ноября. URL: // https://russiancouncil.ru/blogs/mihail-lavrov/brics-wikipedia-runiversalis/ (дата обращения: 11.04.2023).

[464] Лавров М. Википедия в России и в БРИКС. Проблемы и решения (часть 2). 13 апреля 2022 г. // https://russiancouncil.ru/blogs/mihail-lavrov/wikipedia-in-russia-and-brics-part-2/ (дата обращения: 21.08.2025).

[465] Зубов М. Вопросы истории России: серьёзные игры // Эксперт. 05 мая 2023 г. URL:https://expert.ru/2023/05/5/bitva-za-istoriyu-ot-uchebnika-do-kompyuternoy-igry/ (дата обращения: 06.05.2023).

[466] Муронец В.С. Вперед к истокам: обзор подходов к изучению политических предубеждений больших языковых моделей // Политическая наука. – 2025. - № 2. – С. 207 (С. 204 – 226).

[467] Там же. – М. 207 – 208.

становящихся важным источником информации для сотен миллионов людей по всему миру, включая Россию[468]. «Претендующие на суверенное развитие страны стремятся к созданию собственных независимых нейросетевых решений, обучение которых осуществляется в интересах самого государства на основе национальных массивов данных с учетом особенностей традиционных ценностно-смысловых пространств»[469].

Случаем предубежденности можно считать сервис искусственного интеллекта GigaChat, способный общаться с пользователями в режиме диалога и принадлежащий публичному акционерному обществу «Сбербанк России». В июне 2024 года все запросы, содержащие аббревиатуры СВО, ЛНР, ДНР, топонимы Донбасса отвергались языковой моделью, телеграмм-бот предупреждал о том, что продолжение попыток диалога на эту тему может привести к его недоступности. Общественный деятель и юрист В. Рытвина направила в Генеральную прокуратуру заявление с просьбой провести проверку Сбербанка в связи с использованием им программы искусственного интеллекта GigaChat[470]. Как отмечал заместитель председателя комитета Государственной Думы РФ по информационной политике, информационным технологиям и связи А. Горелкин, «необходимость скрывать ответы на донбасскую тему вызвана тем, что на старте GigaChat обучали в том числе на материалах «Википедии» и прочих источниках, отравленных западной пропагандой. Видимо, переобучить нейросеть по достоверным материалам оказывается сложнее, чем ограничить пользователя в запросах»[471]. Описанный случай актуализирует проблему так называемого суверенного искусственного интеллекта, в основе которого лежит не только физическая инфраструктура, но и инфраструктура данных,

---

[468] Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Риски, угрозы и вызовы современных социально-политических коммуникаций в условиях развития искусственного интеллекта и нейросетевых технологий // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. - 2024. - Т. 20, № 3. - С. 482 (474–494).

[469] Там же. - С. 482.

[470] В прокуратуру впервые подали заявление на сервис искусственного интеллекта GigaChat. 26.06.2024 // https://tass.ru/obschestvo/21209837 (дата обращения: 21.08.2025).

[471] Горелкин.27.06.2024 // t.me/webstrangler/3477 (дата обращения: 21.08.2025).

имеющих в своем «базисе национальные особенности и приоритеты». Своего рода стратегической установкой в данной области стало выступление Президента России В. Путина на конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта», прошедшей в рамках выставки развития технологий ИИ в ноябре 2023 года. Он подчеркнул: «…многие современные системы, обученные на западных данных, предназначены для западного рынка, в полном смысле слова отражают вот ту часть западной этики, те нормы поведения, государственную политику, против которой мы и возражаем. Конечно, монопольное доминирование подобных чужих разработок в России неприемлемо, опасно и недопустимо. Наши, отечественные модели искусственного интеллекта должны отражать всё богатство и многообразие мировой культуры, наследие, знание, мудрость всех цивилизаций. От этого мы с вами станем только богаче и более конкурентоспособными. И конечно, наши традиционные ценности, богатство и красота русского языка и языков других народов России должны лежать в основе наших разработок…»[472].

В сложившихся условиях геополитического противостояния и беспрецедентной «отмены» всего русского, охвативших и информационное пространство, крайне важным и насущным становится создание собственной цифровой инфраструктуры, включая научно-популярный и образовательный сегменты Интернета. В этом смысле может быть реализован «амбициозный» путь, связанный с развитием собственной российской «техноэкосистемы», учитывая обладание технологическими заделами и человеческими компетенциями[473].

В мае 2023 года на Российском интернет-форуме была анонсирована интернет-энциклопедия Рувики – отечественный аналог русскоязычной

[472] Кто создаёт Искусственный Интеллект, то его и «танцует» - Владимир Путин высказывает своё мнение. 24.11.2023 // https://dzen.ru/a/ZWEKQqwZKma95p4n (дата обращения: 21.08.2025).

[473] Безруков А., Мамонов М., Сучков М., Сушенцев А. Суверенитет и «цифра» // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2(108). С. 106 – 119.

Википедии с хранением данных на отечественных серверах под управлением российского юридического лица. В тестовой бета-версии сайт Рувики заработал в июне 2023 года, в январе 2024 года состоялся полноценный запуск платформы. Появление отечественной онлайн-энциклопедии, учитывая западноцентричность Википедии, ее искажения и отклонения от нейтральности, стало назревшим ответом в условиях геополитических вызовов и борьбы за мировое лидерство, происходящих во многих пространствах, включая виртуальный мир. В этой ситуации функционирование собственного энциклопедического портала – это не только вопросы развития образовательного и познавательного сегментов Рунета, но и элемент суверенной цифровой экосистемы, полноценного и самодостаточного цифрового пространства.

В обстоятельствах информационно-политической конфронтации Рувики – отечественный энциклопедический онлайн-проект, ориентированный на формирование адекватного представления о России, различных аспектах российской истории и действительности, включая осмысление фактов политической и военно-политической истории, о научных достижениях. К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне Интернет-энциклопедия Рувики при поддержке Министерства обороны Российской Федерации, Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы» и Музея Победы запустила уникальный проект «Наши герои – наша история» – библиотека из более 14 000 биографий Героев Великой Отечественной войны, Героев Советского Союза и Героев России. Более того каждый пользователь мог рассказать о своих родственниках-ветеранах и тем самым внести вклад в сохранение памяти о них на официальном сайте энциклопедии[474].

[474] Клапатнюк М. Новгородцы могут увековечить имена земляков-героев в российской онлайн-энциклопедии «РУВИКИ». 07 мая 2025 г. // https://novvedomosti.ru/news/society/105609/ (дата обращения: 29.08.2025); Рувики представила базу 14 000 героев СССР и России к 80-летию Победы. 05 мая 2025 г. // https://tsargrad.tv/novost/ruviki-predstavila-bazu-14-000-geroev-sssr-i-rossii-k-80-letiju-pobedy_1246428 (дата обращения: 29.08.2025).

Одна из уникальных особенностей рассматриваемого информационного ресурса заключается в том, что в рецензировании статей по категориям история, физика и медицина участвуют ученые Российской академии наук, выступающей ключевым партнером Рувики. Свой вклад в развитие энциклопедии также внесли Министерство культуры РФ, предоставившее доступ к государственному каталогу с подробной информацией о коллекциях в области живописи, графики и скульптуры, Министерство природных ресурсов и экологии РФ, Музей Москвы, Музей Атома, Музей современной истории России, Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина, Государственный исторический музей, Московский планетарий, Альянс по защите детей в цифровой среде и многие другие[475]. Все материалы отечественной базы знаний проверяются на соответствие действительности и правилам площадки. Как сообщается на сайте «Рувики», на портале введены понятия «выверенной» и «рецензированной» статьи: над «выверенными» публикациями работает редакция онлайн-энциклопедии, а «рецензированные» статьи подготовлены при помощи экспертов (ученые, представители музеев, другие специалисты).

В рамках настоящего исследования принципиально значимо то, что на платформе Рувики представлено направление деятельности, связанной с сохранением культурного наследия и языкового многообразия России. релевантность онлайн-энциклопедий в реализации политики продвижения языков народов России в цифровом мире обусловлена возникновением новых сфер бытования языков, читательским выбором в пользу раздела платформы на том или ином языке, что служит показателем цифровой языковой витальности, и того, что Рувики на миноритарных языках способствует повышению их престижа.

[475] Рувики наработала на 2,131 млн статей. 27.06.2025 // https://www.comnews.ru/content/239901/2025-06-27/2025-w26/1010/ruviki-narabotala-2131-mln-statey (дата обращения: 30.08.2025).

Руководитель Федерального агентства по делам национальностей В. Баринов – органа, в чью сферу компетенции входит помимо прочего цифровая повестка, связанная с государственной национальной политикой, в рамках стратегической сессии «Информационные технологии и языки народов России», организованной Домом народов в мае 2025 года, отметил: «Очень важно, чтобы появились эффективные цифровые инструменты, оказывающие влияние на процесс изучения языков: электронные учебники, онлайн-курсы, мобильные приложения, электронные энциклопедические издания. В этой связи показателен проект российской онлайн-энциклопедии Рувики, благодаря которой носители 20 языков народов России, в том числе учащиеся школ и вузов имеют возможность зайти на сайт электронной энциклопедии, найти интересующую информацию на родном языке. При этом найденная информация будет написана не только грамотным, но и современным языком»[476].

По мнению генерального директора Рувики В. Медейко, «включение информации в ведущие интернет-энциклопедии и из них — в обучающие выборки больших языковых моделей дает культурам и языкам путёвку в наступающее будущее, и как следствие, гарантирует, что носители соответствующих языков не останутся за бортом современной цивилизации»[477].

Заместитель генерального директора Рувики Е. Литовченко на Российском интернет-форуме 2025 года подчеркивала: «Создавая контент на языках народов России, мы тем самым сохраняем уникальный культурный код языков народов России в цифровом пространстве, а попутно сохраняем ценный массив данных на национальных языках, создаём национальный банк знаний о регионах России и уникальной культуре народов, проживающих на

[476] II стратегическая сессия «Информационные технологии и языки народов России» // https://vk.com/video-197082343_456239609 (дата обращения: 07-08.08.2025).

[477] Пользователям «Рувики» стало доступно около 10 800 статей на горномарийском языке. 28 августа 2024 // https://www.gazeta.ru/social/news/2024/08/28/23796157.shtml (дата обращения: 31.08.2025).

её территории, Кроме того, мы помогаем молодёжи сохранять культурную идентичность и развивать профессиональные компетенции через участие в интеллектуальном волонтерстве»[478].

Интерес к работе проекта проявили региональные библиотеки – Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) и Национальная библиотека Чувашии. Академия наук Республики Татарстан подписала соглашение о сотрудничестве с АНО «Интернет-энциклопедия Рувики», предусматривающее «объединение научного потенциала и цифровых ресурсов для сохранения и популяризации культурного наследия татарского народа»[479]. Обсуждение проекта состоялось и в среде языковых активистов в ходе панельной дискуссии «Роль Интернет-энциклопедий в цифровизации языков России» в мае 2024 года в рамках Всероссийского фестиваля-форума «Литературный флагман России» при Поддержке Президентского фонда культурных инициатив[480].

Общая статистическая картина по наполненности языковых раздело в онлайн-проекте Рувики по состоянию на декабрь 2024 года включает в себя данные по 20 языкам.

Таблица 18

Языковые разделы Рувики

(количество статей, по состоянию на 12 декабря 2024 г.)[481]

№ п/п	Язык раздела		Количество статей	Примечание
	Русский	русский, ru.	2 163 420	на 08.10.2025

[478] На каких языках говорит Рунет? 24 сентября 2025 // https://cctld.ru/media/news/kc/38806/ (дата обращения: 22.06.2026).

[479] Академия наук РТ будет сотрудничать с интернет-энциклопедией РУВИКИ. 18 сентября 2025 г. // https://www.antat.ru/ru/news/19831/ (дата обращения: 08.10.2025).

[480] Роль интернет-энциклопедий в цифровизации языков России, панельная дискуссия // https://rutube.ru/video/5560c343dd4f758ecce65dc840813bf0/ (дата обращения: 17.02.2025).

[481] РУВИКИ — новая российская интернет-энциклопедия // https://ru.ruwiki.ru/assistant/01K3EKSBS3PSF8SC4RCSYZNT6E (дата обращения: 24.08.2025).

1	Чеченский	нохчийн, ce.	614 766	на 24.12.2024
2	Татарский	татар, tt.	514 151	534 772 (на 25.08.2025)
3	Башкирский	башҡорт, ba.	74 573	84 753 (на 30.08.2025)
4	Чувашский	чăвашла, cv	58 743	63 778 (на 30.08.2025)
5	Якутский	саха, sah.	22 839	на 24.12.2024
6	Марийский	марий, mhr	18 796	на 24.12.2024
7	Горномарийский	кырык мары, mrj	11 158	на 24.12.2024
8	Мордовский (эрзя)	эрзянь, myv.	9 017	на 24.12.2024
9	Вепсский	vepsän, vep.	7 931	на 24.12.2024
10	Удмуртский	удмурт, udm.	8 315	на 24.12.2024
11	Коми	коми, kv	8 221	на 24.12.2024
12	Мордовский (мокша)	мокшень, mdf.	7 310	на 24.12.2024
13	Карельский	karjalankieli, krl.	6 850	на 24.12.2024
14	Тувинский	тыва, tyv	6 465	на 24.12.2024
15	Ингушский	гlалгlаймотт, inh.	5 243	на 24.12.2024
16	Алтайский	алтай, alt.	4 389	на 24.12.2024
17	Коми-пермяцкий	перем коми, koi	4 257	на 24.12.2024

18	Бурятский	буряад, bxr	4 187	на 24.12.2024
19	Калмыцкий	хальмг, xal	3 623	на 24.12.2024
20	Хакасский	хакас тілі, kjh.	1 320	на 24.12.2024

Наиболее посещаемые разделы Рувики на языках народов РФ за первые три месяца 2025 года – на татарском, башкирском, марийском, якутском и чеченском языках[482]. Общее количество материалов на 20 языках народов России превышает 1,45 млн[483]. Статьи на разных языках соответствуют друг другу лишь частично, поскольку есть как оригинальные статьи, так и переводные.

Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий и такой разновидности социальных медиа, как социальные сети связывают с новыми возможностями для управления языковым многообразием в сложных по составу обществах. А. Ленихан рассматривает социальную сеть Фейсбук[484] в качестве субъекта языковой политики и отмечают, что это «не просто языковая политика коммерческой организации, а языковая политика глобального домена общения с более чем миллиардом пользователей… Фейсбук - второй по посещаемости сайт в мире. Языковая политика Фейсбук и подход к интернационализации оказывают влияние на миллионы людей и многоязычный Интернет. Языки меньшинств или другие менее влиятельные языки получают новую сферу использования, пространство для своих носителей. Иными словами, локализация интерфейса популярной социальной сети на том или ином языке предоставляет языкам своего рода онлайн-статус

[482] Раздел на татарском языке вошел в число самых популярных на РУВИКИ // https://tnv.ru/news/tape/444297-razdel-na-tatarskom-yazyke-voshel-v-chislo-samykh-populyarnykh-na-ruviki/ (дата обращения: 30.08.2025).

[483] Физика, татарский язык и не только: что чаще всего искали пользователи РУВИКИ? 27.06.2025 // https://53news.ru/novosti/fizika-tatarskij-yazyk-i-ne-tolko-chto-chashhe-vsego-iskali-polzovateli-ruviki.html (дата обращения: 30.08.2025).

[484] Организация Meta* (социальные сети Instagram* и Facebook*) признана экстремистской, ее деятельность запрещена в России.

и коммерческую ценность. Эта новая область придает языкам меньшинств символическую ценность как жизнеспособным, современным и повседневным языкам, что приводит к трансформации идеологических оценок языка, когда менее используемый язык рассматривается как часть современного мира и как актуальный для будущего»[485].

Разные языки поддерживаются в разной степени в интерфейсах платформ социальных сетей, а также в устройствах, используемых для доступа к ним. Фейсбук предлагает своим пользователям такие функции, как меню и подсказки на 112 различных языках, которые официально поддерживаются компанией. Руководство компании заявляет о том, что ее персонал, занимающийся модерацией контента, насчитывает 15 000 человек и говорит примерно на 50 языках, при необходимости нанимаются профессиональные переводчики[486]. Интерфейс WhatsApp доступен на 64 языках, Telegram – на 28 языках, интерфейс видеохостинга YouTube также многоязычен – доступен на 80 языках, Instagram предлагает более 40 языковых локализаций интерфейса. Именно корпоративные медиа решают, какие языки открыты для перевода.

Появление социальных сетей, как пишет Д. Канлифф, поддержало и, возможно, даже укрепило представления о положительном потенциальном влиянии электронных технологий на миноритарные языки[487]. Различные программные платформы, которые обычно поддерживают личные профили пользователей, создание контента пользователями и обмен контентом через социальные связи – социальные сети, возможно, являются более «эффективным инструментом поддержки использования миноритарного языка по сравнению с традиционными веб-сайтами, так как они похожи на

[485] Lenihan A. The interaction of language policy, minority languages and new media: a study of the Facebook translations application // https://hdl.handle.net/10344/3590 (дата обращения: 04.07.2026).

[486] Fick M., Dave P. Facebook's flood of languages leave it struggling to monitor content. April 23, 2019 // https://www.reuters.com/article/us-facebook-languages-insight/facebooks-flood-of-languages-leave-it-struggling-to-monitor-content-idUSKCN1RZ0DW (дата обращения: 30.11.2025).

[487] Cunliffe D. Minority Languages and Social Media // The Palgrave Handbook of Minority Languages and Communities. – London: Palgrave Macmillan, 2019. – P. 451.

общение лицом к лицу, более интерактивны и, вероятно, более непосредственно встраиваемы в повседневную жизнь носителей языка»[488].

«Виртуальный мир стал новым пространством языковых процессов в России, - отмечает Г.Ф. Габдрахманова. – Социальные сети и мессенджеры WhatsApp, Viber, …Telegram, Messenger, Skype реализуют собственную языковую политику. А создатели порталов, сайтов, их администраторы, модераторы, участники групп в социальных сетях становятся активными и даже более влиятельными участниками языковой картины страны, чем традиционные институты (семья, образование, власть). Это преимущественно молодые люди, которые конструируют новые представления о родном языке, его значении для этнического самосознания, способах поддержки, отстаивании прав на его развитие и в целом о поддержании этнической идентичности»[489].

Специалист А. Ленихан, размышляя над ролью языковых активистов Ирландии и их переводческих усилий, направленных на локализацию интерфейса Фейсбук, задается вопросом, который можно задать и в российском контексте: «Учитывая успех краудсорсинга и локализации, обусловленной коммерческими интересами и технологиями в сегодняшней культуре конвергенции, будет ли будущее языков и языковой политики в руках технокапитализма и индивидуальных практик?»[490].

По состоянию на март 2025 года ежемесячная аудитория российской социальной сети ВКонтакте составляла 93 млн пользователей или 76 % от всего населения России, создавшие 344 млн единиц контента[491].

Стартовая страница vk.com открывается на языке страны, в которой находится пользователь. Интерфейс сайта доступен на 86 языковых версиях,

---

[488] Ibid. – P. 451.

[489] Габдрахманова Г.Ф. Язык в системе культурных составляющих этнической идентичности татар в регионах России // Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму. Международный круглый стол (5-6 ноября 2019, Москва). – М., 2019. – С. 45.

[490] Lenihan. – P. 388 – 389.

[491] https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-spring-2025 (дата обращения: 30.09.2025).

36 – находятся в разработке[492]. Глава отдела переводов *ВКонтакте* К. Харькова пишет в своем блоге следующее: «В любой момент Вы можете переключить версию сайта в настройках, если захотите чего-то родного или, наоборот, экзотического. Мы поддерживаем переводы на основные языки мира и малых народов, несколько шуточных версий»[493]. В одной языковой версии 287 000 слов и если напечатать строки интерфейса *ВКонтакте*, получится более 1000 страниц текста – меню сайта, кнопки, настройки профиля и сообществ, реже используемые рекламный кабинет, восстановление профиля, посадочные страницы. Работа проходит на переводческой платформе с учетом структуры и грамматики языка, правил транслитерации, типа письма (слева направо или справа налево), с учетом культурных особенностей, емкость формулировок и сохранение полноты их смысла, разработка IT-терминологии в некоторых языках, где не развит глоссарий. Иными словами, речь идет о локализации интерфейса – пользователь социальной сети, войдя в «Настройки» своего аккаунта может выбрать для отображения интерфейса тот или иной язык (один из 86 поддерживаемых *ВКонтакте*). *Появление языковых версий интерфейса оценивается не иначе как прорывное достижение всеми, кто принимал участие в разработке – как правило, представителями низовых инициатив языковой политики - активистами и энтузиастами, а также при участии академических учреждений и региональных органов власти.*

27 марта 2010 года появился интерфейс *ВКонтакте* на *осетинском* языке как результат взаимодействия переводческой группы из 4-5 энтузиастов, администрации и программистов *ВКонтакте*. Первые дни запуска осетинского интерфейса вызвали бурное обсуждение в группах ВКонтакте и в ЖЖ-сообществе ossetians_ru. Любопытны доводы с целью убедить перейти пользователей на осетинский интерфейс: «В этом году будет

[492] ВКонтакте языками мира. 30 сентября 2017 г. // https://vk.com/main.php?subdir=blog&subsubdir=vk-translators (дата обращения: 30 сентября 2025).
[493] Там же.

перепись населения: подумайте, если вы не можете пользоваться несложным сайтом с интерфейсом на осетинском, честно ли будет отвечать на вопрос анкеты про «родной язык» или «другие языки» - «осетинский»?»[494]. Или юридико-правовой аргумент: «Языки народов Российской Федерации – национальное достояние Российского государства. Это закон. Оставайтесь в рамках закона!»[495]. Среди заметных эффектов появления осетинского интерфейса – трудно измеримое субъективное увеличение осетинских текстов в обсуждениях и на стенах группах, а также двукратное увеличение посещаемости страницы с осетинской раскладкой клавиатуры[496].

В октябре 2013 года появились сообщения о разработанном интерфейсе ВКонтакте на *башкирском* языке. Как отмечают разработчики – творческая группа переводчиков-энтузиастов из числа писателей, учителей, журналистов, «работа над проектом длилась шесть лет, в ее ходе было переведено 17 тысяч текстов, разработано много новых слов, соответствующих терминам, принятым в Интернете и в *ВКонтакте*, консультировались у ученых Института истории языка и литературы Уфимского научного центра РАН[497].

В декабре 2020 года презентовали интерфейс ВКонтакте на *хакасском* языке. В конце 2019 года в Министерство национальной и территориальной политики Хакасии обратился активист, хранитель фондов аскизского краеведческого музея имени Н.Ф. Катанова с идеей о переводе *ВКонтакте* на хакасский язык. В результате организационной и финансовой поддержки проекта, привлечения специалистов было переведено более 80 процентов функционала (более 200 тысяч слов) и стала доступна бета-версия, главная страница и информационные блоки соцсети пока переведены не полностью.

---

[494] Дзорутиронау. Осетинский язык он-лайн: учебные и справочные материалы // https://www.ironau.ru/vkos.html (дата обращения: 20.06.2025).
[495] Там же.
[496] Там же.
[497] Валеева Р. Интерфейс социальной сети «ВКонтакте» теперь доступен на башкирском языке. 12 октября 2013 // https://www.bashinform.ru/news/582198-interfeys-sotsialnoy-seti-vkontakte-teper-dostupen-na-bashkirskom-yazyke/ (дата обращения: 20.06.2025).

Директор Хакасского НИИЯЛИ Н. Майнагашева отметила: «В социальных сетях жизнь идет очень интенсивно. И это прекрасно, что хакасский язык будет представлен там. Как мы определяем жизнеспособность языка? Если молодежь говорит на родном языке, у него есть будущее. А еще молодые люди сегодня не верят тому, чего нет в Интернете. Не принимают этого. Ранее появилась хакасская клавиатурная раскладка. Теперь мы будем в «ВКонтакте»!»[498].

В 2010 году интерфейс социальной сети ВКонтакте был переведен на татарский язык, сделав последнюю более привлекательной для татароговорящих пользователей. В целом, «национальный татарский Интернет представляет собой развитую сегментарную систему, которая формировалась на протяжении более чем 15 лет»[499]. Коммуникативный сегмент, предназначенный для общения Интернет-пользователей друг с другом, является важнейшим сегментом любого национального Интернета в силу того, что выступает показателем реальной потребности использования национального языка в Интернете. «Наличие виртуальных этноязыковых объединений – Интернет-сообществ, онлайн-сообществ, позиционирующих свои этнические чувства и интересы, – пишут З. Махмутов и Г. Габдрахманова, – важный параметр функционирования миноритарного языка»[500].

Отечественные исследователи З.А. Махмутов и Б.В. Орехов оперируют понятием «миноритарный Интернет» и предлагают оценивать функциональную значимость языка, изучая его сетевые сегменты, включая

---

[498] Власов С. В соцсети «ВКонтакте» появиться хакасский язык // Республиканское Интернет-издание ХАКАСИЯ. – 15 декабря 2020 г. // https://gazeta19.ru/index.php/v-khakasii/item/54078-v-sotsseti-vkontakte-poyavitsya-khakasskij-yazyk#sigProIdc100e002f0. – Дата посещения:

[499] Махмутов З.А. К вопросу о функциональном взаимодействии русского и национального языков в татарском сегменте Интернета // Русский язык и новые технологии / Коллективная монография. / под ред. М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 224.

[500] Махмутов З., Габдрахманова Г. Виртуальные татарские сообщества в социальной сети ВКонтакте: особенности и контент страниц // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, А.Р. Ахметзяновой. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 164.

коммуникативный[501]. Под миноритарным Интернетом они понимают «совокупность сетевых ресурсов, ориентированных целенаправленно и нецеленаправленно на аудиторию, значительную долю которой составляют люди одной этнической группы»; дефиниция включает дихотомию – сайты на языке определенной национальности и сайты на других языках, ориентированные на представителей определенной национальности. Реальную функциональную значимость миноритарных языков в большей степени подтверждают «сформировавшиеся в лингвомаркированном пространстве национального Интернете медийный, познавательный, социальный и приватный секторы», появление социальных сетей и национальных сайтов знакомств стало важным этапом становления «социального сегмента этнического Интернета»[502].

Социальные сети, помимо коммуникативных, предоставляют образовательные возможности, позволяющие изучать языки и обучаться языкам. Создается уникальное сообщество, где каждый является носителем информации и может быть, в зависимости от ситуации, учителем (переносчиком знаний) и учеником (получателем знаний)[503]. В социальной сети *ВКонтакте* существует более 18 тысяч сообществ – открытых или закрытых групп по изучению языков. Среди многочисленных – группы по изучению английского языка, испанского, французского, русского языков. Также многочисленные группы по изучению языков России: «Учим Чеченский язык!» (23 682 участника), «Калмыцкий язык» - 1 335 участников, «Учим марийский язык – Марий йылме» (1 992 участника), «Ме велӧда КОМИ кыв! Я учу Коми язык» (3 915 участников) и т.д. (См.: Таблица 3. Группы в ВКонтакте по изучению языков России). Одни из самых

[501] См.: Махмутов З.А., Орехов Б.В. Методологические и практические аспекты изучения национальных интернетов России // Русский язык и новые технологии / Коллективная монография; под ред. М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 190.

[502] Тамже. – С. 190, 194 – 195.

[503] См.: Сулейманов Д.Ш., Гильмуллин Р.А., Хасанова Л.Р. Обучение татарскому языку на основе мультимедиа и Интернет-технологий // Образовательные технологии и общество. – 2013. - №3. Том 16. – С. 667.

многочисленных – группы по изучению татарского языка: «Учим татарский язык» - 66 141 участник, «Татарский язык» - 37 369 подписчиков, «Татарский язык. ОБУЧЕНИЕ ОНЛАЙН» - 4 081 подписчик (по состоянию на 18 декабря 2020 г.).

С точки зрения неформального языкового регулирования потенциально важна роль социальных медиа в поддержании и ревитализации языков меньшинств. Национальный Интернет, включая его коммуникативные сегменты, – полагают З.А. Махмутов и Б.В. Орехов, – «может стать инструментом лингвокультурной экологии, поднять престиж национального языка, создать «моду» на него. В нынешних условиях постиндустриального общества именно Интернет ассоциируется с самыми современными формами существования культуры…»[504].

Социальные медиа иногда интерпретируются как «нерегулируемые многоязычные пространства, где использование или неиспользование языка меньшинства – это просто вопрос личного выбора»[505]. Социальные медиа и социальные сети как одна из их популярнейших составляющих позволяют говорить о языковом контенте, доступном за пределами традиционных доменов, о функциональной значимости языков в новых сегментах информационно-коммуникационного пространства. С учетом динамичных явлений, происходящих в сегменте социальных сетей, описанные действия последних можно определить как создание *эмпатичных* по отношению к языкам меньшинств пространств, повышающее их заметность и допустимость использования в условиях доминирования контента языка большинства; либо как *апатичные* языку платформы социальных медиа, воспроизводящие существующий дисбаланс между языками большинства и меньшинства посредством неформального – без участия традиционных акторов макроуровня, языкового регулирования.

[504] Махмутов З.А., Орехов Б.В. Указ. раб. – С. 197.
[505] Cunliffe D. Указ. раб. – P. 457.

Таким образом, учитывая изложенное, можно говорить о том, что с одной стороны социальные медиа на примере языковых разделов онлайн-энциклопедий способны выступать аренами борьбы за представление способов интерпретации социальной реальности. При этом язык выступает коммуникативным ресурсом конструирования и осмысления тех или иных эпизодов действительности. С другой стороны, следует отметить потенциально важную характеристику социальных сетей как подмножества социальных медиа выступать субъектами решения о локализации интерфейса на языке меньшинства при участии языковых активистов, что положительным образом сказывается на дальнейшем цифровом благополучии малых языков. Это свидетельствует о том, что государства и правительства не являются единственным и основным источником усилий в области языковой политики онлайн.

ГЛАВА 4. ЦИФРОВЫЕ РЕСУРСЫ ПРОДВИЖЕНИЯ И ЗАЩИТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В ГЕОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ

4.1. Цифровые инструменты консолидации Русского мира

Русскоязычный сегмент – один из крупнейших в глобальной сети. По данным компании W3Techs, занимающейся анализом веб-сайтов, русский язык быстрыми темпами наращивает свое присутствие в Интернете и на протяжении более десяти лет занимает вторую позицию среди языков Интернета, уступая только английскому: 5 % всех сайтов глобальной сети русскоязычные[506].

Данные Индекса глобальной конкурентоспособности Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина за 2024 год включают несколько параметров, свидетельствующих о том, что русский язык является одним из самых востребованных в цифровой среде. Это второе место в мире по количеству сервисов в Интернете (делит с португальским и арабским языками); третье место по рейтингу популярности в цифровых платформах; седьмое место в рейтинге локализации приложений. В первой десятке самых популярных цифровых приложений русский язык делит первенство вместе с английским, португальским и испанским[507].

Контент на русском языке располагается не только в доменах .ru, .su и .рф. В сегментах Интернета постсоветских стран высока доля русскоязычных сайтов. К примеру, русский язык используется на 93,2 % всех веб-сайтов белорусского сегмента (.by в качестве домена верхнего уровня); для киргизского сегмента доля русскоязычных сайтов составляет 82,7 % (12,8 % сайтов – на английском языке, 4,2 % - на киргизском); для казахстанского

---

[506] Historical yearly trends in the usage statistics of content languages for websites. 2023. 25 апреля. URL: https://w3techs.com/technologies/history_overview/content_language/ms/y (дата обращения: 25.04.2023).

[507] Емельяненко В. Эксперты оценили положение русского языка в мире. 25 декабря 2024 // https://m.rusmir.media/2024/12/25/russkiyazik (дата обращения: 01.06.2025).

сегмента – 82,9 % и т.д. Иными словами, основным поставщиком русскоязычного контента, кроме России, являются постсоветские страны. Интернет при этом сыграл роль компенсаторного фактора: если распад СССР главным образом провоцировал дезинтеграцию на разных уровнях, то электронная почта и чаты, затем форумы и блоги, позднее – социальные сети обеспечивали удобство коммуникации между разобщенными в силу исторических причин людьми[508]. Тем самым Рунет выступил инструментом-предпосылкой для формирования общего русскоязычного культурного пространства, «естественным местом сбора прежде всего русской диаспоры»[509].

Таблица 19

Процентное соотношение веб-сайтов, использующих различные языки контента, в сегментах Интернета постсоветских стран
(по состоянию на 25 апреля 2023 г.)

Сегмент Интернета (домен верхнего уровня)	Языки контента (% веб-сайтов)		
	Русский	Английский	Национальный
Азербайджан (.az)	7,2 %	33,9 %	55,5 % (азербайджанский)
Армения (.am)	9,6 %	46,1 %	43,2 % (армянский)
Белоруссия (.by)	93,2 %	5,5 %	1,2 % (белорусский)
Грузия (.ge)	2,9 %	37,2 %	58,8 % (грузинский)
Казахстан (.kz)	82,7 %	9,0 %	8,3 % (казахский)
Киргизия (.kg)	82,8 %	12,7 %	4,2 % (киргизский)

[508] Орехов Б.В. Русский язык и новые технологии: современное состояние и перспективы исследований // Русский язык и новые технологии: коллективная монография / под ред. М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 16.

[509] GORHAM M. Virtual Rusophonia: Language Policy as ‘Soft Power’ in the New Media Age // http://www.digitalicons.org/issue05/michael-gorham/ (дата обращения: 18.05.2026).

Латвия (.lv)	4,5 %	16,5 %	78,3 % (латышский)
Литва (.lt)	0,4 %	14,9 %	84,3 % (литовский)
Молдавия (.md)	27,6 %	17,6 %	54,8 % (румынский)
Узбекистан (.uz)	55,2 %	22,2 %	22,5 % (узбекский)
Украина (ua)	38,3 %	4,7 %	56,9 % (украинский)
Таджикистан (.tj)	63,1 %	19,7 %	17,7 % (таджикский)
Туркмения (.tm)	22,4 %	51,9 %	17,3 % (туркменский)
Эстония (.ee)	2,9 %	16,8 %	79,8 % (эстонский)

Источник: составлено автором на основе собранных данных с сайта W3Techs: URL: https://w3techs.com/technologies/overview/top_level_domain (дата обращения: 25.04.2023).

В конце XX века наблюдается стремительная актуализация понятия Русский мир. Феномен Русского мира существовал и до 1991 года, и до Революции 1917 года, а словосочетание «Русский мир», как отмечают эксперты Изборского клуба, присутствует в русской письменности, в литературных памятниках Древней Руси, начиная с XI века[510]. Формулирование концепта в его современном звучании связано с именем П. Щедровицкого, изложившего в конце 1990-х гг. гипотезу о существовании социально-культурной реальности – Русского мира как мира русскоязычных диаспор – «сетевой структуры больших и малых сообществ, мыслящих и говорящих на русском языке»[511]. Он же отмечает: «Речь в моем тексте идет о тех, кто пользуется русским языком не только как средой своего коммуникационного существования, но и как средством выражения

[510] Аверьянов В., Баранов С., Гапоненко А., Елисеев А., Комогорцев А., Стариков А. Доктрина Русского мира. 26 сентября 2016 г. // https://izborsk-club.ru/10269 (дата обращения: 17.01.2025).

[511] Щедровицкий П.Г. Русский мир и транснациональное русское // https://shchedrovitskiy.com/russkiy-mir/ (дата обращения: 17.01.2025).

определённых смыслов, определённых содержаний, кто действует в русском языке»[512]. Для Школы культурной политики Петра Щедровицкого Русский Мир стал пространством гуманитарно-технологических проектов – образовательных, маркетинговых, политических, предполагающих создание нового образа России[513]. В своей работе В. Щедровицкий делает вывод: «Чем большему числу людей и сообществ в мире нужна РФ-Россия, тем она устойчивее. Чем большее число мировых проблем получит свое выражение, а возможно и решение в рамках русского языка, тем более востребованными будут культурные и человеческие ресурсы Русского Мира»[514]. Очевидно, что в представленных определениях делается акцент на *языковые и диаспоральные составляющие Русского мира*. В 2001 году президент В.В. Путин объявил задачу консолидации и структурирования «единого Русского мира» одним из приоритетов государственной политики[515]. *Диаспорно-языковой подход стал официальным*. Далее последовали инициативы российских властей, связанные с проведением Года русского языка, созданием фонда «Русский мир», а позднее – Фонда Горчакова по линии публичной дипломатии. В 2008 году идея Русского мира была внесена в Концепцию внешней политики. Русский мир, понимаемый в документе как «многомиллионная русская диаспора», рассматривался в качестве партнера в «деле расширения и укрепления пространства русского языка и культуры»[516]. В последующих редакциях внешнеполитических концепций 2013 г. и 2016 г. понятие «Русский мир» не встречается. В Концепции гуманитарной политики России за рубежом 2022 г. «понятийно-смысловой стержень и концептуальная канва Русского мира» не

[512] Там же.

[513] Павлов Ш. Русский мір: история и История // https://web.archive.org/web/20101030145524 (дата обращения: 17.01.2025).

[514] Щедровицкий В.Г. Указ. раб.

[515] Выступление Президента РФ В.В. Путина // Конгресс соотечественников, проживающих за рубежом. Итоговые материалы. 11-12 октября 2001 г. Москва. – М., 2001. – С. 5.

[516] Концепция внешней политики Российской Федерации" (утв. 12.07.2008 N Пр-1440) // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=85021&dst=100001#Qe8IGaUiA7QLfxyo (дата обращения: 18.01.2025).

раскрыты[517]. В документе речь идет о постановке практических задач гуманитарной политики, включая «защиту, сохранение и продвижение традиций и идеалов, присущих Русскому миру»[518]. Предельно сжатая формулировка представлена в обновленной Концепции внешней политики 2023 года: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, *составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира*»[519]. Идея большого Русского мира достаточно часто находит отражение в риторике российского Президента. Поисковая система на официальном сайте главы государства выдает 2120 материалов с упоминанием словосочетания «русский мир»[520]. В Основах государственной языковой политики Российской Федерации, утвержденных Президентом России в июле 2025 года, закреплена объединительная роль русского языка в Русском мире: «Русский язык является национальным достоянием России, важным элементом российской и мировой культуры, объединяющим

[517] Неймарк Марк А. Гуманитарная политика России за рубежом: концептуальная перезагрузка // Проблемы постсоветского пространства. – 2022. - № 9(3). – С. 286 (279–288). DOI: https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-279-288.

[518] Указ Президента РФ от 05.09.2022 N 611 (ред. от 17.10.2022) "Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом" // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=429243&dst=1000000001&cacheid=C369446C7C9BA40F6D1EE91B5AF86A97&mode=splus&rnd=4cmogg#hOLQGaUGS4WHebYp2 (дата обращения: 18.01.2025).

[519] Указ Президента РФ от 31.03.2023 N 229 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации" // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=443540&cacheid=A2FF7964E613983935E29EF62C03B173&mode=splus&rnd=4cmogg#MReRGaU61LsVTpC (дата обращения: 18.01.2025).

[520] Президент России // http://www.kremlin.ru/search?query=русский%20мир&page=2 (дата обращения: 21.01.2025).

многонациональный народ Российской Федерации и другие народы мира в единую культурно-цивилизационную общность Русского мира»[521]. Русский язык выступает мощным интегрирующим фактором русского языкового мира – Русофонии – «особой, объективно существующей, надгосударственной, наднациональной, надконфессиональной сложной системы, представляющей собой общность людей, использующих русский язык для осуществления социального взаимодействия»[522].

Россия, будучи ядром или «материнским государством» русскоязычного сообщества, могла бы выступить ориентиром в проектировании онлайн-пространства русского языка. Трансграничные образования на основе французского языка, английского, португальского языков Содружество, Франкофония (МОФ), Сообщество португалоязычных стран (CPLP) – это институционально оформленные и признанные/действующие на международной арене «игроки», чья активная компонента субъектности проявляется в рамках международных организаций. Идея создания аналогичной структуры для поддержки русофонии/русскоязычного пространства - специализированной международной организации – выглядит обоснованной и давно назревшей, даже несмотря на негативные тенденции по отмене русской культуры и русского языка в недружественных Российской Федерации странах. Институциализация русского языка в международной среде не ограничивается только рамками постсоветского пространства, хотя сотрудничество с этими странами в рамках механизмов Содружества Независимых государств, ОДКБ, ЕАЭС находится в зоне первых приоритетов внешнеполитической деятельности. Следует отметить

[521] Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» № 474 от 11 июля 2025 г. // http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507110017 (дата обращения: 12.07.2025).

[522] Васильева Г.М., Щукина Д.А. Рудяков А. Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире: Монография. - М.: Лекрус, 2016. - 320 с. // Мир русского слова. – 2018. – № 1. – С. 112; Рудяков А. Этюд о многополярности // Литературная газета. - № 38 (7002). - 24.09.2025 // https://lgz.ru/article/etyud-o-mnogopolyarnosti/ (дата обращения: 05.10.2025).

институциональную насыщенность многостороннего диалога на русском языке в рамках таких форматов, как структурные органы Содружества независимых государств, Союза Белоруссии и России, Организации договора коллективной безопасности, Евразийского экономического союза.

Границы распространения русского языка шире и выходят за пределы СНГ. Поэтому недавние инициативы по созданию межправительственной организации представляются перспективными и способными перерасти в структуры, аналогичные Международной организации франкофонии. В октябре 2023 года на заседании Совета глав государств СНГ в Бишкеке был подписан договор об учреждении Международной межправительственной организации по русскому языку – МОРЯ, открытой для присоединения всех желающих государств[523]. В числе основных задач Организации укрепление статуса русского языка в межправительственных организациях международного и регионального уровней, поддержка качественного образования, подготовка педагогических и научных кадров по русскому языку и многие другие[524]. В марте 2026 года состоялась первая Министерская конференция МОРЯ, являющаяся высшим уставным органом и давшая старт практической деятельности Организации[525]. В оценках российских политиков учреждение МОРЯ было охарактеризовано как «глобальная инициатива, имеющая цивилизационное значение для стран-участниц»[526], как международное сотрудничество, упрочивающее позиции русского языка и формирующее более справедливый многополярный миропорядок[527]. В выступлениях министров образования государств-членов МОРЯ русский

[523] Международную организацию по русскому языку решено учредить по итогам саммита СНГ. 13 октября 2023 // https://tass.ru/obschestvo/19003961 (дата посещения: 20.03.2025).

[524] Устав Международной организации по русскому языку. 13 октября 2023 г. // http://www.kremlin.ru/supplement/6026 (дата посещения: 20.03.2025).

[525] Министерская конференция Международной организации по русскому языку состоялась в Москве. 11 марта 2026 г. // https://russkiymir.ru/news/344250/ (дата посещения: 12.03.2026).

[526] Русский язык объединит цивилизации? В Москве раскрыли суть проекта МОРЯ. 11 марта 2026 г. // https://dzen.ru/a/abG2ci01AHOW0ULb (дата посещения: 12.03.2026).

[527] Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе первой Министерской конференции Международной организации по русскому языку, Москва. 11 марта 2026 года // https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/2085265/ (дата посещения: 12.03.2026).

язык был назван «проверенным инструментом межгосударственного диалога»[528], «культурным кодом» единой общей истории[529], «неотъемлемой частью общественной жизни центральноазиатских республик»[530].

В 2025 г. была создана Евразийская ассоциация поддержки русского языка. Проект, инициированный АНО «Евразия» при участии Министерства просвещения, предполагает открытие центров русского языка и культуры в странах ЕАЭС и СНГ, где будут проходить занятия по изучению языка и литературы, образовательные форумы. Кроме того, центры объединят представителей НКО и бизнеса, работающих в сфере укрепления гуманитарных и экономических отношений с Россией. Среди задач ассоциации также значатся обеспечение образовательных учреждений учебной и художественной литературой, создание сообществ, объединяющих носителей русского языка и культуры, оборудование кабинетов русского языка в школах.

Как отмечал министр просвещения Российской Федерации Сергей Кравцов, ведомство создаст единую модель изучения русского языка для зарубежных стран: «Сегодня создание ассоциации русского языка - это очень важный шаг и этап взаимодействия с дружественными странами не только Евразии, но и многими странами и Латинской Америки, Африки, они проявляют большой интерес к изучению русского языка. Создание центров поддержки русского языка и культуры откроет новые возможности для развития единого образовательного пространства Евразии»[531]. Предполагается, что будет осуществляться работа со школами всех стран, где

---

[528] Министр указал на важную роль русского языка в Узбекистане. 12 марта 2026 г. // https://russkiymir.ru/news/344287/ (дата посещения: 12.03.2026).

[529] Белоруссия хочет продвигать русский язык. 11 марта 2026 г. // https://russkiymir.ru/news/344284/ (дата посещения: 12.03.2026).

[530] Казахстан готов вносить свой вклад в работу Международной организации по русскому языку. 11 марта 2026 г. // https://russkiymir.ru/news/344268/ (дата посещения: 12.03.2026).

[531] Сергей Кравцов: «Создание Евразийской ассоциации поддержки русского языка откроет новые возможности для развития единого образовательного пространства Евразии». 19 марта 2025 г. // https://edu.gov.ru/press/9538/sergey-kravcov-sozdanie-evraziyskoy-associacii-podderzhki-russkogo-yazyka-otkroet-novye-vozmozhnosti-dlya-razvitiya-edinogo-obrazovatelnogo-prostranstva-evrazii/ (дата посещения: 22.03.2025).

изучается русский язык, включая страны Латинской Америки и Африки[532]. Такая ассоциация станет платформой для продвижения русского языка, традиционных духовно-нравственных ценностей, реализации образовательных программ и создания инфраструктуры для изучения русской культуры в странах Евразии».

Описанные инициативы представляются важными в деле институционализации русскоязычного сообщества, дополнения уже существующей и создания новой инфраструктуры образовательного, информационного и культурного русскоязычного пространства. В то же время цифровая повестка в данных начинаниях практически не выражена. Цифровые технологии обладают потенциалом новых возможностей масштабирования проектов и их трансграничности в условиях новой геополитической реальности. Сотрудничество в форме Международной организации русского языка (МОРЯ) и Евразийской ассоциации поддержки русского языка, а также ЕАЭС, ШОС, ОДКБ могут быть основой для создания цифровой языковой среды и цифровой инфраструктуры международного сотрудничества.

Российское государство занимает ключевое положение в пространстве русского языка. В 2019 году Россотрудничество на круглом столе «Россия для мира: цифровизация русскоговорящего населения за рубежом» отчитывалось о мероприятиях в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики»[533]. Вопрос о цифровых составляющих Русского мира актуализировался на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2022 года, когда АНО «Диалог-Регионы» и Россотрудничество договорились о совместных усилиях по развертыванию информационной работы на весь русскоязычный сегмент Интернета. Глава ведомства

[532] Кравцов объявил о создании Евразийской ассоциации поддержки русского языка. 19 марта 2025 г. // https://tass.ru/obschestvo/23440789 (дата посещения: 22.03.2025).

[533] Косов М. Через цифру - к Русскому миру. 17 декабря 2019 г. // https://www.kp.ru/daily/27069/4138476/ (дата посещения: 12.03.2026).

Е. Примаков тогда отметил: «Сегодня поддержка соотечественников за рубежом невозможна без создания сети каналов, транслирующих объективную информацию о России – при этом на русском языке…мы сможем объединить русскоязычное сообщество в сети»[534].

Статус русского языка определяется политико-правовой формулой «государственный язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»[535]. В российском официальном дискурсе русский язык определяется не только как важнейший коммуникативный инструмент и как символ идентичности на всей территории Российской Федерации. Русский язык выступает в качестве культурного остова государственности, служит «основой духовно-исторической общности десятков самобытных культур и народов, в огромной степени обеспечивает суверенитет, единство и идентичность российской нации»[536]; представляет собой «общее достояние» и одну из составляющих национального характера российского народа. Иными словами, помимо нациеобразующей функции, роли материального носителя культуры общего социетального масштаба русский язык выполняет роль консолидирующего ядра. Благополучие русского языка в пределах границ России определяет внешнеполитические устремления, направленные на «разворачивание» русского культурного кода вовне и упрочение его позиций, прежде всего, в странах ближнего зарубежья.

---

[534] К онлайн-диалогу государства и общества присоединится весь русский мир. 17 июня 2022 г. // https://dialog.info/k-onlajn-dialogu-gosudarstva-i-obshhestva-prisoedinitsya-ves-russkij-mir/ (дата посещения: 12.03.2026).

[535] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года (с изменениями на 4 октября 2022 года). Ст. 68 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3ed9a4d68072c2f9d74767edb4d4d2ea1def6e9f/ (дата обращения: 09.03.2024 г.); Федеральный закон от 01.06.2005 N 53-ФЗ (ред. от 28.02.2023) "О государственном языке Российской Федерации". Ст. 1 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/22277adf3d159e8c071d2a73161373398e4b13b3/ (дата обращения: 09.03.2024 г.).

[536] Законно русские. Как Владимир Путин за чистоту и частоту языка боролся. 05.11.2019 // https://www.kommersant.ru/doc/4149158 (дата обращения: 09.03.2024).

Доступность русскоязычного *контента*, информации на русском языке – один из ключевых параметров, определяющих процессы в рамках русскоязычного сообщества, выстраивание социокультурных связей и коммуникаций между носителями русского языка в цифровой среде. Значимую роль в формировании общего информационного пространства выполняет созданная в 1992 году межгосударственная телерадиокомпания «Мир». В Уставе Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» закреплены ее основные цели: объективное и беспристрастное освещение общественно-политической, экономической и культурной жизни государств-учредителей и их международных связей; обеспечение широкого информационно-культурного обмена между государствами-учредителями; предоставление населению возможностей широкого выбора теле- и радиопрограмм[537]. В 2003 году запущен сайт MIRTV.RU. В 2011 году МТРК «Мир» запустила информационный мультимедийный портал MIR24.TV, объединивший весь контент (новостной, информационно-аналитический, развлекательный, познавательный) телерадиокомпании и ставший важным этапом работы с аудиторией, учитывая ее перетекание в цифровую среду. Общий охват аудитории телеканала «МИР» – более 180 млн человек. Ежедневная аудитория портала свыше 250 тысяч человек[538]. Соучредителями Компании являются: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Грузия, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан. Одна из особенностей интернет-портала «МИР 24» в том, что в его составе, кроме основной версии, работают и интернет-ресурсы с контентом из Азербайджана, Армении, Беларуси,

[537] История МИРа // https://mir24.tv/about/history (дата посещения: 23.03.2025).

[538] Межгосударственная телерадиокомпания «Мир» // https://mir24.tv/about/about_us (дата посещения: 25.03.2025).

Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы и Таджикистана[539]. Помимо интернет-портала интернет-редакция «МИРа» работает с аудиторией на всех популярных площадках – в социальных сетях, мессенджерах, на видеохостингах и национальных платформах в странах СНГ и Грузии.

Обмен информацией и поддержка общего русскоязычного медиапространства выстраивается по линии двух важных медиасоветов[540]: Совет руководителей телерадиокомпаний под началом ВГТРК, куда входит русскоязычный телеканал «Мир», и Совет руководителей информагентств под началом ТАСС, организующий взаимодействие национальных новостных служб.

Фактором, способствующим цифровой интеграции русскоязычного мира, выступает деятельность российских компаний в области цифровых технологий, и созданная ими на постсоветском цифровом пространстве инфраструктура. Речь идет о ключевой роли в сегментации и обслуживании региона, о создании так называемого RU/CIS – сегмента – онлайн-игр, социальных сетей и других платформ.

Самой популярной поисковой системой в странах Центральной Азии является Google, вторая по популярности – Yandex[541]. Примечательно, что языком самых популярных поисковых запросов является русский язык. К примеру, из 20 топовых запросов в 2022 году в Казахстане 16 были сделаны на русском языке[542]. Похожая ситуация и по видеохостингу YouTube: здесь также преобладающим языком запросов является русский язык[543].

---

[539] Весь контент «МИРа» на одном Интернет-ресурсе. 16 декабря 2024 г. // https://www.kp.ru/daily/27673/5025267/ (дата посещения: 25.03.2025).

[540] Богданова Л. Как сохранить русский язык в эпоху TikTok и искусственного интеллекта. 04.07.2025 // https://russkiymir.ru/publications/337528/ (дата обращения: 10.07.2025).

[541] DIGITAL 2023: Kazakhstan. Data Reportal. 2023. 13 February. P. 32. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2023-kazakhstan (дата посещения: 26.04.2025).

[542] Ibid. – P. 33.

[543] Ibid. – P. 39.

Как отмечает С.А. Спартак, «RU/CIS – сегментация создала важный инструмент российского влияния: единое русскоязычное онлайн-поле»[544]. Инфраструктурно цифровой сегмент СНГ опирается на российские узлы и сервисы. Крупнейшие дата-центры и серверные площадки, обслуживающие онлайн-ресурсы региона, размещены в Москве и Санкт-Петербурге. При этом Россия играет роль основного культурного донора региона посредством транслирования общих ценностей и смыслов через русскоязычные игры, чаты, сообщества и платформы. Создается единое игровое и социальное пространство, формирующее «у миллионов ощущение сопричастности к общему русскоязычному миру»[545].

Разноскоростное, разновеликое по глубине и нелинейное по своей сути развитие сотрудничества в рамках постсоветских институтов интеграции способствовало обретению русским языком статуса инструмента экономического, культурного, военно-политического и гуманитарного взаимодействия[546]. Однако постсоветское пространство идет по пути субрегиональной диверсификации[547], происходит его регионализация, наблюдаются разнонаправленные тенденции, что оказывает влияние и на перспективы цифровой интеграции русскоязычного мира.

Из всех центральноазиатских государств юридический статус русского языка определен в качестве официального в Казахстане и Киргизии. В Таджикистане русский язык признан языком межнационального общения, не упоминается отдельно и не имеет конституционного статуса в Узбекистане и Туркмении. Официальные сайты высших органов государственной власти

---

[544] Спартак С.А. «Цифровой Туран» на постсоветском пространстве: платформенные, технологические и языковые стратегии России // Мифологемы пантюркизма и безопасность России и Евразии в XXI веке. Коллективная монография. – М., 2025. – С. 118-156.

[545] Там же. – С. 123-124.

[546] Егоров В., Штоль В. Русский язык – фактор интеграции постсоветского пространства // Международная жизнь. – 2017. - № 12.

[547] Торкунов А.В. Институциональные форматы постсоветской интеграции // Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 138 (С. 138 – 146); Рекеда Д. Страны, которые уже не вместе? 26.02.2024 // https://globalaffairs.ru/articles/strany-uzhe-ne-vmeste/ (дата обращения: 15.03.2024).

всех государств региона имеют русскоязычные версии/страницы. О функционировании русского языка в коммуникациях между органами власти и гражданами также свидетельствует наличие русскоязычной версии/страниц порталов государственных услуг/электронного правительства. Такие версии есть в Казахстане, Киргизии и Узбекистане; в Таджикистане и Туркменистане – отсутствуют[548].

Русский язык в центральноазиатском регионе распространен неравномерно. Наблюдается общая корреляция между масштабами распространения русского языка и численностью этнических русских. В Казахстане доля населения, для которого русский язык – родной, составляет 20 %; при этом население, владеющее русским языком, - это 90 %. В Узбекистане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении проценты распределяются следующим образом[549].

Таблица 20

Распространение русского языка в странах Центральной Азии

Страны ЦА	**Знают русский язык, %**	**Считают родным, %**	**Число соотечественников, тыс.**	**Русскоязычные школы, ед.**
Казахстан	90	20	5000	3600
Туркменистан	40	12	300	71
Киргизия	44	5	373	751
Узбекистан	50	2,7	1000	1000
Таджикистан	55	0,3	88,1	200

[548] Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Выпуск 2 / сост. А.Л. Арефьев, А.Р. Голубь, С.Ю. Камышева, И.А. Маев, А.И. Ольховская, М.А. Осадчий, М.Н. Русецкая, А.С. Хехтель; под ред. М.А. Осадчего. — Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. — С. 24 – 26.

[549] Самая русскоговорящая страна Центральной Азии. Образование, демография и язык как сообщающиеся сосуды. 18 июля 2023 // https://media-mig.ru/world-experience/obrazovanie-demografiya-i-yazyk-kak-soobsshayusshi/ (дата обращения: 14.03.2024).

В то же время ареал функционирования русского языка выходит за рамки этнических границ и де-факто обретает статус широко распространенного коммуникативного ресурса среди титульного населения стран Центральной Азии. К.П. Боришполец приводит любопытную количественную характеристику сложившейся *ситуации, сравнив численность полностью* не владевших русским языком представителей титульного этноса населения, постоянно проживавшего на территории Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана накануне распада СССР, с аналогичными современными показателями[550]. Иными словами, присутствие русского языка за годы независимости стран Центральной Азии, за исключением Туркмении, расширилось.

Таблица 21

Присутствие русского языка в странах Центральной Азии

Страна ЦА	Всесоюзная перепись 1989 г., % не владевших русским языком	Данные по состоянию на 2014 г., % не владевших русским языком
Казахстан	37 % казахов	16 %
Киргизия	63 % киргизов	50 %
Таджикистан	70 % таджиков	67 %
Туркмения	72 % туркмен	82 %
Узбекистан	87,7 % узбеков	59 %

По-особому значимые аспекты рассматриваемого предмета образует противоречивая языковая политика стран Центрально-азиатского региона. Дипломатичные суждения лидеров центральноазиатских государств в поддержке русского языка, декларативное подчеркивание его значимости для двусторонних отношений с Москвой сочетаются с приоритетами расширения и укрепления социально-коммуникативных функций титульных языков во всех важных сферах общественной жизни: государственные услуги,

[550] Боришполец К.П. Русский язык в Центральноазиатском регионе // Вестник МГИМО (Университет). – 2014. - № 2. – С. 64. (63 – 70).

законодательство, судопроизводство, культуру, транспорт и др. Как отмечает Е. Ним, риторика языковой политики в отношении русского языка в Казахстане от «сохранения» и «развития» перешла к «присутствию» и «представленности»[551]. В октябре 2023 года Правительство Казахстана утвердило Концепцию развития языковой политики на 2023 – 2029 годы. Главным ориентиром на ближайшие семь лет объявлено «становление государственного языка как мощного инструмента, используемого во всех сферах общественных отношений на всей территории государства»[552]. Функционирование русского языка в документе описывается как проблема языковой политики. К примеру: «…сейчас язык общения представителей этносов Казахстана – русский. В принципе, такую функцию межнационального языка должен выполнять государственный язык»[553]. Или: «…государственный язык не становится подлинным языком работы государственных органов»; «…общественные отношения в Казахстане ведутся преимущественно на русском языке». Авторы документа делают вывод о том, «что это негативно влияет на использование государственного языка во всех сферах, на общую репутацию и задерживает формирование и развитие официального стиля казахского языка как государственного»[554].

Языковая политика сужения коммуникативных функций русского языка сопровождается заметным *ослаблением демографической базы* русского языка. За 1989 – 2020 гг. доля русских сократилась в Таджикистане в 27-28 раз, в отдельных странах Средней Азии в 4-5,5 раза[555]; в Казахстане за 1970 – 2013 гг. - сократилась в два раза с 42,6 до 21,8 %. Из

---

[551] Ним Е. Язык и медиа в постсоветском Казахстане. Казахизация VS русификация // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Коллективная монография. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – С. 389 (С. 386 – 414).

[552] Постановление Правительства Республики Казахстан от 16 октября 2023 г. № 914 «Об утверждении Концепции развития языковой политики в Республике Казахстан на 2023 – 2029 годы» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31956658&pos=3;-108#pos=3;-108 (дата обращения: 17.03.2024).

[553] Там же.

[554] Там же.

[555] Сущий С.Я. Русские в странах Средней Азии: геодемографические тренды постсоветского периода // Социологические исследования. – 2022. - № 8. – С. 42.

территориальной формы, характерной для советского периода, система расселения русских уже в 1990-е гг. превратилась в *ареальную*, затем все отчетливее эволюционировала в *анклавную*, в которой центральное значение принадлежит столицам. К примеру, в Казахстане обозначился сильный тренд в сторону моноэтничного общества: доля казахов возросла в два раза с 32,5 до 65,2 %. Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан фактически моноэтничные государства.

Важным аспектом языковой политики является процесс перевода письменности на латиницу[556]. Как отмечают Б. Келльнер-Хайнкеле и Я.М. Ландау, «буквы обладают символической властью, выходящей за рамки самого языка, и они легко становятся символами национальной идентичности»[557]. В Узбекистане и Туркменистане латинизация рассматривалась властями как часть нового культурного и политического порядка, переход к модернизации и утверждение новой идентичности. Вопрос латинизации алфавита в Казахстане остается открытым, постоянно дебатируется в прессе и в среде представителей интеллигенции. Примечательно, что положения о переходе на латинский алфавит закреплены в упоминавшейся выше Концепции развития языковой политики в Республике Казахстан на 2023 – 2029 годы. В частности, речь идет о том, что переход «позволит сформировать новые правила письма, орфографические нормы, соответствующие характеру казахского языка. Такая лингвистическая потребность повышает международную популярность казахского языка, адаптирует его к современным технологиям. При этом значительно облегчается вступление в интеграцию с тюркоязычными народами»[558]. Очевидно, что решение продиктовано в первую очередь политическими, а не

---

[556] Януш О.Б. Латиница в странах Центральной Азии: алфавит, политика, культурное влияние // Лингвокультурология. – 2016. – № 10. – С. 402 – 412.

[557] Келльнер-Хайнкеле Б., Ландау Я.М. Языковая политика в современной Центральной Азии: национальная и этническая идентичность и советское наследие. – М.: Центр книги Рудомино, 2015. – С. 264.

[558] Постановление Правительства Республики Казахстан от 16 октября 2023 г. № 914 «Об утверждении Концепции развития языковой политики в Республике Казахстан на 2023 – 2029 годы» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31956658&pos=3;-108#pos=3;-108 (дата обращения: 17.03.2024).

лингвистическими соображениями. Языковой и одновременно политический тренд – уход от кириллицы – уход из русскоязычного пространства и мощного культурного влияния России.

В Центральной Азии существуют сферы влияния, накладывающиеся друг на друга. Помимо российской сферы лингвистического и культурного влияния, доминирующего военно-политического влияния России через ОДКБ, общей китайско-российской антеррористической сферы влияния, воплощенной в ШОС[559], действуют внерегиональные игроки, у которых имеются отдельные интересы и свои устойчивые форматы на постсоветском пространстве. К примеру, формирующаяся экономическая сфера влияния Китая сочетается с наращиванием присутствия китайского языка в образовательных системах ЦАР. В Таджикистане, граничащем с Китаем, ведется активная экспансивная политика по популяризации китайского языка[560]. По состоянию на 2022 год в Центральной Азии открыто 13 Институтов Конфуция и 21 класс Конфуция. Наиболее тесное сотрудничество осуществляется с Казахстаном, где открыто пять институтов. В Кыргызстане – 4, два из которых расположены в Бишкеке; по два института в Кыргызстане и Узбекистане. В Туркменистане Институтов Конфуция пока нет [561]. Центральноазиатский регион имеет важное значение в свете китайских инициатив «Один пояс, один путь» и создания сообщества единой судьбы Китая и Центральной Азии, поэтому внешняя политика Китая через язык и культуру способствует выработке у центральноазиатских народов образа «Китая – близкого друга» и светлого будущего с Поднебесной.

Закавказский компонент постсоветского пространства представлен Азербайджаном, Арменией, Грузией, Абхазией и Южной Осетией.

---

[559] Фриман Ч. О сферах влияния // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21. № 6. – С. 8 – 36.

[560] Сердечнова Е. «Когда для одного человека родной киргизский, а для другого узбекский – говорить они будут на русском» // Культура. – 31 августа 2023. – С. 17.

[561] Чу Ч. Институты Конфуция и их деятельность в странах Центрально-Азиатского региона // Социально-гуманитарные знания. – 2022. - № 1. – С. 285 (С. 282 – 289).

Юридически в качестве государственного русский язык признан в Республике Южная Осетия, статус официального имеет в Абхазии. В Азербайджане, Грузии и Армении не упоминается отдельно и не имеет конституционного статуса. С точки зрения русскоязычных версий сайтов органов власти русский язык наиболее широко используется в Абхазии и Южной Осетии, в наименьшей степени – в Азербайджане, Армении и Грузии.

По данным за 2019/2020 учебный год наибольшая доля обучающихся на русском языке была в Южной Осетии (100 %) и Абхазии (53,30 %). В Азербайджане она составила 8,40 % (т.е. за 30 лет доля обучающихся уменьшилась на 53,1 %), в Грузии – 2,4 % уменьшилась на 89,6 %), в Армении – 1,40 % (уменьшилась на 90,9 %). В целом, показатели по такому параметру, как «Русский язык в сфере образования» согласно Индексу устойчивости русского языка на постсоветском пространстве за 2022 год распределились следующим образом: Южная Осетия занимает 1-ю позицию, Абхазия – 5-ю, Азербайджан – 12-ю, Армения – 14-ю и Грузия на 17-м месте. Индекс устойчивости русского языка в странах Закавказья выглядит так: Азербайджан на 6 месте, Южная Осетия на 8, Армения на 10, Абхазия на 13, Грузия на 17 месте[562].

Восточноевропейский компонент постсоветского пространства представлен Белоруссией, Украиной, Молдовой и Прибалтикой. Среди всех стран постсоветского пространства Белоруссия стала единственной бывшей советской республикой, в которой русский язык получил статус государственного, остался основным языком бытового общения, государственного делопроизводства и системы образования. По всем этим параметрам самые высокие значения (14,29) индекса устойчивости русского

[562] Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Выпуск 2 / сост. А.Л. Арефьев, А.Р. Голубь, С.Ю. Камышева, И.А. Маев, А.И. Ольховская, М.А. Осадчий, М.Н. Русецкая, А.С. Хехтель; под ред. М.А. Осадчего. — Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. — С. 24 – 26.

языка наблюдаются в Белоруссии[563]. Средние значения индекса зафиксированы в Молдове (4,17), наименьшие значения индекса устойчивости в Латвии (3,03), Эстонии (2,86), Украине (2,86) и Литве (2,13). При этом в сравнении со значениями индекса устойчивости 2020 года положение русского языка в странах Прибалтики и на Украине ухудшилось. Наблюдается снижение позиций стран сразу на несколько пунктов. К примеру, в 2020 году Латвия занимала 9-ю позицию, в 2022 году – 11-ю позицию (минус 2 пункта). Позиция Эстонии понизилась на четыре пункта (-4) с 10-й на 14-ю в 2022 году. На Украине минус семь позиций (-7): с 8-й в 2020 г. на 15-ю в 2022 году. Позиция Литвы сместилась с 13-й на 18-ю. Данные значения свидетельствуют о том, что политика выдавливания русского языка продолжалась как в Прибалтике, так и на Украине.

Положение русского языка и русскоязычного населения в странах Прибалтики и на Украине следует рассматривать в более широком, геополитическом контексте и в рамках традиционной концепции «стратегического сдерживания» России, то есть ее максимального ослабления и геополитического сжатия[564]. Наступление на русскоязычные СМИ, преследование за празднование Дня Победы и просмотр российского телевидения, перевод школьного образования на национальные языки оказываются вписанными в концепцию «санитарного кордона», то есть создания цепочки прозападных антироссийских режимов по периметру западных границ России: южным флангом кордона является Украина, северным – Прибалтика[565].

---

[563] Там же. – С. 47.

[564] Шимов В. Антироссийский курс превращает страны Прибалтики в «пороховую бочку» Европы. 11.01.2024 // https://eurasia.expert/antirossiyskiy-kurs-prevrashchaet-strany-pribaltiki-v-porokhovuyu-bochku-evropy/ (дата обращения: 28.03.2024).

[565] Там же.

За пределами постсоветского пространства вторым по значимости распространения русского язык регионом является Центральная и Восточная Европа и балканские страны. Институционально эти государства были связаны с советским государством через членство в Совете экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора. Иными словами, страны были объединены общими военными, политическими и экономическими интересами, интенсивным научно-техническим и культурным сотрудничеством, что обуславливало необходимость в русском языке как основном средстве коммуникации в упомянутых организациях.

После распада СССР страны Центральной и Восточной Европы сделали выбор в пользу западной модели, интеграционный вектор государств стал направлен в сторону ЕС и НАТО, что оказало влияние на положение русского языка. Арефьев отмечает, что в 1990 году в странах Восточной Европы, включая республики СФРЮ, русским языком владело около 40 миллионов человек[566]. Спустя 15 лет осталось 19 миллионов, при этом активно владевших русским языком – не более 1/3 от этого числа[567].

В российском информационном пространстве представлено минимум систематизированной информации о реальном положении русского языка в странах ЦВЕ. В этой связи уместно обратиться к результатам опроса, проведенного в 27 государствах-членах ЕС по запросу Европейской комиссии в феврале – марте 2012 года и посвященного европейцам и их языкам. Результаты исследования показали, что русский язык входит в число самых распространенных иностранных языков ЕС наряду с английским, французским, немецким и испанским языками. Доля тех, кто способен поддерживать разговор на русском языке как иностранном составила в 2012

[566] Арефьев А.Л. Социология языка. Русский язык. Современное состояние и тенденции распространения в мире: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – С. 9.

[567] Арефьев А.Л. Сколько людей говорят и будут говорить по-русски? // https://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema02.php (дата обращения: 20 03.2024).

5 % от числа всех принявших участие в опросе респондентов; для сравнения – доля английского – 38 %, французского – 12 %, немецкого и испанского 11 % и 7 % соответственно. При этом наиболее распространенным русский язык является в Литве (80 % респондентов ответили, что владеют русским языком достаточно хорошо, чтобы поддержать беседу), в Латвии (67 %), Эстонии (56 %), Болгарии (23 %), Польше (18 %), Словакии (17 %) и Чехии (13 %).

В сравнении с 2005 годом в ряде восточноевропейских стран заметно снизилась доля респондентов, владеющих русским языком: в Болгарии (-12 баллов), Словакии (-12 баллов), Польше. (-8 баллов) и Чехии (-7 баллов), что объясняется авторами отчета результатами «потерянного» поколения. Многие из тех, кто изучал русский язык в школе (сейчас его преподают гораздо реже), сейчас умерли или с течением времени разучились говорить на этом языке[568].

Русский язык считают полезным для личного развития 14 % респондентов в Болгарии, 7 % - в Чехии, 47 % - в Эстонии, 50 % - в Латвии, 62 % - в Литве, 8 % - в Польше, 8 % - в Словакии. Важность и полезность русского языка для будущего своих детей оценили 14 % респондентов в Болгарии, 10 % - в Чехии, по 48 % - в Эстонии и Литве, 49 % - в Латвии, 15 % - в Словакии, 2 % - в Венгрии и 7 % - в Польше.

Как отмечает Л. Шишелина, в нашем отношении к восточноевропейским странам имеет место «гипертрофически романтизированные представления о славянском родстве, на фоне которых формируются обманчивые представления о готовности хотя бы части стран вернуться в лоно России, либо построить с ней более близкие отношения, нежели сейчас»[569]. Примечателен тот факт, что в новой Концепции внешней

[568] Europeans and Their Languages. Special Eurobarometer 386. REPORT. February - March 2012. – P. 16.

[569] Шишелина Л. Центральная Европа: три десятилетия после «бархатных революций» // Центральная Европа: тридцать лет по пути реформ. Проблемы, вызовы, перспективы = Central Europe: thirty

политики России нет упоминания Центральной Европы, но есть европейская часть Евразии, где для создания новой модели сосуществования имеются исторически сложившиеся глубокие культурно-гуманитарные и экономические связи народов и государств. Можно предположить, что в отношениях к России и русскому языку будут преобладать сугубо прагматические начала, увязанные с выгодными экономическими решениями.

Относительно распространенности русского языка в странах Западной Европы и Северной Америки можно отметить, что большую роль в этом сыграла эмиграция из России. После Октябрьской революции сотни тысяч соотечественников оказались разбросаны по всему миру: во Франции, Германии, Чехии, Великобритании и в Новом Свете[570]. За период с 2000 по 2020 год страну покинули от 4 до 5 млн россиян, что в три раза превышает эмиграцию первой волны 1917–1924 годов (1,0–1,5 млн человек)[571]. При этом наиболее крупные русскоязычные общины, общая численность которых в странах Западной Европы составляет 4,3 миллиона человек, проживают в Германии, Франции, Греции, Великобритании, Португалии и Испании. Число владеющих русским языком в США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии выросло с 1,2 млн в 1990 г. до 4 млн в 2015 году[572]. Исследование «Социоцентра» Министерства науки и высшего образования РФ фиксирует стабильный рост изучающих русский язык в Европе и Северной Америке в частных и общественных образовательных центрах, субботних и воскресных школах за счет детей эмигрантов из России и стран бывшего СССР. К

---

years of reforms. Problems, challenges, prospects / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук; под ред. Л.Н. Шишелиной / — М.: Институт Европы РАН, 2021. – С. 16 (С. 10 – 21).

[570] Русский язык за пределами России: как поддержать тех, кто его любит и хочет знать. 15.01.2024 // https://gramota.ru/journal/stati/yazykovaya-politika/russkiy-yazyk-za-predelami-rossii-kak-podderzhat-tekh-kto-ego-lyubit-i-khochet-znat (дата обращения: 21.03.2024).

[571] Портанский А. Численность русской диаспоры за рубежом продолжает расти. 03.10.2022 // https://www.ng.ru/vision/2022-10-03/8_8555_destiny.html (дата обращения: 22.03.2024).

[572] Число изучающих русский язык в мире упало в 2 раза со времен распада СССР. 28.11.2019 // https://www.rbc.ru/society/28/11/2019/5ddd18099a79473d0d9b0ab1 (дата обращения: 22.03.2024).

примеру, число изучавших русский язык в школах и колледжах стран Северной Америки и Океании в 2010/2011 учебном году составило 10 тыс. человек, а в 2017/2018 – 16,4 тыс. В странах Западной Европы – 147,8 тыс. человек в 2010/2011 учебном году и 168,1 тыс. человек в 2017/2018[573]. При этом рост интереса к русскому языку в США фиксировался и после ухудшения отношений двух стран, стало требоваться больше специалистов, владеющих русским языком. Преподаватель русского языка и литературы, профессор Coastal Carolina University в Южной Каролине Анна Олдфилд отмечает: «Это как дежавю, будто «холодная война» снова вернулась. Когда я изучала русский язык в конце 1980-х, он был очень популярен, но большинство моих одноклассников хотели работать в спецслужбах, таких как ЦРУ… В последние несколько лет Россия приобретает все большее значение, и теперь университеты открывают новые российские факультеты, и все больше и больше студентов изучают их, но опять же это в основном специальность «разведка»»[574]. Институт российских и азиатских исследований США отмечает, что статистика записи студентов университетов и колледжей на курсы русского языка достигла своих пиковых значений в 2022 году: 4 335 студентов первого курса и 2 107 студентов второго курса[575]. На фоне обострения международно-политической обстановки интерес к русскому языку возрастает.

Текущая ситуация с положением русского языка в *странах Азии* и динамика его распространения в системах образования различаются. По мнению экспертов, численность владеющих русским языком в разных странах зависит как от размера диаспоры соотечественников, так и от других факторов, таких как перспективы развития экономических и культурных

[573] Там же.

[574] Братерский А. Кто сегодня в мире говорит по-русски? // Культура. – 25 февраля 2021. - № 2. – С. 2.

[575] Пресс-конференция, посвященная результатам исследований Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) о положении русского языка в странах зарубежья. Ноябрь 2023 г. // https://vk.com/video/@presstass?z=video-210951176_456241127%2Fclub210951176%2Fpl_-210951176_-2 (дата обращения: 22.03.2024).

связей с Россией, сложность русского языка для изучения, позиция России на мировой арене. Данные о численности владеющих русским языком в конкретных странах являются оценочными, нередко устаревшими. Другими словами, они не отражают в достаточной мере фактического состояния дел[576]. По таким показателям, как количество организаций, способствующих распространению русского языка, численность обучающихся в школах с преподаванием русского языка, количество школ с преподаванием русского языка, количество организаций высшего образования с преподаванием русского языка Китай занимает одну из лидирующих позиций в регионе[577]. При этом по числу организаций высшего образования, по данным на 2022 год, Китай – безусловный лидер (400 вузов). Второе и третье место занимают Япония (116 вузов) и Индия (50 вузов); на четвертом месте Южная Корея (32 вуза) и Вьетнам (23 вуза). Как отмечает профессор Пекинского педагогического университета и содиректор Совместного центра повышения квалификации учителей и преподавателей русского языка МГУ и ППУ Лю Цзюань, за последние двадцать лет русский язык стал более популярным и получил распространение во всем Китае. Сейчас в 173 китайских вузах по специальности "русский язык и литература" учатся около 35 тысяч студентов и аспирантов[578]. При этом общая численность студентов, изучающих русский язык, за 2018 – 2022 годы увеличилась в 1,5 раза с 30 тыс. человек в 2018 году до 46 тыс. человек в 2022 году. Также примерно 45 тысяч китайских школьников изучают русский как иностранный более чем в 250 школах по всей КНР. Принимая во внимание высокую динамику развития российско-китайских отношений, их беспрецедентно высокий уровень, можно предположить, что взаимный

[576] Исследование положения русского языка в системах образования зарубежных стран // https://ropryal.ru/wp-content/uploads/2024/03/Исследование-положения-русского-языка-в-системах-образования.pdf (дата обращения: 23.03.2024).

[577] Там же. – С. 164 – 169.

[578] Волков К. Интерес к русскому языку в Китае и китайскому в России вырос в разы // Российская газета – Спецвыпуск: Россия - Китай №30(8381). – 12 февраля 2021 // https://rg.ru/2021/02/11/interes-k-russkomu-iazyku-v-kitae-i-kitajskomu-v-rossii-vyros-v-razy.html (дата обращения: 23.03.2024).

интерес к изучению русского и китайского языков в обеих странах будет повышаться.

Таблица 22

Число изучавших русский язык в школах и колледжах по всему миру (тыс. человек)[579]

Регион	2004/2005	2010/2011	2017/2018
СНГ и страны Балтии	11,30 млн	9,45 млн	7,46 млн
Восточноевропейские и балканские страны	878,7	576,0	481,5
Страны Западной Европы	178,5	147,8	168,1
Страны Азии	570,5	528,6	185,5
Страны Ближнего Востока и Северной Африки	19,0	8,3	21,5
Страны Африки к югу от Сахары	10,3	11,9	13,6
Страны Латинской Америки	0,3	0,3	0,4
Страны Северной Америки и Океании	9	10,6	16,4

Источник: Центр социологических исследований Минобрнауки

Лидирующие позиции по числу граждан, владеющих русским языком на Ближнем Востоке и в Северной Африке занимает Израиль – от 1,5 до 2 млн человек. В Объединенных Арабских Эмиратах русским языком владеет 150 тыс. человек, в Египте – 70 – 75 тыс., в Ливане – 40 тыс., в Иордании – 30 – 40 тыс., в Алжире – 30 тыс. Несмотря на тот факт, что Израиль в лидерах по численности говорящих, по количеству преподавателей русского языка он уступает Сирии, в которой в 2022 году в школах насчитывалось 250

[579] Приводятся данные учащихся только в рамках государственных программ изучения русского как иностранного, не учитываются самостоятельное обучение, воскресные школы/факультативы

преподавателей. Примечательно, что в 2017 г. посол Сирии в России Рияд Хаддад сообщил, что президент САР Башар Асад наделил русский язык статусом *второго национального языка*, тем самым подчеркнув значимость построения двустороннего диалога между РФ и Сирией[580]. Из всех стран Ближнего Востока и Северной Африки в Сирии самое большое количество школ с преподаванием русского языка (223), на втором месте по этому показателю – Тунис (17 школ)[581]. В целом, в странах Ближнего Востока и Северной Африки наблюдается рост интереса к русскому языку. К примеру, численность изучавших русский язык в школах и колледжах увеличилась с 8,3 тыс. человек в 2010/2011 учебном году до 21,5 тыс. человек в 2017/2018 учебном году.

В странах Африки южнее Сахары наибольшая численность граждан, владеющих русским языком, отмечалась в 2022 году в Анголе (30,0 тыс. чел.), Нигерии (11,5 тыс. чел.) и Республике Конго (10,0 тыс. чел.). Во всех странах Африки южнее Сахары есть организации, способствующие распространению русского языка. В Сенегале работает 50 национальных школ с сектором русского языка, в которых 234 класса с контингентом обучающихся 6606 человек (2022 год). В сравнении с 2004/2005 учебным годом численность изучавших русский язык в школах и колледжах стран Африки южнее Сахары выросла с 10,3 тысяч человек до 13,6 тысяч человек в 2017/2018 учебном году[582]. В новых геополитических условиях Африка стала одним из ключевых направлений внешней политики России. В 2019 году Россия провела первый саммит «Россия – Африка» - важное событие в рамках стратегии по возвращению страны на Африканский континент. По итогам второго саммита был принят План действий Форума партнерства

[580] Коновалов П. Каково будущее русского языка в Сирии? 01.10.2021 // https://journal-neo.su/ru/2021/10/01/kakovo-budushhee-russkogo-yazy-ka-v-sirii/ (дата обращения: 25.03.2024).

[581] Исследование положения русского языка в системах образования зарубежных стран // https://ropryal.ru/wp-content/uploads/2024/03/Исследование-положения-русского-языка-в-системах-образования.pdf (дата обращения: 25.03.2024).

[582] Число изучающих русский язык в мире упало в 2 раза со времен распада СССР. 28.11.2019 // https://www.rbc.ru/society/28/11/2019/5ddd18099a79473d0d9b0ab1 (дата обращения: 26.03.2024).

Россия – Африка на 2023 – 2026 годы[583], согласно которому будет создана комплексная сеть центров образования на русском языке в Африке и открыты филиалы образовательных организаций из России. Хотя «уход» России из Африки в 1990-е годы сопровождался закрытием не только торговых представительств и сокращением штата российских посольств, но и центров изучения русского языка, сейчас ситуация начинает выправляться. Упомянутый План включает в себя более 180 позиций в самых разных сферах сотрудничества. Россия обладает конкурентоспособными компетенциями в особо востребованных в Африке сферах – это ВПК, оборона и безопасность, высокие технологии, геологоразведка, энергетика, в том числе атомная и прочие[584]. Поэтому, в случае выполнения намеченных проектов, наращивание субстантивных начал сотрудничества будет способствовать расширению функционального пространства русского языка на Африканском континенте.

В ряде стран Латинской Америки, например, в Аргентине, есть достаточно крупные диаспоры выходцев из России и в разные периоды времени - из СССР. После установления связей с Советским Союзом сюда, как и в Африку, хлынул поток уже советских инженеров, врачей и учителей (особенно на социалистическую Кубу). В новой редакции Концепции внешней политики России страны Латинской Америки отнесены к категории «дружественных». Москва прекрасно понимает ограниченность (почти невероятность) диалога на европейской или североамериканской площадках, тогда как латиноамериканский регион относится к числу тех, кто готов позицию России, по крайней мере, внимательно выслушать. Россия участвует в энергетических проектах на территории Венесуэлы, Эквадора, Боливии,

[583] В Африке создадут центры образования на русском языке. 28.07.2023 // https://ria.ru/20230728/tsentry-1886988277.html (дата обращения: 25.03.2024); План действий Форума партнерства Россия – Африка на 2023–2026 годы. 28.07.2023 // http://www.kremlin.ru/supplement/5971 (дата обращения: 25.03.2024).

[584] Барабанов О., Ньядера И., Полетаев Д., Харитонова Е., Цайзер Н., Нанфоссо Р., Чкония Л. Россия и Африка: аудит отношений. – М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2023. – С. 10.

Аргентины, Кубы. Это и строительство ГЭС, и сотрудничество в области атомной энергетики, добычи газа и нефти[585]. Число организаций в странах Латинской Америки, способствующих распространению русского языка, сравнительно небольшое. Наибольшее количество таких организаций в Аргентине (14 ед.), Бразилии (14 ед.) и Колумбии (9 ед.)[586]. Примечательно, что две латиноамериканские страны – Аргентина и Перу инициировали создание самостоятельных ассоциаций преподавателей русского языка и литературы, что свидетельствует о наличии общественного запроса и соответствующих ответов со стороны общественных организаций. Есть прогнозы, согласно которым Латинская Америка может выступить потенциальной точкой роста. Профессор кафедры русского языка РГГУ им. А.И. Герцена В.А. Ефремов отмечает, что «именно там мы увидим очередной всплеск интереса к русскому языку ровно такой, какой был в 1990-е гг. в той же Западной Европе»[587].

Таким образом, русскоязычный сегмент, будучи одним из крупнейших в глобальной сети, может выступить стратегическим инструментом, позволяющим объединить носителей русского языка в едином цифровом лингвокультурном пространстве и тем самым расширить границы Русского мира. Политика продвижения русского языка с помощью традиционных и новых цифровых инструментов призвана упрочить позиции русского языка в мире и обеспечить вовлечение зарубежных аудиторий в пространство русского языка, в том числе цифровое.

---

[585] Хейфец В. Визит Сергея Лаврова в Латинскую Америку: проверка связи. 28.04.2023 // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vizit-sergeya-lavrova-v-latinskuyu-ameriku-proverka-svyazi/ (дата обращения: 27.03.2024).

[586] Исследование положения русского языка в системах образования зарубежных стран // https://ropryal.ru/wpcontent/uploads/2024/03/Исследование-положения-русского-языка-в-системах-образования.pdf (дата обращения: 25.03.2024).

[587] Завтра в мире. Русский язык в разных странах мира: опыт Латинской Америки. 04.01.2023 // https://smotrim.ru/audio/2672833 (дата обращения: 27.04.2026).

4.2. Политика продвижения русского языка за рубежом

В практике международно-политических отношений традиционно государства придают принципиальное значение культурно-языковому и в более широком плане гуманитарному измерению внешней политики. Расширение и актуализация терминологического инструментария, отражающего внешнюю политико-языковую деятельность, свидетельствуют о концептуальном освоении рассматриваемой области. Среди этих понятий, ассоциирующихся с «мягкой силой» - «геостратегия языка», «глоттополитика», «укрепление позиций языка», «языковое благоприятствование» и т.д. Международный опыт свидетельствует о появлении специализированных институтов, занимающихся продвижением языков: Британский Совет, Альянс Франсез и Французские институты, Институты Гете, Сервантеса, Конфуция. Ряд зарубежных государств разработали и приняли стратегические документы по популяризации языков в цифровой сфере. К примеру, Международная стратегия для цифрового пространства, принятая Францией в 2017 году, в качестве важнейшей задачи указывает на необходимость продвижения французского языка в Интернете. Документ предполагает создание «цифровой французской школы за рубежом», которая позволит одновременно реагировать на растущий спрос на франкоязычное образование и французский язык во всем мире при одновременной поддержке распространения языка и модели обучения[588]. В 2021 году Институтом Сервантеса был запущен «Цифровой план обучения и распространения испанских языка и культуры за рубежом», долгосрочной

[588] Stratégie international de la France pour le numérique // https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/strategie_numerique_a4_02_interactif_cle445a6a.pdf (дата обращения: 04.07.2026).

целью которого является обеспечение присутствия Института Сервантеса во всем мире[589].

Поддержка русского языка и продвижение русской культуры в мире входят в число приоритетов внешней политики России. Положения о русском языке, об укреплении его позиций в мире, о расширении присутствия русского языка в сети «Интернет» были включены в ряд доктринальных внешнеполитических документов, принятых с учетом приоритетов внешней политики и меняющейся геополитической обстановки. Новая редакция Концепции внешней политики Российской Федерации[590], утвержденная в марте 2023 года, отражает кардинальные изменения в международной жизни и их значение для российского государства. Укрепление позиций русского языка в мире по-прежнему находится в зоне важнейших внешнеполитических установок. Об этом говорится в разделе Концепции о международном гуманитарном сотрудничестве. Документ определяет отношение России к другим странам «конструктивным, нейтральным или недружественным характером их политики»[591]. Заместитель директора Департамента по многостороннему гуманитарному сотрудничеству и культурным связям, специальный координатор МИД России по реализации государственной программы по русскому языку Т. Шлычкова в этой связи отмечает масштабность двух задач: «Первая – максимально учесть все факторы, чтобы обеспечить поступательное развитие и расширение сетей курсов русского языка и других механизмов, которые позволяют изучать русский язык в *дружественных* странах, где спрос на это растёт. И вторая – поддерживать население в *недружественных* странах, которое интересуется русским языком, сохраняет свою культурную и

[589] Sesión informativa para empresas (PRTR). 2 de noviembre de 2021 // https://www.cervantes.es/sobre_instituto_cervantes/sesion_info.htm (дата обращения: 04.07.2026).

[590] Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // https://docs.cntd.ru/document/1301132723

[591] Там же.

языковую идентичность и продолжает проводить мероприятия, посвящённые русской культуре»[592].

Важным концептуальным моментом является обоснование статуса России как государства-цивилизации, что в преломлении к русскому языку означает его новые функции. Так, В. Егоров и В. Штольц пишут о значении русского языка как «социального скрепа народов» не только в рамках одного государства, но и об «актуальной цивилизационной миссии транслятора культурного достояния народов всего постсоветского пространства», об его «общечеловеческом значении в современном мире» в качестве транслятора «русских/российских культурных символов и смыслов»[593].

Объемный раздел посвящен русскому языку в Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, утвержденной в 2022 году[594]. Усиление роли, значения и конкурентоспособности русского языка в современном мире закрепляется в качестве задачи и основного направления гуманитарной политики России за рубежом. В Документе отмечается значимость русского языка как одной из «самых развитых, богатых и востребованных языковых систем», как инструмента коммуникации в международных организациях, как неотъемлемой части просветительской миссии России за рубежом, важнейшего инструмента сотрудничества с иностранными государствами, а также его положение в информационно-коммуникационном пространстве.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации связывает достижение целей внешней политики России в том числе с «повышением роли РФ в мировом гуманитарном, культурном, научном и

---

[592] Хрулева Е. Как эффективно продвигать русский язык за рубежом и сохранить языковое многообразие в России? 19.02.2024 // https://russkiymir.ru/publications/322774/ (06.08.2024).

[593] Егоров В., Штольц В. Русский язык в глобальном лингвокультурном пространстве. 30.05.2022 // https://e-cis.info/news/566/100644/ (дата обращения: 14.08.2024).

[594] Указ Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611 (с изменениями на 17 октября 2022 г.) // https://docs.cntd.ru/document/351673959.

образовательном пространстве» и решением задач «укрепления позиций русского языка как языка международного общения»[595].

В 2015 году Президентом Российской Федерации была утверждена Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом[596]. В этом акте закреплено положение - «русский язык необходимо рассматривать в качестве одного из основных инструментов продвижения и реализации стратегических внешнеполитических интересов Российской Федерации»[597]. Концепция устанавливает приоритетные направления поддержки и продвижения русского языка:

а) популяризация и поддержка изучения русского языка как одного из основных языков мира, важного элемента мирового культурного разнообразия;

б) сохранение статуса русского языка как языка межгосударственного и межнационального общения на пространстве Содружества Независимых Государств;

в) поддержка русского языка в целях сохранения этнокультурной и языковой идентичности соотечественников, проживающих за рубежом.

Основы государственной языковой политики, утвержденные Президентом России В.В. Путиным в 2025 году, предусматривают одиннадцать задач политики продвижения и укрепления позиций русского языка в мире. Это обеспечение условий для продвижения русского языка на постсоветском пространстве, повышение интереса к русскому языку во всех странах мира и увеличение числа иностранных граждан, расширение устойчивых связей с проживающими за рубежом соотечественниками и многие другие. В качестве отдельной задачи закрепляется расширение присутствия русского языка в информационно-телекоммуникационной сети

---

[595] Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // https://docs.cntd.ru/document/607148290.

[596] http://www.kremlin.ru/acts/news/50644 (дата обращения: 14.08.2024).

[597] Там же.

«Интернет», существенное увеличение в сети «Интернет» количества ресурсов, позволяющих иностранным гражданам изучать русский язык, получать информацию о русском языке и русской культуре, внедрение программ продвижения русскоязычных ресурсов за рубежом[598].

Иными словами, государственный курс в этой области определяется рядом внешнеполитических документов, в которых сформулированы концептуальные подходы к реализации политики продвижения русского языка за рубежом.

В мае 2026 года Правительством России был утвержден План мероприятий по реализации Основ государственной языковой политики Российской Федерации[599]. Третий раздел документа включает мероприятия в сфере обеспечения условий для продвижения и укрепления позиций русского языка в мире. В числе проектов в цифровой сфере следует отметить организацию удаленного доступа к электронным ресурсам Российской государственной библиотеки для читателей библиотек государств-участников СНГ, продвижение образовательной онлайн-платформы «На русском», разработанной Национальным исследовательским Томским государственным университетом, поддержку и развитие информационно-сервисного портала «Окно в Россию», содействие в получении доступа иностранным студентам, изучающим русский язык, к электронным образовательным ресурсам Российской государственной библиотеки искусств, создание электронных образовательных ресурсов для обучения русскому языку иностранных граждан в Российской Федерации[600].

---

[598] Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» № 474 от 11 июля 2025 г. // http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507110017 (дата обращения: 04.10.2025).

[599] План мероприятий по реализации Основ государственной языковой политики Российской Федерации. Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 мая 2026 г. № 1228-р // http://static.government.ru/media/files/IePD7PekhYYBUy5xtn3rXIApq0WaJ3nE.pdf (дата обращения: 31.05.2026).

[600] Там же.

По поручению Президента России был разработан документ стратегического планирования в сфере продвижения русского языка и расширения русскоязычного культурного, образовательного и информационного пространства – это комплексная государственная программа Российской Федерации «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом» с периодом реализации 2022 – 2031 годы[601]. Усиление роли России в мировом гуманитарном пространстве, распространение и укрепление позиций русского языка в мире, в том числе как языка международного общения, популяризация достижений национальной культуры, национального исторического наследия и культурной самобытности народов России, российского образования и науки отнесены к *приоритетам* государственной политики в сфере реализации Программы. С. Лавров, комментируя значение Программы на правительственном часе в Государственной Думе, пояснил: «Главный смысл этой программы – объединить воедино все, что связано с русским языком. Это Россотрудничество, фонд «Русский мир», и Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина и Программа поддержки русского языка за рубежом, которая не была единой до недавнего времени. Теперь задача все это скоординировать»[602]. Очевидно, что смысл предлагаемых мер – это создание институционально оформленного фундамента для проведения намеченного политического курса.

Госпрограмма включает пять направлений или подпрограмм: культурно-гуманитарная сфера, образование и наука, информационная сфера, международно-политическая сфера и экспертно-аналитическое сопровождение. Оператором Программы будет созданный указом

---

[601] О комплексной государственной программе Российской Федерации «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом». 25.11.2022 // https://www.mid.ru/ru/activity/state_programs/1840129/ (дата обращения: 25.06.2024).

[602] Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова и ответы на вопросы на «правительственном часе» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 15 февраля 2023 года // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1854365/ (дата обращения: 25.06.2024).

Президента Российской Федерации 43-й Департамент Министерства иностранных дел России по многостороннему сотрудничеству и культурным связям. В российской прессе в связи с данным событием была инициирована дискуссия о значении созданной структуры, о разнице между функционалом Департамента и Россотрудничества, о его роли в вопросах продвижения русского языка[603]. Этими направлениями сегодня занимаются Минобрнауки, Минпросвещения, Россотрудничество, фонд «Русский мир» и другие государственные и общественные структуры. Данные приоритеты находят отражение в деятельности специализированных институтов, продвигающих русский язык за рубежом – уже ставшие традиционными – Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), Государственный институт русского языка и литературы им. А.С. Пушкина, имеющий с 2013 года статус Базовой организации государств-участников СНГ по преподаванию русского языка[604], Российский центр международного и культурного сотрудничества при МИД России.

В зарубежной практике имеются национальные институты продвижения своих языков за рубежом. По данным отчета за 2022/2023 академический год Институты Гете имеют в общей сложности 158 офисов в 98 странах: 12 – в Германии, 9 – в странах Центральной и Восточной Европы, 16 – в Северной Африке и на Ближнем Востоке, 11 – в Северной Америке, 9 – в Северо-Восточной Европе, 9 – в Восточной Азии, 8 – в Восточной Европе и Центральной Азии (постсоветское пространство), 15 – в странах Африки южнее Сахары, 11 – в Южной Азии, 12 – в Юго-Восточной Азии / Австралии / Новой Зеландии, 12 – в Юго-Восточной Европе, 21 – в Юго-Западной

---

[603] МИД создаст департамент, который займется "мягкой силой" // https://ria.ru/20210930/mid-1752497261.html (дата обращения: 25.06.2024); Департамент МИД станет оператором госпрограммы по продвижению русского языка // https://tass.ru/obschestvo/17055785 (дата обращения: 25.06.2024); Кухтенкова Е. Департамент МИД станет оператором программы по продвижению русского языка за рубежом // https://rg.ru/2023/02/15/departament-mid-stanet-operatorom-programmy-po-prodvizheniiu-russkogo-iazyka-za-rubezhom.html (дата обращения: 25.06.2024).

[604] Базовая организация СНГ по преподаванию русского языка // https://www.pushkin.institute/projects/bo_sng/ (дата обращения: 08.08.2024)

Европе. Иными словами, более трети филиалов располагаются в европейских странах.

Посещение сайтов Института Гете в упомянутых регионах свидетельствует об активной деятельности по продвижению немецкого языка в цифровой среде. В отчете за 2022/23 академический год приводятся следующие данные: более 2 млн посещений в странах Центральной и Восточной Европы, более 3 млн – в Северной Африке и на Ближнем Востоке, более 3 млн – в странах Южной Азии и т.д.

Таблица 23

Статистические данные о деятельности Институтов Гете

Регион	Количество Институтов	Число участников языковых курсов	Количество экзаменов	Количество культурных событий	Число посетителей библиотеки	Посещение сайтов Института Гете в регионе
Германия	12	56 404	87 852	67	-	3 897 458
Центральная и Восточная Европа	9	9 463	14 034	1 468	41 815	2 033 658
Северная Африка / Ближний Восток	16	20 241	89 482	1 560	103 479	3 360 208
Северная Америка	11	9 078	17 099	1 834	6 031	1 447 389
Северо-Западная Европа	9	4 859	10 808	1 238	14 995	1 013 995
Восточная Азия	9	12 891	36 899	782	67 659	1 629 739
Восточная Европа / Центральная Азия	8	33 311	51 075	1 678	82 880	3 220 087
Страны Африки южнее Сахары	15	11 790	72 554	1 593	44 427	1 298 888
Южная	13	16 141	20 619	1 214	23 406	1 767 040

Америка						
Южная Азия	11	18 286	132 394	1 879	51 214	3 059 389
Юго-Восточная Азия / Австралия / Новая Зеландия	12	23 136	65 101	2 666	96 938	3 034 915
Юго-Восточная Европа	12	37 169	120 874	2 427	74 437	4 803 212
Юго-Западная Европа	21	11 660	58 478	2 040	62 275	2 138 630

При этом самым посещаемым разделом сайта Института Гете – более 12 млн визитов – стала цифровая обучающая платформа Moodle, предлагающая курсы немецкого языка, подготовку к экзаменам, курсы повышения квалификации и молодежный лагерь[605]. 264 000 участников стали слушателями языковых курсов по всему миру, 40 % регистрация пришлось на курсы цифрового и смешанного обучения. Треть культурных мероприятий из состоявшихся 22 000 прошла в цифровом или гибридном формате.

Первые пятнадцать стран по количеству офисов Alliance Françaises распределились следующим образом: США – 112, Аргентина – 50, Италия – 36, Мексика – 31, Бразилия и Нидерланды – по 30, Австралия – 29, Мадагаскар – 26, Франция – 23, Испания – 19, Китай – 16, Индия – 15, Швеция – 14, Россия и Колумбия – по 12, Великобритания – 11, ЮАР, Нигерия, Португалия и Венесуэла – по 10. В целом в мире насчитывается 829 офисов в 135 странах. В региональном разрезе первые континенты, где сосредоточено более половины всех офисов, – это Европа – 242 и Латинская Америка – 177, в Северной Америке 106 офисов, в Африке и Индийском

[605] Goethe Institut. Jahrbuch 2022 // https://www.goethe.de/resources/files/pdf329/gi_jahrbuch_22-23_jahrbuch_buch_eng-compressed_2.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

океане – 110, в Азии и Океании – 114[606]. Авторы доклада о деятельности Альянс Франсез сообщают о том, что в 2022 году насчитывалось 154 000 онлайн-учащихся. Варианты онлайн-курсов подразделяются на 4 типа: дистанционные онлайн-курсы в формате видеоконференции, на которые в 2022 году пришлось 77 % обучающихся; комбинированные курсы – очно и в формате видеоконференции – 4 % от общего числа обучающихся; гибридные курсы – сочетание очных занятий в классе и дополнительного обучения с использованием цифровых материалов – 8 % онлайн-обучаюшихся; полностью цифровые курсы – курсы, состоящие исключительно из цифрового контента – 11 %. С 2017 года Альянс Франсез проводит культурные мероприятия в цифровой среде под названием «Цифровой ноябрь», направленные на изучение новых способов применения цифрового творчества: виртуальная реальность, видеоигры, медиаискусство, онлайн-сторрителинг, иммерсивный театр, интерактивная музыка и т.д.

Офисы Британского совета расположены в 110 странах мира, их в целом 176, в том числе 48 – в Европе, 11 на постсоветском пространстве, 66 – в Азии, 17 офисов в Африке и Океании.

За период, начиная с года создания Фонда «Русский мир» в 2007 году, организации удалось открыть сопоставимое с зарубежными аналогами количество Русских центров – международных культурных проектов в партнерстве с ведущими образовательно-просветительскими структурами. На сайте Фонда размещен отчет за 2020 год, согласно которому в мире на тот момент действовали 119 Русских центров в 52 странах: 53 – в Европе, 26 – в Азии, 28 – в СНГ, 7 – в Америке и 5 – в России[607]. Кроме Русских центров в 58 странах действуют 139 Кабинетов Русского мира. Деятельность по продвижению русского языка наряду с фондом «Русский мир» осуществляет

[606] LA FONDATION DES ALLIANCES FRANÇAISES. Rapport D'Activité 2022. P. 45 // https://www.fondation-alliancefr.org/?p=64020 (дата обращения: 13.04.2024).

[607] Отчет о деятельности фонда «Русский мир» в 2020 г. // https://russkiymir.ru/fund/docs/report2020.pdf (дата обращения: 22.04.2024).

созданное в 2008 году Россотрудничество или Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. Деятельность Россотрудничества многовекторна и включает в себя такие направления работы, как отбор иностранных граждан среди абитуриентов для обучения в России в рамках квот Правительства РФ; подготовку, переподготовку и повышение квалификации преподавателей русского языка; закупку и передачу научной, учебной, художественной литературы и многие другие. Организация подведомственна Министерству иностранных дел России. По данным за 2022 год в мире действовало 89 представительств Россотрудничества или Русских домов в 74 странах[608]. Однако ситуация начала кардинально меняться в 2022 и 2023 годах, когда многие представительства вынуждено приостановили свою деятельность. По сути, оказались закрытыми представительства в Прибалтике, Словакии, Чехии, Хорватии, Северной Македонии и некоторых других странах. В 2023 году сообщалось о 73 представительствах в 63 странах[609]. По словам главы агентства Е. Примакова, «Россотрудничество в 2023 году продолжало перестраивать и наращивать работу по продвижению культурного влияния России в мире, а процесс переориентации с Европы на другие направления начался еще до начала спецоперации на Украине»[610]. Тем не мене, по данным официального сайта Агентства, наибольшее количество Русских домов действует в Европе – 21, на постсоветском пространстве – 20, в Азии – 20, на Ближнем Востоке – 6, в Северной и Южной Америке – 11, в Африке – 9[611]. Расширение географии присутствия в мире осуществляется также на основе

[608] Итоги работы Россотрудничества за 2022 год // https://rs.gov.ru/app/uploads/2023/03/rossotrudnichestvo-2023-kopiya-4.pdf (дата обращения: 22.04.2024).

[609] Лакстыгал И. Россотрудничество рассказало об экспансии в Африке и на Ближнем Востоке. 01.02.2024 // https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/02/01/1017826-rossotrudnichestvo-rasskazalo-ob-ekspansii-v-afrike-i-na-blizhnem-vostoke (дата обращения: 22.04.2024).

[610] Там же.

[611] География русских домов // https://rs.gov.ru/predstavitelstva-za-rubezhom/represents-with-map/ (дата обращения: 25.04.2024).

концепции негосударственных «русских домов»[612]. Ее суть состоит в обходе сложных бюрократических процедур, связанных с подписанием межправительственного соглашения и получением дипломатического статуса. Некоммерческие партнерские организации, бизнес, ассоциации выпускников выступают партнерами и заключают контракт с Россотрудничеством, открыв негосударственные «русские дома». Большая часть предложений открыть «русский дом» поступила от партнеров в странах Ближнего Востока и Африки (Судан, Мали, Буркина-Фасо, Алжир, Сьерра-Леоне, ЦАР).

Россотрудничество и фонд «Русский мир» создали и поддерживают довольно информативные и качественные сайты. Посещаемость сайтов как Россотрудничества, так и фонда «Русский мир» демонстрирует позитивную динамику, сильно отличающуюся от количества подписчиков на соответствующие каналы в социальных медиа. К примеру, количество подписчиков на канал Россотрудничества «Русский дом» в мессенджере Telegram составляет 21 659, в социальной сети в ВКонтакте – 21 659 подписчиков; данные для фонда «Русский мир» - 4 631 и 4 695 подписчиков соответственно.

Таблица 24

Динамика посещаемости и география сайтов институтов, продвигающих русский язык за рубежом[613]

Наименование	Интернет-адрес	Период март – июль 2025 г.					География
		март 2025	апрель 2025	май 2025	июнь 2025	июль 2025	
Россотрудничество	rs.gov.ru	46780	42250	39740	54120	84350	Россия (24,44 %) Казахстан

[612] Россотрудничество готовится открыть 20 «русских домов» в некоторых странах. 04.09.2021 // https://tass.ru/politika/12302683 (дата обращения: 27.06.2024).

[613] Таблица составлена по данным сервиса SpyMetrics. Анализ конкурентов // https://spymetrics.ru/ru (дата обращения: 04.10.2025).

							(18,17 %) Вьетнам (7,05 %) США (5,63 %) Узбекистан (4,56 %)
Институт Пушкина	pushkin.institute.ru	34060	67580	59160	79240	98730	Россия (69,54 %) Франция (8,59 %) Грузия (3,82 %) Узбекистан (3,23 %) Казахстан (2,23 %)
Фонд «Русский мир»	russkiymir.ru	171100	163000	154300	139600	146600	Россия (51,14%) Узбекистан (5,48 %) Казахстан (4,04 %) Белоруссия (3,91 %) Украина (3,28 %)

Российские институты продвижения русского языка имеют некоторое внешнее сходство с зарубежными аналогами, - к примеру с французским. С одной стороны, продвижением французского языка и культуры занимается Alliance Françaises – сеть децентрализованных неправительственных организаций, которые часто возникают как результат местных инициатив за рубежом на основе самофинансирования. С другой стороны, те же задачи решают государственные учреждения при французских посольствах. Россотрудничество в своей подчинённости Министерству иностранных дел и его институциональной интеграции в систему российских дипломатических представительств за рубежом напоминает французские институты. Фонд «Русский мир» выступает крупной системообразующей организацией внешнеполитической направленности и имеет сходство с такими

структурами, как Британский совет и немецкий Институт Гете. В случае с Германией сотрудничество между Правительством и Институтом Гете оформлено в виде серии рамочных соглашений, в которых задачи внешней культурной политики делегированы общественной организации – Институту Гете. В их числе продвижение немецкого языка, международное культурное сотрудничество, межкультурный диалог, а также создание «целостного образа Германии»[614].

В то же время следует отметить и ряд принципиальных отличий, характерных для российских институтов внешней «языковой» политики. Во-первых, следует указать на беспрецедентные масштабы русофобии и «культуры отмены» по отношению ко всему российскому духовному достоянию в его общемировой значимости. После февраля 2022 года ранее наметившиеся тенденции получили резкое усиление - были отменены практически все зарубежные выступления русских деятелей культуры: в частности, запрещены гастроли Большого театра в Лондоне, отменены концерты В. Гергиева в Нью-Йорке и Милане и Д. Мацуева в Карнеги-холле; прекращено преподавание предметов о творчестве Достоевского в Университете Милана. Фонд «Русский мир», Россотрудничество, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова были включены в санкционные списки[615]. В связи с данным обстоятельством буквально все российские или связанные с Москвой гуманитарные структуры подозреваются в продвижении «кремлевской пропаганды». «Язык и культура сегодня — это основной и оборонительный, и штурмовой полк в информационной войне, которая ведётся против России»[616].

---

[614] Noack Ch. The Russian World in Perspective: Comparing Russian Culture and Language Promotion with British, German and French Practices // Politics of the Russian Language Beyond Russia. - Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021. – P. 221.

[615] ЕС включил в санкционный список Фонд "Русский мир" и "Юнармию". 21.07.2022 // https://ria.ru/20220721/sanktsii-1804156059.html (дата обращения: 06.08.2024); Примаков рассказал о проблемах Россотрудничества из-за санкций Запада. 14.06.2023 // https://iz.ru/1528404/2023-06-14/primakov-rasskazal-o-problemakh-rossotrudnichestva-iz-za-sanktcii-zapada (дата обращения: 06.08.2024).

[616] Сорокин Н. Понимать по-русски. Великий и могучий язык Евразийской протозоны. 31.03.2024 // https://zavtra.ru/blogs/ponimat_po-russki (дата обращения: 06.08.2024).

Во-вторых, немецкие и французские институты разработали различные стратегии «продажи» своего языка соответствующим аудиториям. На сайтах как Россотрудничества, так и «Русского мира» сравнительно мало материалов, посвященных прагматическим мотивам освоения русского языка. К примеру, на сайте Британского совета, продвигающего английский язык, нет отсылок к глобальности статуса языка и функциям носителя общепризнанной высокой культуры. Но об английском языке говорится, что он открывает «целый мир новых возможностей»[617], а также его роли в культурной дипломатии, в создании «дружбы и взаимопонимания между народом Великобритании и другими странами»[618]. Официальный сайт[619] Института Гете перечисляет десять причин изучения немецкого языка, из которых большинство носят прагматический характер: «общение на немецком с немецкоязычными бизнес-партнерами улучшает деловые отношения, повышает эффективность коммуникации, а тем самым и шансы на успех»; «со знанием немецкого языка вам будет проще найти работу в филиале немецкой компании в вашей стране или за границей. Хорошее владение немецким повысит вашу ценность в глазах работодателя на глобальном рынке»; «немецкоязычные сотрудники в гостиничном бизнесе и гиды с немецким языком всегда востребованы»; «знание немецкого расширит ваши возможности доступа к информации» и т.д. Наслаждение литературой, музыкой, искусством и философией: немецкий – это язык Гёте, Кафки, Моцарта, Баха и Бетховена. Чтение или прослушивание произведений на языке оригинала позволит глубже проникнуть в их суть: эта позиция в числе причин на *восьмом* месте после бизнеса, международной карьеры, туризма, науки, коммуникации, понимания культуры и путешествий. «Владение немецким языком откроет множество дверей. Выучить немецкий

[617] Learn English // https://www.britishcouncil.org/english (дата обращения: 03.08.2024).
[618] About us // https://www.britishcouncil.org/about-us (дата обращения: 03.08.2024).
[619] Почему немецкий? 10 причин учить немецкий // https://www.goethe.de/ins/ru/ru/spr/wdl.html (дата обращения: 05.08.2024).

– значит приобрести навык, который поможет вам улучшить качество жизни как в профессиональной, так и в личной сфере», - отмечается на сайте.

В дискурсивном оформлении политики продвижения русского языка за рубежом наблюдаются изменения, связанные с ответом на вопрос, почему нужно изучать продвигаемый язык. На наш взгляд, освоение русского языка связано не только с терминами культурного обогащения, доступа к высокой мировой культуре, языка культурного наследия, памятными и символическими мероприятиями, но и сугубо утилитарными выгодами, определяющими прагматику изучения языка. К примеру, ректор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Наталья Трухановская в ходе работы круглого стола, приуроченного к Международному дню родного языка, отметила следующее: «Выходя в новые макрорегионы мира, российский *бизнес* может максимально эффективно работать там именно на русском языке. И это становится *колоссальным мотивационным фактором* изучения языка для жителей этих регионов, чтобы обеспечить себе карьерный рост»[620]. Глава Россотрудничества Е.А. Примаков в одном из выступлений, говоря об ограниченности ресурсов, также затронул тему практической пользы и эффективности продвижения русского языка: «В мире учат русский язык не столько и не потому, что у нас был Пушкин, и не столько из-за любви к Пушкину, творчество которого является безусловным эталоном русского языка. Но русский язык – это шанс на *лучшее образование, на лучшее развитие, на лучшую работу, на продвижение по социальной лестнице* и так далее…Приведу следующий пример. У некоего нашего представительства в одной из стран ближнего зарубежья в силу ограниченности наших ресурсов (об этом говорить можно прямо) есть выбор: провести очередное

[620] Хрулева Е. Как эффективно продвигать русский язык за рубежом и сохранить языковое многообразие в России? 19.02.2024 // https://russkiymir.ru/publications/322774/ (дата обращения: 03.08.2024); К Международному дню родного языка: сила — в многообразии. 19.02.2024 // https://pressria.ru/20240219/956256610.html (дата обращения: 03.08.2024).

мемориальное мероприятие для узкого круга людей, которым мы привычны, или, используя те же временные и финансовые ресурсы, провести курс повышения квалификации агрономов или инженеров-технологов. Вот в этой ситуации, мне кажется, нам нужно очень чётко корректировать то, что мы делаем за рубежом, чтобы это вызывало ещё и *социальный отклик*, и было понятно аудитории как что-то *нужное, необходимое в их жизни*, что не отменяет, конечно, необходимости работы по мемориальным датам»[621]. Целесообразность усиления прагматических аспектов в политике продвижения русского языка подтверждается тем фактом, что владение русским языком на постсоветском пространстве по-прежнему дает важные преимущества в условиях доступа на российский рынок труда, систему образования и широкое информационное пространство Рунета.

Вторая отличительная особенность – это бюджеты и объемы финансирования. Годовые отчеты Британского Совета, Институтов Гете, Французских институтов содержат информацию о полученных доходах, которые не обязательно складываются только из государственных финансовых источников. К примеру, доходы Британского Совета в 2022/2023 академическом году составили 873 млн фунтов стерлингов. При этом львиная доля – 601 млн фунтов стерлингов – доходы от курсов обучения и экзаменов; 50 млн – доходы по программам культурного взаимодействия, благотворительные доходы в размере 15 млн фунтов и стерлингов; доля государственных контрактов – 165 млн фунтов стерлингов или 18,9 %[622].

Годовой бюджет Института Гете в 2022 году составил 430 млн евро, включая 396 млн евро государственных фондов. Общие доходы главным образом характеризуются доходами от языковых курсов, грантами и

---

[621] Всероссийские и международные траектории сотрудничества в сфере популяризации русского языка, культуры и литературы за рубежом. По материалам «круглого стола». 6 июня 2022 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2022. – С. 15-16 (112 с.).

[622] British Council. 2022–23 Annual Report and Accounts // https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/britishcouncil_annualreport_2022-23.pdf (дата обращения: 13.04.2023).

финансированием проектов со стороны Министерства иностранных дел Германии. Доходы от пожертвований и спонсорства третьих лиц в 2022 году – более 20 млн евро[623]. Ежегодные бюджеты Фонда Alliances Françaises составляют более 200 млн евро с долей государственная финансирования в лице Министерства Европы и иностранных дел Франции, не превышающей 4 %[624].

Относительно бюджетов «Русского мира» и Россотрудничества имеется разрозненная информация о суммах, которые выделены на те или ные мероприятия. Годовые отчеты ведомств не содержат финансовых данных. Общее представление об объемах финансирования политики продвижения русского языка за рубежом можно получить из одобренных бюджетов комплексной государственной программы, упоминавшейся ранее: 502 млн рублей было заложено на комплексную программу по поддержке и продвижению русского языка за рубежом в 2024 году, по 508 млн рублей – в 2025 и 2026 годах соответственно[625], что в процентном отношении составляет 1,4 % в 2024 году и 2026 году и 1,5 % - в 2025 г[626].Программа включает в себя следующие статьи расходов:

- федеральный проект "Формирование системы стимулирования интереса к изучению русского языка" (278,600 млн рублей);

- ведомственный проект "Совершенствование инфраструктуры дополнительного образования в целях продвижения русского языка за рубежом" (117,500 млн рублей);

---

[623] The Goethe-Institut. 2022/2023 // https://www.goethe.de/resources/files/pdf313/gi_jahrbuch_22-23_jahrbuch_buch_eng-compressed_2.pdf (дата обращения: 13.04.2024).

[624] LA FONDATION DES ALLIANCES FRANÇAISES. Rapport D'Activité 2022 // https://www.fondation-alliancefr.org/?p=64020 (дата обращения: 13.04.2024).

[625] Федеральный закон от 27.11.2023 N 540-ФЗ (ред. от 12.07.2024) "О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов". 57 Государственная программа Российской Федерации "Поддержка и продвижение русского языка за рубежом" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462891/38503a6651a7131704c6849c9e84ce3fe1e598b3/ (дата обращения: 05.08.2024).

[626] Федеральный закон от 27.11.2023 N 540-ФЗ (ред. от 12.07.2024) "О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462891/022a0acf96c881720e9ef631c07f14b6b75cdf02/ (дата обращения: 04.10.2025).

- комплекс процессных мероприятий "Эффективная русская школа" (25 млн рублей);

- комплекс процессных мероприятий "Развитие международного научно-образовательного сотрудничества в сфере русистики" (15,5 млн рублей);

- комплекс процессных мероприятий "Расширение сферы применения русского языка в иностранных государствах и международных организациях" (51,423 млн рублей);

- комплекс процессных мероприятий "Информационно-аналитическое и организационное обеспечение процесса продвижения русского языка за рубежом" (14 млн рублей).

Если сложить все суммы, предусмотренные бюджетом Программы на 2024 год по строке «Финансовое обеспечение выполнения функций федеральных государственных органов, оказания услуг и выполнения работ», то, по нашим оценкам, получается 356,422 млн рублей. Заместитель руководителя Россотрудничества Д. Поликанов отмечает, что в самом распределении финансирования заложено структурное препятствие: «Достаточно взглянуть на закон о бюджете, чтобы заметить несменяемую перевернутую пирамиду «80-20»: львиная доля выделяемых средств уходит на содержание зданий и персонала за рубежом, а не на проведение мероприятий»[627].

Важным фактором распространения русского языка в мире стала образовательная миграция[628].

Важным стратегическим направлением в вопросах продвижения русского языка за рубежом выступает расширение сферы русскоязычного образовательного пространства, приоритетом – популяризация российского

[627] Поликанов Д. Роль «мягкой силы» в международных отношениях: современный российский опыт и перспективы. 17.04.2023 // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-myagkoy-sily-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-sovremennyy-rossiyskiy-opyt-i-perspektivy/ (дата обращения: 08.08.2024).

[628] Богданова Л. Как сохранить русский язык в эпоху TikTok и искусственного интеллекта. 04.07.2025 // https://russkiymir.ru/publications/337528/ (дата обращения: 10.07.2025).

образования и науки[629]. Продвижение российского образования Министерством науки и высшего образования РФ, Министерством просвещения РФ, Россотрудничеством, Российскими центрами науки и культуры («Русские дома»), самими университетами позволяет рассматривать эту деятельность как образовательную дипломатию, тесно связанную с продвижением русского языка за рубежом. Как отмечал заместитель руководителя Россотрудничества Д. Поликанов, «Агентство готово содействовать продвижению цифровых образовательных площадок на русском языке за рубежом в трех основных направлениях: работа с соотечественниками, подготовка детей к поступлению в российские вузы и обучение взрослых… Русские дома по всему миру готовы рассказывать о российских образовательных проектах на своих онлайн-ресурсах, предоставлять площадки для офлайн-мероприятий и реализовывать совместные акции, например, диктанты, олимпиады, марафоны»[630].

Внешний образовательный и шире – гуманитарный – контур связан с такими проектами и инициативами (двусторонними и многосторонними), как Русские школы за рубежом (школы при посольствах России), флагманский проект Министерства просвещения Российской Федерации «Российский учитель за рубежом» (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Турция, Монголия, Египет, Эфиопия, Алжир, Вьетнам, Сербия, Ливия и Сирия)[631], филиалы российских вузов за рубежом (35 филиалов: 14 – в Узбекистане, 6 – в Казахстане, по 3 – в Армении, Киргизии и Таджикистане, по 2 – в Азербайджане, Белоруссии и Молдове), Российско-Славянские университеты

---

[629] О комплексной государственной программе Российской Федерации «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом». 25.11.2022 // https://www.mid.ru/ru/activity/state_programs/1840129/ (дата обращения 10.05.2024).

[630] Официальный канал Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству // https://t.me/rossotrudnichestvo/3422 (дата обращения: 06.10.2025).

[631] Девять стран выразили готовность пригласить российских педагогов для преподавания в национальных школах в 2024/2025 учебном году – это Бахрейн, Лаос, Иран, Куба, Венесуэла, Никарагуа, Пакистан, Камерун и Джибути // Логинов В., Лежнева Л. Учить по-русски: педагоги из РФ отправятся в девять стран дальнего зарубежья. 06.06.2024 // https://iz.ru/1707680/valentin-loginov-liubov-lezhneva/uchit-po-russki-pedagogi-iz-rf-otpraviatsia-v-deviat-stran-dalnego-zarubezhia (дата обращения: 13.08.2024).

в Армении, Таджикистане, Киргизии и Азербайджане). Помимо инфраструктурной поддержки изучения русского языка за рубежом Министерство просвещения РФ ведет масштабную работу по созданию в зарубежных странах Центров открытого образования на русском языке и обучения русскому языку. Задачи по координации сети центров с 2024 года переданы фонду поддержки гуманитарных наук «Моя история». Как отмечает его управляющий директор, «своей стратегической миссией мы видим содействие распространению русского языка и укрепление его статуса в качестве официального языка общения на международной арене»[632]. В настоящее время в 56 странах мира функционирует более 60 центров открытого образования (более 20 из которых открыты в странах Африки). В 2023 году обучение русскому языку и на русском языке в них прошло свыше 14 тыс. человек. Центры выступают платформой для проведения различных образовательных, просветительских и культурных мероприятий.

Очевидная проблема для русского языка в сфере школьного и высшего образования за рубежом – это сокращение доли школьников и студентов вузов, обучающихся на русском языке. Общая доля школьников за минувшие 30 лет, обучающихся на русском языке в странах постсоветского пространства (без учета РФ), сократилась до 19 %, т.е. вдвое по сравнению с 1990/1991 учебным годом. Число студентов вузов, обучающихся на русском языке в бывших союзных республиках, за тот же период сократилось в 2,1 раза – до 692,3 тыс. человек, что в 2019/2020 учебном году составило 18,4 % всего контингента студентов вузов данных стран.

Таблица 25

Удельный вес обучающихся на русском языке школьников

Позиция	Страна	Доля обучающихся на русском языке в школах,	Изменение доли обучающихся на

[632] Фонду «Моя история» переданы задачи продвижения русского языка и образования за рубежом. 09.04.2024 // https://iz.ru/1679568/2024-04-09/fondu-moia-istoriia-peredany-zadachi-prodvizheniia-russkogo-iazyka-i-obrazovaniia-za-rubezhom (дата обращения: 02.06.2024).

		%		русском языке в школах за 30 лет, %
		1990/1991	2019/2020	
1	Республика Южная Осетия	-	100,00	-
2	Республика Белоруссия	80,30	89,70	+11,7
3	Республика Абхазия	-	53,30	-
4	Республика Казахстан	69,50	30,90	-55,5
5	Республика Молдова	34,20	27,90	-18,5
6	Киргизская Республика	29,40	27,00	-8,2
7	Латвийская Республика	42,00	24,00	-43
8	Эстонская Республика	38,00	14,40	-62,1
9	Республика Узбекистан	13,50	10,50	-22,3
10	Азербайджанская Республика	17,90	8,40	-53,1
11	Украина	51,40	6,80	-86,8
12	Литовская Республика	15,20	4,70	-69,1
13	Республика Таджикистан	9,20	4,60	-50
14	Республика Грузия	23,00	2,40	-89,6
15	Туркменистан	14,10	1,90	-86,5
16	Республика Армения	15,30	1,40	-90,9

Источник: Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства, 2022.

В качестве примера двусторонних инициатив в сфере школьного образования можно привести строительство школ с русским языком

обучения в Таджикистане, Киргизии и Казахстане. В 2022 году пять школ с обучением на русском языке сданы в Таджикистане (Душанбе, Ходженте, Бохтаре, Кулябе и Турсунзаде). В 2023 году началось строительство трех из девяти школ к Киргизии, идет подготовка к строительству трех школ в Казахстане[633]. В случае с Киргизией проект предусматривает создание образовательных учреждений во всех регионах страны, включая города Бишкек и Ош. Ввод в эксплуатацию первых трех школ, расположенных в Бишкеке, Баткене и Караколе, запланирован на сентябрь 2025 года. Примечательно, что выпускники получат сертификаты обеих стран, при этом обучение ведется на русском языке в соответствии с учебными стандартами обеих стран.

В то же время распространение и укрепление позиций русского языка в мире связано с повышением привлекательности российского образования для иностранных граждан, обучающихся в российских высших учебных заведениях. Ежегодная квота на образование в России за счет бюджетных ассигнований увеличивается с каждым годом: в 2021 году она не превышала 18 тыс. человек, в 2022 году была увеличена до 23 тыс. человек, с 2023 года – 30 тыс. человек[634]. В 2024 году количество бюджетных мест для студентов дальнего и ближнего зарубежья в вузах России сохранится на уровне 2023 года[635].

В 2023 году, по данным государственного информационного ресурса ЕМИСС, въезд в Россию с *учебной* целью был совершен 350,3 тыс. раз. Лидируют въезды граждан постсоветского пространства: Казахстана,

---

[633] В МЭР заявили, что в странах СНГ вырастет число русскоязычных школ. 15.12.2023 // https://rg.ru/2023/12/15/v-mer-zaiavili-chto-v-stranah-sng-vyrastet-chislo-russkoiazychnyh-shkol.html (дата обращения: 12.08.2024).

[634] Постановление Правительства РФ от 18 декабря 2020 г. N 2150 "Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации" // https://base.garant.ru/75091924/ (дата обращения: 11.05.2024).

[635] Минобрнауки заявило о сохранении числа квот в вузах для иностранных студентов в 2024 году. 14.04.2023 // https://tass.ru/obschestvo/17524541 (дата обращения: 11.05.2024).

Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, Туркмении, Азербайджана и Армении.

Таблица 26

Въезд иностранных граждан стран постсоветского пространства в РФ в 2023 году с учебной целью
(*по данным ЕМИСС*)[636]

№ п/п	Гражданство	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	Всего
1	Абхазия	13	7	3	15	38
2	Азербайджан	2 397	2 465	5 026	2 702	12 590
3	Армения	2 117	1 748	5 885	2 471	12 221
4	Беларусь	102	975	1 553	1 860	4 490
5	Грузия	91	60	222	91	464
6	Казахстан	29 966	17 492	31 718	14 786	93 962
7	Киргизия	5 884	6 514	21 985	7 239	41 622
8	Латвия	371	225	372	215	1 183
9	Литва	86	81	105	76	348
10	Молдова	468	344	1 256	444	2 512
11	Таджикистан	12 319	12 671	45 591	14 748	85 329
12	Туркмения	2 036	1 003	8 090	12 451	23 580
13	Узбекистан	12 556	12 694	30 505	12 719	68 474
14	Украина	282	479	724	1 213	2 698
15	Эстония	219	184	241	116	760
16	Южная Осетия	20	2	11	2	35

Среди стран дальнего зарубежья наибольшее количество въездов в 2023 году с *учебной* целью совершили граждане Китая, Индии, Египта,

[636] Таблица составлена по данным государственного информационного ресурса ЕМИСС (Единая межведомственная информационно-статистическая система) // https://www.fedstat.ru/indicator/38479 (дата обращения: 26.05.2024).

Ирана, Сирии и др. стран (см. Таблицу 27. Список двадцати стран дальнего зарубежья – лидеров по количеству въездов граждан с учебной целью).

Таблица 27

Список двадцати стран *дальнего* зарубежья – лидеров по количеству въездов иностранных граждан с *учебной* целью в 2023 году
(по данным ЕМИСС)

№ п/п	Гражданство	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	Всего
1	Китай	8 253	8 610	25 018	16 657	58 538
2	Индия	2 720	1 105	15 258	8 073	27 156
3	Египет	2 774	1 016	4 429	3 796	12 015
4	Иран	3 240	1 086	3 717	2 647	10 690
5	Сирия	1 159	763	1 757	1 819	5 498
6	Марокко	616	207	2 635	1 700	5 158
7	Монголия	1 100	343	2 348	552	4 343
8	Ирак	953	656	1 362	959	3 930
9	Вьетнам	369	182	1 584	962	3 097
10	Алжир	549	294	992	882	2 717
11	Турция	528	234	860	468	2 090
12	Афганистан	1 129	130	275	434	1 968
13	Иордания	213	101	1 045	365	1 724
14	Тунис	275	89	840	353	1 557
15	Шри-Ланка	279	231	631	375	1 516
16	Камерун	263	130	457	605	1 455
17	Йемен	282	181	527	411	1 401
18	Ливан	222	53	703	225	1 203
19	Нигерия	182	103	404	502	1 191
20	Пакистан	216	64	334	430	1 044

В рамках приемной кампании 2022/2023 учебного года наибольшее количество граждан, принятых на обучение, было из Украины (5 290 чел.), Китая (1 158 чел.), Белоруссии (1 125 чел.), Казахстана (1 124 чел.),

Таджикистана (1 086 чел.), Узбекистана (1 016 чел.), Вьетнама (993 чел.), Сирии (802 чел.), Афганистана (725 чел.) и Киргизии (673 чел.)[637].

Примечательно, что по сравнению с 2022/23 учебным годом в 2023/24 учебном году увеличилась квота на обучение африканских студентов в Российской Федерации: с 2,3 тыс. до 4,7 тыс. мест[638]. Лидерами по количеству бюджетных мест среди африканских стран стали Гвинея, Ангола, Мали, Республика Конго, Египет и Нигерия[639] (см. Таблицу 28.).

Таблица 28

Квота на обучение граждан африканских стран в России
(лидеры по количеству бюджетных мест)

№ п/п	Страна	Учебный год	
		2022/23	2023/24
1	Гвинея	100	450
2	Ангола	145	300
3	Мали	35	290
4	Конго	150	250
5	Египет	110	250
6	Нигерия	120	250

Курсы русского языка становятся частью выносных подготовительных факультетов, что позволяет сэкономить время и деньги потенциальным абитуриентам в тех же странах Африки. К примеру, В Санкт-Петербургском государственном университете действует 112 центров русского языка,

[637] Совещание на тему «О повышении привлекательности российского образования для иностранных граждан, обучающихся в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации». 19.04.2023 // http://science.council.gov.ru/activity/activities/other_activities/146322/ (дата обращения: 10.05.2024).

[638] Квоту на обучение африканских студентов в РФ увеличили вдвое. 07.11.2022 // https://iz.ru/1421585/2022-11-07/kvotu-na-obuchenie-afrikanskikh-studentov-v-rf-uvelichili-vdvoe (дата обращения: 29.05.2024).

[639] Нефедова А. Саванна небесная: Россотрудничество открывает новые центры в Африке. 07.11.2022 // https://iz.ru/1420557/alena-nefedova/savanna-nebesnaia-rossotrudnichestvo-otkryvaet-novye-tcentry-v-afrike (дата обращения: 29.05.2024).

представленных в 50 странах мира[640]. В 2022 и 2023 годах Университет открыл три новых центра русского языка – в Малайзии, Индонезии и ЮАР. Несмотря на политическую ситуацию, новые центры появились в европейских странах: Италии, Испании, Великобритании, Германии, Эстонии. У РУДН 12 центров русского языка и довузовской подготовки, в которых обучение прошли почти 2000 иностранцев. Преподаватели приезжают и проводят занятия для местных школьников и студентов, желающих приехать учиться в Россию[641].

Традиционные методы продвижения русского языка в мировом образовательном пространстве дополняются и усиливаются цифровыми решениями российских образовательных учреждений. К примеру, Подготовительный факультет Финансового университета работает над созданием цифрового проекта, экосистемы комплексной поддержки иностранных студентов[642]. Цифровая платформа для иностранных учащихся, разработанная на подготовительном факультете Российского университета дружбы народов (РУДН), помогает в изучении русского языка. За пять лет она привлекла более пятнадцати тысяч пользователей из 114 государств[643]. Иными словами, цифровые ресурсы для иностранных абитуриентов становятся эффективными инструментами для популяризации и изучения русского языка.

В рамках совместной инициативы Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Томского государственного

---

[640] Кухтенкова Е. Санкт-Петербургский госуниверситет открывает новые центры русского языка несмотря на сложную политическую обстановку. 23.05.2023 // https://rg.ru/2023/05/23/sankt-peterburgskij-gosuniversitet-otkryvaet-novye-centry-russkogo-iazyka-nesmotria-na-slozhnuiu-politicheskuiu-obstanovku.html (дата обращения: 02.08.2024).

[641] Гробман Е., Майер А. МИД оценит успешность программы продвижения русского языка за рубежом. 24.10.2023 // https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/10/24/1002107-mid-otsenit-uspeshnost-programmi-prodvizheniya-russkogo-yazika?from=newsapp (дата обращения: 02.08.2024).

[642] Русский язык в глобальном контексте: новые горизонты популярности и коммуникации. 28.11.2025 // https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/11/28/russkii-yazik-v-globalnom-kontekste-novie-gorizonti-populyarnosti-i-kommunikatsii (дата обращения: 21.03.2026).

[643] Платформа РУДН для изучения русского языка привлекла пользователей со всего мира. 12.12.2025 // https://russkiymir.ru/news/342134/?sphrase_id=4001341 (дата обращения: 21.03.2026).

университета в 2025 году запущена онлайн-платформа для обучения русскому языка, позволяющая иностранным гражданам подготовиться к приезду в Россию, освоить базовые знания русского языка для сдачи экзаменов и адаптации к жизни в России[644]. На платформе размещены материалы, направленные на социокультурную адаптацию в России, учебные модули и тренажер, подстраивающийся под уровень знаний русского языка каждым пользователем.

Чрезвычайно актуальным представляются проекты в области образовательного сегмента, в том числе российского школьного образования в дистанционном формате. О растущем запросе на российское онлайн-образование для школьников из-за рубежа свидетельствуют данные, которые приводит руководитель проекта «Онлайн-школа Санкт-Петербургского государственного университета» Дмитрий Птюшкин: в 2022 году количество слушателей онлайн-школы составляло 2 700 человек из 11 стран, в 2023 году – более 3 000 слушателей из 25 стран, при этом почти треть всех слушателей, около тысячи человек – из стран Прибалтики[645]. Примечательно, что на данный момент Санкт-Петербургский университет – единственный из российских вузов, реализующий не имеющий аналогов в России уникальный образовательный проект, позволяющий русскоязычным школьникам всего мира обучаться по программам российской школы. Инициатива возникла в 2018 году по просьбе группы родителей из Латвии в формате субботних онлайн-занятий по русскому языку, истории России и русской литературе с октября по май. В 2023 году при поддержке Россотрудничества, Министерства образования и науки РФ и Министерства просвещения запустилась полноценная Дистанционная школа, в которой занимаются каждый день и представлены все предметы школьной программы в полном

[644] В России заработала платформа для обучения иностранцев русскому языку. 08.04.2025 // https://news.tsu.ru/news/v-rossii-zarabotala-platforma-dlya-obucheniya-inostrantsev-russkomu-yazyku/ (дата обращения: 31.05.2026).

[645] Сметанина С. Онлайн-школа СПбГУ: российское образование для детей соотечественников. 09 ноября 2023 г. // https://russkiymir.ru/publications/319663/ (дата посещения: 24.03.2025).

объеме. По завершении учебного года ученики получают соответствующий документ государственного образца об окончании школы. Сертификат участника онлайн-школы дает баллы при поступлении в Санкт-Петербургский университет. В том же 2023 году на 120 мест было подано 300 заявок из 45 стран, что говорит о востребованности проекта и необходимости его масштабирования.

В числе структур исполнительной власти, представленных на государственном треке, следует также охарактеризовать деятельность Министерства культуры Российской Федерации. Ведомство популяризирует русский язык через призму культуры, поддерживая традиционные инструменты продвижения классики и утверждения эталонов: оперные и балетные постановки, выездные выставки российских музеев, масштабные гастроли симфонических оркестров и академических театров. В числе недавних инициатив культурно-образовательные мероприятия 2024 года, организованные Министерством культуры, Министерством иностранных дел и Росконцертом в Бразилии, Лаосе и Омане[646]. В 2023 году подобная серия культурно-образовательных мероприятий проводилась в четырех странах, расположенных в разных частях света: Танзании, Мьянме, Венесуэле и Марокко. Совместный проект, запущенный в 2023 году, включает в себя образовательную программу (мастер-классы, интенсивы, интерактивные лекции и т.п.) и концерты российских национальных коллективов. Иными словами, гастроли, выставки, обменные дни, фестивали, литературные вечера и театры выступают инструментами вовлечения в сферу влияния российской культуры. Как отметила министр культуры О. Любимова, «русские театры за

[646] Каневская П. Сезон русского. Начался новый этап проекта по продвижению русского языка и культуры за рубежом. Почему это важно? 21.06.2024 // https://lenta.ru/articles/2024/06/21/russkogo/ (дата обращения: 02.08.2024).

пределами России фактически играют роль полпредов русской культуры и русского языка»[647].

Русский язык играет роль глобального информационного ресурса как в Интернете, так и оффлайн. Русский как второй после английского язык контента глобальной сети создает предпосылки для достижения целей политики продвижения русского языка за рубежом. Цифровые ресурсы создают возможности для вовлечения зарубежных аудиторий в пространство русского языка. В условиях глобальных вызовов культуры отмены и алгоритмов иностранных цифровых ресурсов актуальной становится необходимость в отечественных цифровых платформах и инструментарии, развитие и продвижение которых прежде всего в «дружественных» странах, с одной стороны, потребуют времени, ресурсов и затрат. С другой - это то, что позволит создать общее смысловое поле для тяготения к России, укрепления позиций русского языка и культуры в мире, повышению значимости России в мировом гуманитарном пространстве независимо от геополитической конъюнктуры.

[647] Лейба Г. Где ступила нога русского актера. 25.06.2025 // https://www.kommersant.ru/doc/7834614?from=main (дата обращения: 26.06.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование властно-управленческого воздействия на языковое устройство прежде всего российского общества в контексте обновления информационно-коммуникационных технологий построено на предлагаемом расширении смысловых рамок используемого понятийного инструментария. Используемый терминологический конструкт «языковое устройство общества» в отличие от «социолингвистических ситуаций (состояний)», концептуально обоснован таким образом, что его смысловым ядром выступают социально-волевые начала языковой жизни, языковая политика (когда собственно политика занимает позицию логического субъекта), тогда как лингвистическим сущностям отводится место логического предиката. Иными словами, в центре исследовательского внимания оказывается в первую очередь сама политика и политикообразующие обстоятельства, а не лингвистические сущности. Понятие «языковая политика онлайн» предложено концептуализировать как меры публично-политического характера и разноплановые усилия в сфере языковых отношений в виртуальном пространстве, которые могут осуществляться как традиционными акторами макроуровня с волевыми установками и интересами «сверху - вниз», так и социальными акторами, чья деятельность по изменению языковых практик может быть охарактеризована как «снизу – вверх».

Построенная аналитическая модель изучения управления языковым устройством общества базируется на понимании властно-управленческого воздействия как направления публичной политики, значимого в масштабах всего общества. При этом исследование принципов и способов такого воздействия является кросс-дисциплинарной областью научных разработок. Предметное поле отечественных и зарубежных исследований языковой политики и языкового планирования, включая коммуникативные и

символические составляющие, закономерным образом расширяется. Влияние цифровизации на языковое функционирование формирует новую исследовательскую повестку и перспективы для новых методологических и аналитических подходов. В то же время говорить о «цифровом» повороте или соответствующем парадигмальном сдвиге в рассматриваемой области знания было бы преждевременно. Констатировать подобную предметную переориентацию не позволяют наличествующие характеристики тематической приоритетности.

Геополитические трансформации и глубинные изменения мироустройства, борьба за мировое лидерство происходят в областях социальной действительности, включая виртуальное пространство и средства коммуникации, актуализируя запрос на суверенитет во многих сферах. В сложившихся условиях геополитического противоборства языковая политика становится одной из ключевых основ достижения цифрового суверенитета России. При этом речь идет не только о «суверенном Рунете» как технологическом пространстве с отечественной инфраструктурой, серверами и данными, но и защите культурных и гуманитарных оснований независимости, когда языки играют роль одного из первостепенных условий для формирования идентичности и способствуют сохранению культурного наследия народов России в цифровом мире. Языковое многообразие в цифровой среде становится стратегически значимым приоритетом. Развитие отечественных моделей искусственного интеллекта, в основе обучения которых лежат собственные массивы достоверных данных на русском языке и языках народов России, выступают инструментами защиты от технологического и эпистемологического доминирования и влияния зарубежных/западных идеологических структур деструктивной природы, ценностей, воспроизводимых в языковых технологиях. Укреплению цифрового суверенитета способствуют и технологические решения, направленные на создание контуров национального Интернета, где

кириллица маркирует присутствие российского государства в виртуальном пространстве, и на поддержку языков с регистрацией имен с использованием символов семнадцати государственных языков народов России, и локализация сервисов, включая погружение в отечественные сервисы машинного перевода и способствуя созданию цифровой многоязычной экосистемы.

Вызовы цифровой трансформации, несущие риски структурного исключения языков, воспроизводства лингвистических иерархий, маргинализации малых языков, ослабления культурной идентичности и социальной сплоченности, обусловливают цели и задачи языковой политики различных уровней. Многоуровневый подход к политико-языковому регулированию позволил рассмотреть влияние цифровизации на действия политических акторов в различных территориальных масштабах, включая международный, национальный и субнациональный уровни. Цифровая повестка выражена на всех уровнях организации публичной власти. Основные ее составляющие на международно-политическом уровне – это идеи о сохранении и продвижении языкового многообразия и общих коммуникативных кодов в цифровом пространстве, разработанные документы, учитывающие влияние информационно-коммуникационных технологий, повышение цифровой грамотности и сокращение цифрового неравенства носителей языков. Языковая политика на международном уровне формирует ориентиры для властно-управленческого воздействия на национальном и субнациональном уровнях.

В российской языковой политике отмечены этапные изменения, связанные с оформлением данного направления в качестве самостоятельного составляющего элемента государственной политики. Новейшие документы в области языковой политики закрепляют цели и задачи, формулируют приоритеты с учетом технологического развития и влияния информационно-коммуникационных технологий. Смысловое доктринальное ядро в виде

государствообразующей роли русского языка и сохранения языкового многообразия проектируется и на цифровое пространство. Это электронные ресурсы и цифровая инфраструктура, направленные на консолидацию единого коммуникативного пространства России, в основе которого лежит русский язык, и повышение цифрового благополучия языков народов России.

Субъекты Российской Федерации, имеющие статус республик, реализуют меры, направленные на интеграцию государственных языков в онлайн-среду. Механизмом реализации языковой политики регионального уровня выступают программы сохранения и развития языков. Они включают в себя как меры по созданию базового инструментария для функционирования языков, так и меры цифровой поддержки для языков с высокими индексами цифровой витальности.

Применительно к российским условиям автор убежден в необходимости разработки отечественной системы сбора статистической информации о сетевом присутствии языков народов России, не ограничивающейся только данными регионов на основе федеральных запросов. Данную позицию подкрепляет тот факт, что предложенные зарубежные модели (А. Корная, К. Сории, Г. Саймонса и др.) не учитывают инструменты, созданные специально для одного малого языка. В итоге языки народов России, имеющие более высокие индексы цифровой витальности, оказываются в таких системах, используя терминологию цифровой витальности, «языками наследия» либо «неподвижными языками». Система мониторинга цифровых показателей языковой политики могла бы стать важным компонентом, способствующим эффективным и ожидаемым результатам.

Интернет-пространство допускает возникновение новых «действующих лиц» языковой политики – корпоративных субъектов, крупных ИТ-компаний, социальных медиа и цифровых платформ. Сложно отдать предпочтение только государственным участникам или всем тем, кто

создает разнообразный контент или цифровую инфраструктуру для того или иного языка. Концептуальные рамки участия в языковой политике онлайн позволяют учесть многообразие «действующих» лиц, для которых активность по повышению цифрового благополучия языков носит институциональный характер, и тех, чья деятельность характеризуется диспозитивной природой. Формируются гибридные способы взаимодействия разнородных участников – органов государственной власти, корпоративных субъектов, языковых активистов, ИТ-компаний и т.д.

Роль государства видится в разработке и принятии документов стратегического характера, направленных на продвижение языков в цифровой среде, в выстраивании диалога и координации усилий всех участвующих сторон, в централизованном подходе к хранению огромного массива данных, в создании и поддержании единых онлайн-платформ с разделами курсов и интерактивного обучения, мобильных приложений, разработанных ИТ-инструментов, охватывающих все языки народов России.

Потенциал корпоративных субъектов состоит в их обладании технологическими решениями и значительными ресурсами. В тоже время крупные компании заинтересованы в языках с большим количеством потенциальных клиентов, освоении определенных этнолингвистических ниш и ориентируются на извлечение прибыли. Несвойственные им практики способствуют их восприятию как социально ответственных игроков.

Все более заметную роль играют инициативы языковых активистов по повышению приспособленности языков к цифровой среде, способствуя тем самым достижению цели цифровизации, понимаемой в духе справедливости, и позитивным социальным изменениям. Однако охват языков не достигает желаемой полноты и имеет скорее не планомерно-поступательный, но проектный характер. Весьма перспективны совместные усилия государственных структур, корпоративных субъектов и общественных инициатив.

При этом аренами соотнесения интересов широкого круга участников политико-языковых отношений, полем информационно-аналитического и идейно-ценностного противоборства способны выступать социальные медиа. Встроенность западноцентричных ресурсов в идейно-ценностное противостояние России и Запада показано на примере русскоязычного раздела онлайн-энциклопедии Википедия. В качестве отечественного аналога рассмотрен российский проект онлайн-энциклопедии Рувики не только как пример развития познавательного сегмента Рунета, но и как ресурс, учитывая обстоятельства информационно-политической конфронтации, способствующий сохранению единого коммуникативного пространства, языкового многообразия России и национальной цифровой экосистемы. Социальные сети как подмножество социальных медиа способны выступать субъектами-инициаторами продвижения языков в цифровой среде. Их решения по локализации интерфейсов, основанные на совместном взаимодействии с языковыми активистами, создают благоприятные условия для цифрового функционирования языков, повышения их символической ценности и престижа.

Русский мир выступает геокультурным ядром позиционирования русского языка в мире, в том числе – по параметрам его международного присутствия. Русский язык выступает фундаментом как в диаспорно-языковом подходе к пониманию Русского мира на начальных этапах его консолидации и структурирования, так и в культурно-цивилизационном понимании, представленном в новейших политических документах и официальной риторике. Высокие позиции в рейтинге мировых языков, востребованность русского языка в цифровой среде усиливают его конкурентные преимущества в сравнении с английским, китайским, французским, немецким и многими другими языками и способствуют проектированию онлайн-пространства русского языка. Инициативы по созданию Международной организации по русскому языку и Евразийской

ассоциации поддержки русского языка можно расценивать как начала четких очертаний политической институциональной структуры транснационального русскоязычного пространства. Функционирование межгосударственной телерадиокомпании «Мир» и соответствующего интернет-портала и деятельность российских компаний в области информационных технологий выступают факторами, способствующими цифровой интеграции русскоязычного мира. Международное присутствие русского языка не ограничивается постсоветским пространством, где на фоне интеграции наблюдаются тенденции расширения и укрепления социально-коммуникативных функций титульных языков, ослабление демографической базы русского языка, процесс перевода письменности на латиницу. В других регионах мира положение русского языка сильно различается и в целом обусловлено историческими, демографическими и политическими факторами.

Политика продвижения русского языка за рубежом находит закрепление в целом ряде документов, включая Основы государственной языковой политики Российской Федерации 2025 г., Концепцию внешней политики России 2023 года, Концепцию гуманитарной политики РФ за рубежом 2022 года и многие другие программные документы. Это, наряду с деятельностью государственных и негосударственных структур, свидетельствует о создании институционально оформленного фундамента для проведения намеченного политического курса. В стратегии продвижения русского языка и убеждении в его изучении наблюдается преобладание мотивов культурного обогащения, а не утилитарных и прагматических оснований, характерных для деятельности зарубежных аналогов – Института Гете и Альянс Франсез. В свете резкого усиления тенденций русофобии и «культуры отмены» - принципиально иной контекст, отличающий российскую внешнюю языковую политику, перспективным в части укрепления позиций русского языка в мире представляется развитие

разнообразных проектов в ряде дружественных стран постсоветского пространства и наращивание системного присутствия России в Африке, странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Каналы коммуникации в цифровом пространстве представляют собой один из важнейших инструментов политики продвижения русского языка, вовлечения зарубежных аудиторий в русскоязычное пространство. Сайты российских ведомств и институтов, как и зарубежных аналогов выступают ключевым информационным источником и «лицом» политики продвижения языка. Ее основой становится создание цифровой образовательной структуры и образовательного контента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Нормативно-правовые акты и официальные документы

1. Глобальный план действий по проведению Международного десятилетия языков коренных народов // https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379851_rus (дата обращения: 09.07.2025).

2. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. Москва, 2023 год. URL: https://Report_govern_education_2023.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ от 9 сентября 2000 г. N Пр-1895) (утратила силу) // https://base.garant.ru/182535/ (дата обращения: 07.10.2025).

4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) // http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (дата обращения: 21.07.2025).

5. Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 11.06.2021) "О языках народов Российской Федерации"// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 27.09.2025).

6. Закон Республики Адыгея от 31 марта 1994 года N 74-1 «О языках народов Республики Адыгея» (с изменениями на 28 апреля 2023 года) // https://docs.cntd.ru/document/459704931 (дата обращения: 29.07.2025).

7. Закон Республики Алтай от 03 марта 1993 года N 9-6 «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» // https://docs.cntd.ru/document/802008526 (дата обращения: 29.07.2025).

8. Закон Республики Башкортостан от 15 февраля 1999 года N 216-з «О языках народов Республики Башкортостан» (с изменениями на 2 февраля 2023 года) // https://docs.cntd.ru/document/935103425 (дата обращения: 29.07.2025).

9. Закон Республики Калмыкия от 27 октября 1999 года N 30-II-З «О языках народов Республики Калмыкия» (утратил силу) // https://docs.cntd.ru/document/804910292 (дата обращения: 29.07.2025).

10. Закон РСФСР «О языках народов Российской Федерации» (с изменениями на 13 июня 2023 года) // https://docs.cntd.ru/document/9003298?marker=64U0IK (дата обращения: 29.07.2025).

11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3ed9a4d68072c2f9d74767edb4d4d2ea1def6e9f/ (дата обращения: 21.09.2025).

12. Концепция технологического развития на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р // technological-2023.pdf

13. Концепция государственной языковой политики Российской Федерации. Утверждена распоряжением правительства Российской Федерации от 12 июня 2024 года № 1481-р // https://docs.cntd.ru/document/1306342831 (дата обращения: 21.09.2025).

14. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом (с изменениями на 17 октября 2022 г.). Утверждена Указом

Президента РФ от 05 сентября 2022 г. № 611 URL: https://docs.cntd.ru/document/351673959 (дата обращения: 15.04.2023).

15. Концепция внешней политики Российской Федерации" (утв. 12.07.2008 N Пр-1440) // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=85021&dst=100001#Qe8IGaUiA7QLfxyo (дата обращения: 18.01.2025).

16. Международное десятилетие языков коренных народов (2022-2032) // https://www.unesco.org/ru/decades/indigenous-languages (дата обращения: 09.07.2025).

17. О внесении изменений в государственную программу Республики Татарстан «Сохранение, изучение и развитие государственных языков в Республике Татарстан и других языков в Республике Татарстан», утвержденную постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 10.09.2020 № 821 «Об утверждении государственной программы Республики Татарстан «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан». Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 30.05.2026 г. № 758 // https://pravo.tatarstan.ru/rus/file/npa/2026-06/1841725/npa_1841726.pdf (дата обращения: 06.06.2026).

18. О комплексной государственной программе Российской Федерации «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом». 25.11.2022 // https://www.mid.ru/ru/activity/state_programs/1840129/ (дата обращения 10.05.2024).

19. Об утверждении государственной программы Республики Саха (Якутия) «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2023–2027 годы». Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 18 июля 2022 г. № 472 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/406203836 (дата посещения: 17.06.2025).

20. Об утверждении государственной программы Республики Северная Осетия-Алания «Национально-культурное развитие осетинского народа» на 2021–2025 годы. Постановление Правительства Республики Северная Осетия - Алания от 24 декабря 2020 г. № 467 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/571090713 (дата обращения: 17.06.2025).

21. Об утверждении государственной программы Удмуртской Республики «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Удмуртской Республики и иных языков народов Удмуртской Республики на 2023–2030 годы». Постановление Правительства Удмуртской Республики от 27 июня 2022 г. № 330 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/406129507. (дата обращения: 17.06.2025).

22. Об утверждении государственной программы Республики Татарстан «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан» на 2023–2030 годы (с изменениями на 11 июля 2024 года). Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 10 сентября 2020 г. №821 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/570917803 (дата обращения: 19.06.2025).

23. Об утверждении плана основных мероприятий по проведению в 2022 - 2032 годах в Российской Федерации Международного десятилетия языков коренных народов. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 февр. 2022 г. № 204-р. // http://static.government.ru/media/files/NOPGRVx2Sr0yoTLBT3rmS4rSI89skJy1.pdf (дата обращения: 24.07.2025).

24. О комплексной государственной программе Российской Федерации «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом».

25.11.2022 // https://www.mid.ru/ru/activity/state_programs/1840129/ (дата обращения: 25.06.2024).

25. О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2002-2005 годы. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 июня 2001 г. N483 (в ред. Постановления Правительства РФ от 25.11.2003 N 712, от 06.09.2004 N 459) // https://normativ.kontur.ru/document?modueld=1&documentld=78454 (дата обращения: 05.09.2025).

26. План мероприятий по реализации Основ государственной языковой политики Российской Федерации. Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 мая 2026 г. № 1228-р // http://static.government.ru/media/files/IePD7PekhYYBUy5xtn3rXIApq0WaJ3nE.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

27. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. N 10-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Режим доступа: https://constitution.garant.ru/act/federative/12119810/ (дата обращения: 28.04.2025).

28. Постановление Правительства РФ от 18 декабря 2020 г. N 2150 "Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации" // https://base.garant.ru/75091924/ (дата обращения: 11.05.2024).

29. Постановление Правительства Республики Казахстан от 16 октября 2023 г. № 914 «Об утверждении Концепции развития языковой политики в Республике Казахстан на 2023 – 2029 годы» //

https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31956658&pos=3;-108#pos=3;-108 (дата обращения: 17.03.2024).

30. Проект приказа Минпросвещения России "О внесении изменений в некоторые приказы Министерства образования и науки Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных государственных образовательных стандартов начального общего и основного общего образования" // https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=156568 (дата обращения: 21.07.2025).

31. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 июня 2024 г. № 1481-р «Об утверждении Концепции государственной языковой политики РФ» // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409100008/ (дата обращения: 27.05.2025). Утратило силу на основании распоряжения Правительства РФ от 30 октября 2025 г. N 3058-р

32. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 18 декабря 2019 года №74/135 // https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n19/426/29/pdf/n1942629.pdf?OpenElement (дата обращения: 09.07.2025).

33. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 22 сентября 2024 года // https://docs.un.org/ru/A/RES/79/1 (дата обращения: 10.07.2025).

34. Рекомендации Комитета Совета Федерации по международным делам по итогам проведенного 29 июля 2024 года «круглого стола» на тему «Расширение многопланового сотрудничества между Российской Федерацией и государствами мирового большинства в сложившихся международных условиях. Партнерство ЕАЭС, БРИКС и ШОС» // http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/165190/ (дата обращения: 08.10.2025).

35. Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству. Принята 15 октября 2003 года //

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml#a4 (дата обращения: 07.07.2025).

36. Решение Совета глав правительств СНГ от 28 октября 2022 г. «о Плане мероприятий по проведению в Содружестве Независимых Государств в 2023 году Года русского языка как языка межнационального общения» // https://eccis.org/reestrv2/api/v1/downloadDocument/6651?whichDocument=INIT_TEXT&formatDocument=PDF (дата обращения: 02.10.2025).

37. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг. (Утверждена Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203) // http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705100002.pdf (дата обращения: 21.07.2025).

38. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 № 1666 «Об утверждении Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» // https://docs.cntd.ru/document/902387360.

39. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // https://docs.cntd.ru/document/607148290 (дата обращения: 09.10.2025).

40. Указ Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 года N 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // https://docs.cntd.ru/document/351673959 (дата обращения: 09.10.2025).

41. Указ Президента Российской Федерации 9 ноября 2022 года N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // https://docs.cntd.ru/document/352246667 (дата обращения: 09.10.2025).

42. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 31 марта 2023 года

N 229 // https://docs.cntd.ru/document/1301132723 (дата обращения: 09.10.2025).

43. Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 07.10.2025).

44. Указ Президента РФ О Совете при Президенте РФ по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов РФ» № 716 от 22 августа 2024 г. // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409466475/ (дата обращения: 19.07.2025).

45. Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 года № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // https://docs.cntd.ru/document/1313384308 (дата обращения: 18.08.2025).

46. Указ Президента РФ от 25.11.2025 N 858 "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519680/af73af84e1898d831f333f3bc1728c640f31153e/ (дата обращения: 02.12.2025).

47. УСТАВ Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Марий Эл «Республиканский центр марийской культуры». Утвержден Приказом Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл от 26 сентября 2011 г. № 1459 // https://mari-centr.ru/node/2556 (дата обращения: 27.09.2025);

48. Устав Международной организации по русскому языку. 13 октября 2023 г. // http://www.kremlin.ru/supplement/6026 (дата обращения: 20.03.2025).

49. Устав Пряжинского национального муниципального района (в ред. решения Совета Пряжинского национального муниципального района от 29 декабря 2020 года № 92) // http://pryazha.org/dokumenty/ (дата обращения: 28.09.2025).

50. Устав муниципального образования «Калевальский муниципальный район» (в ред. решения Совета Калевальского муниципального района от 30.06.2020 г. № XVI-IV-140 // https://www.visitkalevala.ru/omsu/municipal-nye-normativnye-pravovye-akty/ustav-polozhenija-reglamenty/ (дата обращения: 28.09.2025).

51. Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 01.05.2019 N 90-ФЗ (последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/ (дата обращения: 07.10.2025).

52. Федеральный закон от 18.12.1997 N 152-ФЗ (ред. от 30.12.2021) "О наименованиях географических объектов" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17122/f8e3f4622e5baa4c2c6cb308a1cbb9935e8cb423/#dst100045 (дата обращения: 28.09.2025).

53. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями на 14 июля 2022 года) // https://docs.cntd.ru/document/901876063 (дата обращения: 27.09.2025).

54. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (с изменениями на 22 апреля 2024 года) // https://docs.cntd.ru/document/901935235?marker=64U0IK (дата обращения: 22.07.2025).

55. Федеральный закон от 27.11.2023 N 540-ФЗ (ред. от 12.07.2024) "О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов". 57 Государственная программа Российской Федерации "Поддержка и

продвижение русского языка за рубежом" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462891/38503a6651a7131704c6849c9e84ce3fe1e598b3/ (дата обращения: 05.08.2024).

Материалы с официальных сайтов международных организаций, органов государственной власти и т.д.

56. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова и ответы на вопросы на «правительственном часе» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 15 февраля 2023 года // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1854365/ (дата обращения: 25.06.2024).

57. Единая межведомственная информационно-статистическая система) // https://www.fedstat.ru/indicator/38479 (дата обращения: 26.05.2024

58. Ежегодный доклад Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации (2018). С. 17-18. Режим доступа: http://council.gov.ru/media/files/G6hNGZ3VbQNiMdZki1BKbrsrvuRxPwim.pdf (дата обращения: 28.04.2025).

59. Телеграм-канал Дома народов России. URL: https://t.me/domnarodovrf/9572. 12 декабря 2024 г. (дата обращения: 17.06.2025).

60. Официальный канал Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству // https://t.me/rossotrudnichestvo/3422 (дата обращения: 06.10.2025).

61. Президент России // http://www.kremlin.ru/search?query=русский%20мир&page=2 (дата обращения: 21.01.2025).

62. Специальный доклад Комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации «Об особенностях защиты государственного суверенитета России в 2022-2023 годах» (2023). Режим доступа: http://council.gov.ru/media/staticdoc/FwwwyGgcNeIDHovF9zLtk0eeVkUcIEiE.pdf (дата обращения: 28.04.2025).

63. Франкофония – пространство для многостороннего сотрудничества // https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/frankofoniya-i-francuzskij-yazyk/la-francophonie-espace-de-cooperation-multilaterale/ (дата обращения: 05.04.2025).

64. 3 nouvelles formations en ligne aux métiers du numerique avec d-clic // https://www.francophonie.org/3-nouvelles-formations-en-ligne-aux-metiers-du-numerique-avec-d-clic-7969 (дата обращения: 04.04.2025).

65. 93 Etats et gouvernements // https://www.francophonie.org/node/125 (дата обращения: 03.04.2025).

66. Atelier francophone sur la mise en œuvre du Pacte numérique mondial // https://www.francophonie.org/atelier-francophone-sur-la-mise-en-oeuvre-du-pacte-numerique-mondial-3532 (дата обращения: 06.04.2025).

67. Europeans and Their Languages. Special Eurobarometer 386. REPORT. February - March 2012. – P. 16.

68. https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/257057/Way.pdf (дата обращения: 03.05.2025).

69. Hello indigenous: a blueprint on the preservation of endangered indigenous languages through digital inclusion. 9 октября 2024 //

https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000388054 (дата обращения: 09.07.2025).

70. Internet Governance Forum 2024. Open Forum #75 The Portuguese Speaking Community as a case study on digital // https://dig.watch/event/internet-governance-forum-2024/open-forum-75-the-portuguese-speaking-community-as-a-case-study-on-digital (дата обращения: 07.03.2025).

71. LA LANGUE FRANÇAISE DANS LE MONDE. 2019 – 2022 // https://www.francophonie.org/sites/default/files/2023-03/Rapport-La-langue-francaise-dans-le-monde_VF-2022.pdf (дата обращения: 01.03.2025).

72. ONU: Les délégations francophones, hispanophones et lusophones appellent à ancrer le Pacte numérique mondial dans la diversité culturelle et linguistique. 25.06.2024 // https://www.francophonie.org/francophones-hispanophones-lusophones-appellent-a-ancrer-pacte-numerique-mondial-dans-diversite-culturelle-3272 (дата обращения: 05.04.2025).

73. Pimienta D., Müller de Oliveira G. Projeto «Organização da Presença da Língua Portuguesa na Internet». Informe final: 31 de agosto de 2021 // https://iilp.cplp.org/wp-content/uploads/2024/03/Projeto-PPI-INFORME-COMPLETO-Pimienta-Oliveira-30-08-2021.pdf (дата обращения: 10.03.2025).

74. Sesión informativa para empresas (PRTR). 2 de noviembre de 2021 // https://www.cervantes.es/sobre_instituto_cervantes/sesion_info.htm (дата обращения: 04.07.2026).

75. Stratégie de la Francophonie numérique 2022-2026 // https://www.francophonie.org/sites/default/files/2021-12/SFN_CMF_39_10122021.pdf (дата обращения: 01.03.2025).

76. Stratégie international de la France pour le numérique // https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/strategie_numerique_a4_02_interactif_cle445a6a.pdf (дата обращения: 04.07.2026).

77. The Community of Portuguese Speaking Countries (CPLP) Charter of Rights and Principles in Digital Environments // https://www.pt.pt/en/blog/the-

cplp-charter-of-rights-and-principles-in-digital-environments/ (дата обращения: 07.03.2025).

78. The XXVIII Ibero-American Summit Ends with Agreements on Environment, Food Security, Digital Rights and International Financing. 29.03.2023 // https://newsinamerica.com/en/breaking-news/2023/the-xxviii-ibero-american-summit-ends-with-agreements-on-environment-food-security-digital-rights-and-international-financing/ (дата обращения: 31.03.2025).

Материалы СМИ

79. 14–15 мая состоится II стратегическая сессия «Информационные технологии и языки народов России» // https://gramota.ru/journal/novosti-i-sobytiya/1415-maya-sostoitsya-ii-strategicheskaya-sessiya-informatsionnye-tekhnologii-i-yazyki-narodov-rossii (дата обращения: 24.07.2025).

80. II стратегическая сессия «Информационные технологии и языки народов России» // https://vk.com/video-197082343_456239609 (дата обращения: 07-08.08.2025).

81. Академия наук РТ будет сотрудничать с интернет-энциклопедией РУВИКИ. 18 сентября 2025 г. // https://www.antat.ru/ru/news/19831/ (дата обращения: 08.10.2025).

82. АНО «Диалог»: «Представленность всех языков в сети – основа устойчивого развития». 06 апреля 2023 // https://www.tatar-inform.ru/news/ano-dialog-predstavlennost-vsex-yazykov-v-seti-osnova-ustoicivogo-razvitiya-5901946 (дата обращения: 19.08.2025).

83. Арефьев А.Л. Сколько людей говорят и будут говорить по-русски? // https://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema02.php (дата обращения: 20 03.2024).

84. Базовая организация СНГ по преподаванию русского языка // https://www.pushkin.institute/projects/bo_sng/ (дата обращения: 08.08.2024)

85. Банкоматы Сбербанка заговорили на таджикском и узбекском языках // https://addnt.ru/bankomaty-sberbanka-zagovorili-na-ta (дата обращения: 09.08.2025).

86. Баринов И. Руководитель Федерального агентства по делам национальностей Игорь Баринов: Сохранение языкового многообразия – важнейшая задача стратегии национальной политики России // https://www.kp.ru/daily/27368/4549442/ (дата обращения: 24.07.2025).

87. Баринов В. Приветственное слово на открытии II стратегической сессии «Информационные технологии и языки народов России». 14 мая 2025 г. // https://vk.com/video-197082343_456239609 (дата обращения: 07-08.08.2025).

88. Белоруссия хочет продвигать русский язык. 11 марта 2026 г. // https://russkiymir.ru/news/344284/ (дата обращения: 12.03.2026).

89. Богданова Л. Как сохранить русский язык в эпоху TikTok и искусственного интеллекта. 04.07.2025 // https://russkiymir.ru/publications/337528/ (дата обращения: 10.07.2025).

90. Болховитянов А. Языки народов России в сервисах Яндекс // II стратегическая сессия «Информационные технологии и языки народов России» // https://vk.com/video-197082343_456239609 (дата обращения: 07-08.08.2025).

91. Братерский А. Кто сегодня в мире говорит по-русски? // Культура. – 25 февраля 2021. - № 2. – С. 2.

92. В Африке создадут центры образования на русском языке. 28.07.2023 // https://ria.ru/20230728/tsentry-1886988277.html (дата обращения: 25.03.2024); План действий Форума партнерства Россия – Африка на 2023–2026 годы. 28.07.2023 // http://www.kremlin.ru/supplement/5971 (дата обращения: 25.03.2024).

93. В г. Москве стартовала III стратегическая сессия «Информационные технологии и языки народов России». 21.05.2026 //

https://fadn.gov.ru/press-centr/news/v-g.-moskve-startovala-iii-strategicheskaya-sessiya-informaczionnyie-texnologii-i-yazyiki-narodov-rossii (дата обращения: 04.07.2026).

94. В МЭР заявили, что в странах СНГ вырастет число русскоязычных школ. 15.12.2023 // https://rg.ru/2023/12/15/v-mer-zaiavili-chto-v-stranah-sng-vyrastet-chislo-russkoiazychnyh-shkol.html (дата обращения: 12.08.2024).

95. Валеева Р. Интерфейс социальной сети «ВКонтакте» теперь доступен на башкирском языке. 12 октября 2013 // https://www.bashinform.ru/news/582198-interfeys-sotsialnoy-seti-vkontakte-teper-dostupen-na-bashkirskom-yazyke/ (дата обращения: 20.08.2025).

96. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 19. С. 331.

97. Ведомости Съезда народных депутатов РСФРС и Верховного Совета РСФСР. – 1991. - № 50. – С. 1742.

98. Весь контент «МИРа» на одном Интернет-ресурсе. 16 декабря 2024 г. // https://www.kp.ru/daily/27673/5025267/ (дата обращения: 25.03.2025).

99. ВЗГЛЯД / Как рушатся четыре столпа глобального западного господства // https://vz.ru/world/2024/11/21/1299185.html (дата обращения: 28.04.2025).

100. ВКонтакте языками мира. 30 сентября 2017 г. // https://vk.com/main.php?subdir=blog&subsubdir=vk-translators (дата обращения: 30 сентября 2025).

101. ВКонтакте вручит гранты проектам на татарском языке. 01 октября 2020 // https://vk.com/press/tatar-language (дата обращения: 23 октября 2024).

102. Власов С. В соцсети «ВКонтакте» появиться хакасский язык // Республиканское Интернет-издание ХАКАСИЯ. – 15 декабря 2020 г. // https://gazeta19.ru/index.php/v-khakasii/item/54078-v-sotsseti-vkontakte-poyavitsya-khakasskij-yazyk#sigProIdc100e002f0 (дата обращения: 20.08.2025).

103. Влияние государственных решений на судьбу родных языков. 03.07.2024 // https://gramota.ru/journal/stati/yazykovaya-politika/vliyanie-gosudarstvennykh-resheniy-na-sudbu-rodnykh-yazykov (дата обращения: 19.07.2025).

104. Возвращение «Ана теле»: как изменилась онлайн-платформа для изучения татарского языка // https://www.tatar-inform.ru/news/ana-tele-vernulsya-kak-izmenilas-onlain-platforma-dlya-izuceniya-tatarskogo-yazyka-5993368 (дата обращения: 11.08.2025).

105. Волков К. Интерес к русскому языку в Китае и китайскому в России вырос в разы // Российская газета – Спецвыпуск: Россия - Китай №30(8381). – 12 февраля 2021 // https://rg.ru/2021/02/11/interes-k-russkomu-iazyku-v-kitae-i-kitajskomu-v-rossii-vyros-v-razy.html (дата обращения: 23.03.2024).

106. Все банкоматы Сбербанка теперь «говорят» на восьми языках // https://finance.rambler.ru/business/40043384-vse-bankomaty-sberbanka-teper-govoryat-na-vosmi-yazykah/ (дата обращения: 09.08.2025).

107. В Красноярске обсудили цифровизацию языков коренных малочисленных народов // https://gnkk.ru/articles/v-krasnoyarske-obsudili-cifrovizaciyu/ (дата обращения: 12.08.2025).

108. В прокуратуру впервые подали заявление на сервис искусственного интеллекта GigaChat. 26.06.2024 // https://tass.ru/obschestvo/21209837 (дата обращения: 21.08.2025).

109. В России заработала платформа для обучения иностранцев русскому языку. 08.04.2025 // https://news.tsu.ru/news/v-rossii-zarabotala-

platforma-dlya-obucheniya-inostrantsev-russkomu-yazyku/ (дата обращения: 31.05.2026).

110. В угоду Ямпольской: «родные языки» вымарывают из образовательного стандарта.12.05.2025 // https://www.business-gazeta.ru/article/671860 (дата обращения: 21.07.2025).

111. В Яндекс Переводчике стали доступны новые языки народов России — мансийский, абазинский и ногайский. 10.12.2025 // https://ir.yandex.ru/press-releases?year=2025&id=10-12-2025-01 (дата обращения: 04.07.2026).

112. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе первой Министерской конференции Международной организации по русскому языку, Москва. 11 марта 2026 года // https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/2085265/ (дата посещения: 12.03.2026).

113. Дзорут иронау. Осетинский язык он-лайн: учебные и справочные материалы // https://www.ironau.ru/vkos.html (дата обращения: 20.08.2025).

114. География русских домов // https://rs.gov.ru/predstavitelstva-za-rubezhom/represents-with-map/ (дата обращения: 25.04.2024).

115. Горелкин: принципиальное отличие «Рувики» от «Википедии» выражается в соблюдении требований российского законодательства. 12 января 2024 г. // https://dumatv.ru/news/gorelkin--printsipialnoe-otlichie-ruviki-ot-vikipedii-virazhaetsya-v-soblyudenii-trebovanii-rossiiskogo-zakonodatelstva (дата обращения: 08.10.2025).

116. Горелкин. 27.06.2024 // t.me/webstrangler/3477 (дата обращения: 21.08.2025).

117. Гробман Е., Майер А. МИД оценит успешность программы продвижения русского языка за рубежом. 24.10.2023 // https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/10/24/1002107-mid-otsenit-

uspeshnost-programmi-prodvizheniya-russkogo-yazika?from=newsapp (дата обращения: 02.08.2024).

118. Департамент МИД станет оператором госпрограммы по продвижению русского языка // https://tass.ru/obschestvo/17055785 (дата обращения: 25.06.2024).

119. Дугин А. Нам нужен суверенный язык // https://zavtra.ru/blogs/nam_nuzhen_suverennij_yazik (дата обращения: 28.04.2025).

120. Емельяненко В. Почему в России нет совей народной «Википедии» и когда она будет. 2023. 29 марта. URL: https://rg.ru/2023/03/29/fejki-do-vostrebovaniia.html (дата обращения: 26.04.2023).

121. Емельяненко В. Поговорим? // Русский мир.ру – 2024. – № 9. Сентябрь. – С. 10 // https://m.rusmir.media/2024/09/05/pogovorim (дата обращения: 24.07.2025).

122. Емельяненко В. Эксперты оценили положение русского языка в мире. 25 декабря 2024 // https://m.rusmir.media/2024/12/25/russkiyazik (дата обращения: 01.06.2025).

123. ЕС включил в санкционный список Фонд "Русский мир" и "Юнармию". 21.07.2022 // https://ria.ru/20220721/sanktsii-1804156059.html (дата обращения: 06.08.2024).

124. Завтра в мире. Русский язык в разных странах мира: опыт Латинской Америки. 04.01.2023 // https://smotrim.ru/audio/2672833 (дата обращения: 27.04.2024).

125. Законно русские. Как Владимир Путин за чистоту и частоту языка боролся. 05.11.2019 // https://www.kommersant.ru/doc/4149158 (дата обращения: 09.03.2024).

126. Заседание Совета по русскому языку. В Екатерининском зале Кремля состоялось заседание Совета при Президенте по русскому языку. 5

ноября 2019 года // http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986 (дата обращения: 17.07.2025 г.).

127. Иванов А. Нейросети просят перепроверяться. Как образовательные ресурсы привыкают работать с генеративным ИИ. 23 июля 2025 г. // https://www.kommersant.ru/doc/7906910 (дата обращения: 29.08.2025).

128. Инновационные проекты в сфере марийской культуры и языка // https://vk.com/@marityvraryder-innovacionnye-proekty-v-sfere-mariiskoi-kultury-i-yazyka (дата обращения: 27.09.2025).

129. История МИРа // https://mir24.tv/about/history (дата обращения: 23.03.2025).

130. Итоги экспертного семинара «Подготовка к Международному десятилетию языков коренных народов: обмен опытом по сохранению и развитию языков». – Мурманск, 07 декабря 2021 года // https://lingvo.kmnsoyuz.ru/wp-content/uploads/2022/12/Подготовка-к-Международному-десятилетию-языков-коренных-народов-народов.pdf (дата обращения: 30.07.2025).

131. К Международному дню родного языка: сила — в многообразии. 19.02.2024 // https://pressria.ru/20240219/956256610.html (дата обращения: 03.08.2024).

132. Как цифровизация помогает сохранить языки коренных народов России // https://gramota.ru/journal/stati/tekhnologii/kak-tsifrovizatsiya-pomogaet-sokhranit-yazyki-korennykh-narodov-rossii (дата обращения: 13.08.2025).

133. Казахстан готов вносить свой вклад в работу Международной организации по русскому языку. 11 марта 2026 г. // https://russkiymir.ru/news/344268/ (дата обращения: 12.03.2026).

134. Каневская П. Сезон русского. Начался новый этап проекта по продвижению русского языка и культуры за рубежом. Почему это важно?

21.06.2024 // https://lenta.ru/articles/2024/06/21/russkogo/ (дата обращения: 02.08.2024).

135. Квоту на обучение африканских студентов в РФ увеличили вдвое. 07.11.2022 // https://iz.ru/1421585/2022-11-07/kvotu-na-obuchenie-afrikanskikh-studentov-v-rf-uvelichili-vdvoe (дата обращения: 29.05.2024).

136. Клавиатурные раскладки для языков КМНС // https://www.ttelegraf.ru/news/rossijskie-programmisty-sozdali-klaviaturnye-raskladki-dlya-yazykov-kmns/ (дата обращения: 13.08.2025).

137. Клапатнюк М. Новгородцы могут увековечить имена земляков-героев в российской онлайн-энциклопедии «РУВИКИ». 07 мая 2025 г. // https://novvedomosti.ru/news/society/105609/ (дата обращения: 29.08.2025).

138. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Год 2023. Отраслевой доклад. Вып. XVI / Под общ. ред. В.В. Григорьева. - М.: Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, 2024. URL: https://bookunion.ru/upload/news/Bookmarket-2023.pdf (дата обращения: 13.06.2025).

139. Коновалов П. Каково будущее русского языка в Сирии? 01.10.2021 // https://journal-neo.su/ru/2021/10/01/kakovo-budushhee-russkogo-yazy-ka-v-sirii/ (дата обращения: 25.03.2024).

140. Косов М. Через цифру - к Русскому миру. 17 декабря 2019 г. // https://www.kp.ru/daily/27069/4138476/ (дата обращения: 12.03.2026).

141. Кравцов объявил о создании Евразийской ассоциации поддержки русского языка. 19 марта 2025 г. // https://tass.ru/obschestvo/23440789 (дата обращения: 22.03.2025).

142. Кто создаёт Искусственный Интеллект, то его и «танцует» - Владимир Путин высказывает своё мнение. 24.11.2023 // https://dzen.ru/a/ZWEKQqwZKma95p4n (дата обращения: 21.08.2025).

143. Курсков Е. Раздавить гадину? Нужно ли бороться с Wikipedia? 25 августа 2015 // https://tsargrad.tv/articles/razdavit-gadinu-nuzhno-li-borotsja-s-wikipedia_501 (дата обращения: 27.07.2025).

144. Кухтенкова Е. Департамент МИД станет оператором программы по продвижению русского языка за рубежом // https://rg.ru/2023/02/15/departament-mid-stanet-operatorom-programmy-po-prodvizheniiu-russkogo-iazyka-za-rubezhom.html (дата обращения: 25.06.2024).

145. Кухтенкова Е. Санкт-Петербургский госуниверситет открывает новые центры русского языка несмотря на сложную политическую обстановку. 23.05.2023 // https://rg.ru/2023/05/23/sankt-peterburgskij-gosuniversitet-otkryvaet-novye-centry-russkogo-iazyka-nesmotria-na-slozhnuiu-politicheskuiu-obstanovku.html (дата обращения: 02.08.2024).

146. Лакстыгал И. Россотрудничество рассказало об экспансии в Африке и на Ближнем Востоке. 01.02.2024 // https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/02/01/1017826-rossotrudnichestvo-rasskazalo-ob-ekspansii-v-afrike-i-na-blizhnem-vostoke (дата обращения: 22.04.2024).

147. Лейба Г. Где ступила нога русского актера. 25.06.2025 // https://www.kommersant.ru/doc/7834614?from=main (дата обращения: 26.06.2025).

148. Лингвист Чемышев научил "Телеграм" понимать марийский язык. 20 июля 2023 г. // https://vk.com/wall-166353059_57191 (дата обращения: 10.08.2025).

149. Логинов В., Лежнева Л. Учить по-русски: педагоги из РФ отправятся в девять стран дальнего зарубежья. 06.06.2024 // https://iz.ru/1707680/valentin-loginov-liubov-lezhneva/uchit-po-russki-pedagogi-iz-rf-otpraviatsia-v-deviat-stran-dalnego-zarubezhia (дата обращения: 13.08.2024).

150. Мария Захарова: «Если где-то напишут, что я рассказываю о том, что мы не выстоим, значит, это была не я». 14.03.2023 // https://www.business-gazeta.ru/article/586615 (дата обращения: 19.08.2025).

151. Медведев: у России хорошие шансы получить доменные имена на кириллице // https://ria.ru/20080611/110048544.html (дата обращения: 16.08.2025).

152. Медведев назвал домен .РФ одной из гарантий стабильной работы Рунета при любых кризисах. 12 мая 2020 // https://tass.ru/obschestvo/8456867 (дата обращения: 16.08.2025).

153. Межгосударственная телерадиокомпания «Мир» // https://mir24.tv/about/about_us (дата посещения: 25.03.2025).

154. Международную организацию по русскому языку решено учредить по итогам саммита СНГ. 13 октября 2023 // https://tass.ru/obschestvo/19003961 (дата посещения: 20.03.2025).

155. МИД создаст департамент, который займется "мягкой силой" // https://ria.ru/20210930/mid-1752497261.html (дата обращения: 25.06.2024).

156. Министр указал на важную роль русского языка в Узбекистане. 12 марта 2026 г. // https://russkiymir.ru/news/344287/ (дата обращения: 12.03.2026).

157. Министерская конференция Международной организации по русскому языку состоялась в Москве. 11 марта 2026 г. // https://russkiymir.ru/news/344250/ (дата обращения: 12.03.2026).

158. Минобрнауки заявило о сохранении числа квот в вузах для иностранных студентов в 2024 году. 14.04.2023 // https://tass.ru/obschestvo/17524541 (дата обращения: 11.05.2024).

159. На каких языках говорит Рунет? 24 сентября 2025 // https://cctld.ru/media/news/kc/38806/ (дата обращения: 22.06.2026).

160. Национальный словарный фонд обещают открыть для пользователей в конце 2025 года. 05.04.2024 //

https://gramota.ru/journal/novosti-i-sobytiya/natsionalnyy-slovarnyy-fond-obeshchayut-otkryt-dlya-polzovateley-v-kontse-2025-goda (дата обращения: 22.07.2025).

161. Нефедова А. Саванна небесная: Россотрудничество открывает новые центры в Африке. 07.11.2022 // https://iz.ru/1420557/alena-nefedova/savanna-nebesnaia-rossotrudnichestvo-otkryvaet-novye-tcentry-v-afrike (дата обращения: 29.05.2024).

162. «Норникель» использует ИТ-технологии для сохранения языков коренных народов Севера. 22.05.2024 // https://eco-tourism.expert/ru/arctic/nornikel-ispolzuet-it-tekhnologii-dlya-sokhraneniya-yazykov-korennykh-narodov-severa/ (дата обращения: 06.08.2025).

163. «Одноклассники» запустили интерфейс на татарском языке // Бизнес ONLINE – 29 августа 2019 // https://www.business-gazeta.ru/print/436808 (дата обращения: 15.09.2020).

164. От алтайского и до якутского: в домене .рф начали регистрацию адресов на языках народов России. 11 августа 2025 г. // https://www.ixbt.com/news/2025/08/11/ot-altajskogo-i-do-jakutskogo-v-domene-rf-nachali-registraciju-adresov-na-jazykah-narodov-rossii.html (дата обращения: 17.08.2025).

165. От полиглота к эксперту: модели mGPT для малых языков России и стран СНГ // https://habr.com/ru/companies/sberdevices/articles/755108/ (дата обращения: 09.08.2025).

166. От традиций к инновациям: цифровизация языков, этнокультурного достояния и медиа // https://yandex.ru/video/preview/15585946243018248191 (дата обращения: 07.08.2025).

167. Парламентская газета. - 27 декабря 2023.

168. Платформа РУДН для изучения русского языка привлекла пользователей со всего мира. 12.12.2025 //

https://russkiymir.ru/news/342134/?sphrase_id=4001341 (дата обращения: 21.03.2026).

169. Плунгян В. Насущная практическая задача для описания языка — это создание его полного электронного корпуса // https://www.kommersant.ru/doc/2718287 (дата обращения: 23.07.2025).

170. Пользователям «Рувики» стало доступно около 10 800 статей на горномарийском языке. 28 августа 2024 // https://www.gazeta.ru/social/news/2024/08/28/23796157.shtml (дата обращения: 31.08.2025).

171. Почему немецкий? 10 причин учить немецкий // https://www.goethe.de/ins/ru/ru/spr/wdl.html (дата обращения: 05.08.2024).

172. Портал "Знания" на базе Большой российской энциклопедии посетили более 12 млн раз. 2022. 21 декабря. URL: https://tass.ru/obschestvo/16651509 (дата обращения: 26.04.2023).

173. Портанский А. Численность русской диаспоры за рубежом продолжает расти. 03.10.2022 // https://www.ng.ru/vision/2022-10-03/8_8555_destiny.html (дата обращения: 22.03.2024).

174. Появилась виртуальная клавиатура с языками КМН // https://nazaccent.ru/content/41834-poyavilas-virtualnaya-klaviatura-s-yazykami-kmn/ (дата обращения: 13.08.2025).

175. Пресс-конференция, посвященная результатам исследований Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) о положении русского языка в странах зарубежья. Ноябрь 2023 г. // https://vk.com/video/@presstass?z=video-210951176_456241127%2Fclub210951176%2Fpl_-210951176_-2 (дата обращения: 22.03.2024).

176. Примаков рассказал о проблемах Россотрудничества из-за санкций Запада. 14.06.2023 // https://iz.ru/1528404/2023-06-14/primakov-

rasskazal-o-problemakh-rossotrudnichestva-iz-za-sanktcii-zapada (дата обращения: 06.08.2024).

177. Путин назвал русский язык скрепой цивилизационного пространства СНГ. 15 октября 2021 г. // https://www.interfax.ru/russia/797516 (дата обращения: 11.03.2024); Путин: Россия уделит особое внимание теме русского языка в СНГ. 18 декабря 2023 г. // https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/12/18/1011603-putin-rossiya (дата обращения: 11.03.2024).

178. Раздел на татарском языке вошел в число самых популярных на РУВИКИ // https://tnv.ru/news/tape/444297-razdel-na-tatarskom-yazyke-voshel-v-chislo-samykh-populyarnykh-na-ruviki/ (дата обращения: 30.08.2025).

179. Ректор КРАГСиУ Нина Нестерова: «Мы сейчас работаем над коми языком для будущих поколений» // Финно-угорский медиацентр // http://finugor.ru/node/26191 (дата обращения: 15.06.2025).

180. Роль интернет-энциклопедий в цифровизации языков России, панельная дискуссия // https://rutube.ru/video/5560c343dd4f758ecce65dc840813bf0/ (дата обращения: 17.02.2025).

181. Российская компания создала шрифты для более чем 150 языков и диалектов РФ // https://news.rambler.ru/politics/51856013-rossiyskaya-kompaniya-sozdala-shrifty-dlya-bolee-chem-150-yazykov-i-dialektov-rf/ (дата обращения: 13.08.2025).

182. Российская молодежь вместо отпуска уезжает жить и трудиться в монастырь: это новый модный способ отдыха // https://www.kp.ru/daily/27650/5001228/ (дата обращения: 28.04.2025).

183. Россия и страны СНГ создали организацию для популяризации русского языка. 13 октября 2023 г. // https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/10/13/1000615-rossiya-i-strani-sng-sozdali-organizatsiyu (дата обращения: 11.03.2024).

184. Россотрудничество готовится открыть 20 «русских домов» в некоторых странах. 04.09.2021 // https://tass.ru/politika/12302683 (дата обращения: 27.06.2024).

185. Рувики наработала на 2,131 млн статей. 27.06.2025 // https://www.comnews.ru/content/239901/2025-06-27/2025-w26/1010/ruviki-narabotala-2131-mln-statey (дата обращения: 22.08.2025).

186. РУВИКИ — новая российская интернет-энциклопедия // https://ru.ruwiki.ru/assistant/01K3EKSBS3PSF8SC4RCSYZNT6E (дата обращения: 24.08.2025).

187. «Рувики»: что за интернет-ресурс. 15.01.2024 // https://www.kommersant.ru/doc/6453575 (дата обращения: 30.08.2025).

188. Русский язык в глобальном контексте: новые горизонты популярности и коммуникации. 28.11.2025 // https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/11/28/russkii-yazik-v-globalnom-kontekste-novie-gorizonti-populyarnosti-i-kommunikatsii (дата обращения: 21.03.2026).

189. Рудяков А. Этюд о многополярности // Литературная газета. - № 38 (7002). - 24.09.2025 // https://lgz.ru/article/etyud-o-mnogopolyarnosti/ (дата обращения: 05.10.2025).

190. Русский язык за пределами России: как поддержать тех, кто его любит и хочет знать. 15.01.2024 // https://gramota.ru/journal/stati/yazykovaya-politika/russkiy-yazyk-za-predelami-rossii-kak-podderzhat-tekh-kto-ego-lyubit-i-khochet-znat (дата обращения: 21.03.2024).

191. Русский язык объединит цивилизации? В Москве раскрыли суть проекта МОРЯ. 11 марта 2026 г. // https://dzen.ru/a/abG2ci01AHOW0ULb (дата обращения: 12.03.2026).

192. Сабанцев А. Экосистема Baidu: последние тренды развития и популярные сервисы. 30 мая 2023 // https://vc.ru/asiapacific/710980-ekosistema-

baidu-poslednie-trendy-razvitiya-i-populyarnye-servisy (дата обращения: 27.07.2025).

193. Самая русскоговорящая страна Центральной Азии. Образование, демография и язык как сообщающиеся сосуды. 18 июля 2023 // https://media-mig.ru/world-experience/obrazovanie-demografiya-i-yazyk-kak-soobsshayusshi/ (дата обращения: 14.03.2024).

194. Самые образованные народы Российской Федерации по итогам переписи 2021 г. // https://telegra.ph/Samye-obrazovannye-narody-Rossijskoj-Federacii-po-itogam-perepisi-2021-g-01-04 (дата обращения: 12.06.2025).

195. Самые распространенные и редкие родные языки в России. 23.02.2023 // https://www.kommersant.ru/doc/5841263 (дата обращения: 18.07.2025).

196. Сапрыгина Ю. От иностранного до государственного: каков статус русского языка в постсоветских странах. 2023. 13 марта. URL: https://russkiymir.ru/publications/311232/ (дата обращения: 20.03.2023).

197. Сбербанк сохранит редкие языки народов России с помощью искусственного интеллекта. 02.11.2018 // https://planet-today.ru/novosti/press-relizy/item/94582-sberbank-sokhranit-redkie-yazyki-narodov-rossii-s-pomoshchyu-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 09.08.2025).

198. Сергей Кравцов: «Создание Евразийской ассоциации поддержки русского языка откроет новые возможности для развития единого образовательного пространства Евразии». 19 марта 2025 г. // https://edu.gov.ru/press/9538/sergey-kravcov-sozdanie-evraziyskoy-associacii-podderzhki-russkogo-yazyka-otkroet-novye-vozmozhnosti-dlya-razvitiya-edinogo-obrazovatelnogo-prostranstva-evrazii/ (дата обращения: 22.03.2025).

199. Сердечнова Е. «Когда для одного человека родной киргизский, а для другого узбекский – говорить они будут на русском» // Культура. – 31 августа 2023. – С. 17.

200. Сметанина С. Насколько конкурентен русский язык в мире? 2020. 10 декабря. URL: https://russkiymir.ru/publications/281326/ (дата обращения: 24.04.2025).

201. Сметанина С. Онлайн-школа СПбГУ: российское образование для детей соотечественников. 09 ноября 2023 г. // https://russkiymir.ru/publications/319663/ (дата обращения: 24.03.2025).

202. Совещание на тему «О повышении привлекательности российского образования для иностранных граждан, обучающихся в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации». 19.04.2023 // http://science.council.gov.ru/activity/activities/other_activities/146322/ (дата обращения: 10.05.2024).

203. Солдатов А. Как цифровизация помогает сохранить языки коренных народов России // Грамота.ру [Сайт]. URL: https://gramota.ru/journal/stati/tekhnologii/kak-tsifrovizatsiya-pomogaet-sokhranit-yazyki-korennykh-narodov-rossii (дата обращения: 15.06.2025).

204. Сорокин Н. Понимать по-русски. Великий и могучий язык Евразийской протозоны. 31.03.2024 // https://zavtra.ru/blogs/ponimat_po-russki (дата обращения: 06.08.2024).

205. Справочная служба // https://gramota.ru/spravka (дата обращения: 22.07.2025).

206. Спустя два года заработал сервис, который должен учить языку Тукая не хуже Education First. 01.08.2025 // https://m.business-gazeta.ru/article/679132 (дата обращения: 11.08.2025).

207. ТЕХНО – Большая история про малые языки. Выпуск №02/Декабрь 2021 г. Машинный перевод // https://techno.yandex.ru/machine-translation/on-small-languages (дата обращения: 29.07.2025).

208. «Умная колонка будет мультиязычной: говоришь Һомай - отвечает по-башкирски, говоришь іВика - отвечает по-марийски». 22 ноября 2023 г. // https://dzen.ru/a/ZV2hizDDfHc9mhZs (дата обращения: 11.08.2025).

209. Успешные цифровые языковые практики коренных малочисленных народов Российской Федерации // https://lingvo.kmnsoyuz.ru/apps/ (дата обращения: 12.08.2025).

210. ФАДН: Опыт стран БРИКС в сохранении языкового многообразия будет полезен России. 29 августа 2024 г. // https://nazaccent.ru/content/42740-fadn-opyt-stran-briks-v-sohranenii-yazykovogo-mnogoobraziya-budet-polezen-rossii/ (дата обращения: 08.10.2025).

211. Физика, татарский язык и не только: что чаще всего искали пользователи РУВИКИ? 27.06.2025 // https://53news.ru/novosti/fizika-tatarskij-yazyk-i-ne-tolko-chto-chashhe-vsego-iskali-polzovateli-ruviki.html (дата обращения: 30.08.2025).

212. Филиппов И.С. Свод научных знаний или ресурс для всех? 28 октября 2024 г. // https://www.ng.ru/ideas/2024-10-28/7_9124_encyclopedia.html (дата обращения: 31.08.2025).

213. Фонду «Моя история» переданы задачи продвижения русского языка и образования за рубежом. 09.04.2024 // https://iz.ru/1679568/2024-04-09/fondu-moia-istoriia-peredany-zadachi-prodvizheniia-russkogo-iazyka-i-obrazovaniia-za-rubezhom (дата обращения: 02.06.2024).

214. Хрулева Е. Как эффективно продвигать русский язык за рубежом и сохранить языковое многообразие в России? 19.02.2024 // https://russkiymir.ru/publications/322774/ (дата обращения: 06.08.2024).

215. Цифровая платформа Национального словарного фонда будет запущена к концу 2025 года. 04.04.2024 // https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/81204/?lang=ru (дата обращения: 22.07.2025).

216. Цифровизация языков – актуальная проблема современности // https://arcticcapital.ru/2025/01/24/ayana-3/ (дата обращения: 12.08.2025).

217. Число изучающих русский язык в мире упало в 2 раза со времен распада СССР. 28.11.2019 // https://www.rbc.ru/society/28/11/2019/5ddd18099a79473d0d9b0ab1 (дата обращения: 22.03.2024).

218. Что такое монастыринг и почему появился новый молодежный тренд на трудничество. Режим доступа: https://www.forbes.ru/young/525157-cto-takoe-monastyring-i-pocemu-poavilsa-novyj-molodeznyj-trend-na-trudnicestvo (дата обращения: 28.04.2025).

219. Шимов В. Антироссийский курс превращает страны Прибалтики в «пороховую бочку» Европы. 11.01.2024 // https://eurasia.expert/antirossiyskiy-kurs-prevrashchaet-strany-pribaltiki-v-porokhovuyu-bochku-evropy/ (дата обращения: 28.03.2024).

220. Эксперты рассказали, почему в России пора заблокировать «Википедию». 28.05.2025 // https://regnum.ru/news/3967576 (дата обращения: 21.08.2025).

221. About us // https://www.britishcouncil.org/about-us (дата обращения: 03.08.2024).

222. GigaChat будет обучен удмуртскому языку // https://pp.udmurt.ru/press_center/news/udmurtskaya-respublika-i-sber-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve/ (дата обращения: 09.08.2025).

223. Karfis O. TV5MondePlus – A Free French Language Streaming Service. 07.06.2021 // https://www.frenchtoday.com/blog/french-culture/free-french-streaming-service/ (дата обращения: 10.03.2025).

224. Learn English // https://www.britishcouncil.org/english (дата обращения: 03.08.2024).

225. Zilber A. «Nobody should trust Wikipedia», its co-founder warns: Larry Sanger says site has been taken over by left-wing 'volunteers' who write off sources that don't fit their agenda as fake news. 16 июля 2021 г. //

https://www.dailymail.co.uk/news/article-9793263/Nobody-trust-Wikipedia-founder-Larry-Sanger-warns.html (дата обращения: 22.08.2025).

ЛИТЕРАТУРА

226. Аверьянов В., Баранов С., Гапоненко А., Елисеев А., Комогорцев А., Стариков А. Доктрина Русского мира. 26 сентября 2016 г. // https://izborsk-club.ru/10269 (дата обращения: 17.01.2025).

227. Айширинь Жумабай, Чжао Лю. Языковая политика Шанхайской Организации Сотрудничества // Современная языковая политика в мире: теория и практика. – М.: ИМЛИ РАН, 2022. – С. 244-266.

228. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 367 с.

229. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000. – 224 с.

230. Алпатов В.М. Двадцать лет спустя // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция, Москва, 21-24 июня 2010 г.: доклады и сообщения. – М.: Тезаурус, 2010. – С. 1-6.

231. Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Сравнительная политика. – 2013. – No 2. – С. 11-22.

232. Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве. Международная конференция. Москва, 14-17 ноября 2018 г. – М.: Языки Народов Мира, 2018. – С. 24-33.

233. Алпатов В. Языкознание: От Аристотеля до компьютерной лингвистики. - М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 253 с.

234. Арефьев А.Л., Голубь А.Р., Камышева С.Ю., Маев И.А., Ольховская А.И., Осадчий М.А., Русецкая М.Н., Хехтель А.С. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Выпуск 2 / под ред. М. А. Осадчего. Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. - 70 с.

235. Арефьев А. Л. Социология языка. Русский язык. Современное состояние и тенденции распространения в мире: монография / под редакцией Г. В. Осипова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 301 с.

236. Арефьев А.Л. Социология языка. Русский язык. Современное состояние и тенденции распространения в мире: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 301 с.

237. Артеев С.П. Этнокультурные и диаспоральные миры // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. Отв.ред. И.С. Семененко. – М.: Весь Мир, 2023. – С. 154-164.

238. Артеев С.П. Транснациональные политические пространства: вопросы политической субъектности. Финно-угорский мир // Вестник Пермского университета. Политология. – 2020. – Т. 14. № 1. – С. 5-17. – DOI 10.17072/2218-1067-2020-1-5-17.

239. Аюпова Л.Л., Ибрагимова В.Л. Содержание понятия «языковая ситуация» в отечественной и зарубежной литературе // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / Под ред. акад. Е.П. Челышева. – М., 2010. – С. 81-90.

240. Бавуу-Сюрюн М.В. Вопросы создания электронных ресурсов тувинского языка: некоторые итоги, неотложные задачи и перспективы // Новые исследования Тувы. – 2016. - № 4. - С. 4–27.

241. Барабанов О., Ньядера И., Полетаев Д., Харитонова Е., Цайзер Н., Нанфоссо Р., Чкония Л. Россия и Африка: аудит отношений. – М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2023. – 55 с.

242. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2000. – 368 с.

243. Баранова В.В. Языковая политика без политиков: языковой активизм и миноритарные языки в России. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. - 238 с. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2580-7.

244. Баринова Д.С. Национальные домены интернета символы государственных границ и безграничных возможностей // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. - №. 5(14). – С. 307 – 314.

245. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 439 с.

246. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 337 с.

247. Белов С.А. Законодательное регулирование статуса государственного языка в Российской Федерации // https://herzena.ru/public/files/articles/С.А.Белов.%20Законодательное%20регулирование_537c978e51477.pdf (дата обращения: 20.07.2025).

248. Белов С.А., Кропачев Н.М. Понятие государственного языка // Вестник СПбГУ. Язык и литература. - 2020. - Т. 17. Вып. 1. – С. 4-21.

249. Белозёров В.К. Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. - 2020. - Т. 13. № 2. - С. 177-194. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-9.

250. Биткеева А.Н. Языковая политика // Язык и общество. Энциклопедия. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – С. 629-636.

251. Биткеева А.Н. Языковая политика // Социолингвистика. – 2021. - № 2 (6). – С. 213-226. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-213-226

252. Бобрышев С.Н. Многоязычные шрифты ПараТайп — основной инструмент обеспечения письменности языков народов РФ // ФАДН. Сборник материалов форума «Языковая политика в Российской Федерации». - М., 2024. - С. 178–185.

253. Борисова Н.В. Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях.– М.: Политическая энциклопедия, 2017 – 189 с. (Политология России).

254. Борисова Н.В., Бородина Л.С. Языковая преференциальная политика как тема и арена баланса / дисбаланса в межэтнических отношениях // Балансируя притязания: этническое региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств / под ред. П. В. Панова. – Москва: Политическая энциклопедия, 2017. — С. 164-165.

255. Боришполец К.П. Русский язык в Центральноазиатском регионе // Вестник МГИМО (Университет). – 2014. - № 2. – С. 63 – 70.

256. Бурлинова Н. Внешнеполитический документ про ценности. 2022. 09 сентября. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/politicheskiy-manifest-o-tom-kto-my-est/ (дата обращения: 20.04.2023).

257. Википедия как оружие информационной войны. 08.02.2023 // https://interaffairs.ru/news/show/38909 (дата обращения: 21.08.2025).

258. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Суверенизация цифровых общественно-политических коммуникаций: анализ академического дискурса // Дискурс ПИ. – 2024. – Т. 21. № 4. - С. 26–47. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_26

259. Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Риски, угрозы и вызовы современных социально-политических коммуникаций в

условиях развития искусственного интеллекта и нейросетевых технологий // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. - 2024. - Т. 20, № 3. - С. 474–494.

260. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2025. – Т. 27. № 3. – С. 520-542.

261. Безруков А., Мамонов М., Сучков М., Сушенцев А. Суверенитет и «цифра» // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2(108). - С. 106 – 119.

262. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 439 с.

263. Биткеева А.Н. Языковая политика // Социолингвистика. – 2021. – № 2(6). – С. 213-226. – DOI 10.37892/2713-2951-2021-2-6-213-226.

264. Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Этноязыковая политика и социолингвистическая вариативность языкового сдвига (на примере Республики Хакасия) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2025. – № 3(122). – С. 44-53. – DOI 10.22204/2587-8956-2025-122-03-44-53.

265. Борисова Н.В. Факторы вариативности языковой политики и языковых режимов в сложноустроенных политиях: дис. … д-ра полит. наук: 23.00.02 / Борисова Надежда Владимировна. – Пермь, 2021. – 320 с.

266. Бурдье П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – 720 с.

267. Бухарин В.В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. - 2016. - №6 (51). - С. 76-91.

268. Бухарин В.В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. - 2016. - №6 (51). - С. 76-91.

269. Васильева Г.М., Щукина Д.А. Рудяков А. Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире: Монография. - М.: Лекрус, 2016. - 320 с. // Мир русского слова. – 2018. – № 1. – С. 112.

270. Вахтин Н., Головко Е. Социолингвистика и социология языка. – СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб, 2004. – 336 с.

271. Винклер М.Э.А., Павлова О.М. Российские практики сохранения, возрождения и развития языков // Институт языкознания РАН, Научный центр по сохранению, возрождению и документации языков России. Итоговые документы, подготовленные в ходе научно-исследовательской работы «Разработка плана и методик сохранения и возрождения языков России». – М., 2021. – 78 с. // https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc3.pdf (дата обращения: 21.07.2025).

272. Википедия как оружие информационной войны. 08.02.2023 // https://interaffairs.ru/news/show/38909 (дата обращения: 21.08.2025).

273. Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. Социолингвистическая типология. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 136 с.

274. Виноградова Е.В., Полякова Т.А. О месте информационного суверенитета в конституционно-правовом пространстве современной России // Правовое государство: теория и практика. - 2021. - №1 (63). - С. 32-49.

275. Воронков Л. Международные организации в глобальном управлении // https://mgimo.ru/about/news/inno/268034/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 11.07.2025).

276. Всероссийские и международные траектории сотрудничества в сфере популяризации русского языка, культуры и литературы за рубежом. По материалам «круглого стола». 6 июня 2022 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2022. – 112 с.

277. Выступление Президента РФ В.В. Путина // Конгресс соотечественников, проживающих за рубежом. Итоговые материалы. 11-12 октября 2001 г. Москва. – М., 2001. – С. 5.

278. Габдрахманова Г.Ф. Язык в системе культурных составляющих этнической идентичности татар в регионах России // Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму. Международный круглый стол (5-6 ноября 2019, Москва). – М., 2019. – С. 44-46.

279. Гарифуллин В.З. «Проблемы освоения социальных сетей национальными СМИ Республики Татарстан // Языковая политика в России: уровни, практики, экспертно-аналитические механизмы: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. – М.: РГГУ, 2022. – С. 161 – 180.

280. Головко Е.В. Баланс языкового равенства. Беседа с чл.-корр. РАН Евгением Головко // https://scientificrussia.ru/articles/sotsiolingvistika (дата обращения: 20.06.2026).

281. Грамматчиков А. Интернет – это симбиоз распределенных элементов // Монокль. – 26 апреля – 25 мая 2026, № 4. – С. 23-25.

282. Гронская Н.Э. Виртуальное пространство языковой политики: конфликтность лингвистического сосуществования // Полис. Политические исследования. - 2004. - № 6. - С. 62-69.

283. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М.: Школа Языки русской культуры, 1998. — 811 с.

284. Гусейнова А.В. Хакасский язык в национальном Интернет-пространстве // Мир науки, культуры и образования. 2017. № 5 (66).- С. 349-351.

285. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории / Отв. ред. И.Ф. Протченко. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 384 с.

286. Доклад Центра политической конъюнктуры «Матрица вмешательства. Инверсия и мультипликация». 2026 // https://drive.google.com/file/d/1wv7OahSBnfdDeatGM_fETWDZcoJ6XqsO/view?pli=1 (дата обращения: 22.06.2026).

287. Дырхеева Г.А. Бурятский язык: современное состояние, проблемы и перспективы // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2021. – № 1(34). – С. 44-56. – DOI 10.25693/SVGV.2021.34.1.005.

288. Дьячков М.В. Социолингвистика. – М., 2002. – 48 с.

289. Егоров В., Штоль В. Русский язык – фактор интеграции постсоветского пространства // Международная жизнь. – 2017. - № 12. – С. 88-105.

290. Егоров В., Штольц В. Русский язык в глобальном лингвокультурном пространстве. 30.05.2022 // https://e-cis.info/news/566/100644/ (дата обращения: 14.08.2024).

291. Закамулина М.Н. Франкофонное пространство: идеи, события, политические вызовы // Трансграничные языковые отношения: очерки политической лингвистики / Под ред. М.Н. Закамулиной, Н.М. Мухарямова. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2008. – С. 101-130.

292. Замятин К.Ю. К постановке проблемы изучения языковой политики как публичной политики: размышления по поводу монографии Н.М. Мухарямова и О.Б. Януш «Языковое устройство российского общества: факторы политической динамики» (Казань, 2022) // Вестник Пермского университета. Политология. – 2023. – Т. 17. № 3. – С. 75-84. DOI 10.17072/2218-1067-2023-3-75-84.

293. Замятин К.Ю. Исследования языковой политики как публичной политики в Российской и мировой науке // Социолингвистика. – 2023. – № 3(15). – С. 29-52. – DOI 10.37892/2713-2951-3-15-29-52.

294. Замятин К.Ю. Почему у нас не получается сохранять языковое многообразие? (I) сохранение языков России, языковая политика и языковая ревитализация // Вестник Пермского университета. Политология. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 137-149. – DOI 10.17072/2218-1067-2024-3-137-149.

295. Замятин К.Ю. Формирование государственной языковой политики после принятия поправок 2020 г. к Конституции: конституционные основы и ограничения // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2025. № 1 (50). – С. 187–198. DOI: 10.25693/SVGV.2025.50.1.014

296. Зиновьева Е. Данные – это новая нефть. Цифровая стратегия ЕС как заявка на глобальное лидерство. 27.02.2020 // https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/dannye-eto-novaya-neft/ (дата обращения: 17.08.2025).

297. Зиновьева Е., Шитьков С. Цифровой суверенитет в практике МО // Международная жизнь. – 2023. - № 3. – С. 38 – 51.

298. Зиновьева Е., Яцзе Б. Практика цифрового суверенитета в России и КНР. 29 мая 2023 г. // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/praktika-tsifrovogo-suvereniteta-v-rossii-i-knr/ (дата обращения: 07.10.2025).

299. Зубов М. Вопросы истории России: серьёзные игры // Эксперт. 05 мая 2023 г. URL: https://expert.ru/2023/05/5/bitva-za-istoriyu-ot-uchebnika-do-kompyuternoy-igry/ (дата обращения: 06.05.2023).

300. Илишев И.Г. Язык и политика в многонациональных обществах: проблемы теории и практики: дис. … д-ра полит. наук: 23.00.01 / Илишев Ильдус Губайдуллович. – Санкт-Петербург, 2000. – 334 с.

301. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 432 с.

302. Ильин М.В. Умножение идеологий, или проблема «переводимости» политического сознания // Полис. Политические исследования. – 1997. - № 4. - С. 78-87.

303. Ильин М.В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. – 2002. - № 3. – С. 5-21.

304. Ильин М.В. Перспективы политического дискурс-анализа в России // Дискурс-Пи: научно-практический альманах. – 2006. – № 1(6). – С. 93-96.

305. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Выпуск 2 / сост. А.Л. Арефьев, А.Р. Голубь, С.Ю. Камышева, И.А. Маев, А.И. Ольховская, М.А. Осадчий, М.Н. Русецкая, А.С. Хехтель; под ред. М.А. Осадчего. — Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. — 60 с.

306. Институт языкознания РАН. Список языков России (2022) // https://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml (дата обращения: 18.07.2025).

307. Иншаков О.В., Фролов Д.П. Лингвистика институциональной экономики. - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – 279 с.

308. Иншаков О.В. Институция и институт: проблема категориальной дифференциации и интеграции // Экономическая наука современной России. – 2010. - № 3. – С. 26-38.

309. Иорданова И. На базе портала «Грамота.ру» создадут единую цифровую платформу русского языка. 02.03.2023 // https://www.gazeta.ru/social/news/2023/03/02/19874359.shtml?updated (дата обращения: 22.07.2025).

310. Исследование положения русского языка в системах образования зарубежных стран // https://ropryal.ru/wp-content/uploads/2024/03/Исследование-положения-русского-языка-в-системах-образования.pdf (дата обращения: 23.03.2024).

311. Итоги работы Россотрудничества за 2022 год // https://rs.gov.ru/app/uploads/2023/03/rossotrudnichestvo-2023-kopiya-4.pdf (дата обращения: 22.04.2024).

312. Казакевич О.А., Кибрик А.А. Концепция языковой политики Российской Федерации: документ, формирующий будущее // Евразийский ежегодник. – 2023. – № 1. – С. 477-481. – DOI 10.22455/2949-5865-2023-1-475-479.

313. Каленчук М. Л. Национальный словарный фонд: новые возможности и перспективы // Русская речь. 2024. № 4. – С. 34–41. DOI: 10.31857/S0131611724040037.

314. Карпова О., Дмитриев А. Реформирование русского правописания: унификация и вариативность // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Коллективная монография. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – С. 109-149.

315. Кастельс М. Власть коммуникации. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 591 с.

316. Келльнер-Хайнкеле Б., Ландау Я.М. Языковая политика в современной Центральной Азии: национальная и этническая идентичность и советское наследие. – М.: Центр книги Рудомино, 2015. – 317 с.

317. Ковалевская Н.В. Лингвистическое измерение мировой политики: Испанофония. – Берлин: Golden Mile GmbH, 2013. – 180 с.

318. Ковачич Л. Китайский Big Tech: от вольного развития к жесткому регулированию. 24 июня 2022 // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskiy-big-tech-ot-volnogo-razvitiya-k-zhestkomu-regulirovaniyu/?sphrase_id=102816216 (дата обращения: 27.07.2025).

319. Горячева М. А. Сферы общения и язык // Язык и общество. Энциклопедия. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – С. 460-466.

320. Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ / Отв. ред. Т.А. Милехина, Р. Ратмайер. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, Языки славянской культуры, 2017. – 632 с.

321. Крысин Л.П. Очерки по социолингвистике. – М.: ФЛИНТА, 2021. – 360 с.

322. Крючкова Т.Б. Языковая политика и реальность // Вопросы филологии. – 2010. – № 1(34). – С. 30-39.

323. Крючкова Т.Б. Языковая ситуация // Язык и общество. Энциклопедия. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – С. 636-640.

324. Кузнецов Е.И. Политика противодействия маргинализации языков // Net.lang: на пути к многоязычному киберпространству: Пер. с англ. / Ред. перевода Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. - М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2014. – С. 299-325.

325. Кунафин А. Языки разные – код один: почему будущее языков зависит от IT-специалистов // ФАДН. Сборник материалов форума «Языковая политика в Российской Федерации». М., 2024. С. 190-193.

326. Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций. – 2020. Т. 15. № 4. С. 48-69. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-03.

327. Кушнерук С.Л. Telegram как социально-политическое и языковое явление: география и проблематика новейших исследований // Политическая лингвистика. - 2023. - № 4 (100). - С. 12-24.

328. Лавров М. Википедия в России и в БРИКС. Проблемы и решения (часть 1). 13 апреля 2022 г. // https://russiancouncil.ru/blogs/mihail-lavrov/wikipedia-in-russia-and-brics-part-1/ (дата обращения: 23.08.2025).

329. Лавров М. Википедия в России и в БРИКС. Проблемы и решения (часть 2). 13 апреля 2022 г. // https://russiancouncil.ru/blogs/mihail-lavrov/wikipedia-in-russia-and-brics-part-2/ (дата обращения: 21.08.2025).

330. Лавров М. БРИКС и Википедия. Часть 3. Руниверсалис. 2022. 23 ноября. URL: // https://russiancouncil.ru/blogs/mihail-lavrov/brics-wikipedia-runiversalis/ (дата обращения: 11.04.2023).

331. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

332. Лассвелл Г. Язык власти // Политическая лингвистика. – 2006. - № 20. – С. 264-280.

333. Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. - М.: Праксис, 2001. - 256 с.

334. Лутфуллина Г.Ф., Иванова Т.К. Тенденции развития интернет пространства татарского языка // Современный ученый. – 2024. – № 2. – С. 187-191. – DOI 10.58224/2541-8459-2024-2-187-191.

335. Марков А. Критическая теория. – М.: РИПОЛ, 2021. – 288 с.

336. Мартынова М.Ю. Языковое богатство России в аспекте федеральной политики и региональных инициатив / М. Ю. Мартынова // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая статистика / Ред. Мартынова М. Ю., Степанов В. В. – М.: ИЭА РАН, 2019. – С. 7-20.

337. Марусенко М.А. Языковая политика Европейского союза: институциональный, образовательный и экономический аспекты. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. – 288 с.

338. Махмутов З.А., Орехов Б.В. Методологические и практические аспекты изучения национальных интернетов России // Русский язык и новые технологии / под ред. М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. - С. 189-199.

339. Махмутов З.А. К вопросу о функциональном взаимодействии русского и национального языков в татарском сегменте Интернета // Русский язык и новые технологии / Коллективная монография / под ред.

М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 214-224.

340. Махмутов З., Габдрахманова Г. Виртуальные татарские сообщества в социальной сети ВКонтакте: особенности и контент страниц // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, А.Р. Ахметзяновой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. - С. 164-205.

341. Машина В.Д. Социальные сети Международной организации Франкофонии: новый инструмент продвижения принципов организации // Франкофония в современном мире: Сборник статей по итогам X международной конференции «Международная организация Франкофонии: история и перспективы» (Санкт-Петербургский Государственный Университет, 20 марта 2021 г.). - СПб.: Скифия-принт, 2021. - С. 41-44.

342. Миками Й., Кодама Ш. Измерение языкового разнообразия в Сети // Net.lang: на пути к многоязычному киберпространству: Пер. с англ. / Ред. перевода Е. И. Кузьмин, А. В. Паршакова – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2014. – С. 127 – 147.

343. Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика // Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Аспект Пресс, 2018. – С. 250-261.

344. Михальченко В.Ю. Законы о языках и языковые конфликты // Языки народов России: перспективы развития. Материалы Международного семинара. – Элиста: АПП «Джангар», 2000. – С. 187-193.

345. Михальченко В.Ю. Варьирование национально-языковой политики в современной Российской Федерации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М.: Тезаурус – Языки Народов Мира, 2014. – С. 24-29.

346. Монтвилов В. Многоязычие в информационном обществе. Российский комитет программы ЮНЕСКО “Информация для всех” // https://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2003/trud/tom1/sec/Doc2.HTML (дата обращения: 08.07.2025).

347. Муронец В.С. Вперед к истокам: обзор подходов к изучению политических предубеждений больших языковых моделей // Политическая наука. – 2025. - № 2. – С. 204 – 226.

348. Мусихин Г.И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» // Общественные науки и современность. – 2010. - № 1. - С. 64-78.

349. Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. Политическая лингвистика как научная дисциплина // Политическая наука. – 2002. - № 3. - С. 45-67.

350. Мухарямов Н.М., Януш О.Б. Историческая интертекстуальность в российском правовом дискурсе о языках // Диалог со временем. – 2020. - Вып. 71. - С. 39-48. https://roii.ru/r/1/71.4

351. Мухарямов Н.М. Языковая политика и политика языка: к вопросу о "действующих лицах" // Вестник Пермского университета. Политология. – 2021. – Т. 15, № 4. – С. 5-15. DOI 10.17072/2218-1067-2021-4-5-15.

352. Мухарямов Н.М., Януш О.Б. Языковое устройство российского общества: факторы политической динамики / Под ред. Г.Ф. Лутфуллиной. – Казань: Отечество, 2022. – 304 с.

353. Мухарямов Н.М., Януш О.Б. К вопросу о мезополитике культурно-языкового многообразия в российских условиях // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2025. - № 3. – С. 10-22.

354. Мухарямов Н.М., Януш О.Б. Тюркоязычный и финно-угорский «миры» как символические языковые пространства // Символическая политика. Малинова О.Ю. (ред.). - М. – 135-154.

355. Мухарямов Н.М. Государственная языковая политика в Российской Федерации: институциональные основания и пространственные

измерения // Многообразие России и российская идентичность. Отчет о Программе научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности. М., 2023. - С. 80-81.

356. Мухарямова Л.М. Языковые отношения: политологический анализ. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 275 с.

357. Мухарямова Л.М. Язык и языковые отношения как предмет политической науки: дис. … д-ра полит. наук: 23.00.01 / Мухарямова Лайсан Музиповна. – М.: 2004. – 406 с.

358. Наумов А.О., Наумова А.Ю., Белоусова М.В. Культурная дипломатия группы БРИКС // Государственное управление. Электронный вестник. - 2023. - № 100. - С. 7–18. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-7-18

359. Неймарк Марк А. Гуманитарная политика России за рубежом: концептуальная перезагрузка // Проблемы постсоветского пространства. – 2022. - № 9(3). – С. 279–288. DOI: https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-279-288.

360. Нерознак В.П. Ареальная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

361. Нещименко Г.П. Социолингвистика как интердисциплинарная наука // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / Под ред. акад. Е.П. Челышева. - М., 2010. – С. 47-57.

362. Никитин А.В., Кувакова И.М., Устинкин С.В. Социально-политические «вызовы», кибер-лингвистическая безопасность и современные акценты государственной языковой политики // Право и государство: теория и практика. – 2022. - № 1 (205). – С. 64–67.

363. Ним Е. Язык и медиа в постсоветском Казахстане. Казахизация VS русификация // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Коллективная монография. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – С. 386 – 414.

364. Ондар Ч.Г., Донгак В.С., Монгуш Д.Ш. Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. – 2023. - № 1. - С. 186-207.

365. Орехов Б., Решетников К. Государственные языки России в Википедии. К вопросу о сетевой активности миноритарных языковых сообществ // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве: монография. - М.: Новое литературное обозрение, 2016. - С. 263-281.

366. Орехов Б. К оценке Википедии как лингвистического источника: сравнительное исследование // Современный русский язык в Интернете / ред. Я.Э. Ахапкина, Е.В. Рахилина. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 310-321.

367. Орехов Б.В., Галлямов А.А. Башкирский сегмент Интернета: семиотика и лингвистика // Русский язык и новые технологии / под ред. М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. - С. 200-213.

368. Орехов Б.В. Русский язык и новые технологии: современное состояние и перспективы исследований» // Русский язык и новые технологии / под ред. М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. - М.: Новое литературное обозрение, 2014. - С. 15-23.

369. Орехов Б., Зайдельман Л., Крылова И., Попов И., Степанова Е. Миноритарные языки России в Интернете: описательная статистика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – 2016. - № 15(22). – С. 452-461.

370. Орешкина М.В. Языковое законодательство в Российской Федерации // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. - С. 835-847.

371. Осадчий М.А. Языковая политика стран БРИКС в виртуальном лингвистическом пространстве // Виртуальная коммуникация и социальные

сети. - 2025. - Т. 4. № 1. - С. 92–102. (In Eng.) https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-1-92-102

372. Отчет о деятельности фонда «Русский мир» в 2020 г. // https://russkiymir.ru/fund/docs/report2020.pdf (дата обращения: 22.04.2024).

373. Павлов Ш. Русский мір: история и История // https://web.archive.org/web/20101030145524 (дата обращения: 17.01.2025).

374. Паршин П.Б. Метанаучные размышления о политической лингвистике: три подхода к становлению исследовательской дисциплины // Современная политическая лингвистика: материалы Международной научной конференции, Екатеринбург, 01–31 октября 2003 года. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. – С. 128-130.

375. Паршин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский центр «Азбуковник», 2002. – С. 181-208.

376. Плакроуз Х., Джеймс Л. Циничные теории. Как все стали говорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого. – М.: Individuum, 2022. – 384 с.

377. Поликанов Д. Роль «мягкой силы» в международных отношениях: современный российский опыт и перспективы. 17.04.2023 // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-myagkoy-sily-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-sovremennyy-rossiyskiy-opyt-i-perspektivy/ (дата обращения: 08.08.2024).

378. Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / Под редакцией Л.Н. Тимофеевой. – Москва: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 327 с.

379. Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: Коллективная монография / Под ред. Л. В. Сморгунова. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 349 с.

380. Рекеда Д. Страны, которые уже не вместе? 26.02.2024 // https://globalaffairs.ru/articles/strany-uzhe-ne-vmeste/ (дата обращения: 15.03.2024).

381. Решение национально-языковых вопросов в современном мире / Под ред. акад. Е.П. Челышева. – М.-СПб.: Златоуст, 2003. – 464 с.

382. Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / Под. ред. акад. Е.П. Челышева. – М., 2010. – 771 с.

383. Рувики представила базу 14 000 героев СССР и России к 80-летию Победы. 05 мая 2025 г. // https://tsargrad.tv/novost/ruviki-predstavila-bazu-14-000-geroev-sssr-i-rossii-k-80-letiju-pobedy_1246428 (дата обращения: 29.08.2025).

384. Руссо Л.-Ж. Разработка и проведение в жизнь языковой политики // Языковая политика в современном мире. – СПб.: Златоуст, 2007. – С. 97-121.

385. Рыклин М.К. Власть и политика (политическая семиология Р. Барта) // Власть: Очерки современной политической философии Запада. – М., 1989. – С. 295-326.

386. Сагитова Л.В. Политика идентичности и ее акторы в условиях социальной трансформации в Республике Татарстан: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.05 / Сагитова Лилия Варисовна. - Казань, 2019. - 428 с.

387. Сафонова Ю.А., Свинцов В.В. Языковая политика и политика «Грамоты». Интернет-портал «Грамота.ру» как инструмент языковой политики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – Том 13, выпуск 9: Филология. – С. 23-28.

388. Сахарных Д.М. Развитие удмуртского национального интернета: преодоление барьеров // Журналистика Удмуртии: история и современность.

К 100-летию удмуртской национальной периодической печати. - Ижевск: УдГУ, 2006. - С. 177-182.

389. Сборник материалов форума «Языковая политика в Российской Федерации». — М., 2022. — 180 с. // https://fadn.gov.ru/press-centr/news/v-moskve-sostoyalsya-v-yubilejnyij-forum-«yazyikovaya-politika-v-rossijskoj-federaczii»/file-download/l-z0859j8j9n8tesjpb0h68evjiqv-3v (дата посещения: 20.04.2025).

390. Сигачев М.И., Артеев С.П. Португальский мир как транснациональное пространство: политическое измерение // Южно-Российский журнал социальных наук. – 2022. – Т. 23. № 2. – С. 37-51.

391. Скаковская Л.Н., Васильева Е.Н. Системный подход государства к проблеме совершенствования языковой политики в Российской Федерации // Лингвистика первой четверти XXI века: тенденции, итоги и перспективы / Под общей ред. А.А. Романова. М.: ФЛИНТА, 2024. - С. 13-26.

392. Смирнова О.А., Кузнецова Н.А. Международная организация «Франкофония» как актор международных отношений: современное состояние, проблемы и перспективы // Власть. – 2023. - № 4. – С. 274-280.

393. Сморгунов Л.В. Сравнительная политология. — Санкт-Петербург: Питер, 2012. – 448 с.

394. Современная политическая наука: Методология / Отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2019. – 776 с.

395. Соколовский С., Филиппова Е. Языковое многообразие и социальное согласие: непростое равновесие // Языковая политика, конфликты и согласие / Отв. ред. С.В. Соколовский, Е.И. Филиппова. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. IV-XI.

396. Соколовский С.В., Филиппова Е.И. Законы и идеологии: политика и управление языковыми ситуациями // Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных

государствах. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2020. – С. 5-18.

397. Солдатов А. Кому и зачем нужен Национальный корпус русского языка // https://gramota.ru/journal/intervyu/komu-i-zachem-nuzhen-natsionalnyy-korpus-russkogo-yazyka (дата обращения: 23.07.2025)

398. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. Политические исследования. - 2002. - № 3. - С. 5-18.

399. Соловьев А.И. Коммуникативизм в исследованиях политики // Современная политическая наука: Методология. – Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект-пресс», 2019. – С. 262-292.

400. 42-е заседание Дискуссионно-аналитического клуба по вопросам языковой политики (ОНЛАЙН) // https://iling-ran.ru/web/ru/workshops/250318_daclp (дата посещения: 20.04.2025).

401. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – 274 с.

402. Спартак С.А. «Цифровой Туран» на постсоветском пространстве: платформенные, технологические и языковые стратегии России // Мифологемы пантюркизма и безопасность России и Евразии в XXI веке. Коллективная монография. - М.: Философский клуб «Цивилизационное будущее России», 2025. - С. 118-156.

403. Степанов В.В. Измерение культурного многообразия России // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика, Казань, 02–06 июля 2019 года / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – Казань: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2019. – С. 140-154.

404. Стрельцова Я.Р. Франкофония: новые подходы Эммануэля Макрона // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. - № 5. Том 68. – С. 28-38.

405. Сулейманов Д.Ш., Гильмуллин Р.А., Хасанова Л.Р. Обучение татарскому языку на основе мультимедиа и Интернет-технологий // Образовательные технологии и общество. – 2013. - №3. Том 16. – С. 664-683.

406. Суханов К.А. Национальные административно-территориальные образования – атавизм или потенциал для самоорганизации национальных меньшинств? // Труды Института государства и права РАН. – 2021. – Том 16. № 5. – С. 164-187.

407. Сущий С.Я. Русские в странах Средней Азии: геодемографические тренды постсоветского периода // Социологические исследования. – 2022. - № 8. – С. 27-46.

408. Тённис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. – 1998. - № 3/4. – 333 – 357.

409. Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекции // Политическая наука. – 2016. - № 2. – С. 74-100.

410. Тихонов А., Мухаметшина Е. Эксперты назвали ключевые сферы для сохранения цифрового суверенитета // https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/06/19/1207078-eksperti-nazvali-klyuchevie-sferi-dlya-sohraneniya-tsifrovogo-suvereniteta?from=copy_text (дата обращения: 22.06.2026).

411. Тишков В.А., Степанов В.В., Функ Д.А., Артеменко О.И. Статус и поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации. Экспертный доклад. – М., 2009.

412. Тишков В.А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 127-144.

413. Тишков В.А. Языки нации // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т. 86. – № 4. – С. 291-303.

414. Толстухина А.Ю., Матвеенков К.Н. Big Tech vs регуляторы: долгосрочный глобальный тренд: рабочая тетрадь №71 / под ред. Е. О. Карпинской, А.Ю. Толстухиной, С. М. Гавриловой. М.: Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», 2022. – 58 с.

415. Торкунов А.В. Институциональные форматы постсоветской интеграции // Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 138 – 146.

416. Фриман Ч. О сферах влияния // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21. № 6. – С. 8 – 36.

417. Хазова Е.В., Матвеева Л.Д., Исакова О.Л. Функционирование коми языка в официальных Интернет-источниках // Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы (16–17 марта 2017 г., Сыктывкар): сб. материалов Международной науч. конф. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2017. – С. 242-247.

418. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. С.В. Шачин, под ред. Д.В. Скляднева. – СПб.: Наука, 2001. – 380 с.

419. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. – М.: Изд-во «Прогресс», 1975. – С. 441-472.

420. Хейфец В. Визит Сергея Лаврова в Латинскую Америку: проверка связи. 28.04.2023 // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vizit-sergeya-lavrova-v-latinskuyu-ameriku-proverka-svyazi/ (дата обращения: 27.03.2024).

421. Хилханова Э.В. Интернет и миноритарные языки России: символическое присутствие или инструмент ревитализации? (На примере бурятского языка) // Монголоведение (Монгол судлал). - 2019. № 4. - С. 967–988. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-967-988.

422. Хилханова Э.В. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. – 2020. – Vol. 16.3. – P. 756-815.

423. Хилханов Д.Л., Хилханова Э.В. Социальные медиа как новая интерактивная среда для сохранения локальных культур и языков // Социология медиакоммуникаций: теория и практика: Монография / Отв. редактор С.В. Черненькая. Москва: Московский городской педагогический университет, 2023. С. 63-80.

424. Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с.

425. Чернов И.В. Международная организация франкофонии: лингвистическое измерение мировой политики. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – 222 с.

426. Чу Ч. Институты Конфуция и их деятельность в странах Центрально-Азиатского региона // Социально-гуманитарные знания. – 2022. - № 1. – С. 282 – 289.

427. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 254 с.

428. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта, 2006. – 256 с.

429. Шабаев Ю.П., Бирин В.Н., Зеленеева Г.С. Государственная языковая политика и проблема формирования общероссийской идентичности: региональные практики. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2024. – 420 с.

430. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 328 с.

431. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. – М., 1977. – 208 с.

432. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 176 с.

433. Шумилов А.В. Digital Politics язык современной политики // PolitBook. – 2019. - № 4. – С. 89-95.

434. Шитьков С. Подходы к изучению цифрового суверенитета в современной политической науке // Международная жизнь. – 2025. - № 5. – С. 90-99.

435. Щедровицкий П.Г. Русский мир и транснациональное русское // https://shchedrovitskiy.com/russkiy-mir/ (дата обращения: 17.01.2025).

436. Шишелина Л. Центральная Европа: три десятилетия после «бархатных революций» // Центральная Европа: тридцать лет по пути реформ. Проблемы, вызовы, перспективы = Central Europe: thirty years of reforms. Problems, challenges, prospects / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук; под ред. Л.Н. Шишелиной / — М.: Институт Европы РАН, 2021. – С. 10 – 21.

437. Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции / Отв. ред. Михальченко В.Ю., Крючкова Т.Б. – М.: Эдториал УРСС, 2000. – 400 с.

438. Языковая политика в современном мире. По материалам Третьего и Четвертного международных семинаров по государственной языковой политике и актуальным проблемам двуязычия (Париж, 2005; Санкт-Петербург, 2005-2006). – СПб.: Златоуст, 2007. – 259 с.

439. Языковая политика в Российской Федерации. Сборник материалов форума (Москва, 16 декабря 2021 г.). – М.: ФАДН, 2022. – 180 с.

440. Языковая политика в Российской Федерации. Сборник материалов форума (Москва, 8-9 декабря 2022 г.). – М.: ФАДН, 2023. – 196 с.

441. Януш О.Б. Латиница в странах Центральной Азии: алфавит, политика, культурное влияние // Лингвокультурология. – 2016. – № 10. – С. 402 – 412.

442. Януш О.Б. Языковая политика онлайн в трансграничных перспективах (на примере финно-угорского сообщества) / О. Б. Януш // Международные отношения и общество. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 21-34.

443. Януш О.Б. Языковая политика онлайн в региональных измерениях / О. Б. Януш // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 4. – С. 30-53. – DOI 10.24412/2071-6141-2023-4-30-53.

444. Януш О.Б. Языковые ресурсы гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: цифровые составляющие / О. Б. Януш // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 4. – С. 962-973. – DOI 10.22363/2313-1438-2023-25-4-962-973.

445. Atkinson D. Catalan on the Internet and the .ct and .cat campaigns // Journal of Languages and Politics. – 2006. – No. 5(2). – P. 239–249.

446. Barakos E. Language Policy and Critical Discourse Studies: Toward a Combined Approach // Discursive Approaches to Language Policy / Ed. by Elisabeth Barakos and Johann W. Unger. – L.: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 23-50.

447. Blommaert J., Kelly-Holmes H., Lane P., Leppänen S., Moriarty M., Pietikänen S., Piiranen-Marsh A. Media, multilingualism and language policing: an introduction // Language Policy. – 2009. – No 8. – P. 203-207.

448. Blommaert J. The sociolinguistics of globalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 213 p.

449. British Council. 2022–23 Annual Report and Accounts // https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/britishcouncil_annualreport_2022-23.pdf (дата обращения: 13.04.2023).

450. Ceberio K., Gurratxaga A., Soria C., Russo I., Quochi V. How to Use the Digital Language Vitality Scale. - http://www.dldp.eu/sites/default/files/documents/DLDP_Digital-Language-Vitality-Scale.pdf (дата обращения: 18.12.2025).

451. Codó E. Language Policy and Planning, Institutions, and Neoliberalisation // The Oxford Handbook of Language Policy and Planning / ed. by James W. Tollefson and Miguel Pérez-Milans. — Oxford: Oxford Univ. Pr., 2018. - P. 467-484.

452. Cooper R. Language planning and social change / R. Cooper. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1989. – P. 98; Kaplan, R. Language Planning. From Practice to Theory / R. Kaplan, R. Baldauf. – Clevedon: MULTILINGUAL MATTERS LTD, 1997. – P. 52-58.

453. Cormack M. Concluding Remarks: Towards an Understanding of Media Impact on Minority Language Use // Social Media and Minority Languages: Convergence and the Creative Industries. - Bristol: Multilingual Matters, 2013. – P. 432.

454. Crystal D. Language and the Internet. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 304 p.

455. Cunliffe D. & Herring S. Introduction to Minority Languages, Multimedia and the Web // New Review of Hypermedia and Multimedia. – 2006. - 11:2. – P. 131-137. DOI: 10.1080/13614560512331392186.

456. Cunliffe D. Minority Languages and Social Media // The Palgrave Handbook of Minority Languages and Communities. Edited by Gabrielle Hogan-Brun G. and O'Rourke B. – London: Palgrave Macmillan, 2019. – P. 451-480.

457. De Varennes F. Language policy at the supranational level // The Cambridge Handbook of Language Policy. Edited by Bernard Spolsky. New York: Cambridge University Press, 2012. – P. 147-173.

458. Dor D. From Englishization to imposed multilingualism: Globalization, the Internet, and the political economy of the linguistic code // Public Culture. – 2004. – 16(1). – P. 97-118.

459. European Union. Languages // https://european-union.europa.eu/principles-countries-history/languages_en (дата обращения: 28.06.2025).

460. Gary F. Simons, Abbey L. L. Thomas, and Chad K. K. White. Assessing Digital Language Support on a Global Scale // Proceedings of the 29th International Conference on Computational Linguistics. - Gyeongju, Republic of Korea: 2022, International Committee on Computational Linguistics. – P. 4299-4305.

461. Gazzola M. Language Policy as Public Policy // Language Policy as Public Policy. In: Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning. Palgrave Macmillan, Cham., 2023. – P. 41-71.

462. Georg Rehm G., Way A. European Language Equality. A Strategic Agenda for Digital Language Equality. – Springer, 2023. – 441 p.

463. Gerrand P. Cultural diversity in cyberspace: The Catalan campaign to win the new .cat top level domain // First Monday, Volume 11, Number 1 - 2 January 2006 http://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/1305/1225 (дата обращения: 03.08.2025).

464. Gerrand P. Catalan's Presence on the Internet (1993–2018) // Casanovas, P., Corretger, M., Salvador, V. (eds) The Rise of Catalan Identity. – Springer, Cham, 2019. – P. 261 – 270. https://doi.org/10.1007/978-3-030-18144-4_17

465. Gibson M.A. Framework for Measuring the Presence of Minority Languages in Cyberspace // Linguistic and Cultural Diversity in Cyberspace.

Proceedings of the 3rd International Conference (30 June – 3 July, 2014, Yakutsk, Russian Federation). Moscow: Interregional Library Cooperation Centre, 2015. - P. 61–70.

466. Goethe Institut. Jahrbuch 2022 // https://www.goethe.de/resources/files/pdf329/gi_jahrbuch_22-23_jahrbuch_buch_eng-compressed_2.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

467. Gorham M. Virtual Rusophonia: Language Policy as 'Soft Power' in the New Media Age // http://www.digitalicons.org/issue05/michael-gorham/ (дата обращения: 18.05.2026).

468. Goundar P.R. The Characteristics of Language Policy and Planning Research: An Overview // Sociolinguistics – Interdisciplinary Perspectives / Ed. by Xiaoming Jiang. – Zagreb: In Tech, 2017. – P. 81-88 // https://www.intechopen.com/books/sociolinguistics-interdisciplinary-perspectives/the-characteristics-of-language-policy-and-planning-research-an-overview

469. Grin F. Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. – 281 p.

470. Grin F. Language policy design and programme theory // The Routledge Handbook of Language Policy And Planning. Edited by Michele Gazzola, François Grin, Linda Cardinal, and Kathleen Heugh. – London and New York: Routledge, 2024. – P. 229-243.

471. Hornung M. Bridging Narrative and Language Divide Online? Networked Languages, Soft-Power, and Language Brokering on Russian Social Media // https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recor (дата обращения: 14.06.2026).

472. Hussain S. How the ICANN Community Helped Pave the Way for a More Multilingual Internet. 22 March 2022 // https://www.icann.org/en/blogs/details/how-the-icann-community-helped-pave-

the-way-for-a-more-multilingual-internet-22-03-2022-en (дата обращения: 03.08.2025).

473. Johnson D.C. Language Policy. – N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2013. – 291 p.

474. Johnson D.C. Theoretical Foundations // Discursive Approaches to Language Policy / Ed. by Elisabeth Barakos and Johann W. Unger. – L.: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 11-22.

475. Kaplan R., Baldauf R. Language Planning. From Practice to Theory. – Clevedon: Multilingual Matters LTD, 1997. – 403 p.

476. Kelly-Holmes K. Analyzing Language Policies in New Media // Research Methods in Language Policy and Planning: A Practical Guide, First Edition. Edited by Francis M. Hult and David Cassels Johnson. 2015. John Wiley & Sons, Inc. Published 2015 by John Wiley & Sons, Inc. P. 130-139. URL: https://www.academia.edu/15571297/Anayzing_Language_Policies_in_New_Media (дата обращения: 07.04.2025).

477. Kelly-Holmes H. Multilingualism and Technology: A Review of Developments in Digital Communication from Monolingualism to Idiolingualism // Annual Review of Applied Linguistics. 2019. № 39. – P. 24-39. https://doi.org/doi:10.1017/S0267190519000102).

478. Kelly-Holmes K. Analyzing Language Policies in New Media // Research Methods in Language Policy and Planning: A Practical Guide, First Edition. Edited by Francis M. Hult and David Cassels Johnson. 2015. John Wiley & Sons, Inc. Published 2015 by John Wiley & Sons, Inc. P. 130-139. URL: https://www.academia.edu/15571297/Anayzing_Language_Policies_in_New_Media (дата обращения: 07.04.2025).

479. Kornai A. Digital Language Death // PLOS ONE. - 2013. - No. 8(10). - P. 1 – 11. URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0077056.

480. Krasner S.D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. - Princeton: Princeton University Press, 1999. – P. 3-42.

481. LA FONDATION DES ALLIANCES FRANÇAISES. Rapport D'Activité 2022. P. 45 // https://www.fondation-alliancefr.org/?p=64020 (дата обращения: 13.04.2024).

482. Laitin D. The Tower of Babel as a Coordination Game: Political Linguistics in Ghana // American Political Science Review. – 1994. – Vol. 88. – No 3. – P. 622-634.

483. Laitin D. Language repertoires and state construction in Africa. – Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 1992. — 205 p.

484. Laitin D. Identity in Formation. The Russian-Speaking Population in the Near Abroad. – Ithaca, London: Cornell Univ. Pr., 1998. – 417 p.

485. Lenihan A. The interaction of language policy, minority languages and new media: a study of the Facebook translations application // https://hdl.handle.net/10344/3590 (дата обращения: 04.07.2026).

486. Lenihan A. Investigating language policy in social media: translation practices on Facebook // Seargeant P., Tagg C. (eds) The Language of Social Media. – London: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 208-227. https://doi.org/10.1057/9781137029317_10

487. Lewis H., Royles E. Governance, Complexity, and Multi- Level Language Policy and Planning // The Routledge Handbook of Language Policy and Planning. Edited by Michele Gazzola, François Grin, Linda Cardinal, and Kathleen Heugh. – London and New York: Routledge, 2024. - P. 272-285.

488. Mar-Molinero C. The politics of language in the Spanish-Speaking world from colonization to globalization. - L.; N.Y.: Routledge., 2000. – 260 p.

489. McEntee- Atalianis L.J. International and Supranational Organisations // The Routledge Handbook of Language Policy and Planning. Edited by Michele Gazzola, François Grin, Linda Cardinal, and Kathleen Heugh. – London and New York: Routledge, 2024. - P. 429-443.

490. McGonagle T., Moring T. Language policy and regulation in the old and new media // The Routledge Handbook of Language Policy And Planning.

Edited by Michele Gazzola, François Grin, Linda Cardinal, and Kathleen Heugh. – London and New York: Routledge, 2024. – P. 510 – 522.

491. Melero M., Calvo B., Rodríguez, M., Villegas, M. Language Report Catalan // Rehm, G., Way, A. (eds) European Language Equality. Cognitive Technologies. - Springer, Cham, 2023. – P. 107-110. https://doi.org/10.1007/978-3-031-28819-7_8.

492. Nahir M. Language Planning Goals: A Classification // Language Problems and Language Planning. – 1984. – Vol. 8, Issue 3. – P. 294-327.

493. Net.lang: на пути к многоязычному киберпространству: Пер. с англ. / Ред. перевода Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2014. - 464 с.

494. Noack Ch. The Russian World in Perspective: Comparing Russian Culture and Language Promotion with British, German and French Practices // Politics of the Russian Language Beyond Russia. - Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021. – P. 215 – 240.

495. Paolillo J. How Much Multilingualisn? Language Diversity on the Internet // The Multilingual Internet. Language, Culture, and Communication Online. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 408-430.

496. Paricio-Martin S.J., Martinez-Cortés J.P. New ways to revitalize minority languages: the impact of the Internet in the case of Aragonese // Digithum. The Humanities in the Digital Era. – 2010. – N0.12. – P. 1 – 11.

497. Phillipson R. Political Theory // Handbook of Language & Ethnic Identity / Joshua A. Fishman, ed. – New York: Oxford Univ. Press, 1999. – P. 94-108.

498. Phillipson R. English-Only Europe? Challenging Language Policy. – London: Routledge, 2003. – 240 p.

499. Pimienta D. Internet and linguistic diversity: the cybergeography of languages with the largest number of speakers // Linguapax Review 2021. Language Technologies and Language Diversity // https://www.linguapax.org/wp-

content/uploads/2022/02/LinguapaxReview9-2021-low.pdf (дата посещения: 25.01.2025).

500. Pietikäinen S., Kelly-Holmes H., Rieder M. Minority Languages and Markets // The Palgrave Handbook of Minority Languages and Communities. – London: Palgrave Macmillan, 2019. – P. 293-294.

501. Ricento Th. Historical and theoretical perspectives in language policy and planning // Journal of Sociolinguistics. – 2000. – No 4/2. – P. 196-213.

502. Ricento Th. Language Policy: Theory and Practice – An Introduction // An Introduction to Language Policy. Theory and Method / Ed. by Thomas Ricento. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006. – P. 10-23.

503. Rivera Pastor R. Language Equality in the Digital Age. Brussels: European Parliament, 2017. P. 11. https://doi.org/10.2861/136527

504. Safran W. Postscript: Reflection on States and the Uses of Language // State Traditions and Language Regimes / ed. by Linda Cardinal, Selma K. Sonntag. — Montreal & Kingston: McGill Queen's Univ. Pr., 2015.

505. Schakel A.H., Hooghe L., Marks G. Multilevel Governance and the State // The Oxford Handbook of Transformations of the State. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – P. 269-285.

506. Sheyholislami J. Review. Minority Language Media: Concepts, Critiques and Case Studies. Edited by Mike Cormack and Niamh Hourigan. Clevedon: Multilingual Matters LTD. 2007. 274 pp. // Canadian Journal of Communication. – 2009. – Vol 34. – P. 757-767.

507. Sonntag S.K. State Tradition and Language Regime in the United States: Time for Change? // State Traditions and Language Regimes / ed. by Linda Cardinal, Selma K. Sonntag. — Montreal & Kingston: McGill Queen's Univ. Pr., 2015. – P. 44-61.

508. Sonntag S.K., Cardinal L. Introduction: State Traditions and Language Regimes: Conceptualizing Language Policy Choices // State Traditions and

Language Regimes / Ed. by Linda Cardinal and Selma K. Sonntag. – Montreal & Kingston: McGill Queen's Univ. Press, 2015. – 288 p.

509. Sonntag S. Power and the politics of language // The Routledge Handbook of Language Policy And Planning. Edited by Michele Gazzola, François Grin, Linda Cardinal, and Kathleen Heugh. – London and New York: Routledge, 2024. – P. 189 – 200.

510. Soria C. Towards a Notion of "Digital Language Diversity" // Linguistic and Cultural Diversity in Cyberspace. Proceedings of the 3rd International Conference (Yakutsk, Russian Federation, 30 June – 3 July, 2014). – Moscow: Interregional Library Cooperation Centre, 2015. – P. 111-125.

511. Soria C. Digital Language Vitality Scale and Indicators. Working Draft. DLDP // https://www.academia.edu/34574236/Digital_Language_Vitality_Scale_and_Indicators_Working_Draft (дата обращения: 12.09.2020).

512. Soria C., Russo I., Quochia V., Hicks D., Gurrutxaga A., Anneli Sarhimaa A., Tuomisto M. Fostering digital representation of EU regional and minority languages: the Digital Language Diversity Project // https://www.aclweb.org/anthology/L16-1518.pdf (дата обращения: 12.09.2020).

513. Social Media and Minority Languages Convergence and the Creative Industries / Edited by Elin Haf Gruffydd Jones and Enrique Uribe-Jongbloed. – Bristol: MULTILINGUAL MATTERS, 2013. – 276 p.

514. Stephenson P. Twenty years of multi-level governance: «Where Does It Come From? What Is It? Where Is It Going?» // Journal of European Public Policy. – 2013. - № 20 (6). - P. 817-837.

515. Swaan A. de. Words of the World. The Global Language System. – Cambridge, 2001. – P. 27 33.

516. The Commonwealth. Member countries // https://thecommonwealth.org/our-member-countries (дата обращения: 03.04.2025).

517. The Goethe-Institut. 2022/2023 // https://www.goethe.de/resources/files/pdf313/gi_jahrbuch_22-23_jahrbuch_buch_eng-compressed_2.pdf (дата обращения: 13.04.2024).

518. Tollefson J.W. Language planning and language policy // The Cambridge Handbook of Sociolinguistics / Ed. by Rajend Mithrie. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. - P. 357-376.

519. Varennes F. Language policy at the supranational level // The Cambridge Handbook of Language Policy. Edited by Bernard Spolsky. New York: Cambridge University Press, 2012. – P. 149-173.

520. Wee L. Language policy and planning // The Routledge Handbook of Applied Linguistics / Ed by James Simpson. – N.-Y., Abingdon: Routledge, 2011. – P. 520-531.

521. Wiggers H. Digital Divide: Low German and other Minority Languages // Advances in Language and Literary Studies. – 2017. – Vol. 8. No. 2. – P. 130 – 142.

522. Wiley T.G. The Lessons of Historical Investigation: Implications for the Study of Language Policy and Planning // An Introduction to Language Policy. Theory and Method / Ed. by Thomas Ricento. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006. – P. 140-147.

523. Wodak R., Savski K. Critical Discourse-Ethnographic Approaches to Language Policy // The Oxford Handbook of Language Policy and Planning. – Ed. by James W. Tollefson and Miguel Perez-Milans. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 93-112.

524. Xu W., Sasahara K., Chu J., Wang B., Fan W. and Hu Z. Social media warfare: investigating human-bot engagement in English, Japanese and German during the Russo-Ukrainian war on Twitter and Reddit // EPJ Data Science. – 2025. – № 14. – P. 1-22.

525. Sheyholislami J. Review. Minority Language Media: Concepts, Critiques and Case Studies. Edited by Mike Cormack and Niamh Hourigan.

Clevedon: Multilingual Matters LTD. 2007. 274 pp. // Canadian Journal of Communication. – 2009. – Vol 34. – P. 757-767.

Интернет-статистика

526. Анализ популярных просмотров // pageview.toolforge.org/topviews/?project=tt.wikipedia.org&platform=all-access&date=2020-11&excludes=. – Дата посещения: 23 декабря 2020 г.

527. Анализ популярных просмотров // pageview.toolforge.org/topviews/?project=ba.wikipedia.org&platform=all-access&date=2020-11&excludes=. – Дата посещения: 23 декабря 2020 г.

528. Запросы выполнены с помощью онлайн-сервиса Yandex.WordStat глубиной в два последних года (с июля 2023 года по май 2025 года включительно) для упомянутых выше языков. Диаграмма построена по данным сервиса Yandex.WordStat // Яндекс Вордстат [Сайт]. URL: https://wordstat.yandex.ru/ (дата обращения: 29.06.2025).

529. Таблица построена по данным сервиса Yandex.WordStat // Яндекс Вордстат [Сайт]. URL: https://wordstat.yandex.ru/ (дата обращения: 29.06.2025).

530. Статистика YouTube 2019 // https://exlibris.ru/news/statistika-youtube-2019-infografika/. – Дата посещения: 15 сентября 2020 г.

531. Татарская Википедия // https://ru.wikipedia.org/wiki/Татарская_Википедия. - Дата посещения: 15 ноября 2020 г.

532. ТОП-10 ресурсов // https://webindex.mediascope.net/top-resources. - Дата посещения: 15 сентября 2020 г

533. Tatar language // The Ethnologue [Сайт]. URL: https://www.ethnologue.com/language/tat/ (дата обращения: 20.06.2025).

534. Yakut language // The Ethnologue [Сайт]. URL: https://www.ethnologue.com/ language/sah/ (data obrashcheniya: 20.06.2025).

535. Bashkort language // The Ethnologue [Сайт]. URL: https://www.ethnologue.com/language/bak/ (дата обращения: 30.06.2025).

536. DIGITAL 2023: Kazakhstan. Data Reportal. 2023. 13 February. P. 32. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2023-kazakhstan (дата посещения: 26.04.2025).

537. Udmurt language // The Ethnologue [Сайт]. URL: https://www.ethnologue.com/language/udm/ (дата обращения: 30.06.2025).

538. Methodology // The Ethnologue [Сайт]. URL: https://www.ethnologue.com/methodology/#DLS (дата обращения: 30.06.2025).

539. https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights (дата посещения: 01.02.2025).

540. https://github.com/sil-ai/dls-results/blob/main/List%20of%20all%20DLS%20features.csv (дата посещения: 02.02.2025).

541. https://keyman.com/about/ (дата посещения: 01.02.2025).

542. https://www.ethnologue.com/language/tat/ (дата посещения: 02.02.2025).

543. Internet world users by language. Top 10 Languages [Электронный ресурс]. URL: https://www.internetworldstats.com/stats7.htm (дата обращения: 02.04.2025).

544. STATISTA. Most popular social networks worldwide as of February 2025, by number of monthly active users (in millions) // https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users (дата обращения: 01.10.2025 г.).

545. https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-spring-2025 (дата обращения: 30.09.2025).

546. Historical yearly trends in the usage statistics of content languages for websites. 2023. 25 апреля. URL:

https://w3techs.com/technologies/history_overview/content_language/ms/y (дата обращения: 25.04.2023).

547. Таблица составлена по данным сервиса SpyMetrics. Анализ конкурентов // https://spymetrics.ru/ru (дата обращения: 04.10.2025).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Цифровой профиль трансграничных языковых сообществ

ТЯС	Наличие профильной организации	Наличие профильного ведомства в структуре МО	Наличие специального документа в цифровой сфере	Наличие официального сайта организации, языки сайта	Аккаунты в социальных сетях
Англосфера	+ Commonwealth	-	Commonwealth Cyber Declaration, 2018; A Commonwealth action programme for the digital divide, 2001; mmonwealth Secretariat Strategic Plan 2021/22 – 2024/25	https://thecommonwealth.org английский	X, Facebook, Instagram, LinkedIn, YouTube
Лузофония	+ CPLP	-	Хартия прав и принципов в цифровой среде Сообщества португалоязычных стран, 19 июля 2024 г., Plano Operacional para a Promoção e Difusão da Língua Portuguesa (2021 – 2026)	https://www.cplp.org португальский	Facebook, Instagram, YouTube, Twitter, Flickr, Soundcloud
Русофония	+ МОРЯ	-	-	-	Аккаунты российских ведомств
Франкофония	+ МОФ	Дирекция экономической и цифровой Франкофонии (DFEN)	Стратегия цифровой Франкофонии на 2022-2026 гг.	https://www.francophonie.org французский, английский, арабский, испанский, португальский	X, Facebook, Instagram, LinkedIn, YouTube